

Э. Э. Док Смит

ТРИПЛАНЕТИЕ ПЕРВЫЙ ЛЕНСМАН

Э. Э. Док Смит

СЕРИАЛ
«САГА О ЛЕНСМАНАХ»

Э. Э. «ДОК» СМИТ

**СЕРИАЛ
«САГА О ЛЕНСМАНАХ»**

Книга 1

ТРИПЛАНЕТИЕ

Книга 2

ПЕРВЫЙ ЛЕНСМАН

Санкт-Петербург

АО «СПИКС»

1993

Перевод с английского А. Антошуйского, М. Нахмансона,
О. Трофимова

Смит Э. Э. «Док»

М15 Трипланетие. Первый Ленсман. Фантастические
романы. Пер. с ан. — СПб.: АО «Спикс», 1993.

ISBN 5-7288-0009-2

«Трипланетие» и «Первый Ленсман» являются соответственно первой и второй книгами знаменитого сериала Э. Э. «Дока» Смита о Ленсманах, стражах галактической безопасности и порядка, носителей Концентратора-Линзы, которая предназначена для усиления их ментальных способностей. Сериал включает семь романов, которые выйдут полностью в настоящем издании. В двух первых книгах эпопеи рассказывается история миллионного противостояния двух древних и могучих рас: злобных и жестоких эддориан, которые пытаются создать гигантскую империю в космосе, и обитателей Аризии, мудрых покровителей молодых цивилизаций, нарождающихся в галактике. Неизмеримую бездну лет борется добро со злом, жестокость — с гуманизмом; но вот в эту схватку вступает Земля. Могучий флот ее Галактического Патруля выходит на звездные пути, карая зло и защищая слабых...

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начиная со второго тома собрания сочинений Э. Э. «Дока» Смита, мы приступаем к публикации его крупнейшего сериала о Ленсманах. Этот цикл включает семь романов — «Трипланетие», «Первый Ленсман», «Галактический патруль», «Серый Ленсман», «Вторая стадия», «Дети Линзы» и «Повелители Вортекса» — которые выйдут четырьмя последовательными томами. В заключительную книгу, возможно, будет включен восьмой роман из Ленсмановского цикла, принадлежащий уже не «Доку» Смит, а другому писателю, продолжившему этот сериал.

Мы предполагаем сопроводить сагу о Ленсманах рядом статей, посвященных исследованию этого крупнейшего сериала, одного из первых в американской фантастике. Пока же сделаем несколько предварительных замечаний, которые помогут читателям быстрее разобраться в сути происходящего на страницах романов.

«Док» Смит предлагает нашему вниманию вполне четкую концепцию описываемого им мира. Если говорить современным языком, он исходит из предположения об уникальности разумной жизни во Вселенной. В результате редчайшей флуктуации около одной из звезд нашей Галактики появилась планета, и на ней зародилась разумная жизнь. Ее обитатели, аризиане, древняя и мудрая раса, видят свое предназначение в том, чтобы обогатить Галактику планетами, засеять их жизнью и воспитать в гуманистическом духе миллионы новых юных цивилизаций. Аризиане, которые несомненно символизируют добро, обладают необходимой для выполнения этого грандиозного плана мощью; их ментальная (или телепатическая) сила позволяет мгновенно переноситься в любой уголок космоса, создавать и разрушать миры, конструировать сложнейшие механизмы. Это — созидательная мощь высокогуманных существ, наслаждающихся самим актом творения.

В иной реальности, в ином пространстве-времени, подобная же игра случая породила не менее древнюю и могущественную расу — эддориан. Они также владеют

ментальными силами и практически ни в чем не уступают обитателям Аризии, но их цели совершенно другие. Эддориане одержимы стремлением властвовать — властвовать над разумными созданиями. И, поскольку в их Галактике таковых нет, они, после долгих истребительных войн, объединяются и принимают собственный Великий План, полностью противоположный аризианскому. Планета Эддор начинает перемещаться из реальности в реальность, из галактики в галактику в поисках такого района Вселенной, где были бы обитаемые миры — или хотя бы планеты, на которых может зародиться жизнь. Эддориане не собираются уничтожить эту жизнь; более того — она им совершенно необходима для создания Империи, в которой каждый из них мог бы упиваться властью над собственным миром — или мирами. Обнаружив обильную планетами Галактику Аризии (в которой со временем возникнет и наша Земля), эддориане решают остаться тут. И когда, спустя миллионы лет, на многочисленных планетах расцветают жизнь и разум, эддориане приступают к созданию своей Империи.

Теперь об Аризии. Ее коллективный разум сознает, что борьба с Эддором, с равным противником, не даст ничего. В плане ментальной мощи обе расы практически равны; аризиане не могут уничтожить эддориан, а те, в свою очередь, не способны одержать верх над Аризией. Но в ходе схватки титанов неизбежно погибнет слабая, едва народившаяся жизнь в Галактике; будут распылены планеты, уничтожены звезды — и все разумные существа, обитающие в их системах. Такая истребительная и долгая война безусловно подстегнула бы и изобретательность эддориан, дав им стимул для развития новых и страшных средств уничтожения.

Аризиане решают затаиться. Их Стражи-Наблюдатели будут долгие тысячелетия тайно противодействовать эддорианам во многих мирах, поддерживая в развивающихся обществах все лучшее, благородное, прогрессивное — пока молодые цивилизации не окрепнут настолько, что станут для Аризии равными союзниками в борьбе с Эддором. Одновременно с этой общей стратегией, Аризия осуществляет и тайную генетическую программу, результатом которой должны стать особо выдающиеся представители ряда перспективных цивилизаций, к числу которых относится и наша Земля. Эти

разумные существа, получив от аризиан специальное устройство — Линзу-Концентратор, многократно усиливающую их интеллектуальные возможности — образуют Галактический Патруль и вступят в открытую борьбу с Эддором.

«Трипланетие», заглавный роман сериала, является одновременно и своеобразным введением к нему. В первой главе довольно подробно развивается описанная выше концепция противостояния Аризии и Эддора, Добра и Зла. Безусловно, она аллегорична, что и подтверждается в пяти следующих главах, рисующих фрагменты исторического пути земной цивилизации: гибель Атлантиды, падение Рима и три кровавые войны нашего времени — Первую и Вторую Мировые и будущую атомную. Особо сильное впечатление производят главы о Первой и Второй Мировых войнах; практически в них нет фантастики, и я полагаю, что они отчасти автобиографичны — достаточно вспомнить, что сам Смит, как и его герой Ральф Киннисон, с 1941 года работал на артиллерийском заводе.

Фантастика — настоящая фантастика в жанре «галактических войн» — начинается с седьмой главы. Все, что было раньше — преамбула; теперь же начинается эпоха, когда окрепшие юные цивилизации готовы встать рядом с Аризией на борьбу со Вселенским Злом. Великая битва началась, и Аризия готова раздернуть покров тайны над своим существованием и скрестить оружие с Эддором.

В заключение этого краткого предисловия мне хотелось бы остановиться на вопросе адекватности настоящего переложения на русский язык исходным текстам «Дока» Смита. Отмечу, что буквальной адекватности не существует, и мы недаром назвали данное произведение пересказом, а не переводом. Во вступительной статье к первому тому («Кровавое око Сарпедиона») уже отмечались недостатки «Дока» Смита как писателя; вряд ли он был бы интересен современным читателям без надлежащей переработки. Эта переработка произведена и, если не вдаваться в тонкости дела, она свелась к сокращению некоторых длинот, более глубокой психологической и языковой характеристике героев и мотивации их поступков, более динамичному и современному изложению любовных сцен и описаний многочисленных сражений. Одним словом, мы стремились сохранить тексты «Дока» Смита

почти в первозданном виде там, где они хороши, и выправить, сократить или переделать слабые места.

Теперь, закончив работу над первыми двумя романами о Ленсманах, мы выносим ее на суд любителей фантастики.

М. Нахмансон,
составитель и переводчик

ТРИПЛАНЕТИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДРЕВНИЕ ВРЕМЕНА

Глава 1

АРИЗИЯ И ЭДДОР

Два миллиарда лет... Неизмеримая бездна времени, которую не в силах объять ни разум, ни чувства... Она отделяет нашу эпоху от тех событий, которые положили начало звездным цивилизациям, от первотолчка, исходного импульса, разбросавшего в Галактике семена жизни. И от истоков великого сражения, ареной для которого стала гигантская звездная спираль, на периферии которой мерцала золотистая точка — солнце Земли.

Существовали — и существуют — другие огромные звездные острова, во многом подобные первой Галактике. Но лишь еще один из них отмечен особо, ибо на нем также появилась мыслящая жизнь, стремившаяся к определенным целям, которые представлялись носителям разума единственно верными и достойными их усилий. Но если первая Галактика, над которой властвовала планета Аризия, принадлежала нашему миру, нашей Вселенной, то другая, в пылающем чреве которой таился Эддор, перенеслась в нашу реальность из иного пространственно-временного континуума, из неведомых далей, скрытых завесой чудовищного расстояния и времени. Это произошло около двух миллиардов лет назад — плюс-минус пару сотен миллионов в ту или другую сторону, которые не значили ничего по сравнению с таким огромным темпоральным интервалом. Ошибка в десять процентов, сколь большим временем она бы не выражалась, была несущественной для тех бессмертных созданий, что населяли Аризия и Эддор.

Итак, вторая галактика внезапно возникла на пути первой; затем началось их взаимопроникновение — светила одной вторгались в межзвездную пустоту другой, но, по-прежнему разделенные световыми годами,

сталкивались редко. Таким образом, Проникновение не послужило причиной вселенской катастрофы, хотя большинство звезд в обеих галактиках имели планеты. Впрочем, тогда эти миры были необитаемыми; их происхождение — вероятно, искусственное — пока остается тайной. Как свидетельствуют аризианские источники, в глубокой древности, задолго до начала Проникновения, в их родной галактике была лишь одна солнечная система — их собственная. Но со временем светило, породившее жизнь на одной из своих планет — редчайшая аномалия во Вселенной! — начало стареть, гаснуть, и молодой цивилизации пришлось решать сложнейшую проблему перемещения своей планеты к другому, юному и жаркому солнцу.

Древнейшие записи Эддора — фолианты, магнитные ленты и диски, уцелевшие в его ядовитой атмосфере, — рисуют сходную ситуацию. За много миллионов лет до Проникновения во второй галактике существовала только одна планета, только один мир, в котором возникли жизнь и разум — Эддор.

Итак, миллионылетия две цивилизации разумных созданий, единственные в своих галактиках — и, возможно, во всех прочих Вселенных, — не ведали друг о друге. В момент Проникновения обе расы уже были стары и могущественны — еще одна черта сходства между ними. Обе использовали телепатические силы и владели неизмеримой ментальной мощью.

Аризия напоминала Землю — и климатом, и составом атмосферы, и своим животным миром, и внешнестью населявших ее мыслящих существ. Эддор же был совсем иным. Огромный мир с высокой гравитацией, темный, холодный и мрачный; его океаны состояли из ядовитой желеобразной субстанции, атмосфера казалась едким, вонючим и смертельно опасным для гуманоидных созданий туманом. Эддор был — и останется — уникальной планетой, не похожей на остальные миры в обеих галактиках; это обстоятельство долгое время казалось загадочным и непостижимым, пока не стало ясно, что эддорианский планетоид возник в другой Вселенной, в ином пространственно-временном континууме, который принципиально отличается от нашего.

Обитатели Аризии и Эддора различались столь же сильно, сколь непохожими были их планеты. Аризиане прошли обычный путь исторического развития: каменный век, дикий и безжалостный; не менее жестокие

и варварские времена бронзы и железа; век пара, столетие электричества, эпоха атомной энергии. Вполне возможно, что все эти ступени, по которым они поднимались к вершинам цивилизации, являют собой типичный путь для всех прочих гуманоидных обществ, ибо не кто иной, как обитатели Аризии, засеяли спорами жизни бесчисленное количество миров обеих галактик — в том числе, и Землю.

Несомненно, существовали и зародыши иной жизни — эддорианской. Однако они не могли ни выжить, ни начать развиваться в условиях нашего континуума; они нуждались совсем в иной питательной среде, оставшейся за гранью пространства и времени — того пространства и того времени, откуда вынырнула галактика Эддора.

Овладев силами атомной энергии, разорвав цепи тяготения, которые раньше приковывали их к планете, аризияне занялись изучением Вселенной и самосовершенствованием. Задолго до Проникновения они уже не нуждались ни в космических кораблях, ни в телескопах, ни в счетных машинах, ни в роботах, ни в разрушительном оружии. Их разум — могучий, необъятный и стремительный, успевающий за единый миг обождать мириады звезд и планет, заменял им приборы и ракеты, непрочные и недолговечные изделия из металла и пластмасс. Они с интересом наблюдали взаимопроникновение двух галактик — почти невероятное с точки зрения математики событие; они следили за рождением бесчисленных планет, запечатлевая в своей памяти каждую подробность, каждую деталь их развития; они с надеждой и восторгом видели, как в этих мирах, еще недавно пустых и мертвых, зарождается жизнь. Сильные, свободные, вдумчивые, они путешествовали в космических далях в поисках знаний — пока один из них не наткнулся на Эддор.

* * *

Хотя при желании любой из эддориан мог принять человеческий облик, ничего человеческого в них не было. Более всего они походили на амев; однако, несмотря на простоту внутренней организации и мягкие бескостные тела, определение «амевовидные» далеко не полностью отражало их суть. Они были изменчивы и непостоянны; каждый мог переменить не только свой

внешний вид, но и структуру тканей — в соответствии с необходимостью. Для них не составляло труда вырастить любое число конечностей, удобных для выполнения той или иной работы — прочных или хрупких, упругих, эластичных или твердых, как сталь, с суставами или без оных, с пальцами, когтями или щупальцами. Стоило лишь подумать об этом, вообразить — и тело послушно приспособлялось к задаче, подчиняясь разуму.

Обитатели Эддора были бесполы — столь же бесполы, как дрожжи или вирусы. В этом отношении им не было даже отдаленных аналогов в животном мире Земли: они не являлись ни гермафродитами, ни андрогенами, и не размножались партеногенезом. Они просто не имели пола — и, как следствие, не знали радостей любви. Было ли это платой за бессмертие, за то, что гибель их могла наступить только в случае несчастья или насилия? Возможно... Они жили миллионлетия, и лишь тогда, когда кто-либо из них пресыщался бесчисленной чередой веков, возникали две новые жизни — родительская особь делилась пополам. Потомки могли иметь иные способности, иные устремления, но каждый из них владел знаниями, памятью и ментальной мощью своего прародителя.

Если физиология эддориан еще поддается описанию и истолкованию в понятиях, которыми пользуются гуманоидные цивилизации, их разум, их психический мир, их побуждения и пристрастия — тайна за семью печатями. Лишь наблюдая внешние проявления их деятельности, можно обозначить привычными терминами их основные черты. Они являлись существами нетерпимыми, деспотичными, ненасытными и холодными. И они были жестоки — очень жестоки, хотя вряд ли у них имелось такое понятие, как жестокость. Они обладали упорным умом, изощренным и аналитическим, и они умели добиваться своего. Но прочие чувства, столь обычные в любом цивилизованном обществе — гуманность и милосердие, дружба, самопожертвование, любовь, гордость, отвага — были им недоступны. И ни один из них даже отдаленно не мог представить, что такое юмор.

Они не были кровожадными по природе — в том смысле, что не стали бы тешиться напрасно пролитой кровью или муками других существ. Ими правила целесообразность; и если во имя определенной цели требовалось уничтожить миллионы, их уничтожали без

колебаний. Бессмысленные убийства не одобрялись — но не потому, что убивать дурно, а лишь из-за отсутствия пользы в совершенном деянии.

И, наконец, вместо великого множества мелких и крупных желаний, надежд и задач, которые ставит перед собой представитель любой гуманоидной цивилизации, у каждого эддорианина была только одна мечта, одна главенствующая цель — власть. ВЛАСТЬ!

Вождеденный и чаемый призрак власти — полной и безраздельной — определял все их поведение. В древности, в те времена, когда Эддор еще пребывал в своей родной Вселенной, планету населяли всевозможные народы, отличавшиеся меж собой так же, как различаются расы Земли. Но стремление у них — у всех и каждого — было одно: власть, ВЛАСТЬ! И потому древняя история Эддора представляется бесконечной, длившейся тысячелетиями войной. А так как война стимулирует технологическое развитие, то эддориане достигли гигантской мощи — к тому времени, когда на планете были уничтожены все живые существа, за исключением горстки победителей.

А затем эти последние, терзаемые неутолимой страстью покорять и властвовать, сцепились друг с другом. Однако средства защиты от чудовищных механизмов уничтожения были столь эффективны, что война зашла в тупик, а цель ее стала совершенно бессмысленной. Ведь власть тем упоительнее, чем большее число разумных существ удалось поработить — и никто из эддориан не желал властвовать лишь над голыми выжженными скалами своей безжизненной планеты.

Тогда немногие уцелевшие пришли к своего рода мирному договору. Так как их собственная галактика оказалась лишенной планет — а, значит, и жизни, — они решили исследовать другие Вселенные, последовательно перемещаясь в них, чтобы выбрать ту, которая будет наиболее подходить для их целей. Они жаждали отыскать такую реальность, в которой каждый эддорианин мог бы стать господином и повелителем огромного и все возрастающего числа миров; и эта соблазнительная перспектива привела к тому, что впервые за всю историю Эддора его обитатели согласились объединить свои ресурсы и трудиться сообща.

Однако они знали, что демократия является неподходящей социальной структурой для общества, ориентированного на войны, порабощение и захват чу-

жого добра; следовательно, демократия и не принималась в расчет. Форма правления могла быть только диктаторской, тиранической — иного пути они не видели. Меж эддориан, как и в случае любых достаточно сложных организмов, существовала дифференциация; они не были идентичны по своим способностям, силе, ментальной мощи и материальным ресурсам. Эти различия, иногда — едва заметные, послужили основой для разделения их общества на два класса — тех, кто руководит, и тех, кто подчиняется.

Один из них, чуть более сильный — и, бесспорно, самый жестокий — стал вождем, фюрером, Владыкой; а около дюжины прочих, слегка уступавших ему в силе и жестокости — его советниками и правительством, получившим впоследствии название Внутреннего Круга. Состав этого своеобразного кабинета варьировался, когда один из его членов испытывал желание уйти и раствориться в двух своих потомках; в этом случае число советников возрастало еще на одну особь. Но иногда ревнивый коллега или какой-нибудь настойчивый подчиненный совершал удачное покушение — и тогда Круг уменьшался.

Такой — и только такой — могла быть форма их сотрудничества, но и она принесла свои плоды. Среди них были поистине замечательные творения разума — гиперпространственный канал и безинерционный привод, который спустя много тысячелетий был воссоздан на Земле. К числу достижений объединенного Эддора относится и способ перемещения в иные Вселенные, благодаря которому их галактика перенеслась в наш мир. Этот несомненный успех послужил поводом для очередного совещания Внутреннего Круга.

«Мы должны решить, подходит ли эта Вселенная для нас, или следует выбрать иное место, — мысли Владыки, холодные и бесстрастные, окутали советников подобно ледяному туману. — С одной стороны, необходимо ждать, пока все эти бесчисленные миры остынут и на них возникнет жизнь, подготовив основу нашей будущей империи. С другой — мы потратили уже миллионы лет на поиски, но ни разу не встретили такого изобилия планет, способных заполнить и нашу галактику, и ту, в которую мы проникли. Возможно, есть даже определенное преимущество в том, что планетные тела этой реальности находятся еще на стадии формирования. Когда на них начнет развиваться жизнь, она

будет под нашим полным контролем. — Владыка сделал паузу, потом ментальный луч его мысли коснулся одного из советников: — Кронгенес, что ты можешь сообщить об изучении других пространств?»

Имя, которое он назвал, не являлось именем в общепринятом значении этого слова; оно было чем-то большим, включая не только мысленное сочетание определенных звуков, но и ментальный образ, телепатический пароль, вместивший жизнь, деяния и личность данного эддорианина.

«Я не обнаружил ничего подходящего, Величайший, — ответная мысль Кронгенеса была столь же холодной, как излучение Владыки. — Ни одна из Вселенных, доступных моим приборам, не обладает даже малой частью планетоидов, обнаруженных в этой реальности».

«Так... Значит, империя будет основана здесь! Есть ли у кого-нибудь возражения? Серьезные возражения?»

Возражений не последовало. Во-первых, возражать диктатору весьма вредно для здоровья; во-вторых, ни один из советников — как и сам Величайший — не знал об аризианах и их созидательной деятельности. Впрочем, в противном случае это ничего бы не изменило, ибо обитатели Эддора органически неспособны признать превосходство над собой другой расы.

«Хорошо, — удовлетворенно излучил Владыка. — Итак, отныне мы... — внезапно он прервал трансляцию и в собрании воцарилась ментальная пауза — молчание, в котором, однако, чувствовалось нечто инородное. Наконец, тишину разорвала мысль вождя — угрожающая и сокрушительная: — Среди нас чужой! Кто ты, прищелец, проникший на совещание Внутреннего Круга?»

«Энфилистор, с планеты Аризия, проходящий обучение».

Его имя тоже являлось ментальным знаком, характеристикой личности юного аризианина; в то время Энфилистор еще не был Стражем-наблюдателем — до появления эддориан его мир не нуждался в Стражах. Но в будущем ему, как и многим другим аризианам, предстояло выполнять эту миссию.

«Простите мое вторжение, но я всего лишь ждал, когда на меня обратят внимание. Я не прочел ни одной вашей мысли... не коснулся ни одного из разумов... Это было трудно, очень трудно! Ведь впервые за миллионы временных циклов мы встретили разумных! —

в беззвучном ментальном голосе юноши звучал восторг. — Мы нашли подобных себе! И теперь...»

«Замолкни, ничтожный! И слушай волю господина! Ты посадишь свой корабль и сообщишь нам, где находится твоя планета — тогда вы останетесь в живых и превратитесь в слуг Эддора. Иначе — смерть!»

Казалось, ответ аризанина был полон любопытства — но не страха, тревоги или благоговения, ожидаемых Владыкой.

«Посадить корабль? Какой корабль? — пришелец как будто недоумевал. — Господин? Слуга? Я уверен, что воспринимаю твои мысли... но не их значение».

«Ты, червь, говоришь с Высочайшим и должен обращаться ко мне только так. Предупреждаю последний раз — приземляйся, или погибнешь!»

«Я готов звать тебя Высочайшим, если у вас так принято. Но насчет всего остального... насчет приземления и гибели... — теперь в тоне Энфилистора сквозила легкая насмешка. — Неужели ты думаешь, что я присутствую здесь во плоти? И уверяю тебя, о самый Высочайший из всех Высоких, которых я когда-либо встречал, ты не сможешь повредить даже грудному младенцу на Аризии! — вдруг ментальный голос юноши стал тихим, и он словно про себя произнес: — Поразительно! Какая необычная, неординарная психика у этого создания! Кажется, оно угрожает и...»

«И убьет тебя, — сухо закончил Владыка, посылая импульс энергии, вполне достаточный, чтобы сжечь мозг любого разумного существа.

Однако Энфилистор без труда отразил ментальный удар и не нанес ответного. Он все еще не покинул собрание, не сбежал и явно не был уstraшен. Члены Круга атаковали объединенной мощью, но не смогли прорваться сквозь телепатическую защиту странного гостя. Парируя выпады разъяренных эддориан, он внезапно начал звать к кому-то — в недоумении, но отнюдь не в растерянности:

«Придите, Старшие! Я попал в ситуацию, с которой не могу разобраться! И я не хочу наносить вред этим существам!»

«Мы, Старшие, объединенный разум Аризии, здесь, — спокойный мощный голос раздался в сознаниях эддориан. Все они вдруг мысленно увидели образ старца — высоколобое лицо в сеточках морщин, яркие глаза, седую бороду. Его губы были плотно сжаты, но

голос продолжал звучать: — Мы ждали вас, пришельцы из иной Вселенной. Что ж, пусть свершится предопределенное... Но сейчас — сейчас вы забудете об Аризии, забудете обо всем, что произошло. Пройдет немало циклов, пока эддориане узнают о нас».

Рокочущий голос смолк, лицо старца исчезло, члены Внутреннего Круга и их вождь остались одни. Как и раньше, они были уверены, что Эддор является единственным вместилищем разума в бесконечном и необъятном космосе.

* * *

А на далекой Аризии тоже был созван совет — гигантский форум всех разумов планеты. И первым задал вопрос юный Энфилистор.

«Почему же вы не убили их? — проходящий обучение был слишком молод и подобная мысль была ему простибельна. — Я понимаю, что такое деяние отвратительно... но разве... разве...»

Он замолчал, прислушиваясь к мерному и могучему гласу Старших.

«Ты еще слишком мало знаешь, ученик... Лишь часть целого, лишь капля в океане, лишь песчинка из горного массива доступны твоему пониманию... — На миг ментальный сигнал угас, потом гулкие мерные слова опять послышались в голове Энфилистора. — Мы не пытались уничтожить пришельцев, потому что не в силах сделать этого. И не по моральным причинам, нет! Слишком цепко держатся за жизнь эти существа. Мы могли бы попробовать убить их... да, могли бы — но такая попытка, весьма вероятно, кончилась бы провалом и блокировала другую возможность — лишить их воспоминаний. А это сейчас важнее. Нам нужно время... циклы и циклы времени!»

Теперь коллективное сознание Старших обращалось ко всем обитателям планеты:

«Мы, Старшие, не тревожили вас до сих пор мрачными прогнозами, ибо до появления Эддора существовала вероятность, что силы зла и тьмы — лишь сон нашего обеспокоенного разума. Но теперь Эддор здесь! И наш сон, наше провидение, не является ошибкой... Общества разумных, их юные цивилизации, которые должны были наполнить жизнью обе галактики, не смогут устоять перед жаждущими власти монстрами. Мы, аризiane, призваны помочь им и защитить их!

Эддориане обладают чудовищной потенциальной мощью. Если они узнают сейчас о нашем существовании, то смогут создать такие механизмы, задействовать такие силы, которые позволяют им блокировать все наши действия. И тогда — тогда они выбросят нас из этой Вселенной, из родной галактики. Нам нужно время; если мы выиграем его — мы выиграем битву. Нам надо дождаться эпохи, когда появятся Линзы-Концентраторы — и разумные существа, представители новых цивилизаций, достойные того, чтобы их носить.

Мы, аризиане, не сумеем справиться в одиночку с Эддором. Но существует возможность — хотя в том еще нет полной уверенности, — что обитатели пока несуществующих миров создадут новую расу, более могущественную, чем наша. И они помогут нам, приняв на свои плечи часть груза по защите гуманоидных цивилизаций».

* * *

Тянулись века и тысячелетия; миллионы лет отлетали в вечность вместе с излучением юных жарких светил. Проходили космические и геологические эры. Планеты, дети звезд, остыли, покрылись плотной корой, в трещинах ее зазмеились реки, во впадинах — засинели океаны. Поднялись горы, выплеснули обжигающую магму вулканы, молодые миры окутал полог атмосферы. Появилась жизнь. Возникшая из рассеянных аризианами спор, она начала расти, крепнуть, развиваться, стремясь к вершине обетованной — к разуму. Одна сила — Аризия — поддерживала ее на этом долгом пути; другая — Эддор — жадно ждала, мечтая оплести своими щупальцами все миры, все звезды, обе галактики, Вселенную.

ГИБЕЛЬ АТЛАНТИДЫ

1. ЭДДОР

«Членам Внутреннего Круга: где бы вы ни были и чем бы вы ни занимались, слушайте, — передавал Владыка. — Анализ поступившей информации показывает, что в целом Великий План воплощается в жизнь вполне удовлетворительно. Существуют, однако, четыре планеты, на которых нашим агентам не удастся контролировать ситуацию: Сол III, Ригель IV, Велантия III, Полэн VII. Все эти миры находятся в иной галактике. То, что происходит в нашей, не вызывает проблем.

Первая из четырех названных планет развивается особенно быстро. За незначительное время, прошедшее с момента предыдущей инспекции, ее население овладело атомной энергией и двинулось по пути, который абсолютно не соответствует нашим основным принципам. Наши агенты, посчитавшие, что сумеют обойтись без докладов вышестоящим и вызова помощи, должны быть строго наказаны. Неудача — какая бы причина не вызвала ее — недопустима».

Ментальный голос Владыки, сухой и резкий, достиг каждого из советников; сейчас он гудел угрожающими ударами колокола.

«Гарлейн, член Круга, ты займешься Солом III. Немедленно! Ты можешь предпринимать любые действия, чтобы восстановить порядок на планете — наш порядок. Изучи данные об остальных трех мирах; каждый из них может в ближайшем будущем доставить нам неприятности. — Сделав паузу, Высочайший метнул новую мысль: — Тебе нужна помощь? Должен ли еще кто-нибудь из членов Круга присоединиться к тебе? Мы хотим иметь полную уверенность в том, что противодействующие нам силы будут подавлены».

«Нет, Высочайший, — ответил после краткого раздумья Гарлейн, уверенный в своем могуществе и твердости. — Эти дикари стоят на весьма низкой ступени развития, и техника их схожа — так что я смогу управлять всеми четырьмя планетами более эффективно в одиночку, чем с чьей-либо помощью. Я располагаю

данными об этих мирах; там не нужны предосторожности в использовании ментальных сил, ибо только одна раса, велантиане, обладает примитивными познаниями в этой области».

«Я оцениваю информацию аналогичным образом, — заметил вождь, и Круг единогласно согласился с ним. — Приступай, Гарлейн. По окончании представишь нам полный отчет».

«Я иду, Высочайший. И Круг может не сомневаться в успехе».

2. АРИЗИЯ

«Мы, Старшие, сообщаем вам для раздумья и окончательного решения свою оценку ситуации, сложившейся в настоящий момент. Многие из наших молодых коллег — таких, как Эуконидор, недавно удостоенный звания Стража, — просили соответствующие инструкции. Все они еще слишком юны и не способны ни в одиночку, ни в слиянии с объединенным разумом, понять стратегию, которой руководствовались четыре Хранителя Цивилизации — Ниделлор, Кридиган, Дроуни и Бролентин; им неясно, почему эти Старшие совершали в прошлом одни действия и не совершали других, вполне очевидных — и почему в будущем Хранители вынуждены придерживаться строго определенной линии.

Этот анализ, более комплексный и полный, чем проведенный нашими предками в момент Проникновения, согласен с прежним во всех отношениях.

Итак, первое: эддориан можно победить только с помощью ментальной силы.

Второе: эта сила должна быть исключительно велика; ее единственным источником в будущем станет новая мощная организация — Галактический Патруль, над созданием которого мы работаем до сих пор.

Третье: так как ни один аризиянин не способен овладеть подобной силой, необходимо создать расу с соответствующими ментальными способностями, готовую выполнить эту задачу.

Четвертое: став орудием, отражающим эддорианскую угрозу, новая раса в конце концов сменит аризиан в качестве Стражей Цивилизации.

Пятое: эддориане не должны знать о нас до тех пор, пока выигрыш времени не станет очевидным — тогда

они окажутся не в состоянии создать достаточно эффективное оружие, способное нас уничтожить».

Наступило молчание, томительное, долгое.

«Безрадостная перспектива», — прозвучала, наконец, чья-то угрюмая мысль.

«Это не так, младший. Позже ты поймешь, что причин для подобной оценки нет. Когда придет время, каждый аризианин будет готов к переменам. Мы знаем свой путь. Мы не знаем, к чему он ведет, но наша цель в данной Вселенной и в данной фазе существования будет достигнута; затем мы добровольно и радостно перейдем к следующей ступени.

А теперь поразмышляйте над нашим сообщением. Может быть, кто-то из вас, даже самый юный, постигнет частицу истины, упущенной нами или обнаружит нечто, способное спасти одну из многообещающих цивилизаций, обреченных сейчас, как нам кажется, на гибель».

Прошли минуты. Часы. Дни. Новых предложений не поступило.

«Итак, все согласны, что сделанный обзор ситуации является наиболее полным и точным, какой только смог создать общий интеллект Аризии на основании изложенных фактов. Сейчас Хранители Цивилизации сообщают нам, что они сделали в прошлом и что считают необходимым совершить в ближайшем будущем».

Слитый воедино, разум Хранителей был ясен и тверд, как гигантский кристалл алмаза.

«За прошедшее время мы проследили эволюцию разумной жизни на многих планетах, — началось повествование. — Изю всех сил мы оберегали и направляли эти ростки будущего; мы пытались добиться, чтобы как можно больше рас достигло того уровня интеллекта, который необходим для эффективного и сознательного использования Линз — или Концентраторов, без чего нельзя создать Галактический Патруль.

Много циклов мы потратили на индивидуумов четырех наиболее перспективных народов, один из которых сменит нас на посту Стражей Цивилизации. Вначале были отобраны определенные личности; затем мы начали инициировать браки, которые усиливали в потомстве необходимые способности и подавляли нежелательные черты. До тех пор, пока эти качества не будут закреплены в наследственном механизме, никакие выдающиеся ментальные или физические параметры не смогут в корне улучшить каждую из рас.

Однако эддориане уже заинтересовались многообещающей цивилизацией планеты Земли и, очевидно, что они скоро вмешаются в нашу работу в системах Ригеля, Велантии и Полэна. Напомним же, что одна из задач этого совещания — предостеречь аризиан от благородных, но непродуманных поступков. Только мы, Хранители, имеем право доступа к перечисленным мирам, и мы будем действовать в них, пользуясь плотью и разумом, неотличимыми от стандартных для жителей этих планет. Никто не сможет выявить связь между телом-носителем и нашей истинной сущностью, если прочие аризиане не появятся в этих мирах. Эддориане не должны узнать о нас; тут любая случайность должна быть исключена. И Стражам придется бдительно следить за обстановкой, чтобы нелепый случай не погубил тщательно разработанные планы».

«Но ведь все эти цивилизации деградируют, если мы не вмешаемся!» — запротестовал Эуконидор.

«Будущее покажет тебе, младший, что общий уровень интеллекта непрерывно повышается, — прервал его один из Старших. — Он повышается! Даже спады его находятся выше, чем предшествовавший средний уровень. Когда будет достигнута нужная граница, позволяющая использовать Линзы, мы не только раскроем факт своего существования, но и воспользуемся помощью юных миров.

Но один фактор остается неясным... — на миг Старший смолк. — Пока не найден способ, могущий устранить вероятность вычисления нас эддорианами. Конечно, эддориане, в силу своей природы, мыслят скорее механически, чем философски, но это нельзя считать абсолютной гарантией; они способны вычислить нас чисто логически. Эта мысль тревожит меня, так как тщательный статистический анализ ближайших событий на четырех планетах покажет, что они не случайны. И тогда... тогда даже средний интеллект способен раскрыть наше участие. Я полагаю, что мы должны принять во внимание подобную возможность — во всяком случае, нам надо быть готовыми к ней».

«Вопрос поставлен своевременно, — заметил Хранитель Ниделлор. — Да, такая возможность существует. Остается надеяться, что эддориане не проведут подобный анализ до тех пор, пока мы сами не объявим о себе. Но когда это произойдет, они начнут действовать

против нас на четырех лидирующих планетах — и повсюду, в обеих галактиках».

«Мы знаем, что это будут за действия, — объединенный разум Старших был спокоен и ясен. — Мы постоянно следим за их деятельностью и знаем, что пока ситуация не изменилась. Если наметятся перемены, мы снова созовем всепланетный совет разумов. Итак, есть еще проблемы на данный момент? Если все обсуждено, совет закончен».

3. АТЛАНТИДА

Последний удар грома, тучи, медлленно клубившиеся на горизонте, потом — ласковое сияние яркого, словно новорожденного солнца и тихий шепот спокойного океана... Ничто в мире не предвещало катастрофы.

Огромный город раскинулся на побережье. Его каналы, улицы, парки в зелени высоких деревьев, дома, построенные из светло-серого камня, — все сверкало и переливалось, омытое теплым летним дождем. И над этим ослепительным великолепием высилось огромное здание Фаростерии, занятое всевозможными службами; там же находился и личный кабинет самого Фароса — правителя Атлантиды.

Арипонидес, недавно избранный фаросом в третий раз, неподвижно замер у окна. Его старческая сгорбленная фигура казалась чуждой великолепию огромного кабинета: броским дорогим коврам, тяжелой массивной мебели, огромному золотому гербу, висевшему над обитой кожей дверью. Фарос был очень стар. Его лицо, некогда поражавшее своей красотой, было покрыто сетью глубоких морщин, нос с благородной горбинкой и узкими ноздрями резко заострился и только глаза, такие же карие и живые, как в молодости, напоминали прежнего Арипонидеса. Сейчас, глубоко задумавшись, он не видел ни огромного города, шумевшего у его ног, ни тихого голубого океана. Его старческие руки с пергаментной кожей слегка дрожали, когда он сцепил пальцы за спиной. Так он стоял до тех пор, пока вдалеке не раздался стук хлопнувшей двери, возвещавший, что к нему поднимаются посетители.

— Входите, прошу вас. Садитесь. — Фарос устроился в глубоком кресле в конце огромного стола, сделанного из прозрачного пластика. — Не все присутствующие здесь знают друг друга. Я представлю вас, а затем

сразу перейдем к делу. Итак, знакомьтесь: Познаватель Душ — Таломонидес, Политик Клето, Правитель Филатомон, Правитель Марконес, Стратег Артоменес.

Итак, я собрал вас здесь, так как защита этой комнаты от любых подслушивающих устройств абсолютно надежна, чего уже нельзя сказать о наших личных каналах связи.

Усмешки, появившиеся на лицах собравшихся, подтвердили опасения фароса.

— Мы должны обсудить создавшуюся ситуацию и найти приемлемый выход из нее. Каждый из нас уверен только в самом себе и не доверяет соседу... что ж, такова жизнь. Однако наука познания душ обладает большими возможностями, и познаватель Таломонидес заверяет нас, что среди собравшихся здесь нет предателей.

— Крайне беспочвенное заявление, — дородный стратег недоверчиво покачал головой. — Есть ли у вас доказательства, что сам Таломонидес не является главарем какой-нибудь партии или группировки? Заметьте, у меня нет особых причин сомневаться в лояльности познавателя. Он был моим другом в течение двадцати лет и, надеюсь, останется им навсегда. Я только хочу отметить, что любые предосторожности бессмысленны, потому что истинная сущность человека останется тайной в любом случае.

Вы правы, друг мой, — высокий седоволосый Таломонидес поднялся. — Пожалуй, я лучше удалюсь.

— Это тоже не поможет, — Артоменес покачал головой. — Хороший агент подготовлен к любой неожиданности. Уйдете вы, останется еще кто-то, готовый подслушать и предать, — стратег обвел собравшихся сузившимися глазами. — И я предупреждаю, что после этого совещания все присутствующие попадут в поле моего внимания — пристального, очень пристального!

— Кажется, наш досточтимый стратег считает, что разбив нам головы, он сумеет по цвету мозгов определить, кто предатель. Простим ему эту милую слабость, — в словах правителя Марконеса звучал неприкрытый сарказм.

— Братья! Коллеги! — запротестовал Арипонидес. — Пусть мы не можем прояснить до конца сущность человека, но всем известно, какую проверку прошел Таломонидес; и вы знаете, что в этом случае не может быть никаких сомнений. Да, есть вероятность измены,

но она существует всегда! Однако нам надо верить друг другу, иначе все, что мы делаем, обречно на провал. Обречено заранее! Теперь же, сделав это предложение, я хочу перейти к своему докладу.

Одобрительный шум подбодрил старого фароса.

— По всему миру распространяется безумие, — начал он, — безумие, возникшее вслед за появлением ядерной энергии. Но, что бы об этом не говорили, оно не является следствием имперских амбиций Атлантиды. Нельзя возлагать всю ответственность за происходящее на нас одних! Действительно, существующие ныне государства развивались как колонии нашей страны, но мы никогда не пытались навязать им колониальный статус против воли законно избранного их народами правительства. У нас были поистине братские отношения. Атлантида, колыбель человечества, осуществляла общую координацию действий, но она никогда не добивалась права управлять всем и каждым! Решения всегда принимались открытым голосованием.

Но сейчас! К чему мы пришли сейчас! Партии и группировки повсюду — и даже древняя Атлантида заражена этим безумием! Все страны буквально разрываются на части из-за внутренних конфликтов и раздоров. Но это еще не все, далеко не все! Югар завидует богатству Южных Островов, которые завидуют мощи Майя, те, в свою очередь, — Банту, Банту — Екопту, Екопт — Норхейму, а Норхейм — Югару. Порочный круг, полный ненависти и зла! Каждый боится, что его сосед захватит весь мир и, как следствие этого страха, быстро распространяется беспочвенное утверждение, что Атлантида сама собирается превратить остальные государства в данников, а их население — в рабов.

Таково, по моему мнению, сегодняшнее состояние мира. И мы не можем использовать силу для решения споров, ибо рамки демократии не позволяют принимать жестких мер. А посему — вот мое предложение: всемирно ускорить подписание всех соглашений и мирных договоров, над которыми мы сейчас работаем. Подчеркиваю: максимально ускорить все наши действия в области внешней политики, — фарос глубоко вздохнул и повернулся к соседу справа: — А сейчас заслушаем Клето.

— Я согласен с вашей оценкой событий, досточтимый фарос, — политик склонил лысеющую голову. — Однако лично я считаю, что основной причиной всех бед является возникновение большого числа партий,

состоящих из экстремистов и сумасшедших. Связь их с атомной бомбой очевидна; теперь любой придурок, заполучивший эту игрушку, считает себя вправе угрожать всему миру. К сожалению, в некоторых странах у власти стоят именно такие личности, и мои рекомендации вытекают прямо из вашего доклада: надо любой ценой повлиять на избирателей Югара и настоять на быстрейшем подписании договора о контроле над ядерным оружием. У меня все.

— У вас есть письменный текст доклада? — вежливо осведомился познаватель.

— Да, конечно, коллега... прошу вас...

Взяв пергамент, Таломонидес подошел к странному ребристому прибору в углу кабинета; его пальцы быстро забегали по клавишам.

— Теперь слово правителю Филамону, — объявил фарос.

— Насколько я понимаю — как, впрочем, и любой разумный человек, — огромная глыба плоти, состоявшая из множества складок и морщин пришла в движение, навалившись на стол, — осовным вкладом атомной энергии в затопивший нас хаос является полная деморализация труда. Выпуск продукции увеличивается, ее стоимость уменьшается. Пытаясь нагреть руки, наши руководители надели жесточайшую узду на производство и теперь удивляются, что начала падать производительность, а цены подскочили до небес. Одновременно уменьшаются доходы сраны. Выход один: труд должен подчиняться разумным законам. Эти бездельники... эти...

— Я протестую! — тонкий голосок бледного и низкорослого правителя Марконеса, главы департамента труда, заглушил бас Филамона. — Во всем случившемся виноваты промышленники владельцы заводов! Их жадность, ненасытность...

— Минуту! — Арипонидес резко постучал по столу. — Наше время представляет сейчас исключительную ценность, и нельзя тратить его на перебранки! Стыдитесь! Вы оба носите голубые туники и требуете к себе уважения, но ведете себя, как простые торговцы! Думаю, вам уже нечего добавить?

Оба правителя снова попросили слова, но недовольное сопение стратега заставило их примолкнуть; мало кто рисковал сердить Артоменеса. Передав свои доклады Таломонидесу, они приготавились слушать.

— Вам слово, стратег, — Артоменес мягко улыбнулся. — Начинайте, друг мой.

— Вы, фарос, уже сообщили, что нас обвиняют в имперских поползновениях... — стратег скрестил на груди мощные руки. — Конечно, причиной этих подозрений является наша оборонная программа, за осуществление которой я отвечаю. Надо быть слепцом, чтобы этого не заметить, и упрямым, чтобы не признать... а я — ни тот, и ни другой! Но скажите, что я могу сделать? От атомной бомбы нет защиты, а бомб у каждого потенциального противника становится все больше и больше. Неужели я должен оставить Атлантиду беззубой среди оскаливших пасти врагов? — Стратег вызывающе оглядел собравшихся.

— Положим, Артоменес, мы не меньше вашего любим Атлантиду, и никто не собирается вас критиковать, — спокойно произнес фарос. — Мы бы хотели услышать ваше мнение, что делать.

— Я думаю дни и ночи, но не могу найти выхода, приемлемого при нашем демократическом режиме, — губы военачальника презрительно изогнулись. — У меня есть только одно предложение. Основное беспокойство внушают Югар и Норхейм — особенно Норхейм, — и пока что у нас бомб больше, чем у них обоих вместе взятых, а их сверхзвуковые истребители уступают нашим. Так почему бы нам не воспользоваться удобной ситуацией? Начали ходить странные слухи о появившемся у них чудовищном оружии — я как раз собираюсь провести проверку, послав туда своего лучшего агента; если эти слухи подтвердятся, надо немедленно их атаковать, иначе Атлантида погибнет! Атака должна быть сокрушительной — все стереть в порошок! Затем мы предложим объединить все страны под руководством сильного правителя... Только не качайте головами — именно так! В случае неподчинения — любое государство, даже сама Атлантида, должно быть уничтожено.

— Вы сумасшедший! — пискнул Марконес, глядя изумленными глазами на самоуверенного стратега. — Это преступление!

— Несомненно. Это преступление против международных принципов и демократии — к тому же, подобная акция может провалиться. Однако, насколько я понимаю, это наш единственный шанс.

— Вы... мы... мне кажется, подобное предложение рождено слабостью и неуверенностью, — фарос замолчал, уставившись на сцепленные пальцы рук. — Вы, Артоменес, утверждаете в своих докладах, что вам известны все базы и центры обороны противника, но многие из них расположены глубоко под землей и добраться до них будет крайне сложно... вероятность же ответного удара очень велика. По данным Познавателя, все остальные страны будут реагировать крайне негативно, и с их стороны возможна упреждающая атака. Властью фароса я отклоняю ваше предложение. Первыми мы не ударим! — Твердый голос и властное лицо Арипонида не позволяло усомниться в его решении, но, когда взгляды стратега и верховного правителя встретились, Артоменес понял, что его проект одобрен и поддержан. — А теперь слово Таломонидесу.

— Я уже ввел данные в интегратор, — Познаватель Душ нажал на кнопку, и аппарат начал мигать лампочками и щелкать. — И я добавил только один факт... но весьма важный... имя одного из политиков и его официальное заявление о том, что между Югаром и Норхеймом может быть заключен союз...

Он замолчал, так как механизм перестал щелкать и выбросил длинную и узкую ленту с результатами анализа. Познаватель склонился над ней.

— Смотрите — за последнюю неделю подъем на десять процентов! — Таломонидес показал пальцем. — Обстановка ухудшается все быстрее и быстрее. Столкновение неизбежно, и ситуация выйдет из-под контроля приблизительно через восемь дней. И в основе любых действий лежат хорошо продуманные и тщательно рассчитанные планы — за исключением того, что партии и нации намечают себе врага по принципу случайного выбора. Совершенно ясно, что ни одна из стран не способна победить, даже полностью распылив Атлантиду... они скорее уничтожат друг друга и всю цивилизацию! Этот вывод основан на докладе стратега и, скорее всего, окажется справедливым, если не принять немедленные меры. Вы полностью уверены в своих данных, Артоменес?

— Уверен. Но вы говорили про политика, объявившего о союзе Югара с Норхеймом... Кто это?

— Ваш старый друг...

— Ло Сунг! — произнесенные слова были полны ярости и гнева.

— Никто иной... И, к сожалению, нет никакого выхода, даже с минимальной надеждой на успех.

— Тогда используйте силу! — Артоменес вскочил и грохнул по столу кулаком. — Разрешите мне послать два звена ракет — прямо сейчас! — и превратить Югарстоу и Норград в радиоактивную пыль! Тысячи квадратных миль вокруг них станут необитаемыми на пару столетий... вот единственный путь их проучить! Так давайте проучим!

— Сядьте, стратег, — мягко приказал Арипонидес. — Способ, который вы предлагаете, никого не защитит. Он нарушает все Основные Законы нашей цивилизации. Более того, он абсолютно бесполезен, так как в результате все народы Земли будут уничтожены за один день.

— И что же тогда? — горько спросил Артоменес. — Сидеть здесь и ждать, пока уничтожат нас?

— Ну, это совершенно не к чему. Мы собрались здесь, чтобы выработать план. Прямо сейчас! Таломонидес, на основе нашей общей информации, решит, что мы должны делать.

— Выводы будут неприятными, весьма неприятными, — угрюмо объявил ученый. — Единственный путь, с какой-то надеждой на успех — один к восьми, — это меры, предложенные фаросом. Я бы добавил сюда предложение Артоменеса насчет агента... и хорошо бы досточтимому фаросу побеседовать с этим человеком — перед тем, как его отправят... — Таломонидес обвел взглядом сидевших за столом и добавил: — Обычно я не одобряю планов с такой малой вероятностью успеха, но в данном случае речь идет о завершение всего, что мы делали раньше... Думаю, что стоит рискнуть.

— Все согласны? — спросил Арипонидес после недолгого молчания.

Властители страны были согласны. Четверо из них покинули кабинет: Артоменес, сидевший у переговорного устройства, остался.

* * *

Минут через десять в покои фароса вошел худощавый молодой человек — высокий, с быстрыми движениями. Хотя он не смотрел прямо на верховного правителя, в его глазах был вопрос.

— Явился за приказаниями, старший, — он четко отсалютовал стратегу.

— Вольно, — Артоменес вернул приветствие. — Вас вызвали сюда для беседы с фаросом, — он слегка поклонился в сторону Арипонидеса. — Досточтимый, представляю вам разведчика Фригеса.

— Нет, нет, никаких особых указаний, сынок... — рука правителя приветливо легла на плечо разведчика, его мудрые старые глаза смотрели прямо в отливающие золотом светло-карие зрачки юноши; фарос видел пылающую копну его рыжевато-каштановых волос, высокий лоб, решительно сжатые губы. — Я позвал вас сюда, чтобы пожелать удачи — не только от себя, но и от всего нашего народа... может быть, и от всего человечества. Сердце мое восстает против неспровоцированного и необъявленного нападения, но мы можем оказаться перед страшным выбором — выбором между планами наших стратегов и разрушением цивилизации. Вы уже знаете о важности своего задания, и я не буду на этом останавливаться. Но я хочу, чтобы вы знали, разведчик Фригес — все надежды Атлантиды летят с вами в эту ночь.

— Бла... благодарю вас, досточтимый, — Фригес несколько раз сглотнул, чтобы восстановить голос.

Позже, направляясь к аэродрому вместе со своим начальником, молодой Фригес прервал затянувшееся молчание.

— Так вот он какой, наш старый фарос... Он мне понравился, стратег! Я никогда раньше не видел его так близко... в нем что-то есть. Он совсем не похож на моего отца, но у меня такое ощущение, что я знаю его уже тысячу лет.

— Хм-м... Любопытно... Мне показалось, что вы с ним во многом схожи — не во внешности, правда. Я не могу сказать, в чем... но сходство существует.

Хотя Артоменес, как любой другой в его время, не мог объяснить этого, но сходство было — причем и внешнее, и внутреннее: золотистые глаза и «орлиный» взгляд, который много тысячелетий спустя будет ассоциироваться с носителями аризианской Линзы.

— Ну, вот мы и на месте. Твой корабль готов. Удачи, сынок.

— Благодарю вас, старший, Еще одно... Если я... если я не вернусь, вы присмотрите за моей женой и ребенком?

— Обязательно. Они уедут в Северную Майя завтра утром. Они будут жить, что бы ни случилось со мной и с тобой. Еще что-нибудь?

— Нет, спасибо. До свидания.

Корабль напоминал огромное летающее крыло. Обычный грузовой коммерческий рейс. Без пассажиров — их никогда не подвергали перегрузкам, возникавшим в транспортных судах. Фригес посмотрел на панель управления. Ленты с записью курса медленно ползли в приемные щели автоматического пилота, все огоньки горели зеленым. Хорошо. Натянув непромокаемый костюм, он прошел через шлюз в свой противоперегрузочный отсек, вошел в резервуар с водой и приготовился ждать.

Резко взвыла сирена, и ослепительные вспышки включившихся атомных двигателей разорвали ночь. Корабль завибрировал, словно пытался разорваться на части — ту, что стремилась в небеса, и ту, что упрямо не желала покидать землю. Фригеса не беспокоила эта судорожная дрожь. Раньше случалось, что воздушные суда терпели катастрофу при столкновении с атмосферой на скорости звука, но это было достаточно прочным, чтобы неповрежденным миновать опасный барьер.

Адская вибрация прекратилась; теперь фантастическая мощь полета отзывалась только простыми толчками. Фригес знал, что корабль достиг своей крейсерской скорости — две тысячи миль в час. Он заторопился; сдвинул прозрачную крышку и, выплескивая воду на пол, вылез из противоперегрузочной ванны. Затем разведчик снял громоздкий костюм, бросил его в угол и направился в отсек управления. Достав из шкафчика под пультом пару мягких перчаток, он отключил все приборы, способные спасти воздушное судно. Оно упадет в океан, затонет и никогда не будет обнаружено. На всякий случай Фригес тщательно осмотрел контрольный отсек и коридор. Никаких следов — ни царапин, ни отпечатков. Пусть поищут... Итак, до сих пор все идет хорошо.

Теперь назад, к маленькой шлюзовой камере, в которой находится тусклый темный шар спасательной капсулы. Сначала разобраться с креплениями... так... Теперь — открыть наружный клапан...

Он задохнулся, когда воздух, начавший вырываться из разгерметизированного отсека в близкое к вакууму пространство за бортом, подтолкнул капсулу к шлюзу, но

его приучили к таким резким перепадам давления. Разведчик открыл шар: две соединенные полусферы, каждая покрыта изнутри плотной массой, напоминавшей пористую резину. Казалось невероятным, чтобы человек такого роста, как Фригес, — тем более, с парашютом, — сумеет поместиться в таком маленьком пространстве, но это ложе точно соответствовало его телу.

Шар должен был быть маленьким. Корабль — хотя он совершал обычный рейс и шел по расписанию, — тщательно наблюдался с момента входа в область действия норхеймских радаров. Если шар будет невидим на их экранах, то никаких подозрений не возникнет. По крайней мере, до тех пор, пока не будет создано устройство, определяющее на расстоянии присутствие людей на сверхскоростных кораблях.

Фригес терпеливо ждал — до тех пор, пока стрелка на его часах не коснулась нужной отметки. Затем он влез в одну половинку шара, вторая накрыла его и с тихим лязгом защелкнулась. Распахнулся шлюз, шар и заключенный в нем человек полетели в темноту, снижаясь быстро, с огромным ускорением. Если бы воздух на этой высоте был хоть немного плотнее, разведчик погиб бы мгновенно; но все было тщательно рассчитано, и Фригес остался жив.

И в то время, пока шар пулей летел вниз, он исчезал! Это было новым изобретением — пластик, разрушавшийся током воздуха молекула за молекулой; и так быстро, что даже малая частичка не достигла земли.

Исчезли оболочка и пористое ложе. Фригес сбросил остатки своего кокона на высоте в тридцать тысяч футов; совершая сложные движения, он повернулся так, чтобы видеть землю, слабо различимую в первых серовато-розовых лучах рассвета. Он летел сейчас параллельно вытянувшейся внизу ленте шоссе, и он должен был приземлиться от него не дальше, чем в сотне ярдов.

С трудом он поборол желание раскрыть парашют — было еще слишком рано. Ему надо ждать, ждать до последней секунды, потому что купол парашюта слишком велик, а норхеймские радары буквально ползали по небесам своими лучами.

Наконец, снизившись, он потянул за кольцо. Зззи-и-и-и — бап! Парашют раскрылся; стропы резко натянулись — за несколько минут до того, как его ноги почувствовали удар о землю.

Это было близко — слишком близко — к смерти! Бледный и дрожащий, но невредимый, он скатал вздымающееся полотнище вместе со стропами в один тук. Разбил над ним маленькую ампулу и, как только капли жидкости коснулись плотной ткани, она начала растворяться. Ткань не горела, она просто исчезала. Меньше, чем за тридцать секунд от парашюта осталось несколько стальных заклепок и колец, которые разведчик спрятал под аккуратно вырезанным куском дерна.

Он по-прежнему действовал в соответствии с планом. Меньше, чем через три минуты, появятся сигналы, и он определит свое местоположение — если, конечно, норхеймцам не удалось уничтожить всю подпольную организацию атлантов. Он нажал кнопку на маленьком приборе, прикрепленном к запястью, потом опустил его. Линия на шкале вспыхнула зеленым, красным и исчезла.

— О, небо! — он резко выдохнул. Сигнал был мощным; значит, он находился на расстоянии не дальше мили от тайника. Отличный результат! Но красный сигнал советовал не приближаться к промежуточной базе. Киннекса — лучше бы это была Киннекса! — сама доберется к нему.

Как? Воздухом? По дороге? Через лес пешком? Он не мог этого узнать — о связи, даже направленным лучом, нечего было и думать. Фригес выбрался к шоссе и замер, скорчившись под деревом. И снова он ждал, изредка нажимая кнопку.

Длинная, распластанная по земле машина появилась из-за поворота, и разведчик поспешно натянул бинокляры. Это была Киннекса — или ее двойник. Подумав, он снял очки и достал оружие — лучевой метатель и пневматический пистолет. Хотя это не пройдет... Она станет слишком подозрительной... как и положено в подобной ситуации. Ее машина наверняка вооружена, и хорошо... Если он сейчас появится с метателем в руках, она его просто поджарит... Может быть, и нет, но пробовать он не собирался.

Машина замедлила ход. Остановилась. Девушка вышла, осмотрела переднюю шину, затем перевела взгляд на дорогу — теперь она уставилась прямо на укрытие разведчика. В этот момент бинокляры приблизили ее на расстояние вытянутой руки. Высокая стройная блондинка; слегка изогнутая левая бровь, упрямый подбородок... И глаза — карие, с золотистыми искра-

ми; такие встречаются у некоторых атлантов. На верхней губе — небольшой шрам... Этим она была обязана Фригесу; Киннекса всегда соревновалась в игре «полицейский — бандит» с мальчишками намного старше и сильнее ее... Да, это была она! Вся наука Норхейма не могла бы так точно подделать ее лицо! Он знал эту девушку с тех пор, когда она не доставала до колен даже утке.

Киннекса вернулась в кабину, машина медленно поехала вперед. С голыми руками Фригес ступил на дорогу. Автомобиль замер.

— Повернись! Спиной ко мне! Руки назад! — резко приказала девушка.

Удивленный, он повернулся. Но когда почувствовал, как ее пальцы шарят в коротких волосах возле самой шеи, понял, что она ищет — почти неразличимый шрам в том месте, куда она его стукнула, когда ей было семь лет.

— О, Фри! Это ты! Действительно ты! Слава небесам! Я всегда стыдилась этого, но теперь...

Он повернулся и подхватил ее, когда она пошатнулась.

— Ну, садись... Веди машину... Не так быстро! — предупредила она, когда шины взвизгнули, — ограничение скорости здесь около семидесяти, а нам не стоит попадаться.

— Успокойся. Но в чем дело, Кинни? Где Коланидес? Или, точнее, что с ним?

— Мертв. И я думаю, что все остальные — тоже. Они положили его под психоскоп и вывернули наизнанку.

— А блокировка?

— Не устояла. Пока он валялся под психоскопом, с него снимали кожу... Но никто ничего не знал обо мне, и наши отчеты не удалось расшифровать — иначе бы нашли и убили меня. Но все это не имеет значения, Фри... главное — мы опоздали на неделю.

— В каком смысле? Ну, быстрее! Говори! — его голос звучал грубо, но рука, покоившаяся на ее руке, была сама нежность.

— Я говорю так быстро, как могу. Я получила последние сведения позавчера. Их ракеты так же велики и стремительны, как наши — или даже еще мощнее. И они полетят к Атлантиде сегодня... ровно в семь часов.

— Сегодня! Проклятье! — у Фригеса начало мучиться в голове.

— Да, — подтвердила Киннекса низким, лишенным выражения голосом. — И я ничего не могла сделать. Если бы я сумела добраться до какого-нибудь из наших тайников с мощным передатчиком, меня немедленно бы схватили. Я думала и думала, и пришла к мысли, что есть только один план, который мог бы нас спасти, но в одиночку он неосуществим. Разве что вдвоем...

— Продолжай. Я сделаю все, что надо. Ну, Кинни! Никто никогда не мог бы обвинить тебя в отсутствии мозгов, а сейчас вся страна лежит в твоей ладонке!

— Украсть корабль. Зависнуть над базой ровно в семь. Когда сдвинут люк — мчатся вперед на полной скорости и дать сигнал Артоменесу... если у нас будет время до того, как они заглушат нашу волну... Потом... потом встретить их ракету в лоб — в их же собственном канале запуска.

План был нелегким и, безусловно, самоубийственным, но в этот момент не приходилось считаться с жизнью. К тому же, оба разведчика отличались настолько высоким профессионализмом, что ни один из них не видел ничего особенного в подобном безумии.

— Неплохо, — заметил Фригес, — если нет ничего лучшего. Трудность лишь в том, что ты не знаешь, как похитить корабль, верно?

— Вот именно. Я не могу таскать оружие на виду. А в это время года ни одна женщина в Норхейме не оденет пальто или плащ. Посмотри на мое платье... Ну, куда я могу его спрятать?

Фригес оценивающе осмотрел ее, и девушка покраснела.

— Действительно, прятать некуда, — отметил он. — Вообще-то, я предпочел бы один из наших кораблей, если бы могли до них добраться. Ты думаешь, мы сумеем вдвоем справиться с этой операцией?

— Шансов мало. По крайней мере, один из пилотов будет находиться в корабле. Даже если мы перебьем всех снаружи, он улетит прежде, чем мы взломаем дверцу кабины.

— Вероятно... Но продолжай! Ты уверена, что все именно так, как ты сказала?

— Именно так, — безрадостно усмехнулась она. — И я сама жива только потому, что обо мне не знали... — Киннекса порывисто вздохнула. — Впрочем, я не настаи-

ваю на своем плане, если ты можешь предложить что-нибудь получше. У меня есть паспорта и документы на все случаи жизни. Ты можешь стать кем угодно — от трубочиста до банкира из Египта. И я тоже... У меня для нас обоих найдутся документы мужа и жены.

— Милая девочка! — он опустил голову и задумался на несколько минут. — Я не вижу другого выхода. Наше связное судно подойдет не раньше, чем через неделю — и, судя по твоим словам, может не прийти вообще. Но тебе стоит остаться. Я тебя где-нибудь высажу и...

— Нет, — она прервала Фригеса спокойно, но решительно. — Что бы ты предпочел: взорваться, или попасть им в лапы? Вначале — психосканирование... затем с тебя сдерут кожу, посыплют солью... и, если выживешь, четвергуют...

— Итак, мы идем вместе, — решил он. — Муж и жена. Туристы, молодожены из близлежащего городка. Прекрасно подойдет для нашей цели. Найдутся ли такие документы?

— Запросто, — она открыла шкафчик и достала пачку бумаг. — Вот, смотри... Надо будет уничтожить все остальные... И еще тебе придется натянуть одежду, подходящую к твоему фото.

— Хорошо. Дорога впереди идет прямо, и впереди — никаких машин... Дай мне куртку, я переоденусь прямо сейчас. Ехать или остановиться?

— Лучше остановиться, — решила девушка. — Быстрее! Нам надо еще найти место, чтобы спрятать или сжечь весь остальной хлам.

Пока разведчик переодевался, Киннекса собрала все ненужное и завернула в его старую куртку. Потом посмотрела на Фригеса — он как раз застегивался. Ее взгляд остановился на манжетах.

— Где твои метатели? — спросила она. — Они должны выглядывать — хоть чуть-чуть, но я ничего не вижу.

— Метатель у меня в потайном кармане. А на запястьях — пневматические пистолеты с отравленными иглами. Не очень хороши с дальней дистанции, но вблизи смертельны. Одно попадание в любую часть тела — и мгновенная смерть. Максимум за две секунды.

— Отлично, — ее не пугали убийства, эту юную шпионку атлантов. — У тебя, конечно, есть запасные, и я могла бы спрятать их в ножную кобуру. Давай-ка сюда, и покажи, как они действуют.

— Обычные предохранители... тут — спуск... — Он протянул девушке миниатюрный пистолет. Пока они медленно ехали, она внимательно изучала оружие.

День, полный грядущих событий, зарождался. Фригес размышлял о возможных случайностях и, наконец, поколебавшись, произнес:

— Лучше сообщи мне координаты базы... На тот случай, если с тобой что-нибудь случится, и я останусь один.

— О! Конечно! Прости, Фри, — у меня совсем вылетело из головы, что ты не знаешь места. Район шесть точка 4,73 на 6,5.

— Понял.

Он повторил данные и послал машину вперед.

* * *

Молодая пара, празднующая свой медовый месяц, без помех добралась до Норградского Взлетного Поля и, оставив машину на стоянке, прошла в ворота. Их бумаги, включая билеты на ближайший рейс, были в полном порядке; выглядели неброско и не казались подозрительными — обычные молодожены, ни больше, ни меньше. Было шесть часов утра. Уже шесть часов.

Весело прогуливаясь и с любопытством поглядывая по сторонам, они приближались к небольшому строению. Как и говорила Киннекса, на огромном поле и в агнарах рядом с ним находились сотни сверхзвуковых кораблей — пассажирских, транспортных, посыльных. Под ближайшим к ним алюминиевым колпаком стоял остроносый, внешне неуклюжий V-образный флайер. Воздушный разведчик, один из самых быстрых в Норхейме. Полностью оснащенный к полету.

Было слишком самонадеянным считать, что чужакам удастся приблизиться незамеченными. Да они так и не считали.

— Назад! — охранник вышел навстречу. — Вернитесь к своей посадочной площадке. Сюда подходить не разрешается.

Фф-сст... фф-сст... — пневматические пистолеты Фригеса издали тихий смертоносный свист. Киннекса развернулась и побежала — юбка высоко взлетела над стройными ногами. Другие стражи попытались остановить ее, их руки тянулись за оружием, но девушка была

быстрее. Снова раздался негромкий свист, и норхеймцы упали.

Фригес тоже побежал. Его метатель раз за разом выплевывал тонкие струи пламени, не позволяя врагам приблизиться. Над его головой просвистела пуля; разведчик невольно пригнулся, потом точным выстрелом снял нападавшего. Ружья у норхеймцев были плохие, но грохотали они ужасно.

Киннекса была уже рядом с флаером. Открыв дверцу, она привстала на носках; Фригес втолкнул ее в кабину, прыгнул следом и закрыл дверь. Тело девушки тяжело навалилось на его плечо — он перевел взгляд на лицо Киннексы и горько всхлипнул. Маленькая круглая дырочка зияла у нее во лбу, затекая кровью.

Он рванул на себя рычаги, и флаер, словно серебряная стрела, взлетел в небо. Фригес склонился над передатчиком, выкрикивая свои позывные. Никакого ответа — лишь гул помех! Именно этого он и боялся. Норхеймцы перекрыли все частоты, сообщение не дойдет...

Но он еще успеет уничтожить ракету... Или уже только может успеть? Фригес не боялся их истребителей. У него имелся опыт воздушных боев, а этот корабль был одним из лучших, из самых скоростных. Но если враги что-то заподозрили, не запустят ли они ракету раньше семи? Он пытался выжать из своего корабля все возможное.

На полной скорости Фригес достиг базы в тот момент, когда смертоносный снаряд пролетел мимо и растворился в стратосфере. Он резко развернул флаер и помчался следом. Его корабль не обладал таким гигантским ускорением, как ракета, но он успеет перехватить ее до того, как она достигнет Атлантиды — ведь часть пути снаряд пройдет по инерции. Что он сделает с ним, когда догонит, Фригес не знал. Но что он и б у д ь с д е л а е т !

Он настиг ракету и завис над ней, совершив серию стремительных пируэтов — лишь тот, кто сам водил сверхзвуковые корабли, мог бы оценить его искусство. Затем с расстояния сотни футов разведчик сбросил бомбы. Он не мог промахнуться, однако ничего не произошло. Эта дьявольская машина была хорошо защищена от вибраций и ударов!

Теперь оставался только один выход. Не надо больше вызывать Артоменеса, даже если удастся про-

биться через помехи; радары на побережье Атлантиды уже засекли подарок из Норхейма, и стратегу известно о нападении. Все, что надо сделать — сбить с курса ракету!

На полной скорости Фригес устремился вниз и вперед; острый нос его корабля ударил металлический корпус на расстоянии фута от боеголовки. Умирая, он верил, что выполнил свой долг. Ракета Норхейма не долетит до Атлантиды; она рухнет в океан и уйдет под воду. Там глубоко, очень глубоко... Взрыв не причинит вреда континенту.

И еще молодой разведчик надеялся, что Артоменес знает, какая угроза нависла над страной и сможет отвести ее. Это было почти верно; но стратег слишком поздно получил информацию о том, что из Норхейма вылетела не одна ракета, а семь — и еще как минимум пять из Югара. Ответный залп возмездия, произведенный еще до того, как пусковые установки были уничтожены взрывами и землетрясением, стер с лица земли и Норград, и Югарстоу, и тысячи квадратных миль земли вокруг них. Но было поздно. Когда все закончилось, лишь волны бушевали над тем местом, где еще недавно возносились материки.

Глава 3

ПАДЕНИЕ РИМА

1. ЭДДОР

Подобно тому, как два высокопоставленных чиновника какого-нибудь министерства, встретившись в клубе для избранных, праздно судачат о политике, так и Владыка Эддора проводил время с Гарлейном — за чем-то вроде эддорианского эквивалента приятной беседы.

«Ты хорошо поработал на Земле, — отметил Высочайший. — В трех остальных мирах тоже, но с этой планетой намечалось больше неприятностей, чем с ними вместе взятыми. Когда эти последыши цивилизации атлантов так тщательно и добросовестно покончили друг с другом, я думал, что заодно покончено и с тем,

что они называли «демократией». Но похоже, что с этой идеей расправиться нелегко... — ментальная аура Владыки была пронизана отвращением. — Надеюсь, Гарлейн, ты полностью контролируешь ситуацию в их новой империи, в этом Риме?»

«Абсолютно, Митридат, Сулла, Марий, Ганнибал, Цезарь — все они являлись моими ставленниками. Руками этих полководцев, жаждущих крови и власти, я уничтожил практически все толковые мозги в Риме и его диаспоре. Я превратил так называемую демократию в бессмысленный лай толпы голодранцев. А Нерон — мой Нерон — покончит с ней раз и навсегда. Рим погибнет, погибнет быстро и неотвратно; то, что уничтожит Нерон, будет невозможно восстановить.»

«Хорошо. Перед тобой действительно стояла тонкая и сложная задача.»

«Не столь уж сложная... правда, работать приходилось весьма напряженно. В этом-то и состоит вся трудность общения с короткоживущими расами. Они существуют не дольше мига — и так быстро меняются, что трудно не выпустить их из-под контроля. Я хотел было немного отдохнуть, но чувствую, что еще рано. Надо ждать — ждать, пока они не постареют, не остепенятся и не изживут все вредоносные идеи.»

«Осталось недолго. Срок жизни увеличивается по мере созревания примитивных рас. Важно, чтобы зрелые плоды пришлись нам по вкусу.»

«Несомненно, Высочайший... Но у остальных нет таких проблем, как у меня. Большинство планет развивается так, как нужно. Мои же миры — всего лишь четыре! — источник постоянного беспокойства. И это не моя вина — ведь после вас я обладаю наивысшим могуществом и интеллектом. Однако мне досталась самая грязная работа.»

«Именно потому, что ты обладаешь должным могуществом и интеллектом.» — Если можно говорить об улыбке эддориан, то в этот момент Владыка улыбнулся.

«Пусть так, но меня занимает вопрос, насколько случайны все эти отклонения. Я начинаю подозревать, что уже случайности выходят за рамки своих весьма эластичных границ... и как только я обнаружу того, кто злоупотребляет случайностью, в нашем Круге появится вакантное место.»

«Вот как? — легкомыслие и беспечность исчезли из

мыслей Владыки. — Двойная игра, Гарлейн? Кого же ты подозреваешь? Кого готов обвинить?»

«Пока никого. И я не собираюсь подозревать и обвинять. Я узнаю, кто это, и буду действовать.»

«Против меня? Или моих указаний?» — мысли Высочайшего начал пропитывать холодный гнев.

«Нет, только в их поддержку, — не растерявшись, заметил Гарлейн. — Если кто-то сознательно усложняет мне работу, то в каком положении оказываетесь вы? Представьте, что я прав, и мои четыре планеты пребывают в плачевном состоянии из-за махинаций кого-то из Внутреннего Круга. Пусть это погубит мою репутацию — но кто будет следующим?.. Мне кажется, тут есть о чем подумать.»

«Быть может, ты прав... Тут есть несколько непонятных моментов. Взятые по отдельности, они незаметны и не вызывают тревоги. Но все вместе... да еще под таким углом зрения...»

Итак, подтвердилось предположение Старших, что эддорианам не удастся своевременно вычислить Аризия; в результате пришельцы из иной Вселенной потеряли шанс создать оружие, способное противостоять Галактическому Патрулю — стражу цивилизации, появление которого ожидалось совсем скоро, в ближайшие тысячелетия.

Если бы эти существа оказались не столь подозрительными, самонадеянными и деспотичными, если бы они могли прислушаться к чужому мнению — другими словами, если бы они не являлись эддорианами — история цивилизации никогда не была бы написана. Или ее написали бы другие руки.

Но они были эддорианами.

2. АРИЗИЯ

За краткий период между падением Атлантиды и возвышением Рима к вершине могущества Эуконидор почти не повзрослел. По аризианским понятиям он все еще оставался юношей. Он был Стражем, и ему предстояло выполнять эти функции еще много, много веков. Разум молодого исследователя возмужал, теперь ему были понятны рассуждения Старших о путях развития цивилизации; к тому же, он сам мог наблюдать движение порученных его заботам миров по пути прогресса. Однако ему еще не хватало выдержки для того,

чтобы бестрепетно принимать события, которые, по мнению Старших аризиан, являлись печальной неизбежностью.

«Твои чувства естественны, Эуконидор, — Дроуни, Хранитель, заботящийся о Земле, смешал свои мысли с мыслями юного Стража. — Нам все это нравится не больше, чем тебе. Но существуют необходимые вещи... они должны произойти, иначе цивилизация не достигнет зрелости.»

«Но неужели ничего нельзя предпринять?» — Эуконидор не мог смириться с неизбежным.

Дроуни подождал.

«У тебя есть предложения?...» — его ментальный вопрос был пронизан печалью.

«Нет, — признался юноша. — Но я думал, вы, Старшие, намного опытнее и умнее меня... вы можете все!»

«Не можем. Рим погибнет. Он должен погибнуть.»

«Из-за Нерона, да? И мы ничего не сделаем?»

«Нерон... Пойми, младший, нам позволено немного. Наши воплощения — Петроний, Акте и другие — делают, что сумеют, но их силы не могут превышать возможности обычных людей. Они должны быть скрытными, ибо любая демонстрация странных свойств, ментальных или физических, будет мгновенно замечена и раскрыта. С другой стороны, Нерон — земная ипостась Гарлейна Эддорского — может действовать более свободно.»

«Да, я понимаю... И даже физическое устранение Нерона ничего не изменит... Погибнет Нерон — но Карлин останется... — он помолчал. — Что ж, Старший, я буду послушен.»

На этой безрадостной ноте беседа закончилась.

3. РИМ

В крохотной клетушке под западными трибунами ипподрома стояли двое. Сквозь узкую щель окна доносился запах крови и пота, иногда каменные стены амфитеатра содрогались от рева и возбужденных воплей.

— Разве у тебя, Ливиус, как и у любого из нас, есть причина, чтобы жертвовать жизнью? — негромко говорил Киннет, склонившись к уху приятеля. — Да, гладиаторов хорошо кормят, хорошо содержат и отлично тренируют — словно скаковых жеребцов. И, как и же-

ребцы, мы ниже любого человека... даже раба. У рабов есть хоть какая-то свобода действий, у нас же нет ничего. Мы — звери... бьемся со всеми, с кем угодно стравить нас хозяевам. Тот, кто выживает, снова бьется, пока не наступит конец... — он тяжело вздохнул. — Когда-то у меня была жена... дети... У тебя тоже... Увидим ли мы когда-нибудь наших близких? Узнаем ли что-нибудь о них? Нет... Чего же стоят тогда наши жизни — твоя и моя? Сестерций, стершийся в жадных руках, не более... Так не лучше ли рискнуть ими ради правого дела?

Ливиус, беотиец, усталый через посыпанную песком арену на пышный императорский трон, украшенный пурпурными флагами. Внезапно он повернул голову, осмотрев соседа с ног до головы. Крепкие мускулистые ноги, тонкая талия, мощный торс, широкие плечи. Львиная голова, увенчанная нечесаной копной рыжевато-каштановых волос. И, наконец, глаза — сверкающие золотыми искрами светло-карие глаза, — холодные, сосредоточенные, целеустремленные.

— Я ждал этих слов, — тихо сказал Ливиус. — Ты все хорошо продумал, Киннет — поводов для подозрений не было. Но я слишком хорошо знаю гладиаторов... я не мог не почувствовать, как что-то носится в воздухе... уже много недель. Мне ясно, что не стоит задавать вопросов...

— Именно так. Не стоит.

— Хорошо. Я благодарю за доверие — и я полностью с вами. Но в сердце моем нет места надежде. Твое племя растит мужей, чьи глаза полны солнцем... отважных и мудрых, как Спартак... но ведь его затея провалилась. А ведь сейчас дела обстоят хуже, много хуже, чем тогда. Никто из покушавшихся на императора не выжил — даже эта ведьма, его мать. Все они погибли, и ты знаешь, каким образом. Его шпионы повсюду... Однако, — Ливиус крепко стиснул плечо фракийца, — я умру довольным, если прихвачу с собой на тот свет пару-другую преторианцев. Мне достаточно тени надежды...

— Я дам тебе больше, чем тень, много больше, — Киннет сверкнул зубами в волчьей усмешке. — Да, его шпионы хороши, очень хороши. Но и мы не глупее! Многие из этих тварей, следивших за нами, уже мертвы. Другие вскоре умрут... Например, Гладиус. Знаешь, случается, что слабый убивает сильного, но Гладиус проде-

лал это уже шесть раз — и без единой царапины! Думаю, в следующем бою он погибнет — несмотря на защиту Нерона. У нас есть свои трюки...

— Это верно. Но гладиаторы не в первый раз замыслиют против Нерона. И всегда за день-два до дела они оказывались на арене и рубили друг друга. Как бы и теперь... — Ливиус остановился.

— Нет. Не только гладиаторы замешаны в этом. У нас есть могучие покровители при дворе. Один из них уже отточил клинок, чтобы вогнать Нерону меж ребер... все время таскает его с собой. И я знаю, что император ничего не подозревает. На этот раз мы его достанем, Ливиус!

В этот момент Нерон, развалившийся на троне, зашелся диким хохотом — на арене львы рвали тело молодой христианки.

— Что я должен делать? — спросил беотиец.

— Сначала ты должен кое-что узнать, — фракиец сделал паузу. — Тюрьмы переполнены христианами, их гонят на арены, закапывают живьем в землю для устрашения остальных. Кроме того, несколько сотен распнут на крестах.

— Почему бы и нет? Все знают, что они отравляют колодцы, убивают детей и занимаются магией. Сплошные ведьмы и колдуны!

— Возможно, — Киннет передернул массивными плечами. — Но завтра ночью тех, кого не распнут... — он сделал паузу и вдруг спросил: — Ты когда-нибудь видел, как из людей делают факелы?

— Только раз. Потрясающее зрелище! Кровь закипает, словно в бою... как в тот момент, когда вдруг умирает на кончике твоего клинка. Значит, ты имеешь в виду, что их...

— Да. Прямо в саду императора. Когда свет станет достаточно ярким, Нерон откроет торжественное шествие. Его колесница проедет мимо десятого факела, и наш сообщник метнет нож — тот самый, который он точит уже неделю. Преторианцы набросятся на толпу, начнется неразбериха, и тут-то мы и ударим. Вырежем стражу, проникнем во дворец и разделаемся со всеми... Мужчины, женщины, дети — все умрут! Все!

— Это хорошо — на словах, — Ливиус был настроен несколько скептически. — Великие гладиаторы вроде Киннета Фракийца могут гулять, где угодно, и получают

шанс позабавиться в этой заварушке. Но мы-то, простые смертные! Мы будем заперты в казарме!

— Не беспокойся, все продумано. Кое-кто из высокогородных римских граждан уговорил ланист устроить пир для гладиаторов сразу после распятия. И пьянствовать мы будем в Клавдиевой роще, как раз напротив императорского парка.

— Хо! — выдохнул Ливиус, его глаза разгорелись. — Клянусь Баалом, Бахусом и отвислой задницей Изиды! Впервые за все эти годы я чувствую себя человеком! Перебьем эту нечисть, а затем... Но погоди... Оружие! Где взять оружие?

— Наши сообщники из благородных пронесут под плащами мечи. Сначала прикончим ланист, потом — собак преторианцев. Но запомни, Ливиус... Тигеллин, трибун гвардии — мой! Я сам вырву ему сердце!

— Обещаю. Я слышал, он позарился на твою жену... — беотиец стиснул кулаки и негромко рассмеялся: — Ну, будет потеха! Ради такого дела не страшно умереть — и мне кажется, что я уже слышу плеск весел Харона. Чувствую, сегодня мой меч никому не даст пощады...

— Спокойнее, Ливиус, побереги силы. Что до меня, то я не волнуюсь. Я принес жертвы Юпитеру... он никогда не оставлял меня раньше, не оставит и сейчас. Кто бы не встретился мне сегодня на арене — человек или зверь, — умрет!

— Надеюсь. Слушай! Звучат трубы... Кто-то идет сюда.

Дверь распахнулась. Ланиста — тучный и рослый, с мечом и плетью у пояса, — вошел в клетушку. Двери закрылись за ним, раздался скрежет ключа в замке, заглушенный воплями с арены. Несколько минут хозяин молча разглядывал Киннета; чувствовалось, что он сильно взволнован.

— Ну, Железная Рука, — наконец сказал он, — неужели тебе не интересно, кто там ждет на арене?

— Ни капли, — безразлично произнес Киннет. — Разве что выбрать подходящий клинок. А ты запыхался... Почему? Что-то особенное?

— Особенное? Поединок года! Киннет — Фермиус! Без всяких ограничений! Любое оружие, любые доспехи. Ставки на десять миллионов сестерций!

— Фермиус! — воскликнул беотиец. — Галл Фермиус! Да прикроет тебя Афина своим щитом!

— Можешь пожелать того же мне, — с грубоватым юмором заметил ланиста. — Я поставил тысячу на Киннета, один к двум, до того, как узнал имя противника. Послушай, Железная Рука, — он повернулся к своему бойцу, — если ты вышибешь из него дух, треть выигрыша — твоя!

— Благодарю. Можешь пока подсчитать мою долю. Говорят, Фермиус хорош на арене, но в деле я его не видел. Он сильный и быстрый — чуть полегче меня, но немного быстрее. Он знает, что я предпочитаю фракийский стиль, и выберет, скорее всего, тяжелое самнитское вооружение. Ты не знаешь?

— Нет. Об этом мне не сказали. Условия гласят одно — бой без ограничений!

— Хм-м, без ограничений... Наверняка он натянёт самнитский доспех! Такие поединки тяжеловаты, зато можно потянуть время, а затем пустить в ход кое-какие трюки... Ладно, я возьму меч и пару кинжалов. И еще... Достань-ка мне булаву. Самую легкую, которая найдется в оружейной.

— Булаву? Но фракийцы не...

— Булаву, я сказал! Или ты сам собираешься драться с Фермиусом?

Ланиста выглянул в окно, что-то рывкнул, и через несколько минут принесли оружие. Взяв булаву двумя руками, Киннет раскрутил ее над головой и нанес мощный удар о выступ каменной стены. Булава осталась неповрежденной. Они продолжали ждать.

Вновь прозвучали трубы, и оглушительный шум сменился почти полной тишиной. Затем дверь распахнулась.

— Неустрашимый Фермиус против отважного Киннета, — донесся голос с арены. — Время поединка не ограничено. Оружие — по выбору бойцов. Начинайте!

Две рослые фигуры застыли друг против друга в центре арены. Доспехи Киннета, шлем и щит тускло поблескивали сталью; помятые и исцарапанные, они были созданы для боя и использовались в бою. Панцирь галла был покрыт затейливым чеканным орнаментом, на шлеме покачивался яркий плюмаж, щит сиял серебряными украшениями. Казалось, ни меч, ни трезубец противника еще не касался всего этого великолепия. Фермиус, видимо, был щеголем.

Гладиаторы одновременно шагнули вперед и повернулись лицом к подиуму, где в мягком развалился Нерон.

Шум разговоров — булава вызвала немалые толки и споры — внезапно стих. Киннет подбросил палицу в воздух, галл несколько раз крутанул над головой длинным острым мечом. Они прокричали в унисон:

— Славься, цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя!

Взлетел вымпел, возвещавший начало схватки — и в тот же миг бойцы сорвались с места. Фермиус взмахнул мечом, сделав стремительный выпад, но промахнулся. Булава в руке Киннета летала как перышко, нацелившись в грудь противника — но сверкающий панцирь остался невредим. Фракиец надеялся, что никто не заподозрил, что атака была ложной; он собирался бить ниже, много ниже. Фермиус снова занес клинок, на секунду приоткрывшись, и Киннет ударил; потом — еще и еще раз.

Но, как и говорили, галл оказался быстр и силен. Первый удар, нацеленный на незащищенное правое колено, он отразил щитом. Удар слева по бедру тоже пришелся в вовремя подставленный щит. В третий раз булава глухо звякнула о бронзовый оплечник панциря. Затем последовала серия выпадов мечом, резких и быстрых, которые Фермиус парировал с трудом; в конце концов, яркий плюмаж с его шлема, срезанный точным взмахом клинка, упал на землю. Публика возбужденно зашумела. Бойцы отскочили в разные стороны и внимательно посмотрели друг на друга.

С их точки зрения это было просто легкой разминкой. То, что галл всего лишь потерял свои перья, для них, профессионалов, значило только одно — внезапная атака Киннета провалилась. Теперь каждый почувствовал, что перед ним смертельно опасный противник; это щекотало нервы зрителям, но отнюдь не самим бойцам.

Толпа сходила с ума. Старый гигантский ипподром, место конных ристаний и гладиаторских боев, давно не видел таких поединков. Запах смерти, неожиданной и скорой, витал над посыпанной песком ареной и рядами каменных скамей, тянувшимися к самому небу. Сердца проваливались вниз, желудки подпирали гортань, щерились рты, жадно хватая воздух, выпучивались глаза. Римляне наслаждались любимым зрелищем. Каждый — будь то мужчина или женщина — ощущал пьянящий привкус крови и жаждал увидеть ее цвет. Каждый знал, что сегодня один из этих двоих умрет; никто не позво-

лил бы остаться в живых обоим. Впрочем, такие бойцы не могли разочаровать зрителей.

Женщины с раскрасневшимися лицами вскрикивали и визжали от избытка чувств. Мужчины, вскочив на ноги, размахивали кулаками, кричали и ругались. Но и те, и другие не забывали делать ставки.

— Пять сотен на Фермиуса! — вопил один, размахивая дощечкой и стилем.

— Принято! — звучал ответный крик. — Галл уже мертвец! Киннет добьет его!

— Тысяча! — следовало очередное предложение. — Киннет упустил свой шанс. Тысяча на Фермиуса!

— Принято!

— Две тысячи!

— Пять тысяч!

— Десять!

Гладиаторы сблизились. Замах — резкий свист клинков — грохот. Щиты трескали от сыпавшихся на них ударов, мечи звенели и сверкали. Вперед и назад, по кругу, отступая и наступая, минута за минутой демонстрируя свое мастерство, ярость и мощь. Проходило время, напряжение возрастало, сгущаясь вокруг арены, словно мрачный туман.

Кровь струилась из рассеченного бедра галла, и половина толпы вопила от радости. Кровь сочилась сквозь сочленения доспехов Киннета, засыхая темной коркой, и другая половина завывала в зверином восторге.

Ни один боец не сумел бы долго выдержать такого темпа. Оба, фракиец и галл, начали уставать, их движения замедлились. Благодаря преимуществу в весе и вооружении, Киннет заставлял галла обороняться, но силы его убывали с каждой минутой. Наконец, он сделал быстрый шаг вперед и ударил по щиту противника; пробив металлическую оковку, лезвие до половины засело в доске. Резкий поворот клинка — и щит, вместе с погнутым мечом, отлетел в сторону. Фермиус, ошеломленный, вдруг издал радостный вопль и, перехватив обеими руками свой тяжелый самнитский меч, занес его над головой.

И тогда Киннет ударил. Булава, прятаясь за щитом, вдруг очутилась в его правой руке, потом панцирь галла жалобно звякнул и вдавился внутрь, словно жестяная пустышка. Железное навершие палицы попало в самый центр кирасы, Фермиус покачнулся, отступил назад на негнущихся ногах и рухнул на землю. Как

только его тело коснулось песка, Киннет поставил ногу галлу на грудь и поднял голову. Его противник был уже мертв, но это не имело значения. Сжимая в руке кинжал, фракиец ждал знака императора.

Обезумевшая толпа окончательно сошла с ума. Ни единой мысли о снисхождении не возникло у этих опьяненных кровью людей. Возможно, в более спокойную минуту они даровали бы жизнь побежденному — не из милости, а лишь потому, что такой боец мог еще не раз пощекотать им нервы; но теперь, чувствуя опьяняющую близость смерти, они хотели пережить все до конца.

— Смерть! — рокотало эхо выкриков. — Смерть! Смерть!

Большой палец правой руки Нерона опустился, и зрители единодушно повторили жест владыки. Смерть! Чудовищный шум толпы стал еще громче.

Киннет опустил кинжал и нанес ненужный уже удар.

— Дело сделано! — прозвучал чей-то громкий вскрик.

* * *

Так выжил фракиец Киннет; Ливиус, к своему собственному изумлению, выжил тоже.

— Рад за тебя, Железная Рука! — Киннет никогда не видел беотийца таким возбужденным. — Афина Паллада прикрыла тебя щитом, как я и просил! Но, клянусь Тотом и Осирисом, я страшно перепугался, когда ты ударил в щит этого галла и остался без меча... Да, бойцы вроде тебя не равня нам, простым смертным!

— Ну, и ты сражался неплохо, — прервал Киннет болтовню приятеля. — Я не смотрел двух первых твоих поединков, но видел, как ты разделался с Каленидосом. Он тоже был хорош — один из лучших в Риме — и я боялся, что тебе здорово достанется... но, судя по всему, ты отделался парой царапин. Отличная работа!

— Жертвы — жертвы богам и молитвы, вот что мне помогло. На арене кровь у меня заиграла, и я понял, что судьба мне благоприятствует... Кстати, ты видел, как рыжая гречанка делала пассы над твоей головой, когда ты бросился навстречу Фермиусу?

— Да? Не дури, Ливиус. У меня есть другие заботы, кроме колдовства.

— Она хотела тебя приворожить. А потом заявила

сюда вместе с ланистой и начала строить мне глазки. Я, наверное, второй после тебя в нашей школе... Ну и девка! Но я чувствовал себя все лучше и бодрей, и когда она ушла, мне показалось, что ни один поганый ретиарий со мной не справится. Еще пара-другая таких встреч, и я сам стану Великим Бойцом — не хуже тебя!

Они с жадностью накинулись на еду — императорский дар победителям, а затем вернулись к арене, поглазеть на распятие христиан. Кресты со скорченными телами заполняли дно амфитеатра от края и до края.

Надо признать, оба гладиатора получили немалое удовольствие от этого чудовищного зрелища. Они были жестокими людьми, выросшими в жестокую эпоху, обученными двум основным премудростям: убивать по первому приказу и бестрепетно умереть при необходимости. Не стоило судить их с точки зрения морали и нравов более мягких времен.

Приближалась ночь. Все гладиаторы Рима собрались в Клавдиевой роще вокруг столов, ломившихся под тяжестью яств и питья. Женщин тоже хватало — тех женщин, которых можно было взять, и которые сами жаждали этого. К полуночи, как показалось бы стороннему наблюдателю, волны разгула затопили все вокруг. Однако, хотя выпито и съедено было немало, большая часть вина очутилась на земле, под столами. И когда начало смеркаться, гладиаторы начали под тем или иным предлогом отделиваться от своих подруг и потихоньку перебираться к дороге, которая отделяла рощу от шеренги преторианцев, охранявших императорский дворец.

В полной тьме из парка цезаря взметнулся ввысь ярко-алый язык пламени, и гладиаторы, скопившиеся вдоль дороги, бросились на стражей. Завязалась борьба; преторианцы отчаянно оборонялись, но противник вдесятеро превосходил их и численностью, и яростью. Вооружившись, заговорщики ворвались в запретные сады. Мечи, кинжалы, секиры и копья кололи, резали, дробили плоть и кости; вода в фонтанах покраснела от крови, трава стала скользкой.

Киннет несколько задержался, разыскивая панцирь, подходивший ему по размеру. Затем ему пришлось прикончить трех чужих ланист, пока он, наконец, добрался до своего и свел с ним счеты. Фракиец был чуть позади прочих гладиаторов, когда к нему бросился

Петроний, молодой римский всадник. Юноша схватил Киннета за руку.

Бледный и трепещущий, он совсем не походил на изысканного законодателя мод, невозмутимого потомка древнего рода. Тело Петрония сотрясала дрожь, глаза блуждали, одежда была в беспорядке.

— Киннет! Во имя Вакха! Киннет, почему они напали? Сигнала не было! Я... я не убил Нерона!

— Что?! — взорвался фракиец. — Клянусь Юпитером! Сигнал был — я сам его видел! Что случилось?

— Я не смог... — Петроний облизнул губы. — Я стоял перед ним... Никто не успел бы вмешаться! Все было так просто... Но его прежде чем я взял нож, я понял, что не могу двигаться. Это были его глаза... Киннет, я клянусь грудью Венеры, — он смотрел и я не мог двинуться с места, говорю тебе! А потом, вопреки своей воле, я повернулся и побежал.

— Как ты меня нашел так быстро?

— Я... я не знаю, — пробормотал перепуганный аристократ. — Я бежал и наткнулся на тебя. Но что мы... что ты будешь делать теперь?

Фракиец задумался. Он верил, что им движет сам Юпитер. Он чтит всех богов и богинь Рима и Фракии — и половину божеств Греции, Египта и Вавилона. Потусторонний мир казался таким близким и реальным; недобрый глаз был одним из обычных явлений повседневной жизни. Однако несмотря на свою доверчивую религиозность — а, может быть, и благодаря ей, — Киннет так же твердо верил в себя, в свои силы. Он быстро принял решение.

— Юпитер, защити меня от злого взгляда! — громко крикнул он, повернувшись.

— Куда ты идешь? — спросил Петроний, все еще дрожа.

— Сделать то, в чем поклялся перед алтарем Юпитера — убить проклятую тварь! И свести счеты с Тигеллином!

Ринувшись вперед, он быстро обогнал вооруженную толпу и влился в потасовку. Он был Киннетом, Великим Бойцом, и занимался своим делом; тяжелым делом, в котором не имел равных. Ни преторианец, ни обычный легионер не могли устоять перед ним; даже без привычного доспеха и оружия он справлялся неплохо. Стражи, один за другим, вступали в схватку с ним — и умирали.

Император, спокойно сидевший между красивым

юным мальчиком и не менее прелестной куртизанкой, любовался живыми пылающими факелами сквозь свой шлифованный изумруд, а крохотная часть его эддорианского разума следила за действиями Киннета и Тигеллина.

Позволить ли гладиатору убить командира гвардии? Или нет? В общем, это не важно — так ли, иначе... На самом деле ничто на этой убогой варварской планетке — небольшом сгустке космической пыли в будущей империи эддориан — не имело значения. Было бы приятно посмотреть, фракиец насытит свою ярость, разрубив римлянина на куски. Но, с другой стороны, нужно еще многое сделать. И, с этой точки зрения, убивать Тигеллина не стоило, поскольку этот продажный мерзавец мог еще пригодиться. Он будет все глубже и глубже погружаться в невероятный разврат и, в конце концов, перережет себе горло. Хотя фракиец об этом никогда не узнает — и лучше так, ибо самая жестокая, самая страшная его месть была бы благодеянием по сравнению с тем, что ждало несчастного командира преторианцев.

Сильный удар обрушился на шлем Киннета, сбив его на землю. Следующий удар расколол его череп.

Так закончилась последняя попытка спасти Рим — столь полным провалом, что даже такие педантичные хронисты, как Тацит и Светоний, упомянули о ней лишь как о досадной помехе на очередном празднестве Нерона.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МИРОВЫЕ ВОЙНЫ

Глава 4

1918 ГОД

Воздушный бой подходил к концу. Капитан Ральф Киннисон, забияка и грубиян, мертвой хваткой вцепился в рычаги управления. Самолет с отстреленными за-

крылками казался адски тяжелым и неповоротливым. Но еще можно было продержаться — пилот не был ранен, а машина пока не загорелась. Киннисон сделал резкий вираж, бросив самолет вниз и в сторону; затем он услышал звон пуль, ударившихся о его мертвый мотор. Загорелся? Слава богу, пока нет. Может, ему удастся посадить эту груду металла...

Медленно, слишком медленно крен начал выравниваться; машина ринулась к полю внизу и спасительной, словно влекущей к себе канаве. Если они не достанут его на следующем заходе...

Позади раздался грозный рокот. Господи, пулеметы! Киннисон весь сжался, ожидая взрыва, но ничего не произошло — видимо, целили не в него. Мотор ему повредили недалеко от линии фронта, и теперь главный вопрос заключался в том, на чьей территории он приземлится. Судя по выстрелам, свои были близко.

Шасси почти касались земли, когда невероятным усилием он заставил самолет поднять нос вверх; его скорость резко упала. Машина подпрыгнула, ударившись о землю, но затем Киннисон выровнял ее и покатил по полю — сказала старая сноровка, Ральф несколько лет участвовал в гонках на мотоциклах. Совершая фантастические виражи, он почувствовал волну жара — пуля, наконец, нашла бак с горючим. Обстрел продолжался; пули зарывались в землю, свистели у затылка, отскакивали от крыльев. Но канава была уже близка. Ее вонючие топкие берега и гнилая стоячая вода были единственным спасением для Киннисона — небо над ним разрывалось от воя вражеских машин и пулеметного стрекота. Киннисон уже медленно погружался в спасительную грязь, когда раздался чудовищный грохот. Видно, одному из «гансов» не повезло!

Пальба неожиданно затихла.

— Достали одного! Достали гада! — раздалось радостные вопли.

— Лежать! Не поднимать головы, идиоты! — рявкнул властный голос, очевидно — сержантский. — Хотите поймать пулю в башку? Хватит палить, надо отсюда выбираться. Эй, летчик, ты там живой?

Омерзительная грязь затопила кабину, набилась в сапоги, залила лицо. Самолет погружался все глубже и глубже. Киннисон отплеывался, пока не смог заговорить.

— Нормально, — крикнул он и начал подниматься по

пологому склону канавы. Однако свист пролетающей мимо пули предупредил его, что столь необдуманные действия не безопасны.

— Эй, парни, я не собираюсь оставлять свою уютную канаву... Там у вас слишком жарко!

— Это ты прав, братец! Здесь жарче, чем на сковородке в аду! Спустишься чуть дальше до первого поворота. Увидишь цепь валунов, ползи за ними, потом будет опасный участок, спрятаться там негде — но, думаю, ты пройдешь. И сразу забирайся к нам на холм. Эти мерзавцы в воздухе уже нас разглядели, скоро тут все сравняют с землей. Торопись!

Киннисон тщательно следовал указаниям сержанта. Он нашел грядку и пополз под ее прикрытием, обдирая кожу и налипшую на комбинезон грязь. Случайная пуля просвистела высоко над головой. Наконец, он взобрался на склон холма и скорчился за тощим голым древесным стволом. Подполз к людям. Огромный светловолосый сержант улыбнулся и пробасил:

— О'кей, парень. Ты среди своих. Ну, а теперь шевели ногами, здесь делать уже нечего.

— Это я с удовольствием, — первый раз за день Киннисон усмехнулся; в ясных светло-карих глазах сверкнули золотые точки. — Я и так драпал, что было сил. Из какой вы части? Где мы находимся?

Бу-у-ум! Земля и небо содрогнулись. Там, где только что были люди, поднялось чудовищное облако, внушавшее поистине благоговейный ужас; туча земли, каменных обломков, осколков дерева. Затем последовал новый взрыв, еще и еще!

Крах! Бум! Похоже, снаряды всех калибров обрушились на землю. Маленькая группка американцев, как один человек, обратилась в бегство. Ральф не помнил ничего; и душа его, и ноги стремились вперед, прочь от этого страшного места. Только когда людям не хватило дыхания, они остановились.

— Мы из шестой роты семьдесят шестого артиллерийского полка, — сержант говорил так, будто вопрос был только что задан. — А вот насчет того, где мы находимся, скажу одно: где-то между Берлином и Парижем. Вчера нас ко всем чертям вышибли с позиций и с тех пор мы удираем. Наш капитан был на холме, но его подстрелили, когда началась охота на тебя. Остался только лейтенант, зеленый, как пучок спаржи.

— Неважные новости... Пойду-ка я лучше с вами,

парни... определимся на местности, и я прикину, каковы мои шансы вернуться в свою часть.

— Чертовски малые. Разрази меня гром! Бошей здесь больше, чем блох на паршивой собаке. — Киннисон сжал кулаки и опустил голову. Угораздило же его попасть в самую заварушку! А артиллерист невозмутимо продолжал: — Надо подняться повыше: во-первых, оттуда лучше видно, а во-вторых, там могут быть наши.

Когда они добрались до вершины холма, то убедились, что сержант был прав. Первым, кого они увидели, был седовласый мужчина, слишком старый, чтобы находиться на передовой, сидевший на обломке скалы. Он курил сигарету; отлично сшитая форма, ловко облегавшая его отнюдь не худощавую фигуру, казалась неимоверно грязной и мятой, из-под полуоторванной штанины торчали окровавленные бинты. Несмотря на то, что он был офицером — и немалого ранга — никаких знаков различия на отворотах тужурки не наблюдалось. Киннисон, вместе с артиллерийской командой, приблизился, и молоденький лейтенант подскочил к сидевшему человеку.

— Сообщите ваше звание, — потребовал он. — Я лейтенант Рэндольф из...

— Мой чин, да? — мужчина усмехнулся и отбросил окурок. — Когда я был лейтенантом, мне это тоже казалось важным, сынок. Кстати, тогда ты еще не родился... — он потер раненую ногу и сообщил: — Я — генерал-майор Слайтон.

— О, простите, сэр!

— Забудем. Сколько вас? Все вооружены?

— Семеро. Есть рация.

— Рация! Черт побери! Где же она? Немедленно сюда!

Лейтенант ринулся бегом. Слайтон повернул голову к Киннисону и сержанту, оглядывая их с ног до головы.

— У вас есть боеприпасы, сержант?

— Да, сэр! Тридцать патронташей.

— Отлично! Они нам пригодятся — как и вы сами. А вот что касается летчика, я даже не знаю...

Тут притащили рацию, и генерал согнулся над ней. Киннисон рассматривал его с изумлением. Трудно было понять, как этакая «тыловая крыса» с солидным брюшком и сверкающей лысиной оказалась здесь, под обстрелом.

— Дайте мне «Мяту». «Мята»? Это Слайтон... Да...

Да... Дайте Везера... Дьявольщина! Везер, заткнись и дай мне сказать, связь может прерваться в любой момент. Мы на вершине холма 4—71, около двух-трех сотен... Состав? Все рода войск. Да... Отступали слишком быстро и убежали слишком далеко — оба фланга открыты и отрезаны... Алло!.. Алло!.. — Он оставил рацию и повернулся к Киннисону. — Вероятно, вы хотите вернуться в свою часть, капитан, ну а мне как раз нужен гонец. Хотите попробовать побраться к своим?

— Да, сэр.

— Используйте первый же полевой телефон, чтобы вызвать «Мяту» — генерала Везера. Передайте ему: мы отрезаны, но у немцев здесь нет ни больших сил, ни хорошей позиции. Пусть он пошлет самолеты или танки, чтобы рассечь их фронт... Подождите минуту. Сержант, как ваше имя? — Слайтон внимательно осмотрел мощную фигуру, замершую перед ним по стойке «смирно».

— Велс, сэр.

— Если бы в вашем распоряжении были пулеметы, что бы вы сделали?

— Расставил их тут и тут, чтобы держать под прицелом всю равнину, — сержант ткнул пальцем. — Затем, если останется еще несколько лишних, я бы поставил их...

— Достаточно. С этой минуты Велс, вы — лейтенант. Под вашу команду поступают все пулеметы. Через полчаса доложите о занятых позициях. — Он отвернулся от застывшего в изумлении артиллериста. — А теперь вернемся к вам, Киннисон. Итак, я смогу продержаться здесь до вечера. Нас пока не обнаружили, но когда начнется наступление, они сравняют этот холм с землей. Так что передайте Везеру, пусть посылает людей и технику как можно быстрее. Все ясно?

— Да, сэр. — По рукаву генеральского мундира полз огромный черно-коричневый жук, и Киннисону ужасно хотелось его стряхнуть.

— Компас есть?

— Да, сэр.

Жук взобрался Слайтону на плечо и теперь забавно поводил усами. Киннисон буквально не мог оторвать от него глаз. Генерал недоуменно посмотрел на него и продолжил:

— Возьмите каску и отправляйтесь. Двигайтесь на северо-восток — примерно полторы мили. Дорога опасна, старайтесь не вылезать из кустов. Затем выходите на

шоссе. До него непросто добраться, но оно наше — или было нашим, по последним сводкам. По шоссе надо пройти около двух миль; там будет почта. Увидите — рядом будут стоять мотоциклы и прочая техника. Оттуда звоните Везеру. Удачи!

Пули снова засвистели вокруг, генерал бросился ничком на землю и быстро пополз к небольшой рощице, продолжая на ходу отдавать приказы. Жук, привлечший внимание Киннисона, упал в грязь и теперь слабо барахтался, пытаясь найти твердую опору. Поразительное сходство между жуком и удалявшимся на четвереньках генералом заставило Киннисона рассмеяться. И еще долгие годы слово «генерал» ассоциировалось у него с копошащимся в грязи гладким и блестящим жуком.

Тряхнув головой, Ральф отогнал наваждение и пополз к древесному стволу, за которым жались несколько человек. Один из них, худенький бледный паренек с сержантскими нашивками, обратился к Киннисону.

— Сигаретки не найдется, сэр? — попросил он.

— Бери, бери все. — Ральф протянул пачку. — У меня есть еще... больше, чем нужно. Слушай, что здесь, черт возьми, происходит? Разве кто-нибудь слышал о генерал-майоре, забравшемся так далеко от тылового клозета? И он вещает так, будто от его действий зависит судьба всего фронта. Может, старик двинулся от перенапряжения?

— Если и двинулся, то не настолько, чтоб это стало заметно. Вы что, никогда не слышали о Слайтоне? Ну, еще не раз услышите! Першинг будет полным идиотом, если не даст ему после этой истории три звезды. Старик вообще не должен был принимать участие в боях, — сержант жадно затянулся сигаретой. — Он — из высших военных чинов и может разжаловать любого. Слайтон выехал с инспекторской проверкой, но все его тут слушаются — большая шишка! Я сопровождал его — вместе с взводом стрелков... вот они там, лежат под брезентом... Думал, что все успокоится, но становится все хуже и хуже... Эй, лучше нагнитесь! Боши, кажется, взяли за дело!

Пули свистели и выли, срезая ветви и срывая листья с израненных деревьев. Они оба бросились в заплывшую грязью траншею, вжимаясь в сырую землю. Пулеметы Велса оглушительно рывкнули в ответ.

— Черт, не нравится мне все это, — проворчал сержант.

жант. — Я не успеваю высохнуть — купаюсь в грязи каждые полчаса!

— Просвети меня еще, приятель, — попросил Киннисон. — Чем больше я узнаю, тем больше хочу убраться отсюда подальше. Кто же собрался под генеральским стягом?

— Тут остатки двух стрелковых батальонов и всякие приبلудные. Начало было неплохим, но фланги не устояли, а потом боши разделались и с центром. Приказ об отступлении пришел слишком поздно — уже некому было его выполнять.

Киннисон кивнул. Он представлял, что такое отступать по равнине, среди бела дня, под дождем из свинца и осколков снарядов.

— Вам придется идти в одиночку? Тогда держите глаза широко открытыми, — продолжал сержант. — Бинокль есть?

— Нет.

— Ну, это легко исправить. Видели там, за рощей, сапоги торчащие из-под брезента?

— Да, ясно. — Киннисон знал, что боевые офицеры всегда носили бинокли. — Покойников там хватает. И что, все офицеры?

— Большинство. Они держались за спиной Слайтона, а бош прошел на бреющем и хорошо прицелился. Наши сбили его, но только слишком поздно — он уже успел сбросить бомбу. Знаете, из людей получилась кровавая каша, но штук шесть-семь целых биноклей должно было остаться, — сержант ткнул пальцем в сторону рощи и огляделся. — Похоже, наши заткнули эти чертовы пулеметы... пойду, найду своего старика, он мне теперь как родной. Черт бы побрал эту грязь! — он оглушительно чихнул и пополз к деревьям.

Киннисон медленно приблизился к ряду трупов, покрытых заскорузлым от крови палаточным холстом. Аккуратно приподняв ткань, он взглянул — и отшатнулся от чудовищной картины. Желудок свело комом; потом его вырвало. Люди, люди! Что же вы творите друг с другом!

Однако он должен найти бинокль. И он его нашел.

А затем, потный, бледный и дрожащий, пошел на восток. Путь его лежал по некогда цветущей, а ныне заброшенной земле. Повсюду в самых разных позах валялись тела, утренний воздух был пропитан запахом

гниющей плоти и сырости. Трупы были единственными обитателями этой равнины, по которой медленно полз пока еще живой человек.

Где-то севернее непрерывно строчил пулемет. Огневая позиция была где-то близко, но эхо и туман не позволяли точно ее определить. Дюйм за дюймом Киннисон продвигался вперед, тщательно осматривая в бинокль каждый фут земли. По звуку он определил, что пулемет был немецким — то, чего Киннисон не знал о пулеметах, можно было записать на ладони — и еще он припомнил, что «Максим 1907» — весьма грозное оружие, а стреляли именно из него. Пулемет мог доставить серьезные проблемы его друзьям на холме, но они ничего не могли поделать. К тому же, маскировка у «гансов» была великолепной; даже отсюда, так близко от них, Ральф ничего не мог разглядеть. Но, черт возьми, эта тарактелка должна быть где-то здесь!

Минута за минутой — двигался только бинокль — он искал противника и, наконец, увидел. Едва заметный блеск металла, небольшой бугорок, легкий пар, поднимающийся над землей... Вот он! Парок явно шел от кожуха «Максима». Ага! Еще раз блеснул ствол!

Киннисон задумался. Двигаться дальше, не попав под обстрел, было невозможно; обойти — значит, сделать большой крюк... Наверно, там всего несколько человек... к тому же, у него есть возможность добыть гранаты.

Ральф подобрался к одному из расprostертых в траве тел и пошарил в подсумке. Немец оказался запасливым — целых три гранаты! Затем он осторожно приблизился к укрытию немцев, встал, и одну за другой бросил все гранаты, предварительно укрывшись за огромным валуном.

Бум! Банг! Бам!

И маскировочная сеть, и, казалось, вся почва, исчезли на несколько ярдов вокруг обреченного «Максима», словно огромный плуг ковырнул дерн. Скорчившийся за валуном Киннисон пригнулся еще ниже, так как в наступившей тишине громко прозвучал чей-то далекий крик. Его снова затошнило. Но теперь он не мог тратить время на подобную слабость — дорога была каждая секунда.

Черт побери! Какие скверные броски! Он никогда не блистал на бейсбольном поле, но полагал, что может без особого труда попасть в цель величиной с окоп; однако ни одна из его гранат не угодила по назначе-

нию. Солдаты, наверное, погибли, но пулемет он не повредил, это ясно. Надо бы до него добраться...

И Ральф пошел — не слишком уверенно — сжимая в руке пистолет и моля бога, чтобы все были уже мертвы. В окопе лежали три неподвижных тела; еще одно, навалившееся на бруствер, мешало ему пройти. Резко оттолкнув труп, он увидел, как солдат покатился по откосу. И в этот момент волосы под каской Киннисона встали дыбом — скользившее вниз тело внезапно ожило, потом раздался стон. На помощь к раненому двинулись фигуры в серых мундирах.

Капитан Ральф Киннисон не верил ни в бога, ни в дьявола; он был сорвиголовой и храбрым малым, но в этот момент ему захотелось вознести отчаянную мольбу, чтобы пулемет уцелел. Теперь он благодарил господ за свои неумелые броски.

Минуту на осмотр... Уф! Цел! Несколько запасных патронташей... Отлично! Киннисон развернул пулемет и начал поливать огнем приближавшиеся фигуры. Одна лента — и немцы в панике; вторая — и он уже не видел на равнине никаких признаков жизни.

Ральф оттянул затвор и отбросил его в сторону, потом прострелил водяной кожух. «Максиму» конец. Снова развернув пулемет, Киннисон выскользнул из окопа, надеясь, что немцы не сразу поймут, кто в них стрелял.

Двигаясь со всей возможной скоростью, иногда даже слишком быстро, он вернулся на прежний курс. Ничто вокруг не внушало тревоги. Он пересек равнину и постарался как можно скорее миновать искалеченный разрывами снарядов лес. Наконец, перед ним протянулась серая лента почти неповрежденного шоссе. Киннисон добрался до первого поворота — и замер, пораженный. Когда-то он слышал или читал о подобном — но никогда раньше ему не доводилось видеть такое зрелище; описать это словами казалось невозможным. Сейчас он шел прямо на это, и его путь впоследствии превратился в ночные кошмары, мучившие капитана все девяносто шесть лет его жизни.

На самом деле ничего особенного, с точки зрения нашего жестокого века, не произошло. Шоссе обрывалось. То, что когда-то было дорогой, фермами, полями, уже не отличалось друг от друга; все стало невероятно одинаковым, раздробленным и перемешанным в какой-то гигантской ступке. Киннисону казалось, что земля и все,

что цвело, росло, двигалось и просто стояло на ней, побывало в некоем чудовищном желудке, изрыгнувшим обратно непереваренные остатки — куски дерева и металла вперемешку с обгоревшей плотью. Он вскрикнул и побежал, побежал прочь от этого изуродованного, оскверненного места. И на бегу его мозг рисовал жуткие картины — одну омерзительней другой; и чем больше он старался выбросить их из головы, тем страшнее и страшнее они становились.

Еще днем раньше эта дорога была одним из самых оживленных шоссе. Мотоциклы. Грузовики. Велосипеды. Машины «скорой помощи» и полевые кухни. Легковые автомобили. Пушки на больших ребристых колесах. Лошади. Мулы. И люди, особенно — люди, такие же, как сам Ральф. Плотные колонны, маршировавшие со всей возможной скоростью — не хватало грузовиков. Дорога была переполнена. Переполнена людьми, орудиями и прочими атрибутами войны.

И на это шоссе обрушился огненный дождь. Скорей всего, газ не применяли. Немецкое командование приказало стереть в порошок этот участок дороги, и сотни, а может быть, и тысячи орудий, слившись в грохочущей яростной симфонии, выполнили приказ. Буквально. Тщательно. Педантично. Дороги больше не осталось: ни здания, ни дерева, ни поля, ни куста. Окровавленные куски плоти могли принадлежать человеку или мулу; металлические обломки не позволяли даже догадаться, чем они служили до начала обстрела.

Ральф бежал — вернее, пошатываясь, брел по этой кровавой ране на лике земли и, наконец, выбрался на более или менее сохранившийся отрезок. Тут дорога была перепахана воронками, но ее хотя бы можно было заметить. Он припомнил, что ферма с почтой и командным пунктом должна быть за следующим поворотом.

Должна быть... Или огонь был прицельным, или снарядов не жалели, но разрушения оказались максимальными. Вместо здания зиял огромный кратер; землю усеивали обломки мотоциклов и машин. Деревья без листьев, голые стволы, пни... С растущим ужасом Кинни-сон увидел на одной из ветвей, довольно высоко от земли, окровавленный торс мужчины.

Снаряды еще сыпались, но уже не так интенсивно. В нескольких сотнях ярдов появились две машины «скорой помощи»; объезжая воронки, они медленно двигались вперед. Первая из них остановилась.

— Эй, парены! Ложись!

Киннисон уже и сам расслышал незабываемый звук летящего снаряда и нырнул в ближайшую воронку. Раздался грохот, как будто сама земля разлетелась на части. Что-то ударило Ральфа в спину, и почва разверзлась, поглощая его. Свет померк, и он потерял сознание.

Когда Киннесон снова пришел в себя, он уже лежал на носилках, глядя на склонившиеся над ним лица двух мужчин.

— Что это было? — выдохнул Ральф. — Я?.. — Он остановился, боясь спрашивать дальше, боясь шевельнуться, чтобы вдруг не ощутить отсутствие ног или рук.

— Колесо и часть кузова «скорой помощи». Их бросило на тебя взрывом, — успокоил один из мужчин. — Ничего страшного, скоро будешь в форме. Ну, еще ободрана рука, да пара-другая всяких мелочей... может быть, шrapнель задела живот. Но мы тебя подлечим, успокойся...

Киннисон слабо кивнул. Проснувшаяся боль словно зубами вцепилась в живот.

— О'кей! Дел у нас еще куча, а пока тебя стоит показать доктору.

— Мне нужен телефон — и как можно скорее... — Киннисон говорил голосом, который казался ему самому полным силы и значительности, но на самом деле звучал слабо и тихо. — У меня важное сообщение для генерала Везера.

— Скажи-ка это лучше нам. — «Скорая» маневрировала по остаткам дороги. — Телефон есть в госпитале, но ты можешь потерять сознание, пока мы туда доберемся.

Рассказывая, Ральф собрал все силы, чтобы сохранить сознание. Всю эту страшную дорогу он держался. Боль терзала его тело, но он сам смог поговорить с Везером — врачи, узнав, что Киннисон капитан авиации, решили, что его сообщение может быть очень важным, и помогли связаться с генералом.

Затем кто-то вонзил в него иглу, и он погрузился в глубокий обморок. Несколько недель он балансировал на грани между жизнью и смертью. Иногда он приходил в себя, но ни тогда, ни потом Ральф не мог понять, было ли происходившее вокруг него реальностью или страшным бредом, фантомом, непрерывно терзающим разум.

Он запомнил докторов, докторов, докторов — и операции, операции, операции. Были палатки, куда притаскивали на носилках стонавших людей и выносили уже затихших навсегда. Был большой госпиталь, обширное деревянное здание. Была жужжавшая аппаратура, и одетые в белое мужчины, просматривающие какие-то пленки и бумаги. Были обрывки разговоров.

— Ранения в живот всегда опасны, — звучал оглушительный бас. — И еще ушибы, множественные осколочные переломы. Прогноз не благоприятный — но мы еще посмотрим, что можно сделать. Интересный случай... исключительный, можно сказать. Какое же лечение вы выберете, коллега?

— Оставляю его в покое, — резко заявлял более молодой и чистый голос. — Перфорация, инфекция, отеки... Я просто наблюдаю, профессор, наблюдаю и учусь.

Забывье, снова и снова. Так длилось до тех пор, пока не раздалось слова, которых Киннисон уже не мог слышать:

— Адреналин! Массаж! Массаж, разрази вас гром!

Адская боль пронзала тело. Кто-то втыкал иглы в каждый дюйм его кожи; кто-то сжимал и крутил его мышцы, словно нарочно надавливая на самые болезненные точки. Ральф кричал и ругался. «Прекратите!.. Не надо!..» Его голос звучал очень слабо, но этого оказалось достаточно.

— Слава богу! — Киннисон услышал тревожный женский голос. Удивленный, он замолчал и открыл глаза. Видел он еще плохо, но смог разглядеть лицо пожилой сиделки; на глазах у нее были слезы. — Он будет жить!

Шло время. Постепенно кошмарное забывье сменялось нормальным сном. Он чувствовал голод; выздоравливавшему организму требовалось больше пищи, чем давали в госпитале. Киннисон был угрюмым, злым и недовольным.

Вскоре он поправился.

Так закончилась Первая Мировая Война для летчика Ральфа Киннисона.

1941 ГОД

Ральф Киннисон, еще мгновение назад спокойно лежавший на диване, в волнении заметался по комнате. Его жена, пышная брюнетка Сони Киннисон, мерно покачивалась в кресле-качалке и следила за мужем внимательными карими глазами. Вечер этой дружной любящей четы был испорчен только что прозвучавшим по радио сообщением.

— Пирл Харбор! — прорычал он. — Как! Как им позволили зайти так далеко!

— А наш Фрэнк! — всплеснула руками Сони. Она не слишком беспокоилась за мужа, ведь он был рядом с ней, а вот их сын Фрэнк... — Его призовут?

— Ни в коем случае. — Киннисон не размышлял, а говорил с полной уверенностью. — Инженер-изобретатель из Локвуда? Он, конечно, захочет повоевать, но всем, кто имеет отношение к авиации, придется сидеть дома.

— Говорят, эта война долго не продлится. Да, милый?

— Я так не думаю. Пустые разговоры! По-моему, эта бойня затянется не меньше, чем на пять лет, если кого в этом мире интересует мое мнение. — Он резко взмахнул рукой, потом несколько раз прошелся по комнате. Дурное настроение не оставляло его.

— Я все понимаю, Ральф... Тебе ведь тоже хочется пойти, да? — Она мягко взяла его руку.

— Конечно! Вообще-то я надеялся, что Америка не будет втянута в эту войну, но что делать. — Киннисон посмотрел на жену. — Если ты против, то я останусь с тобой.

— Мое желание или нежелание ничего не изменят. Я позволила бы тебе уйти, если б опасность была действительно велика...

— Что ты хочешь сказать?

— Существуют определенные правила, дорогой. И ты на один год старше призывного возраста. — Последняя фраза прозвучала как-то слишком торжественно.

— Подумаешь! Технические эксперты нужны всегда, так что для меня сделают исключение. Неужели никому не нужен такой умица?

— Вполне вероятно... И ты станешь штабным офи-

цером, а их не убивают и даже не ранят. Тем более, что дети наши выросли, заботу о кошках я поручу соседям, и вполне смогу поехать с тобой. Мы даже не будем разлучаться.

— Но, с другой стороны, деньги... — Киннисон покачал головой.

— Фу, ну кто сейчас об этом думает! Хотя для безработного химика такая забота о своем будущем — явление очень отрадное, — Сони рассмеялась так заразительно, что Ральф не устоял. Он перестал хмуриться и тоже улыбнулся.

— Ладно, ехидная девчонка, я пошлю телеграмму в военный департамент.

Телеграмма была послана. Киннисоны ждали. Ждали, ждали, ждали. Пока в середине февраля не начали поступать красиво оформленные письма.

«Военный департамент высоко оценивает ваш военный опыт и желание снова взять в руки оружие для защиты своей родины. Анкета ветерана... аккуратно заполните... Форма 191А... Форма 170... В двух экземплярах... Не отчаивайтесь, что вашу помощь отвергли. К сожалению, военный департамент не может принять вас...»

— Черт подери, я уже закипаю! — сжав кулаки, Киннисон ходил по комнате, натыкаясь на стулья. — Что у этих идиотов в головах? Они уверены, что если мне пятьдесят один, то я стою одной ногой в могиле — а я ставлю четыре против одного, что нахожусь сейчас в лучшей форме, чем этот вонючий начальник департамента. — Ральф никогда не церемонился в выражениях.

— Конечно, конечно, дорогой, — успокаивала его Сони, облегченно улыбаясь. — Я тут нашла в газете объявление, может, оно тебя заинтересует?

— Так... Инженер-химик... Завод по производству снарядов... Семьдесят пять миль от Тонвиля, стаж работы более пяти лет... Органическая химия... технология взрывчатых веществ...

— Вот видишь, ты им нужен, — твердо сказала Сони.

— Степень доктора у меня есть, химиком-технологом я проработал более пяти лет, а если я не разбираюсь во взрывах, то в них вообще никто не разбирается. Пожалуй, я напишу им письмо.

Он написал, затем ему прислали кучу анкет. И снова — ожидание.

Ральф ужинал, когда оглушительно зазвенел телефон.

— Говорит Киннисон, — недовольно пробурчал он. — Да... да... доктор Самнер... да... конечно, очень приятно. Да... на один год старше... О, это не важно, мы отнюдь не умираем от голода. Не можете платить сто пятьдесят, я согласен на сто... Семьдесят пять... Да, пятидесяти достаточно. О, я слишком известен в своей области, чтобы звание младшего химика меня оскорбило. Встретимся в час... Что? Да, наверное, смогу... До свидания.

Он повернулся к жене, пнул толстую рыжую кошку, подошедшую к нему приласкаться и возбужденно заговорил:

— Знаешь, они хотят, чтобы я приехал прямо сейчас и сразу взялся за работу!

— Конечно, милый, — Сони пыталась утешить обиженную кошку и обратила не слишком много внимания на слова мужа.

Киннисон сел за стол и, взяв вилку, продолжал разглагольствовать:

— Я очень рад, что вовремя объяснил старому придурку Хендриксу, куда надо было засунуть предложенный им контракт. Столько лет честно делились друг с другом, и вдруг он предлагает мне такое! Видите ли, опубликовать работу только с одним автором — с ним самим — достойно по отношению к старому другу!

— Конечно, милый, ты прав. Это совсем не поджентльменски. Но, может быть, он поверил в то, что ты говоришь после любой драки — дескать, ты слабый и мягкий человек. — Сони усмехнулась. — К тому же, ты это достаточно наказал. Как ты думаешь, возьмут тебя обратно в фирму после окончания войны? Ведь свару-то затеял ты.

— Это все мелочи, детка. Я обязательно вернусь, — он сжал челюсти. — Нет такого начальства, которое разбрасывалось бы своими лучшими работниками. Пока они могут продавать уже разработанные технологии, я буду нужен, а вот когда понадобятся мозги, они меня позовут обратно.

— Дай-то бог! — Сони ласково взяла мужа за руку. — Удивляюсь, что кто-то вообще может добровольно брать на работу такого забияку, как ты.

— Опять меня недооценивают, — шутливо посетовал Ральф. — Моя жена явно больше любит кошек, чем единственного мужа. Однако, несмотря на то, что я не

кладезь добродетелей, я выбиваю людям зубы только после покушения на мои собственные.

* * *

Энтвилский артиллерийский завод раскинулся на площади более чем двадцать квадратных миль. Девяносто восемь процентов этой территории было огорожено высоким забором с рядами колючей проволоки, натянутой поверху. Редкие здания были разделены весьма значительными расстояниями — ведь взрывчатку здесь мерили тоннами, а значит, безопасность работавших требовала особой планировки. Вся огромная площадка была разделена на квадраты, и в каждом из них занимались определенным типом взрывчатки и снарядов.

«Снаружи» забора все было иначе. Царство администрации и благоустроенности. Дома, заполненные чистенькими, аккуратненькими профессионалами, отвечавшими за организацию труда двадцати тысяч мужчин и женщин. Но несмотря на тишину и уют, работавшие «внутри» предпочитали заглядывать сюда как можно реже.

Именно там, «внутри», подальше от администрации и на безопасном расстоянии от Первого квадрата, находилось длинное низкое здание, совершенно неправомерно называвшееся химической лабораторией. Неправомерно в том смысле, что главный химик — очень способный, но невероятно сварливый специалист-взрывник — набрал в свой химический сектор лучших инженеров, химиков, физиков и даже метеорологов.

Одна из комнат лаборатории отделялась от прочих сплошной стеной из стали толщиной в шестнадцать дюймов. Это помещение было построено так, чтобы ни один из взрывов, которыми развлекались работавшие там парни, не мог повредить зданию и его персоналу.

Главные магистрали в Энтвиле были вымощены серым камнем, но в феврале 1942 года такие мелочи, как дорожки между корпусами существовали только на бумаге. Почва, богатая глиной, размякла и превратилась в сплошную лужу глубиной в шесть дюймов, полностью изолировав дальнюю лабораторию от внешнего мира. Редкое начальство рисковало пробираться по грязи, чтобы увидеть ехидные ухмылки и услышать советы купить лодку или построить мост. Недоступность и постоянные сквозняки, царившие в комнатах, дали по-

вод одному из остряков-химиков назвать это «уютное» местечко Сибирью.

Прозвище прижилось. Более того, его подхватили и провозгласили официально. Так что когда грязь высохла и набегі начальства стали постоянными, сотрудники химической лаборатории остались сибиряками. В течение одного года сибиряки стали известны на всех артиллерийских заводах, а также в таких кругах, где никто не имел понятия, как зародилось это прозвище.

Киннисон превратился в «сибиряка» с тем же энтузиазмом, что и работавшие в лаборатории юнцы. По сравнению с ним все они были очень молоды, хотя у каждого уже имелся стаж самостоятельной работы, а «Кэп» Самнер старался подкинуть им еще и еще — побольше. Принимал он на работу с неподражаемой любезностью, а вот выгонял с беспардонной грубостью; впрочем, этот человек хорошо разбирался и во взрывах, и в людях. Конечно, так любви не завоеешь, но уж уважали Самнера все.

Будучи «стариком», младший химик Киннисон не был принят сразу за своего, но он даже не заметил пристального внимания к собственной персоне, сразу приступив к служебным обязанностям. Он был очень осторожен — но без малейшей примеси страха — с весьма опасными предметами своих исследований. Он поверял трассирующие и зажигательные снаряды, взрывчатые смеси, а если его просили, отправлялся в «квадраты» — на испытания.

Его экспериментальные образцы тетрила всегда подходили по размеру, а болванки для сорокамиллиметровых пушек Третьего квадрата получались плотными, без трещин и полостей. И тогда эти юные и довольно саркастические умы поняли, что он единственный среди всех них точно знает, что делает. Они начали советоваться с Киннисоном, и он не раз помогал молодым в решении их проблем. Его авторитет рос неуклонно.

Темноволосый и темнолицый «Таг» Тагвел — двести фунтов костей и мышц, бывший футболист, ныне отвечающий за разработку трассирующих пуль в Седьмом квадрате, — называл его «дядюшка Ральф»; это меткое прозвище прижилось быстро, а вскоре прибавилось еще одно — «Летчик». Это произошло после того, как Киннисон, перелетев через всю комнату, вышиб спиной дверь из-за «небольшого» случайного взрыва зажигательной смеси в Восьмом квадрате. Затем последовало повышение

до инженера-химика, но прошло оно без лишнего шума, так как касалось только титула и зарплаты.

Однако три недели спустя он стал старшим химиком, отвечавшим за взрывчатые вещества. По этому случаю было устроено пышное празднество, которым руководил «Блондин» Ваначек, занимавшийся тетрилом во Втором квадрате. Киннисон ожидал увидеть хотя бы тень зависти или неприязни, но, к его радости, ничего подобного не было и в помине. И уже в новом звании он взялся за работу в Шестом, пытаясь создать двадцатифунтовую разрывную бомбу. Помогали ему Таг и еще двое; одним был «Док» или «Барт» Бартон, которого, как гласила молва, Кэп хотел сделать своим помощником. Этот парень напоминал Рики-Тики-Тави — вечными метаниями и беготней, во время которых он успевал выяснить и продумать массу вещей. Он был очень неплохим химиком; ничуть не хуже зарекомендовал себя и второй помощник «Карли» Каривокс, седоволосый, но очень молодой эксперт, недавно влившийся в содружество сибиряков.

А еще через несколько месяцев Киннисона вызвал в свой офис сам Кэп Самнер. Гальф шел, размышляя, по какому поводу будет крик в этот раз, ведь все знали, что подобный вызов означал только одно — выволочку.

— Киннисон, мне нравится, как вы работаете, — начал главный химик, и его посетитель застыл с открытым ртом. — Вы получили степень в институте Монтроза, значит, вы знаете все о взрывах, а по данным ФБР у вас есть мозги, способности и невероятное упрямство. Эти качества полностью искупают вашу склонность решать конфликты с начальством при помощи кулаков. Мне интересно, как вы так легко управляетесь с этими чертовыми сибиряками. Я хочу сделать вас своим помощником, ответственным за всю лабораторию. Формально, я имею в виду, — на самом деле вы исполняли эти обязанности уже много месяцев.

— Да... но я... А как насчет Бартона? Он слишком хороший парень, чтобы подставить ему ножку.

— Я уже это заметил. — Замечание шефа сильно удивило Киннисона. Он даже не думал, что такой самоуверенный и раздражительный человек как Самнер, способен признавать свои ошибки. Такого Кэпа он еще не знал. — Я обсудил с ним этот вопрос еще вчера. Он чертовски хороший парень, но я сомневаюсь, что в нем

есть то, что заставило бы этих бандитов работать семьдесят два часа без отдыха, засыпая вповалку на скамьях, питаюсь бутербродами и кофе — до тех пор, пока бомба не была создана.

Самнер не упомянул, что все это время с ними был сам Киннисон. Это было очевидно.

— Я, право, не знаю... — Киннисон покачал головой. — Сначала мне бы хотелось самому поговорить с Бартоном. Ладно?

— Я ждал этого. Хорошо.

Киннисон нашел Бартона и сразу отвел его в сторону.

— Барт, Кэп собирается сделать меня своим помощником, а ты, по его словам, одобряешь эту идею. Одно твоё слово, и я скажу ему, куда засунуть это предложение и объясню, где этим стоит заниматься.

— Я ожидал от вас именно этого. Я невероятно рад, — Бартон улыбнулся и пожал Ральфу руку. — Я бы реагировал так же, если бы подобное предложили мне. Кое-что в этой истории мне не нравится, но поймите, в этой конторе я единственный независимый человек. Я могу уйти в любую минуту и ничего от этого не потеряю. Мне нравится работать с вами. Соглашайтесь, и я во всем вас поддержу. — Бартону незачем было добавлять, что он будет работать на совесть.

— Я согласен, — заявил Киннисон, вернувшись к Самнеру.

— Возможно, а теперь утрясите все вопросы со своими сибиряками.

— Это не будет слишком сложно.

И действительно, сложностей не было. Реакция сибиряков заставила Киннисона проглотить комок в горле.

— Ральф Первый! Царь Всея Сибири! — орали они. — Да здравствует его величество! Кланяйтесь, рабы, царю Ральфу Первому!

Щеки Киннисона все еще ярко пылали, когда он добрался к себе домой. Он никогда не забудет событий этого удивительного дня.

— Ну и банда! Ну и банда! Послушай, детка, они работают ради собственного удовольствия! Этих парней просто нельзя вытащить из лаборатории. Ну как я могу отвечать за то, что они натворят?

Шли месяцы работы, работы тяжелой и напряженной — не стоит вникать в детали, они не важны. Пол Джонс, крупный медлительный мужчина, обустроил Чет-

вертый квадрат. Фредерик Хилтон перешел к сибирякам и начал работу с противопехотными минами.

Последовало новое повышение — Киннисон стал главным химиком. Они с Самнером не были друзьями, и Ральф даже не пытался узнать, почему Самнер ушел или был уволен. Это повышение не изменило ничего; Бартон, став его помощником, взял в свои руки все, кроме лаборатории, избавив Киннисона от административных дел, а Ральф остался царем Сибири.

Противопехотные мины доставляли массу неприятностей. Слишком много людей погибало при испытаниях, а никто не понимал почему. И вот, как и обычно, неразрешимую проблему передали сибирякам. Хилтон радостно взялся за дело, потерпел поражение и позвал на помощь. Сибиряки бешено заметались. Киннисон заряжал и испытывал мины с помощью Тага, Пола и Блондина.

Во время одного из многочисленных испытаний Ральфа пригласили на совещание руководства. Пришлось вызывать себе замену; неисправимый оптимист Хилтон с радостью сменил его. Но Киннисон еще не успел выехать за ворота, когда его остановила патрульная машина.

— Простите, сэр, несчастный случай в Пятом, и требуется ваше присутствие.

— Несчастный случай! Фред Хилтон! Он...

— Боюсь что да, сэр.

Нет ничего страшнее, чем собирать останки своего друга, который еще недавно хохотал вместе с тобой, работал бок-о-бок и жил теми же интересами. Бледный и дрожащий, Киннисон вернулся на огневую позицию как раз вовремя, чтобы услышать слова шефа службы безопасности:

— Очевидное разгильдяйство и недостаток аккуратности! Я уже не раз предупреждал этого Хилтона, что...

— Разрази вас гром! Разгильдяйство!.. — глаза Киннисона метали молнии. — Когда вы предупреждали меня, я тут же забыл половину правил безопасности, запутавшись в ваших инструкциях! Фред был осторожен... и, кстати, если бы не совещание, на его месте оказался бы я.

— Так в чем причина? — шеф службы безопасности держался уверенно, только отступил на несколько шагов.

— Пока не знаю, но обещаю вам, что первый, с кем я поговорю, выяснив истину, будете вы.

Он вернулся в Сибирь, где и нашел заплаканных

Тага и Пола, уставившихся на крошечный кусочек провода.

— Вот оно, — пробормотал Таг. — Не понимаю, как все могло случиться, но причина в этом.

— Что такое? — голос Ральфа прозвучал резко и требовательно.

— Кусочек чеки — очень, очень хрупкий. При попытке поставить снаряд на предохранитель, эта штука ломается в самом тонком месте.

— Черт возьми. Таг, это не играет никакой роли. Это напряжение... но постой, здесь должна быть еще часть, вот тут... И чтобы сломаться, эта штука должна быть хрупкой, как стекло...

— Вот именно. Кажется, эта мелочь не имеет значения. Но мы там были, и разбирали эти чертовы мины своими руками. Больше не может быть никакой причины для взрывов.

— Ладно, займемся проверкой. Вызывайте Барта, пусть прихватит с собой дюжину парней. Надо поискать другие осколки от чеки... и пусть кто-нибудь сгоняет на полигон.

Они проверили сотню предохранителей — и пять сломались при малейшем усилии. Еще сотня — и сломано три. Сибиряки собрались на совет.

— Причина найдена, — объявил Киннисон. — Но для начальства это не доказательство. Надо сделать тысячу испытаний.

Из этой тысячи сломались тридцать две.

— Барт, продиктуй Джине рапорт и отправь его в первый корпус как можно быстрее, а я пойду и побеседую с Маултоном. Думаю, шеф службы безопасности мне обрадуется, — улыбка Киннисона не предвещала ничего хорошего.

Майор Маултон был, как обычно, «на совещании», но у Ральфа не было желания ждать в приемной.

— Сообщите ему, — заявил Киннисон пытавшейся преградить дорогу личной секретарше майора, — или он немедленно меня примет, или я пойду напрямик к его начальству. У него есть шестьдесят секунд, чтобы подумать.

Маултон решил все же побеседовать с назойливым посетителем.

— Я очень занят, доктор Киннисон...

— Ваша исключительная занятость меня не касается. Я обещал сообщить вам первому, в чем причина взры-

вов мин М2, и вот я выполняю обещание. — Взгляд Ральфа был холоден и внимателен. — Слишком хрупкие запалы в чеке. Три целых два десятых процента из них дефектны. И я...

— И я, доктор, просто поражен! Надо направить рапорт по инстанциям... — майор пригладил остатки волос на шишковатой голове и уставился на Ральфа водянистыми хитрыми глазами.

— Рапорт! Формальный рапорт уже подан, но я делаю вам доклад исключительной важности — как шефу службы безопасности. Дефект не был обнаружен экспертами, и любой, кто попытается заняться испытаниями — потенциальный покойник; так вот, если вы немедленно своей властью не приостановите выпуск М2, я лично сообщу ФБР, что вы и только вы ответственны за любой несчастный случай, который произойдет с этой минуты.

Любой работник системы безопасности скорее пресечет какой-либо процесс, чем признает его существование, и в этом смысле шеф энтивилской охраны ничем не отличался от своих коллег; так что Киннисон был очень удивлен, что тот не начал действовать немедленно. Однако он ничего не знал о расстановке сил «за забором».

— Но страна нуждается в этих минах, сэр! Если мы остановим выпуск, то на какое время? У вас есть предложения?

— Да. Мы можем возобновить работу уже завтра, если вы обеспечите экспертизу со стопроцентной надежностью. Ни одна испорченная деталь не должна пройти незамеченной.

— Великолепно! — майор словно излучал удовлетворение. — Отличная работа, доктор! Мисс Морган, вызовите немедленно отдел экспертов...

Это тоже должно было насторожить Киннисона, но он плохо знал людей, работавших в административном корпусе. Ральф вернулся в лабораторию.

Шло время.

Поступило указание разработать стопятидесятимиллиметровые разрывные снаряды, и ими занялись в Де-вятом квадрате с обычным сибирским энтузиазмом. Взрывчатка делалась из чрезвычайно секретной смеси, что вызывало совершеннейший восторг среди сибиряков.

— Но почему, черт подери, создается такая таинственность вокруг этой дряни? — возмущался Блондин,

пристроившийся вместе с пятью другими инженерами за столом Ральфа. В отличие от Кэпа Самнера, Киннисон увеличил свой офис до размеров всей Сибири. — Немцы ведь ее уже давно разработали, разве нет?

— Именно так! А итальянцы уже применили ее в Эфиопии — потому их бомбы были столь смертоносны. Но если уж все засекретили, то пусть так и будет. — Ральф улыбнулся. — Если ты собираешься болтать по ночам, предупреди Бетти, чтобы не подслушивала.

Сибиряки работали. Снаряд М-67 был запущен в производство намного раньше намеченного срока. Заказы начали поступать с такой интенсивностью, что их было просто невозможно выполнять качественно. Производительность увеличивалась, надежность падала. Стали появляться мелкие дефекты. Ничего серьезного; они соответствовали стандартам и изделия проходили проверку без проблем. Однако Киннисон представил формальный протест, который был столь же формально принят к сведению.

Генерал Как-Его-Там, глава инспекционной службы, был смещен за допущенные ошибки; вместо него появился полковник Сноуграсс. А потом М-67 взорвался в дуле пушки, убив двадцать семь человек. Киннисон снова протестовал, на этот раз уже устно, заявив, что расследование было формальным и поверхностным. Затем ему сообщили — так же на словах и без свидетелей, — что расследование было продолжено и причина отнюдь не в снаряде. Появился новый начальник отдела инспекции — полковник Фрэнклин; затем сменили и его.

Сибиряки были слишком заняты, чтобы читать газеты, и они пропустили сообщение о том, что при взрыве снаряда, произошедшего во время учений, погибло несколько высокопоставленных лиц. Они знали, что случай долго расследовался; но даже Киннисон только спустя много лет установил, что в Вашингтоне в конце концов выяснили причину и попытались исправить ситуацию; инспектор, контролировавший надежность нового изделия, был смещен, затем пошли слухи, что глава отдела экспертов не соответствует должности. И вот ничего не подозревавшего Киннисона вызвали в офис суперинтенданта Келлера, отвечавшего за выпуск продукции.

— Киннисон, как вы умудряетесь держать в руках этих невыносимых сибиряков? Я ничего подобного в

ник Сноуграсс. Полковник Фрэнклин... ну, тот скорее штатский... но для такой грязной работы он оказался слишком хорошим человеком.

— Вот именно, грязной, — сухо повторил Ральф. — Продолжай.

— Стоунер всего лишь игрушка в руках Блэка... а этот старый дурак не отличит бомбы от хлопушки!

— Итак... — надо было слышать, как Ральф произнес это слово, чтобы понять, как много смысла можно в него вложить.

— Итак! — взорвалась девушка. — Я с ужасом жду, когда вы что-нибудь натворите... несмотря на вашу любимую поговорку: «Хороший удар можно нанести только твердо стоя на обеих ногах», — Селеста так похоже передразнила Киннисона, что тот, не удержавшись, рассмеялся. — Так когда же вы твердо встанете на ноги?

— Боюсь, уже никогда, — спокойно сказал Ральф. — Мне придется бить, стоя на одной ноге.

— Объясните! — потребовала Селеста.

— Мне нужны доказательства... информация о том, что отправляются забракованные снаряды... даты, размеры партий, имена... А у меня ничего нет — только догадки.

— Этого мало, — согласилась девушка. — Но хватит, чтобы добить Петлера, Вилсона и их дружков. Как я ненавижу этих скользких тварей! А если бы вы спихнули ядовитого гада Келлера, моя жизнь обрела бы смысл!

— Не надо быть такой кровожадной, девочка. Келлер не похож на «ядовитого гада» — скорее, на щенка, тыкающегося головой во все препятствия. Лучше прекрати свои вопли и запомни — драка начнется завтра, в четырнадцать ноль-ноль — после того, как Дрейк забракует сегодняшнюю партию снарядов.

— Правда? Но как. Петлер и Вилсон...

— Не беспокойся, они меня не интересуют. Дать им взбучку можно всегда, а вот настоящий шум подымется тогда, когда я доберусь до Келлера.

— Келлер! Но ведь вас...

— Конечно, меня уволят. Ну и что? Спихнув Келлера, я подниму такую бучу, что придется увольнять многих из его шайки. Тебя тоже могут выгнать, ты была слишком тесно связана со мной.

— Только не меня, — девушка покачала головой. — В тот момент, когда уволят вас, я уволюсь сама. Фу!

Какая важность! К тому же, я запросто найду работу получше в Тонвилле.

— Пока что об этом рано говорить. Но главное — в моих парнях. Я готовил их к такому повороту событий уже давно, но реакцию все равно предсказать не могу.

— Они уволятся все! И сибиряки, и инспектора — все уйдут с вами! — уверенно заявила Селеста.

— Их никто не отпустит, а если они покинут завод самовольно, то Стоунер и Блэк дадут им такие рекомендации, что их никто даже на порог не пустит. Если ребят не станут слишком прижимать, им незачем увольняться. Келлер брызжет слюной, желая избавиться от Сибири, но это не под силу ни ему, ни его прихвостням. Сделаем так, — Киннисон задумчиво побарабанил пальцами по столу, — я напишу докладную Блэку... Надо объяснить ему, что грозит заводу, если мои парни уйдут.

— Вы думаете, он обратит на это внимание?

— Уверен! — сказал Ральф. — Не думай об этом, Селеста... Блэк — умный человек и понимает, что должен сохранить репутацию незапятнанной.

— Но как вы все это провернете? — спросила девушка. — Я бы с вашими ребятами не справилась. И если припомнить еще кое-что... например — патриотизм...

— Патриотизм! Какого черта! Если бы дело было в патриотизме, я давно бы поднял здесь революцию! Дело в моих парнях. Они тоже должны уйти незапятнанными. Достань блокнот, надо набросать план докладной — потом я доработаю ее так, что яд будет сочиться из каждой строчки.

В тот же вечер он рассказал Сони о всех событиях.

— Скорее всего, меня выгонят со столь высокооплачиваемой работы, — закончил Ральф.

— Ничуть не удивлюсь. Зная тебя, милый, глупо ожидать другого, — жена ласково положила руку ему на плечо. — Как бы я хотела свернуть им шеи!

Дальнейшая их беседа была посвящена обычным мелочам, и не стоит приводить ее здесь. В жизни любящих друг друга людей — даже если они женаты около тридцати лет, — должны оставаться какие-то свои секреты, и нам неприлично совать нос в их дела.

На следующий день, в два часа, в офис позвонили, и Селеста немедленно принялась подслушивать.

— Киннисон у телефона.

— Таг, дядюшка Ральф. Все произошло, как мы и предполагали. Дрейк повесил красные флажки на все снаряды. Пидди уже был там наготове и сразу поднял шум. А когда пришел я, он унесся куда-то как ошпаренный. Дрейк не хотел вас беспокоить, но я настоял. Если Пидди бежит с прежней скоростью, он уже у Келлера.

— Отлично, Таг. Скажи Дрейку, чтобы немедленно шел ко мне с рапортом, и я клянусь, что все забракованное не пойдет в поставку. Ты сам не хочешь заглянуть ко мне?

— Хочу ли? — возбужденно проорал Таг и повесил трубку.

— Зачем он вам здесь? — изумленно спросила Селеста, ничуть не беспокоясь о том, одобряет ли шеф столь откровенный интерес к его делам.

— Он мне нужен. Если я смогу сдержать эмоции Тага, значит, и остальные будут спокойнее.

Через несколько минут Таг ворвался в кабинет, буквально волоча за собой Дрейка — инспектора Девятого квадрата. Сразу вслед за ними в приемную прошествовал Келлер в сопровождении еще одного суперинтенданта Как-Там-Его, которого все сибиряки презрительно называли Пидди.

— Черт подери вас всех! Киннисон, немедленно идите сюда, я хочу с вами поговорить, — рычал Келлер, оглушительно хлопая дверьми.

— Заткнись, вонючий ублюдок! — рявкнул Таг; его темные глаза буквально метали молнии. Он выступил вперед, словно прикрывая собой Киннисона. — Сейчас я тебе...

— Спокойно, Таг, я сам этим займусь, — тон Киннисона был холодным и значительным. — Я сам все разьясню — на словах или физически, как им больше понравится.

Он повернулся к Келлеру, который уже успел предусмотрительно укрыться за креслом, стараясь держаться подальше от молодого сибиряка.

— Теперь, что касается вас, Келлер... Даже если господь дал вам мозги незаконнорожденной курицы, стоило бы сообразить, что нашу беседу лучше вести тет-а-тет. Ну, раз вы начали разговор на людях, на людях

мы его и закончим. Почему вы решили, что я стану вам поддакивать? — Киннисон насмешливо приподнял брови. — Так в чем дело?

— С этими снарядами все в порядке! — заорал Келлер. — Велите Дрейку их принять, иначе...

— Заткнитесь! — голос Киннисона прозвучал так веско, что Дрейк замер с открытым ртом. — Я буду говорить, а вы — слушать. Снаряды не должны содержать полости, а эксперты говорят, что там множество каверн — и об этом же докладывают инженеры. Таким образом, снаряды забракованы, и их выпуск будет прекращен.

— Это вы так думаете, — Келлера билa мелкая дрожь, — но завтра — завтра тут будет сидеть другой главный инспектор, который их примет!

— В чем-то вы правы, Келлер. Когда вам надоест лизать сапоги Блэка, скажите ему, что я в офисе.

Киннисон повернулся и подошел к окну. Вытирая со лба пот, Пидди и Келлер ушли, еще раз хлопнув дверью.

— Я уволюсь, дядюшка Ральф... законно или незаконно, мне плевать! — бушевал Тагвелл. — Они примут этот хлам, я...

— Обещай мне не увольняться, пока их не примут, — тихо попросил Киннисон.

— Что? — Глаза Тага и Селесты были полны удивления, но девушка поняла первой.

— О, незапятнанная репутация! — воскликнула она.

— Именно! Ни этот снаряд, ни прочий брак принят не будет. Вам кажется, что мы проиграли — ведь я буду уволен... Но со временем вы поймете, что поле боя — за нами. И если вы, как и раньше, будете стоять в одной шеренге, то выиграете еще не одну битву.

— Но если мы поднимем шум, нас тоже уволят, — сказал Дрейк.

— Сомневаюсь. Правда, ты выглядишь так, будто сам собираешься подавать заявление об уходе, — Киннисон улыбнулся чему-то, еще не понятному этим горячим молодым парням.

— Что Стоунер и Блэк сделают с нами — вполне понятно, но вот что они сделают с вами? — Таг был явно взволнован.

— Ничего, — заверил его Ральф. — Вы, молодые, еще мало известны, а у меня такая репутация, что любой, поливший меня грязью, будет просто осмеян. Так

что отправляйтесь в Девятый и вывешивайте красные флажки на всем, что не соответствует стандарту. И попрощайтесь за меня со всей нашей бандой...

Через час Киннисон был вызван к президенту компании. Он был совершенно спокоен, чего нельзя было сказать о Блэке.

— Было решено... просить вас об отставке... — в конце концов выдавил тот.

— Поберегите нервы, — посоветовал Киннисон, — я приехал сюда, чтобы работать, и единственный способ избавиться от меня — это уволить.

— Этого мы ожидали... Вопрос только в том, какую причину увольнения указать в ваших бумагах.

— Любую, — Киннисон пожал плечами. — Но с одним исключением — если будет хоть намек на мою некомпетентность, вам придется доказывать это в суде.

— Может быть — психологическую несовместимость?..

— О'кей!

— Мисс Бриггс, впечатайте — «несовместимость с руководящими работниками фирмы». Подождите, Киннисон, сейчас все будет готово.

— Отлично. У меня есть еще кое-что для вас. Я прекрасно понимаю, что и вы сами находитесь между Сциллой и Харибдой. Вам придется плохо, если вы задержите поставки, и еще хуже, если бракованная продукция попадет на фронт...

— Какая бракованная продукция! О чем вы говорите, Киннисон! Что за бред! — Блэк возмущался очень искренне, но глаза, сузившиеся и внимательные, выдавали его сразу.

— Если вы отправите этот проклятый снаряд, будут еще несчастные случаи. Не много, один на тысячу. Но вы понимаете, что теперь нельзя допустить даже одного. Этот идиот Келлер поднял невероятный шум, его слышал весь корпус, и все уже в курсе — и мои сибиряки, и клерки, и техники — все, кто был в здании, теперь знают о вас, Келлере, Пидди и прочих вполне достаточно, чтобы устроить бунт. И никто, даже набор рождественских шишек из Вашингтона, их не остановит. С другой стороны, я полагаю, что у вас хватит мозгов, чтобы не допустить скандала. Я обещал своим парням, что вы не отправите дефектные и опасные изделия, и думаю, что на этом мы с вами и сойдемся.

Все напускное спокойствие и солидность его собеседника словно ветром сдуло.

— Вы им обещали! — в отчаянии крикнул Блэк. — Да вы!!!

— Почему бы и нет, — с невинным, но крайне многозначительным видом сказал Ральф. — Не хочу произносить проповеди, но бороться с честностью и порядочностью бесполезно... Надеюсь, теперь вы это поняли.

— Вон!!! Берите свои бумаги и убирайтесь!

Доктор Ральф Киннисон покинул кабинет президента Блэка и артиллерийский завод с высоко поднятой головой.

Так закончилась его вторая война.

Глава 6

ГОД 19...

— Теодор Киннисон! — С экрана визиофона на Теодора смотрело спокойное мужское лицо. Еще плохо понимая спросонку, что произошло, он потянулся к кнопке связи, но проснувшаяся первая жена его опередила.

— Слушаю, — ответил он, понимая, что теперь гбворящий видит его заспанную недовольную физиономию.

— Операция «Снегирь». Они идут над полюсом.

— Операция «Снегирь» — вызов принял! — рывкнул, вскакивая, Тед. Экран погас. Он повернулся к жене и замер, пораженный отчаянным и безнадежным выражением ее лица: расширенные глаза, в которых затаился ужас, бледные, как мел щеки, капельки пота на висках, руки нервно прижаты к груди. Симона была исключительно красива — высокая, стройная блондинка с соломенными волосами и ярко-голубыми глазами, — но в этот момент она выглядела испуганной девчонкой, не знавшей, что же ей делать.

— Спокойней, девочка, спокойней, — шепнул Тед, привлекая ее к себе, — все будет хорошо, крошка, не волнуйся.

Взяв давно приготовленные чемоданы, он вышел из дома и выкатил из гаража серебристо-серую, сверкающую машину. За эту минуту Симона успела одеть и собрать в дорогу их ребятишек — четырехлетнего мальчика и хорошенькую кудрявую двухлетнюю девочку.

Несмотря на спешку, и дети, и родители были аккуратно одеты в дорожные комбинезоны, а малыши даже прихватили с собой любимые игрушки.

— Таблетки кодеина не забыла? — спросил Тед жену, помогая своему семейству разместиться в автомобиле.

— Все на месте.

— Они тебе понадобятся. Гони на полной скорости — и старайся держаться впереди. Машина у тебя отличная, масла и бензина хватает... главное — отъехать от города на несколько сотен миль, и вы в безопасности.

— Я беспокоюсь не о нас, а о тебе, — всхлипнула Симона. — Жены специалистов получают предупреждение первыми, и я буду впереди всех беженцев. Но ты, Тед! Ты!

— Не беспокойся, милая, мой мотоцикл достаточно быстр, а дорога в этот час совершенно свободна...

— Ты знаешь, что я беспокоюсь не об этом!

Они уже сидели в машине. Киннисон уложил чемоданы в багажник; дети радостно галдели, ослепительное летнее солнце ласкало встревоженные лица взрослых.

— Не волнуйся, девочка, я обязательно вернусь. — Он поцеловал жену и дочку и, пожав руку сыну, добавил: — Малыш, вы с мамой едете навестить дедушку Киннисона... Он вас давно уже ждет, и вы это знаете. Будет очень весело. Я приеду к вам чуть позже... А теперь, моя длинноногая леди, — он повернулся к жене, — жми на газ!

Тяжелая машина словно присела перед прыжком и, взметнув клубы пыли, быстро исчезла из виду.

Киннисон бросился к маленькому, притулившемуся возле дома гаражу и вывел оттуда свой мотоцикл. Приземистый корпус машины был словно утыкан красно-зелеными фарами, которые сейчас мигали тревожными огоньками. Резким движением Тед загнал плоскую коробочку в подготовленную для нее щель, и тишину разорвал оглушительный вой сирены. Оседлав своего ревущего стального скакуна, Тед вылетел со двора и, развернувшись под невероятным углом, понесся к Центру.

Красный свет светофора его не остановил — звуки сирены были слышны за милую, и весь транспорт замер, пропуская его. Еще одна сирена взвыла за спиной — его догонял полицейский мотоцикл, также сверкая свои-

ми огнями. «Молодцы — быстро работают», — подумал Тед.

— Началось? — прокричал одетый в форму полицейский, стараясь перекричать вой мотора.

— Да, — завопил в ответ Киннисон. — Уводи людей к Дальней дороге, Карри, или на север, к Воксгану! Передай всем!

Черно-белый мотоцикл отстал, повернув к участку; там, схватившись за микрофон, полицейский начал отдавать распоряжения.

Киннисон мчался вперед. На Инсер-авеню поток машин был настолько плотным, что Теду пришлось замедлить ход; на улице Пуласки его пропустили на красный свет. За Сакраменто ни одной машины уже не было.

Семьдесят... Семьдесят пять... Мост он пролетел на восьмидесяти, оторвавшись колесами от земли. Восемьдесят пять... Девяносто... больше он не рисковал прибавлять скорость, опасаясь просто не удержать тяжелую машину на старом заезженном шоссе. Он уже не был одинок в дороге; множество таких же, как у него, сверкающих машин несло в том же направлении, выныривая из каждой подворотни, а иной раз и сокращая путь через чьи-то участки. Пришлось снизить скорость и влиться в поток мотоциклов.

Сигнал тревоги, возвещавший общую эвакуацию Чикаго, разносился над городом, но Киннисон был слишком далеко, чтобы слышать его резкие звуки.

Через парк, еле-еле вписавшись в поворот — такое количество мчавшихся в одном направлении машин существенно замедляло движение — затем под виадук и, левым поворотом, на шоссе — прямую дорогу на север.

Эта магистраль была задумана как скоростная — как, впрочем, и его мотоцикл. Каждый из гонщиков пригнулся, вжав подбородок в мягкое углубление шлема, и давил педаль скорости. Все они очень спешили; ехать было еще далеко. Каждый из этих парней, так называемых «техников», торопился занять свой пост и прикрыть часть страны от атомного удара; каждый из них знал свое место в Генеральном Плане Защиты, ничтожную часть которого составляла операция «Снегирь».

Дорога повернула направо и, сбавив скорость, Киннисон въехал в тяжелые, широко распахнутые ворота. Охрана никого не останавливала: яркие огни служили своеобразным пропуском для мотоциклов, а настоящая

проверка была еще впереди. Повернув за угол, Тед соскочил с машины, и подбежавший охранник тут же увел ее в сторону, освобождая место следующим.

Киннисон подошел к стене здания, которая казалась сплошной, подставив свою спину под нацеленные стволы автоматов, и надавил незаметную кнопку. Из стены выдвинулось что-то вроде чаши, и Тед прижался к ней лицом. В отличие от отпечатков пальцев, рисунок сетчатки глаза было невозможно подделать или изменить, и любой чужак, рискнувший подвергнуться здесь подобной процедуре, умер бы сразу, без допроса и следствия — ведь каждый из приехавших держал в своих руках судьбу всей страны.

Стена плавно отошла в сторону, открывая широкую лестницу. Спустя пятнадцать секунд Тед вбежал в огромную, переполненную людьми Диспетчерскую.

— Хай, Тед! — зазвучали голоса.

— Привет! Привет! — улыбаясь, отвечал он; большинство собравшихся были его закадычными друзьями.

— Где остальные? — спросил он. — Еще не все появились? Ну, мой-то экипаж уже на месте.

Они действительно были на месте, когда Тед протиснулся в люк своего корабля и, миновав узкий коридор, вошел в рубку управления. Приветствовав команду кивком головы, он приказал:

— Ну-ка, Лем, займись шариком.

— О'кей, босс, я уже...

Это не было шаром; предмет гораздо больше напоминал полусферу, которой искусно придали форму северного полушария. На ее поверхности мерцали и переливались яркие огни, отражая движение смертоносных снарядов, мчавшихся к американским городам. По заявлениям официальной пропаганды, Америка располагала большим количеством ракет — что вполне соответствовало истине; а вот утверждение о том, что она обладает и универсальной системой защиты, еще предстояло доказать. Вскоре на карте вспыхнула цепочка голубых огоньков — заработала первая линия обороны; потом засияла полоска янтарных — вторая линия тоже была готова; наконец, возник зеленый прерывистый контур третьей линии, ограждавшей Чикаго, Нью-Йорк и Бостон. Вскоре после этого доложили о готовности четвертая, пятая и шестая линии.

Зазвенел сигнал. Сгрудившиеся вокруг полусферы мужчины бросились к глубоким креслам, расставленным

по периметру рубки; перед каждым возвышался пульт, заполненный кнопками и экранами величиной от спичечного коробка до большой книги. Боевой корабль номер 685, набитый под завязку противоракетными снарядами, пошел на взлет с громоподобным воем, который не мог заглушить даже его массивный корпус.

Выше! Быстрее! Пройдена скорость звука... Еще быстрее! Еще выше! Пятьдесят миль, сто... тысяча, две тысячи... разворот — и весь контингент Чикагской службы безопасности вышел на нужную высоту и устремился в бой.

Ускорение уменьшилось. Техники, облегченно вздыхая, снимали шлемы, вытирали потные лбы.

Киннисон следил за россыпью точек на экране локатора. Его приборы были гораздо точнее, чем те, что передавали информацию на глобус; там все казалось упрощенным и более примитивным. Сейчас, в условиях боя, к услугам техников были радары и компьютеры, но расстояние до вражеских ракет оставалось еще слишком большим, чтобы полностью доверять их показаниям.

Этот полет ничуть не напоминал обычные тренировочные бои, когда целью служила безобидная почтовая ракета, пусть даже запущенная с огромной скоростью. Сейчас все было реально; смертельная угроза, таившаяся в мерцающих на экране точках, заставляла дрожать пальцы и путала мысли. А для точного попадания требовались спокойствие, внимание и мгновенная реакция.

Неужели ракеты? Да! Три или четыре уже приближались.

«Цель один — зона десять», — прозвучал спокойный голос в паушниках Киннисона и, словно услышав его, белые всплески на мониторе засияли желтовато-зеленым огнем. Те же слова слышали остальные двенадцать техников — весь экипаж корабля; и, так же, как Тед, они буквально впились взглядами в свои дисплеи. Этих людей подбирали с помощью множества тестов и испытаний, а лучший из них — в данном случае, сам Киннисон, — назначался командиром. Голос, сообщавший позиции целей, принадлежал координатору их линии обороны, который рассчитывал скорости, направления и прочие характеристики атакующей армады по данным, получаемым от наблюдателей на земле и в небе. Сейчас маневрировавший в вышине корабль находился в полной боевой готовности; «зона десять» означало, что до появления цели

в пределах досягаемости их орудий еще уйма времени. Однако Киннисон приказал:

— Цель один. Лоренс — первый, Дойль — второй, Друммонд — третий.

Услышав команду, каждый из техников забежал пальцами по клавиатуре, вслушиваясь в слова координатора и стараясь даже на мгновение не упустить из вида цель. Компьютеры рассчитывали курс, противоракетные торпеды класса «воздух-воздух» были готовы поразить противника.

Киннисон, зная, что Лоренс — самый меткий стрелок, велел ему выпустить пару снарядов. Ни один из них не мог сбить вражескую ракету с такого расстояния, но они приблизились бы к мчавшейся над полюсом армаде, и их датчики могли выдать ценную информацию. Эти сведения помогли бы Дойлю, второму стрелку, более тщательно рассчитать свои удары.

Друммонд — третий номер звена — не имел права выпускать снаряды, если Лоренс и Дойль не промахнутся. Такой же порядок был установлен в остальных звеньях; сам Киннисон мог действовать только по приказу координатора — командиры приберегали свои огневые средства на случай непредвиденных осложнений.

— Цель два — зона девять, — произнес сухой голос координатора.

— Цель два, — повторил Тед. — Карни — первый, Френч — второй, Доу — третий.

— Черт, промазал! — огорченно простонал Дойль.

— Ничего, снарядов у нас хватит, — в янтарных глазах Киннисона была твердая решимость. — Мы ее возьмем!

Огненная точка цели номер один вспыхнула и погасла. Друммонд довольно кивнул головой и, нажав несколько клавиш на пульте, перезарядил свои орудия.

— Цель три — зона восемь, четыре — восемь, — сообщил координатор.

— Цель три — Хиггинс, Грин, Харпер. Цель четыре — Казйс, Лопес, Сантос.

Через несколько минут ситуация стала поспокойнее; огоньки второй, третьей и четвертой целей погасли, и операторы слегка расслабились.

— Цель сорок один, — прозвучал голос координатора.

— Первое звено, готовности! — приказал Киннисон. — Лоренс, Дойль, Друммонд!

— Тед! — внезапно крикнул Лоренс. — Я промазал! Похоже, в этой жестянке — пилот! Дойль, следи за ней! Следи!

— Киннисон, займись им, — голос координатора прозвучал резко и отрывисто; он не стал ждать выстрела Дойла. — Он уже в третьей зоне и держит курс прямо на нас!

— Принято!

Получив данные, Киннисон рассчитал траектории своих торпед; одна, две, три — остальные пошли так кучно, что их нельзя было различить на экране радара.

Начальные подсчеты и выкладки производились компьютером, но все остальное зависело не от машины, а от человеческого мастерства, от тренированности нервов, мышц и скорости реакции. Глаза Киннисона перебежали со столбиков цифр на мониторе на экран радара; в то же время левой рукой он регулировал скорость торпед, а пальцы правой буквально плясали по клавиатуре.

— Первая прошла на волосок! — воскликнул он. — Теперь немного левее...

Ракета противника продолжала полет; она уже достигла второй зоны. Киннесону казалось, что первая же его торпеда поразит цель, но вражеский пилот успел маневрировать в самый последний момент. Вторая торпеда скользнула чуть выше корабля противника; третья приблизилась еще больше, и радар показал слияние корпусов. Тед, однако, не спешил радоваться удачному выстрелу — ошибка была весьма возможна. Вдруг яркая точка на мониторе слежения погасла. Взрыв вражеской ракеты наверняка уничтожил все живое на много миль вокруг, но какая бы не таилась в ней начинка, больше опасности не было.

— Сорок первая уничтожена! — отрапортовал он координатору, и снова взялся за руководство своим экипажем.

Сражение продолжалось. Раз за разом его техники выпускали торпеды, да и сам Тед еще трижды вступал в бой. Первая волна атаки — вернее, то, что от нее осталось, — прошла сквозь них, чтобы найти гибель от торпед четвертой и следующих линий. Начался второй заход: безумная схватка ярилась, торпеды пронизывали воздух, взрывы сотрясали землю, точки целей то возникали, то гасли на экранах. Оборона устояла.

Третья атакующая волна была поистине чудовищной.

Техники уже не получали столь полной информации, как в начале битвы; видимо, многие посты и системы наблюдения вышли из строя. Корабль Киннисона прошел сквозь стену огня, страшнее которого планета еще не знала; мысли людей путались, движения замедлились, но они продолжали бой почти с прежней эффективностью.

Третья волна миновала. Ракеты появлялись все реже и реже; можно было расслабиться.

Ни экипаж, ни командир не имели понятия, что происходит на континенте. Они даже не знали, какой смертоносный груз несли сбитые ими ракеты — все они были всего лишь яркими точками на экранах локаторов. И они не представляли, куда теперь направят их корабль — но, в любом случае они двигались навстречу опасности.

— Что творится снаружи? Пит, у нас есть пара минут, так что выкладывай, — попросил координатора Киннисон.

— Слушайте. Шесть из сбитых вами ракет несли атомные боеголовки, и они нацеливались на пятую и шестую линии; еще пять были с нашими опознавательными знаками. Вы хорошо поработали, ребята, можете гордиться! Прорвалось очень немного, так что особого вреда нам они не принесут. Из наших ракет ответного удара сбили очень немногие — так что их система хуже нашей, а уж таких стрелков у них точно нет.

Техники заулыбались — суровый координатор очень редко баловал их комплиментами. Потягивая укрепляющие напитки, они наслаждались покоем, однако в каждом жила неотступная мысль — что с их семьями?.. со всеми остальными людьми?..

Словно подслушав их мысли, координатор произнес:

— Остальные страны словно взбесились. Наше западное и восточное побережье непрерывно атакуют, но их техники еще держатся, а вот Европы больше не существует — там палят друг в друга как сумасшедшие. По моим данным, Южная Америка бомбит Азию, а оттуда в ответ запустили тучи ракетных снарядов. Мир сошел с ума, — голос координатора как-то подозрительно дрогнул.

Улыбки медленно сползли с молодых лиц, глаза снова стали строгими и внимательными.

— А наши потери? — хрипло спросил Дойль.

— Мы неплохо держимся... относительно, конечно.

Потери меньше предполагавшихся — только семь процентов. Погибла первая линия и все посты наблюдения — подозрительно, как они умудрились вычислить большинство из них, крайне подозрительно...

Корабль продолжал барражировать над Гудзоновым заливом, экраны были чисты, никаких признаков опасности не наблюдалось. Внезапно экраны вновь ожили — пришло сообщение о еще одной волне ракет, отличавшихся странной конструкцией; летели они над самой землей.

Их заметили слишком поздно. Координатор попытался рассчитать курс, пальцы техников забегали по клавишам, но армада неумолимо продвигалась вперед.

В испепеляющем пламени атомного взрыва Теодор Киннисон даже не осознал, что происходит с кораблем и с ним самим.

А где-то далеко маленькая кареглазая девочка, вскрикнув, забилась в руках матери. Ни ласка, ни уговоры не могли успокоить ее; перед глазами малышки — необычными, карими, с золотыми искорками, — стояло запрокинутое лицо отца на фоне огненной стены. Пройдет время, и трагедия забудется, но зрение души — «глаза орла», будущий знак носителей Линзы, никогда не покинет эту девочку и сохранится в ее потомстве.

* * *

Гарлейн Эддорский посмотрел на разрушенную Землю, плод своих усилий, и решил, что поработал совсем неплохо. Куда он отправился затем, нам неизвестно — ведь он был убежден, что еще сотни и сотни лет Земля не доставит ему никаких неприятностей. На протяжении следующего тысячелетия Гарлейн посетил Ригель, Полэн VII, затем вплотную занялся Велантией — там дела шли из рук вон плохо, его ставленники, Верховные Лорды, деградировали на глазах, и многое пришлось исправлять. Восстановив порядок вещей, Гарлейн вернулся в пределы Внутреннего Круга и начал безрезультатно искать виновного во всех своих неудачах.

* * *

А на Аризии вновь состоялся большой совет: пришло время вмешаться в дела эддориан.

«Готовы ли мы начать открытую войну? — не-

уверенно спросил Эукондор. — Очистить Землю от радиоактивных отходов и чудовищных мутантных форм жизни не составит труда, а из людей, спасшихся в Северной Америке, вырастет и распространится по планете новое племя, сильное и приверженное демократическим традициям. Они колонизируют Марс, Венеру и Астероидный Пояс. Но Гарлейн... он начнет действовать под именем Роджера, и брошенные им семена вырастут в Юпитерианские войны.»

«Твои мысли интересны, юноша. Продолжай. Думай.»

«Межпланетные войны неизбежны. и они только укрепят правительство Внутренних планет — конечно, если не вмешается Гарлейн. Пожалуй, он не сразу поймет, что происходит; ведь Земля — его стараниями! — опять лежит в руинах. Когда же он снова посетит ее, будет слишком поздно. Мы будем действовать в телах людей, и Роджер не сможет повредить новой цивилизации.»

Теперь же нам стоит обратить внимание на Невис. Эддориане не интересуются этой удаленной и незаметной планетой; ведь вся она покрыта водой и там очень мало суши. Но невиане — амфибии, способные дышать и в воде, и в воздухе — могут переносить большие ускорения, а мы поможем им создать межзвездные корабли. Затем придет час, когда они встретятся с людьми... И, волей или неволей, амфибии передадут им массу полезного... Полициклический щит, реакторы на активированном железе, деструкционные лучи... Земная цивилизация выйдет к звездам — внезапно и быстро! Я правильно мыслю?»

«Очень хорошо, — одобрили Старшие. — Зрелые и разумные выводы.»

Прошли тысячи земных лет. Столетия разрухи и безлюдья. Эпоха реконструкции. Эра возрождения. Век колонизации новых миров. Объединение. Юпитерианские войны. Наконец — мощный, непоколебимый союз планет Солнечной системы.

Ни один из эддориан не догадывался о таком стремительном развитии; Гарлейн был уверен, что застанет на Земле только стаи хищных варваров.

И стоит отметить, что за это время мужчины по имени Кииннисон не раз женились на девушках с рыже-каштановыми волосами и карими, сверкающими золотыми искорками глазами.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ТРИПЛАНЕТИЕ

Глава 7

ПИРАТЫ КОСМОСА

Гигантский межпланетный крейсер «Гиперион» стремительно мчался в ледяной тьме, с каждой секундой удаляясь от Земли. Стоя на мостике, в централи управления, капитан Брэдли пристально следил за россыпью разноцветных огоньков на приборных панелях, полукольцом охватывающих переднюю часть отсека. Внезапно прозвенел зуммер, и капитан, нахмурив брови, бросил взгляд на короткое сообщение, выведенное на экран его дисплея оператором связи. Он кивнул вахтенному офицеру, и тот, получив это молчаливое разрешение, наклонился над плечом Брэдли и прочел: «Сообщения разведпатрулей остаются негативными».

— Остаются негативными... — задумчиво произнес офицер. — Но ведь они уже прочесали более обширный район, чем сектор возможного обнаружения обломков... Совершенно необъяснимые исчезновения — сначала «Диона», потом «Рея»... И оба корабля — за один месяц! Пусть от них не осталось ни единой спасательной шлюпки, но хотя бы обломок микросхемы!.. Мне это совсем не нравится, сэр. Одна авария может быть случайностью, но две... — он умолк.

— А на третий раз это уже становится закономерным, — закончил его мысль капитан. — Меня больше всего тревожит внезапность катастрофы. Ведь ни один из лайнеров даже не послал сигнала бедствия — я уж не говорю о каких-либо сообщениях! Их управляющие комплексы просто переставали выдавать координаты — и все! — Брэдли раздраженно потер подбородок. — Однако у них не было ни наших следящих мониторов, ни нашего вооружения. Сейчас, судя по докладам с наблюдательных постов, мы в чистом эфире, но будь я проклят, если стану им доверять — любому из

этих подслеповатых лодырей от Луны до самого Марса! — он взглянул на вахтенного. — Вы получили новые указания?

— Разумеется, сэр. Задействованы все следящие мониторы и три линии барьерных экранов, эмиттеры полностью укомплектованы расчетами, десантные группы готовы. Любой обнаруженный нами объект будет немедленно идентифицирован, каждый корабль — предупрежден. Тот, кто попытается пересечь контрольную зону, попадет под огонь наших орудий.

— Все правильно... на войне как на войне.

— Именно так, сэр, — кивнул вахтенный. — Я совсем не удивлюсь, если в слухах об этих происшествиях окажется немалая доля истины.

— С чего вы это взяли? — фыркнул капитан, покосившись на своего офицера. — Пираты на сверхсветовых крейсерах, субэфирные лучи, безынерционные манипуляции в поле тяготения... да это же просто смешно! Этого не может быть! — его кустистые брови взлетели вверх. — Если в этом секторе и творится разбой — что, к сожалению, похоже на правду, — средства у мерзавцев поскромнее. И никому из них не выстоять против наших мультитеплексных эмиттерных батарей, прикрытых тремя барьерными щитами! Этого хватит на любого — пиратов, нептунан, ангелов или дьяволов, на звездолеты или верхом на метле! И если они попробуют взяться за «Гиперион», мы попросту выжжем их из эфира!

Отдав салют, вахтенный отправился в обход корабля; он был непрочь поскорее убраться с глаз раздраженного начальства. Шесть больших мониторов дальнего слежения, в темную глубину которых напряженно всматривались дежурные операторы, спокойно мерцали, их чувствительные ультрасенситивные детекторы ничего не обнаруживали — пространство было чистым на тысячи и тысячи миль. Сигнальные лампочки на панели пилота не мигали, зуммеры молчали. Яркая светящаяся точка находилась прямо в центре микрометрической сетки, в перекрестии направляющих линий; значит, гигантский крейсер шел точно по проложенному автоматическими интеграторами курсу. Все было в порядке; управляющий комплекс корабля функционировал с обычной стопроцентной надежностью.

Завершив обход, вахтенный так и доложил капитану Брэдли: «Все в порядке, сэр.» Тем не менее, это было далеко от истины.

Смертельная опасность угрожала огромному звездолету — тем более страшная, что источник ее находился на самом корабле. В закрытом и тщательно защищенном отсеке, глубоко в стальном чреве «Гипериона», мерно гудел большой климатизатор, разгоняя по обитаемым палубам потоки чистого воздуха. В этот момент над его трубопроводом — главной кислородной артерией судна — согнулась фигура в неуклюжем защитном скафандре. Плечи человека подрагивали, он склонялся все ниже и ниже — и все глубже в стальную стенку трубопровода вгрызалась дрель, негромко жужжавшая в его руках.

Вскоре сверло прошло насквозь, и в отверстие был вставлен гибкий и плотно пригнанный шланг, на конце которого находился тяжелый металлический цилиндр с хрупкой стеклянной ампулой внутри. Человек стоял в напряженной позе, глядя на циферблат хронометра, светившегося на левом запястьи; его правая рука сжимала цилиндр, большой палец лежал на торце, поглаживая едва заметный выступ. Сквозь прозрачное забрало шлема была видна ухмылка, игравшая на губах незнакомца — он ждал точно высчитанного момента, когда его палец, надавив на кнопку, освободит содержимое хрупкого сосуда, и оно медленно растечется по отсекам огромного корабля.

* * *

А на верхней палубе крейсера, в большом салоне, были в разгаре ежевечерние танцы. Недостатка в партнершах не было; по давней традиции, в поход обычно брали гостей — специалистов, ученых или просто привлекательных девушек, помогавших скрасить томительную скуку долгих перелетов. К тому же, в команде крейсера имелись и женщины.

Оркестр грянул последние аккорды, раздался гул оваций, и Клио Марсден, по единодушному мнению офицерского состава самая блестящая красавица этого вояжа, предложила своему партнеру прогуляться к одному из наблюдательных мониторов.

— О, Землю больше не видно! — с легким разочарованием воскликнула она. — Куда направлен этот монитор, мистер Костиган?

Конвэй Костиган, рослый молодой мужчина, старший офицер «Гипериона», добавил увеличение.

— Этот направлен назад, на Землю, а этот смотрит вперед, — показывая, он коснулся пальцами прохладного стекла.

Земля выглядела сейчас ярко сверкающим полумесяцем, висевшим где-то в безмерной дали под корпусом корабля. Впереди по курсу пылали красный Марс и серебристый Юпитер — два ярких огонька на фоне бархатного черного занавеса, усыпанного мириадами сияющих звезд.

— Боже, какое великолепие! — взволнованно выдохнула девушка. — Вы-то, конечно, уже привыкли к подобному зрелищу, но я впервые покинула Землю и, кажется, могла бы любоваться на это вечно! Вот почему мне доставляет такое удовольствие прогуливаться здесь. Вы знаете, Конвэй, я...

Внезапно голос ее прервался, ладонь судорожно вцепилась в запястье Костигана и тут же обмякла. Он недоуменно взглянул на девушку, и в то же мгновение понял, что с ней происходит. В ее расширившихся, лихорадочно блестящих глазах плескался ужас; теряя сознание, она пошатнулась и начала падать, но офицер подхватил ее за талию. Сжав губы, затаив дыхание, он рывком вытянул из-за пояса плоский блок переговорного устройства и надавил клавишу «Тревога».

— Мостик! — выдохнул он, и все динамики крейсера повторили хриплый шепот, вырвавшийся из его горла вместе с остатками воздуха. — Газ Ви-два! Задержать дыхание!

Корчась в отчаянной попытке сдержать вдох, с безжизненным телом девушки на сгибе левой руки, Костиган бросился к тамбуру ближайшей спасательной шлюпки. В этот момент оркестранты безвольно выронили свои инструменты, танцующие пары мягко осели на пол; и в наступившей тишине молодой офицер, перед глазами которого уже вращались огненные круги, справился с входным люком шлюпки. Он рванулся через крохотную рубку к воздушным вентилям автономного климатизатора, открыл их на полную мощность и принял ртом к живительному потоку, наконец-то позволив своим измученным легким сделать первый вдох. Едва придя в себя, он снова задержал дыхание, вскрыл шкафчик слева от пульта и натянул один из хранившихся там аварийных защитных костюмов; он широко открыл клапан на его воздушном баллоне, чтобы очистить скафандр от остатков смертельного газа.

Затем он повернулся к лежавшей без сознания девушке. Быстро захлопнув люк, он пустил ей в лицо струю чистого кислорода и начал делать искусственное дыхание, ритмично сгибая тонкие руки Клио. Через несколько минут она закаплялась, сделав первый судорожный вдох, и Конвэй поменял кислород на воздух. Когда девушка открыла глаза, он быстро проговорил:

— Держитесь за эту стойку и не отводите лицо от воздушного потока, пока я не надену на вас скафандр. Вы поняли меня?

Клио слабо кивнула. Убедившись, что она может стоять без его поддержки, молодой офицер облачил ее в защитный костюм — дело двух минут при надлежащем опыте. Затем, когда она в изнеможении упала в пилотское кресло, Костиган щелчком включил видеофон внутренней связи и набрал код централи управления. Там, над приборными панелями, по-прежнему невозможно сиявшими россыпью цветных огней, склонились одетые в скафандры фигуры.

— На корабле лазутчик! — Сейчас старший офицер говорил со своим капитаном без соблюдения должной субординации, как часто бывало в Трипланетарном Флоте в экстремальных случаях. — Скорее всего, отравляющий газ попал в главный воздухопровод. Не исключено, что таким же способом были захвачены и два предыдущих судна. Это пираты! Или человек, или подброшенное на корабль автоматическое устройство! — на миг он сделал паузу, потом задумчиво произнес: — Только Фрэнклин мог отключить контрольный щит большого климатизатора... Ну, я проверю, что там произошло, а потом поднимусь к вам наверх. Держитесь, парни!

— Что это было? — спросила потрясенная девушка. — Мне кажется, вы сказали: «Ви-два». Но ведь этот страшный газ запрещен! — ее лицо исказила гримаса ужаса. — Вы спасли мне жизнь, Конвэй, и я никогда этого не забуду... никогда! Но другие... что случилось с ними?

— Да, это был Ви-два, и он действительно запрещен, — жестко ответил Костиган, не отрывая взгляда от видеофона, через который он методично вызывал телемониторы служебных отсеков крейсера. — Наказание за его применение — казнь; за хранение — вечная ссылка. Но гангстеры и пираты, заочно приговоренные к смерти, частенько используют его — терять-то им нечего... — Конвэй искоса бросил взгляд на бледное лицо девуш-

ки. — Что же касается вашей жизни, то она вне опасности, Клио. А остальные... я не успел бы привести их в чувство... я и с вами чуть не опоздал... еще на пару секунд дольше... — Его ловкие пальцы отстукивали код за кодом на клавишах видеофона; картина за картиной сменялась на маленьком экране. — Но у нас, к счастью, есть действенный антидот, он всегда хранится в неприкосновенном запасе наших скафандров... мы знаем, что многие подонки не побрезгуют использовать Ви-два и тому подобные смертельные штучки... и мы готовы к этому. Так что, когда воздух очистится, мы приведем в сознание всех, кто надышался этой мерзостью. С этим проблем не будет, но вот что может произойти после...

Внезапно он оборвал свой монолог и резко выпрямился. На экране застыла фигурка в неуклюжем скафандре высокой защиты; блики света играли на лицевом щитке, не позволяя разглядеть черты лазутчика.

— Ага, я так и думал, вот он — прямо в воздушном отсеке! Он в скафандре главного инженера, но это не Фрэнклин. Вероятно, один из пассажиров... наших гостей. Застал врасплох беднягу Фрэнклина, забрал его скафандр и ручной эмиттер. Ну, а потом дыра в трубопроводе и — пс-с-ст! — экипаж готов! Может, это все, что он намеревался сделать на этот раз, но, уверяю вас, больше он ничего не успеет сотворить!

— Костиган, не ходите туда! — взмолилась девушка. — Его скафандр намного прочнее, чем ваш аварийный костюм, а у него теперь «левистон» мистера Фрэнклина!

— Не говорите глупостей! — резко оборвал ее Костиган. — Вы что думаете — мы можем позволить, чтобы на борту крейсера разгуливал живой пират, в то время, когда будем заняты с его приятелями, которые не замедлят объявиться снаружи? Не беспокойтесь, я не собираюсь давать ему ни малейшего шанса. Я возьму «стэндиш» и сотру его в порошок. Не уходите отсюда, пока я не вернусь за вами! — приказал он, и тяжелая дверь спасательной шлюпки с лязгом захлопнулась за ним.

Конвэй шагал через салон, не обращая внимания на распростертые на полу безжизненные тела. Подойдя к глухой стене, он нажал на ряд незаметных выступов, и перед ним, за отъехавшей в сторону тяжелой дверью, показалась глубокая ниша. Он вытащил из нее «стэндиш» — наиболее мощное лучевое оружие, которым

располагали Флот и Служба. Массивное и тяжелое, оно походило на огромную винтовку, но было снабжено толстым коротким стволом с несколькими непрозрачными конденсирующими линзами и параболическим отражателем. Сгибаясь под тяжестью «стэндиша», молодой офицер углубился в лабиринт коридоров, потом спустился на несколько уровней по крутому трапу. Наконец, он подошел к отсеку главного климатизатора и свирепо усмехнулся, заметив зеленоватую дымку, затягивающую его дверь — барьерный экран; значит, пират все еще был внутри, продолжая отравлять ядовитой мерзостью палубы «Гипериона».

Он опустил наземь свое оружие, выдвинул три тяжелые подпорки, пристроился плашмя на полу и повернул переключатель. Тусклый красный луч огромной пробивной силы, отразившись от рефлектора, ударил по защитному экрану; эффект был подобен вспышке десятка молний. Силовой барьер не продержался и нескольких секунд — зеленоватое свечение раздалось под превосходящей мощностью «стэндиша». Металл двери, не защищенный более экраном, изменяя окраску, пробежал всю гамму спектра — от красного через желтый, зеленый и голубой до ослепительно белого, а затем взорвался и потек, расплавленный и сожженный.

Теперь за уничтоженной дверью Костиган увидел человека в скафандре главного инженера — этот защитный костюм выдерживал огонь обычного оружия и мог некоторое время противостоять даже лучам «стэндиша». К тому же лазутчик тоже был неплохо вооружен — сжигающее пламя выплеснулось из дула его эмиттера, и вспыхнуло, засверкав разноцветным фейерверком, не в силах преодолеть защитный силовой экран «стэндиша».

Адская машина Костигана обладала не только разрушительной мощностью лучевого оружия. Когда сверкнул огонь эмиттера пирата, офицер дотронулся до спускового крючка, и в узком пространстве отсека загрохотали, разрывая барабанные перепонки, два выстрела. Тело лазутчика превратилось в туман, когда импульсный снаряд взорвался, пробив его скафандр. Костиган выключил луч «стэндиша», огляделся, шагнул в отсек и вырвал из воздухопровода отравленный шланг. Лишь убедившись, что климатизатору — легким крейсера — не нанесено никаких серьезных повреждений, он позволил себе немного расслабиться.

Разобрав «стэндиш», он дотащил его до салона и снова упрятал в сейф, установив секретный шифр на комбинационном замке. После этого он направился к шлюпке, и Клио с облегчением вскрикнула, увидев его живым и невредимым.

— О, Конвэй, я так боялась, что с вами что-нибудь случится! — воскликнула она, пока он торопливо вел девушку на мостик. — Конечно, вы его...

— Ну, разумеется, — последовал лаконичный ответ. — Ничего страшного. Как вы себя чувствуете? Начали приходить в норму?

— Мне кажется, я в порядке, — ответила девушка. — За исключением, пожалуй, того, что перепугалась до смерти. Я не представляю, чем могу помочь вам, но я сделаю для вас все, что в моих силах.

— Отлично. Вы можете оказать очень большую помощь, мисс Марсден. Ведь большая часть экипажа выведена из строя — за исключением тех, кто, как и я, был предупрежден и сумел задержать дыхание и добраться до скафандров.

— Но кто же предупредил вас? Я знаю, что этот ужасный газ не имеет ни цвета, ни запаха.

— Вы. Вы сделали вдох за секунду до меня, и я увидел ваши глаза. Однажды я уже хлебнул этого газа... а когда вы хотя бы раз видели пораженного им человека, то не забудете этого зрелища до конца своих дней, — Костиган мрачно усмехнулся. — Инженеры в нижних отсеках первыми получили дозу, затем он проник в салон и на прогулочную палубу, где ваш обморок предупредил меня. К счастью, у меня хватило дыхания, чтобы передать сигнал тревоги. Однако не думаю, что многие, даже услышав его, успели надеть защитные костюмы... Всех, кто уцелел, мы встретим сейчас на мостике.

— Ах, теперь я понимаю, почему вы воскресили меня... в благодарность за столь любезное предупреждение, — кокетливо рассмеявшись, сказала Клио. Смех ее был еще хриловатым, но звучал задорно.

— Вы угадали, — в тон ей ответил Конвэй. — Ну, вот мы и на месте. Боюсь, мы скоро узнаем, какой нас ожидает следующий сюрприз.

В центральном управлении собрались, по меньшей мере, двенадцать вооруженных и одетых в скафандры мужчин; они спокойно, хотя и с заметным внутренним напряжением, следили за показаниями приборов. Им

крупно повезло, что Костиган — опытный астронавт, несмотря на свою молодость, — оказался в момент газовой атаки на прогулочной палубе; повезло, что он был знаком с воздействием этого запрещенного, неосязаемого по цвету и запаху газа; повезло, что у него хватило присутствия духа и запаса воздуха передать сигнал тревоги. Капитан Брэдли, вахтенный офицер и несколько других членов команды «Гипериона», находившихся в своих отсеках или в офицерской кают-компании, все — закаленные ветераны космоса, с честью выдержавшие не одно опасное приключение, мгновенно и без раздумий подчинились переданному динамиками сигналу. Задержав дыхание при словах «Ви-два», они успели натянуть защитные скафандры и продуть их сжатым воздухом.

Костиган усадил девушку на свободное кресло, сменил аварийный скафандр, который все еще был на нем надет, на настоящий защитный костюм, и подошел к капитану Брэдли.

— Что-нибудь заметно, сэр? — спросил он, козырнув. — Они должны начать действовать одновременно с этой акцией.

— Они-то начали, но мы не можем их обнаружить. Как только мы попытались передать общий сигнал тревоги по сектору, они стали глушить нашу волну. Взгляните!

Проследив за взглядом капитана, Костиган повернулся к дисплею, за которым склонилась облаченная в скафандр фигура оператора. С экрана, вместо трехмерной объемной картины, бил пылающий ослепительной белизной сноп света; из динамиков, вместо обрывков радиопереговоров, доносился визг и скрежет помех.

— Невероятно! — возмущенно пробормотал Брэдли. — Сквозь барьерную защиту, если судить по показаниям приборов, не проникло ни крошки металла... Но чтобы наводить такие помехи, они должны находиться где-то у нас под боком! Невероятно! Как вылагаете, Костиган?

Брэдли, командир «Гипериона», закаленный космический вояка, был крутым человеком, консервативным сторонником старой школы и обычно возражений не терпел. Сейчас он казался разгневанным, сбитым с толка, разозленным на себя самого и на всех остальных; практически, впервые в жизни он встретился с невидимым врагом, которого не могли обнаружить радары

его крейсера. Столкнувшись с этим необъяснимым фактом, капитан, похоже, готов был выслушать мнение своего молодого подчиненного — весьма нехарактерная для него терпимость.

— Невозможно? — повторил Костиган. — Но вывод же очевиден, сэр! Пираты имеют на вооружении нечто нам неизвестное! — он резко повернулся к Брэдли, разглядывая сквозь прозрачный щиток шлема его покрасневшее лицо. — И что тут удивительного? Военные суда получают новое вооружение после испытаний и многомесячной обкатки, пираты же и гангстеры проявляют небывалый интерес ко всякого рода новым штучкам. Хорошо еще, что мы успели подать хотя бы несколько тревожных позывных... станции наблюдения их, пожалуй, зафиксируют... Но и пираты тоже! Не думаю, что они заставят нас долго ждать, — закончил он довольно мрачным тоном.

И Конвэй не ошибся. Никто не успел ответить ему — внешний барьерный экран вспыхнул ослепительным белым светом под излучением ужасающей мощи, и в тот же момент на одном из следящих мониторов возникло изображение пиратского судна — огромной черной стальной торпеды, от которой расходились в стороны смертоносные лучи.

Мгновенно заговорили орудия «Гипериона», и под ударом включенных на полную мощность эмиттеров раскалились добела и вспыхнули защитные экраны незнакомца. Тяжелые орудия послали серию импульсных снарядов; отдача залпа была столь сильна, что гигантский корпус крейсера вздрогнул и завибрировал. Но капитан пиратского судна, видимо, имел полное представление о вооружении «Гипериона» и знал, что его защита окажется бессильной перед огневой мощью пиратских батарей.

Действительно, силовой барьер черного корабля успешно противостоял залпам «Гипериона»; снаряды взрывались, не достигая внешней брони. Неожиданно черная торпеда выпустила тонкий, как спица, сверкающий луч. Он прорезал пространство между кораблями, его не остановили ни мощные защитные экраны, ни сверхпрочный металл обшивки крейсера. Силовая защита «Гипериона» была прорвана, и он сразу же начал терять ускорение.

— Поражен энергетический отсек! — простонал Брэдли. — Мы идем теперь на аварийном ходу, лучевое

оружие бездействует, а наши снаряды не долетают до пирата!

В следующий миг страшный разрушительный луч ударил прямо в центральный блок управления, и в зияющем проломе исчезли и пилот, и орудийные расчеты, и операторы защитных установок — все дееспособные члены экипажа «Гипериона», кроме чудом уцелевших трех человек, чьи скафандры раздулись как тугие мячи, когда в отсеке резко упало давление.

Костиган подтолкнул капитана Брэдли к противоположной стене рубки и, схватив за руку полубесчувственную от ужаса девушку, прыгнул в том же направлении.

— Выбираемся отсюда, живо! — заорал он, и миниатюрные радиоприемники в шлемах, вступившие в строй вместо отключившихся в вакууме звуковых дисков, донесли эти слова до его спутников. — Они не могут нас видеть — силовой заслон еще действует, и их сканирующие лучи еще не могут проникнуть сквозь него. Но им прекрасно известна конструкция нашего крейсера, и мостик будет следующей целью!

Три человека метнулись к двери, превратившейся теперь во внешний люк воздушного шлюза, и луч пиратского корабля прошел то место, на котором они только что стояли.

Через шлюз, вниз по коридорам и трапам бежали они, торопясь к спасательной шлюпке, их последнему средству для укрытия, последней надежде для бегства. Едва они успели нырнуть в это убежище, как почувствовали резкое увеличение гравитации. Все большая и большая сила сдавливала практически беззащитный крейсер — до тех пор, пока он не стал двигаться с нормальным ускорением.

— Что вы думаете об этом, Костиган? — спросил Брэдли. — Притягивающее излучение?

— Похоже на то... Они заарканили нас транспортным лучом и тащат куда-то. Пойду раздобуду пару «стендишей» и еще один скафандр с полной защитой — оборона будет непростым делом.

Когда он вернулся и установил в крохотной рубке два толстых цилиндра на треногах, шлюпка сразу превратилась в настоящую крепость. Рейд за скафандром был более длительным — Костиган принес защитный костюм Трипланетарной Службы; внешне он напоминал те

скафандры, что были надеты на мужчинах, но выглядел значительно менее громоздким.

— Натяните его, Клио — аварийные костюмы не всегда могут защитить в сражении. Думаю, вы никогда не имели дело со «стэндишем»? — Нет, к сожалению; но я быстро научусь, — храбро ответила девушка.

— В этом замкнутом объеме могут работать одновременно только два «стэндиша», но вы должны знать, как обращаться с ними — на случай, если один из нас выйдет из строя. И еще одно: когда будете переодеваться, приладьте на себя несколько небольших штук, которые я смог здесь разыскать... Вот, — он протянул девушке горсть блестящих предметов, — специальные переговорные устройства и детекторы Трипланетарной Службы. Этот маленький диск приклеивается кусочком ленты к груди — не очень высоко, лучше всего под грудиной. Замените ваши наручные часы вот этими — и ни на секунду не расставайтесь с ними. Жемчужное ожерелье тоже лучше носить постоянно; а эту маленькую капсулу надо спрятать особенно тщательно, чтобы ее не обнаружили хотя бы при поверхностном обыске. В крайнем случае, проглотите ее — она не причинит вам вреда и столь же успешно продолжит свою работу внутри вашего кишечника. Она важнее всего остального — утратив какое-нибудь из этих приспособлений, вы не потеряете своего шанса, но без управляющей капсулы вся система защиты рассыплется, как картонный домик. С таким снаряжением, — Костиган взвесил на ладони свои дары, — вы всегда можете связаться с нами. Кстати, мы оба оснащены таким же образом, хотя наши приборы выглядят немного иначе. Вам не нужно говорить в полный голос, Клио, достаточно шепота. Эти великолепные маленькие штучки почти невозможно обнаружить, а способны они на многое.

— Спасибо вам, Конвэй, — я сделаю все так, как вы сказали, — с благодарностью ответила девушка и повернулась к маленькому шкафчику, за дверцей которого могла без помех выполнить его многочисленные инструкции. — Но скажите, разве наши разведчики и патрули не смогут обнаружить нас по тревожным позывным?

— Боюсь, наши сигналы не достигли цели — космос вокруг пуст на многие тысячи миль.

Капитан Брэдли во время этого разговора в немалом изумлении тарашил глаза на своего помощника. При

его словах — «мы оба оснащены таким же образом» он открыл было рот, но заставил себя молчать — видимо, немалым усилием воли. Когда же девушка скрылась за шкафчиком, он обратился к Костигану уже с выражением полного понимания на лице.

— Вот оно что, сэр! — сказал он весьма уважительно — с таким уважением он не обращался до сих пор ни к одному из своих офицеров. — Вы, разумеется, имели в виду, что поделитесь со мной на время кое-какими «спецсредствами Службы»... правда, что вы еще не упомянули, к какой именно службе они относятся.

— Теперь, когда вы употребили слово «Служба», сэр, я ни за что не поверю, что вы не догадались, — усмехнулся Костиган.

— Ну что ж, это объясняет многое — скажем, биструю реакцию на «Ви-два», а также ваше необычное самообладание и острый ум. Но не могли бы вы...

— Нет, — резко ответил Костиган. — Ситуация слишком серьезная, чтобы можно было переоценить ставки. Если мы выберемся из этого переплета, я заберу у нее свои штучки, и она никогда не догадается, насколько секретно это оборудование. Что же касается вас, то я не сомневаюсь, что вы будете держать язык за зубами. Поэтому я без колебаний готов доверить вам эти приспособления — у меня таких штукovin было множество, но я выбрал самые важные, а остальные сжег «стэндишем». Не знаю, как вы оцениваете наши шансы, но я уверен, что мы попали в крайне неприятную историю, и выбраться из нее живыми — дело весьма проблематичное...

Он замолчал, так как из-за шкафчика показалась Клио — теперь ни дать, ни взять маленький трипланетарный офицер, — и они втроем погрузились в длительное тягостное ожидание. Проходил час за часом, а крейсер по-прежнему летел куда-то; наконец, по увеличившемуся ускорению они поняли, что корабль совершает пологий наклонный разворот. После короткого совещания капитан Брэдли включил радар и, оперируя лучом минимальной мощности, осторожно направил его вниз, в направлении, как они предполагали, противоположном тому, где находился корабль пиратов. Все трое впились глазами в монитор, но он отражал лишь бесконечную пустоту, прорезанную кое-где только далекими, холодно сверкающими звездами.

Слева экран затягивала дымка. Постепенно она начала рассеиваться, и они увидели слабо светящуюся голубым огромную сферу — настолько гигантскую и так близко, что они, казалось, падали на нее, словно это была планета. Крейсер замер на месте, предметы потеряли свою тяжесть, затем мягко отъехала в сторону массивная дверь — и их корабль потянуло вверх через шлюз и понесло в воздухе над небольшим аккуратным и ярко освещенным городком с металлическими строениями. Вскоре «Гиперион» был осторожно опущен на поверхность и застыл в объятиях посадочного комплекса.

— Ну что ж, где бы мы не были, но мы на месте, — мрачно усмехнулся капитан Брэдли.

— И сейчас начнется салют в нашу честь, — добавил Костиган, бросив вопросительный взгляд на девушку.

— Не думайте обо мне, — мужественно ответила она на его невысказанный вопрос. — Мы не должны так просто поднять руки! Нет, нет и нет!

— Верно, малышка! — и оба мужчины залегли под защитой силовых стен за своим грозным оружием; девушка пристроилась сзади них.

Ждать долго не пришлось. На пороге крохотного отсека возникла группа людей — они выглядели как земляне и не были вооружены. Брэдли и Костиган направили на пришельцев стволы своих эмиттеров — от отражателей через дверной проем ударил концентрированный двойной луч, несущий уничтожение, но не достиг цели. Пришельцев окружал непроницаемый для излучения «стендишей» защитный экран. Мгновенно были нажаты спусковые крючки, и из ревуших орудий вылетел поток импульсных снарядов — однако с тем же самым результатом. Встретив на пути силовой барьер, снаряды просто исчезли — без взрыва, не оставив ни малейшего следа своего существования.

Костиган вскочил на ноги, но прежде, чем он успел броситься в атаку, перед ним разверзся широкий туннель — какая-то сила, разворотив весь корпус крейсера, вырезала из него без видимых усилий огромный цилиндр. И трое людей почувствовали, как их сжали невидимые объятия силовых полей и повлекли по этому коридору.

Они летели к замеченным раньше строениям, затем их курс изменился, и они оказались перед массивными дверьми, увенчанными пилонами. Створки распахнулись перед ними и, пропустив, снова захлопнулись. Теперь они

очутились в комнате, которая могла бы сложить офисом бизнесмену; они стояли перед необъятным письменным столом, на котором, кроме обычного оборудования, необходимого деловому человеку, располагались также обширный распределительный щит и пульт управления.

За столом сидел невозмутимого вида серый человек. Он не только был одет во все серое, но его густые волосы тоже были пепельного оттенка, глаза — серостальные, и даже под загорелой кожей, казалось, проглядывало нечто асфальтное. Он как будто излучал серый цвет — но не мягких тонов голубинового крыла, а неумолимого оттенка мчащегося в атаку дредноута; то был цвет серого излома несгибаемой высокоуглеродистой стали.

— Капитан Брэдли, старший офицер Костиган, мисс Марсен, — человек говорил тихо, но отчетливо. — Я не предполагал, что вы останетесь в живых. Эту прискорбную деталь, однако, мы обсудим позднее. Теперь вы можете снять скафандры.

Никто не пошевелился, но мужчины пристально посмотрели на говорящего.

— Я не привык повторять свои указания, — спокойно произнес человек за столом; в его голосе, по-прежнему ровном и бесстрастном, угадывалась скрытая угроза. — Однако у вас есть выбор: снять скафандры или быть похороненными в них.

Костиган подошел к Клио и помог ей освободиться от защитного костюма. Затем, обменявшись молчаливыми взглядами, оба офицера одновременно сбросили свои скафандры и выстрелили в серого человека: Брэдли из «левистона», Костиган — из тяжелого автоматического пистолета. Человек в сером, окруженный невидимым и непробиваемым заслоном, только снисходительно улыбнулся. Костиган, взбешенный неудачей и этой улыбочкой, свирепо рванулся вперед — только затем, чтобы прозрачная стена отбросила его на исходные рубежи. В следующий момент силовой луч швырнул Конвэя налево, потом — направо, вырвав при этом у него из рук оружие; то же самое произошло с Брэдли, и трое пленников снова оказались на прежнем месте.

— Я позволил вам сделать это, чтобы наглядно продемонстрировать всю бесполезность сопротивления, — сказал серый человек, в бесстрастном голосе которого прорезались стальные ноты, — но больше подобных глупостей не произойдет. Теперь я представлюсь.

Здесь я известен под именем Роджера. Не думаю, что вы слышали что-либо обо мне; мало кто из землян может похвастать подобной информацией. Будете ли вы двое жить — зависит исключительно от вас самих; но поскольку я в свое время уделил немало внимания изучению человеческой натуры, боюсь, что проживете вы очень недолго. Хотя вы оба, способные к адаптации личности, обладающие большими внутренними резервами, могли бы оказаться весьма полезными для меня. Что же касается вас, мисс Марсден, — серые глаза холодно уставились на девушку, — то я пока не смог сделать выбор между двумя вариантами; каждый из них имеет свои преимущества, но, к великому сожалению, они взаимоисключающи. С одной стороны, ваш отец будет счастлив выкупить вас за астрономическую сумму; с другой, я могу попытаться использовать вас в своих сексуальных исследованиях.

— Что вы имеете в виду? — Клио держалась великомерно и по ней нельзя было заметить, что девушка находится в смертельной опасности: надменно вздернутый подбородок, пылающие презрением дерзкие глаза, вызывающе выпрямленная фигурка. — Похоже, вы воображаете, что можете делать со мной все, что угодно! Но смею вас уверить, вы глубоко заблуждаетесь!

— Я потрясен! Почему всякий раз упоминание о таких важных экспериментах вызывает у молодых особ женского пола столь неадекватную реакцию? — Глаза Роджера пронизывали Клио и, наконец, девушка, не выдержав, вздрогнула и отвела взгляд. — Впрочем, сам секс, первобытный и примитивный, неотъемлемый спутник жизни в этом пространственно-временном континууме, абсолютно алогичен и парадоксален. Совершенно сбивает с толку... Вы убедили меня — эти исследования будут продолжены!

Роджер нажал на кнопку, и в кабинете появилась миловидная женщина высокого роста, без каких-либо признаков возраста и национальности.

— Покажите мисс Марсден ее апартаменты, — приказал он, и женщины вышли; на пороге, словно на смену им, показался мужчина.

— Разгрузка закончена, сэр, — доложил вошедший. — Обнаружены две мужские особи и пять женских — они доставлены в госпиталь.

— Прекрасно. От остальных избавитесь обычным способом. — Подчиненный вышел, а Роджер продолжал

своим бесстрастным тоном: — Если считать на круг, за всю вашу команду и пассажиров можно было бы взять выкуп не меньше миллиарда; но, пожалуй, не имело смысла тратить время из-за такого пустяка.

— Что вы за чудовище, дьявол вас побери! — взревел Костиган, приходя в ярость от своего бессилия и забывая об осторожности. — Я слышал о маньяках, пытавшихся взорвать Землю, и о безумных гениях, воображающих себя Наполеонами, способными покорить всю Солнечную Систему. Кем бы вы себе не представлялись, вам полезно знать — вы не останетесь безнаказанным!

— Я не чудовище и не маньяк. Я — ученый и управляю сообществом других ученых. Вы считаете меня сумасшедшим? Наверно, вы обратили внимание на некоторые особенности этого места?

— Да, на искусственную гравитацию и эти защитные экраны. Обычный силовой заслон непрозрачен в одном направлении и не является преградой для материи; ваши же экраны прозрачны с обеих сторон и обладают защитными свойствами — большими, чем просто непроницаемость. Каким образом вы этого добились?

— Вам это недоступно, даже если бы я и попытался объяснить. Вы обратили внимание на два самых незначительных наших достижения; поверьте, их гораздо больше. Тем не менее, я не собираюсь вмешиваться в ваши дела и разрушать вашу Землю; меня совершенно не привлекает и перспектива управлять массами никчемных безмозглых муравьев. Однако для реализации моих планов требуется сотни миллиардов в золоте, и еще сотни миллиардов в уране, тории и радиии; все это я получу от планет вашей Системы — раньше, чем покину ее. И я возьму эти миллиарды вопреки усилиям флотов всей Трипланетной Лиги!

Вся эта конструкция разработана мной и построена под моим руководством. Она защищена от метеоритов и от любого другого внешнего воздействия непреодолимыми силами, послушными только мне. Сооружение это невидимо и практически необнаружимо — световые волны огибают ее без возмущения и искривления. Я столь подробно останавливаюсь на этих деталях, чтобы вы с предельной точностью могли представить свое положение. Как я уже упоминал, при желании вы могли бы стать моими помощниками.

— А что вы можете предложить человеку с Земли,

чтобы склонить его к участию в ваших деяниях? — ядовито осведомился Костиган.

— Многое. — Голос Роджера по-прежнему не выдавал ни каких-либо эмоций, ни того, что он различает едва скрытое презрение в тоне офицера. — Под моим управлением трудится немало людей, и я отдаю себе отчет, сколь различны их нужды, стремления и страсти. Однако я могу удовлетворить практически любое их желание. Желания большинства мужчин не заходят дальше общества молодых красивых женщин, но существует и масса других побуждений, на мой взгляд, значительно более действенные — алчность, жажда славы, стремление к власти и тому подобное, не исключая и тех, которые обычно классифицируют как «благородные». Все, что обещано мной, исполняется; требую же я лишь лояльности — и то лишь в определенных вопросах и на определенный промежуток времени, относительно короткий. Во всем остальном мои люди вольны делать то, что хотят. Исходя из всего сказанного, вы можете выбирать теперь между службой у меня — и альтернативным исходом.

— Уточните, что именно является альтернативой?

— Думаю, что сейчас нет смысла вдаваться в подробности. Достаточно сказать, что это связано с некоторыми исследованиями, которые пока проходят не совсем удовлетворительно. Закончатся они вашей смертью — и, вероятно, она окажется не слишком быстрой и не очень легкой.

— Я говорю — нет, ты, проклятый ублюдок, чертов... — взревел Брэдли и собирался уже было дать развернутую характеристику хозяина кабинета, но Костиган довольно резко прервал его: — Подождите! У меня еще один вопрос: что будет с мисс Марсден?

— Ее судьба совершенно не относится к теме нашей беседы, — холодно ответил Роджер. — Я не торгуюсь — фактически, я уверен, что мне удастся удерживать ее от необдуманных шагов — хотя бы на некоторое время. Она пребывает в убеждении, что сможет покончить с собой, если я не позволю ее выкупить... Но очень скоро она обнаружит, что и эта дверь распахнется только тогда, когда я захочу.

— В таком случае я присоединяюсь к мнению капитана, которое могу существенно дополнить и расширить! — рявкнул Костиган. — Так что можете утереться своей альтернативой и...

— Очень хорошо. Я был уверен, что такое решение для мужчин вашего типа неизбежно.

Серый человек нажал на две кнопки, и в кабинете появились два странных создания.

— Поместите этих двоих в отдельные помещения на третьем этаже, — приказал он. — Тщательно общите: не все их вооружение могло находиться в скафандрах. Проверьте замки на дверях и установите специальную охрану, непосредственно связанную с моим кабинетом.

Офицеров развели по камерам и обыскали с должной тщательностью, но не нашли на них ни оружия, ни чего-либо, имевшего отношение к устройствам связи. Хотя в глубине души Роджер пребывал в уверенности, что если бы что-нибудь подобное было у его пленников, он сразу же смог это обнаружить. Однако его люди даже не подозревали о возможностях «спецсредств Службы» Костигана — переговорных устройствах, детекторах и следящих лучах, приспособлениях микроскопического размера и потребляющих ничтожное количество энергии; к тому же, работающих на субэфирном уровне, но необычайно эффективных даже на больших расстояниях и не вызывающих вибрации электромагнитного поля, по которой можно было бы засечь их работу. В конце концов, что может быть более невинным, чем обыкновенные личные вещи, разрешенные по уставу любому космическому офицеру — защитные очки, наручные часы и в придачу к ним — карманный хронометр, автоматический фонарик, пьезозажигалка и кошелек?

Все эти вещи были внимательно осмотрены; но светлые умы Трипланетарной Службы разработали эти средства связи и слежения так, чтобы они могли пройти обычный контроль — без применения спецприборов и просвечивающих лучей. Поэтому, когда за Костиганом и Брэдли захлопнулись двери камер, все чудодейственные приспособления оставались при них.

ПЛАНЕТОИД РОДЖЕРА

Проходя через холл, Клио, сопровождаемая своим безмолвным стражем, лихорадочно озиралась по сторонам в поисках хоть какой-нибудь лазейки для побега. Но осуществить это намерение ей не удалось — внезапно ее локти оказались сжатыми как в железных тисках.

— Бесполезно. Ты не можешь ни убежать, ни сделать что-либо, противоречащее желаниям Роджера, — бесцветным голосом проинформировала Клио спутница и щелкнула каким-то переключателем, освободив тем самым ее руки.

— Любое его желание — закон, — продолжала она, шествуя далее по коридору. — Чем раньше ты поймешь, что необходимо в точности и как можно быстрее выполнять его указания, тем проще и длиннее будет твоя жизнь.

— Воображаешь, что испугала меня? — запальчиво воскликнула девушка. — Я не хочу жить — и свое желание смогу исполнить, когда захочу!

— Очень скоро ты убедишься, что это не так, — монотонно продолжало бесстрастное создание. — Если же будешь продолжать упорствовать, то вызовешь гнев Роджера — и тогда ты будешь молить о смерти как о благе, но не получишь ее — пока этого не пожелает Роджер. Взгляни на меня: я не могу умереть. А вот твоя комната. Ты будешь оставаться здесь до тех пор, пока Роджер не даст на этот счет дальнейших указаний.

Живой автомат, открыл дверь, молча и спокойно наблюдал, как Клио, порядком-таки перепуганная, хоть и старавшаяся не показать этого, проскользнула в роскошно обставленные апартаменты. Дверь за ней бесшумно захлопнулась, и абсолютная тишина окутала девушку словно глухим покрывалом. Тишина действительно была невероятной — неописуемое, полное отсутствие каких-либо звуков! В этой жуткой тишине Клио стояла посреди великолепных покоев — неподвижная, напряженная, отчаявшаяся... и боролась с почти непреодолимым желанием закричать. Вдруг она услышала доносившийся как будто прямо из стены голос Роджера.

— Вы сильно переутомлены, мисс Марсден, и в таком состоянии совершенно бесполезны для моих целей.

Настоятельно рекомендую вам отдохнуть; а чтобы наилучшим образом обеспечить этот отдых, вы можете потянуть за шнур, висящий справа от вас — он установит вокруг этой комнаты силовой заслон, сквозь который не проникнет даже мой голос...

Голос действительно исчез, когда Клио лихорадочно рванула за шнур и бросилась на диван, захлебываясь судорожными рыданиями. Затем она снова услышала голос. Но не извне: голос звучал словно в ней самой, в каждой клеточке ее тела; он был скорее осязаемым, чем слышимым.

— Клио? — спросил этот голос. — Не говори пока ничего...

— Конвэй! — выдохнула она с невероятным облегчением; все ее существо наполнила новая надежда при едва слышных звуках этого знакомого — и теперь такого родного — голоса Конвэя Костигана.

— Молчи! — прервал ее голос. — Не показывай вида, что слышишь меня — возможно, твоя комната непрерывно сканируется. Меня он слышать не может, а вот тебя — вполне. Ты ощутила слабое покалывание под ниткой жемчуга в тот момент, когда раздался голос Роджера? Все правильно; а сейчас, когда установлен силовой барьер вокруг комнаты, твои бусы перестали быть детектором. Теперь вот что; если ты ощущаешь похожее покалывание под наручными часами, глубоко вдохни два раза; если не чувствуешь ничего, можешь спокойно говорить вслух.

— Я ничего не чувствую, Конвэй! — обрадованно воскликнула Клио. Слезы на ее лице мгновенно высохли без следа; она снова была прежней энергичной молодой особой. — Но неужели этот заслон на самом деле существует? Я никогда бы в это не поверила...

— Не стоит слишком доверять этой защите — ведь Роджер со своего пульта может отключить ее в любое время. Запомни: ожерелье предупредит тебя о появлении в эфире любого следящего луча, а часы обнаружат все явления субэфирного уровня. В данный момент часы молчат, и наши три переговорных устройства соединены напрямую; я сейчас нахожусь на связи и с капитаном Брэдли. Я хочу, чтобы ты успокоилась и поняла — наше положение не так уж безнадежно.

— О боже! Ты уверен, Конвэй?!

— Вполне. Похоже, у нас будет для них неплохой сюрприз: наша ультраволна. Когда им не удалось

обнаружить наши штучки, я не был удивлен, но вот иметь для их применения полностью свободные руки — приятная неожиданность! Мне до сих пор трудно поверить в такое счастье, но пока я не заметил ни одного признака, что они могут определить, каким видом связи мы пользуемся. Однако проверим еще раз... я использую свой следящий луч. Сейчас я сканирую твою комнату... ты чувствуешь это?

— Да! Теперь часы откликнулись!

— Прекрасно! Никаких следов того, что за нами наблюдают — ни в обычном пространстве, ни на субэфирном уровне... Странно! В распоряжении этого Роджера столько устройств, о которых мы даже не слышали... вполне естественно было бы предполагать, что он имеет и ультраволновые передатчики. Однако их нет... или они почему-то не действуют — и в этом наш шанс на спасение, — голос Конвэя на секунду смолк. — Ну, что ж, отключаюсь... у нас с капитаном сейчас будет масса работы... — он снова сделал паузу и вдруг быстро произнес: — Хотя подожди... у меня только что мелькнула одна мысль. Я выйду на связь через минуту.

Снова короткая пауза; затем беззвучный, но ясный голос Костигана продолжал:

— Любопытная новость! Женщина, которая привела тебя в эту комнату и нагнала такого страха, не живая — она по макушку начинена самыми невероятными микросхемами, какие я когда-нибудь видел.

— О, Конвэй! — голос Клио задрожал от охватившего ее облегчения. — Я на самом деле перепуталась до судорог — так ужасно было думать о том, что случилось с нею и другими... и могло случиться со мной! А она — всего-навсего автомат!

— Мне кажется, наш друг Роджер несколько блефует. Несомненно, он силен, очень силен; но до того всемогущества, которое он себе присвоил и столь красочно описал нам, ему весьма далеко. Излишняя самоуверенность до добра не доводит... Хотя, я думаю, в этом его вертепе случаются довольно неприятные вещи со многими женщинами, да и с мужчинами тоже... что может произойти и с нами, пока мы не подрежем ему хвост — забудем про осторожность. Так что держи ушки торчком, малышка, и немедленно выходи на связь, если что-нибудь случится. Привет!

Неслышимый голос исчез; часы на запястье Клио

вновь стали обыкновенными часами, показывающими время, а Костиган в своей уединенной камере, запрятанной глубоко под ее комнатой в угловой башне, сидел с темными очками на носу — многократно увеличивающим интравизором — и напряженно вглядывался в открывающуюся перед ним картину. Его руки, засунутые в карманы, незаметно манипулировали крошечными рычажками прибора, а ястребиные глаза цепко ощупывали каждую малозаметную деталь гигантской сферы планетоида. Через некоторое время он снял очки и тихо заговорил с Брэдли, заключенным в другую камеру, также лишенную окон и располагавшуюся напротив.

— Я получил сейчас весьма ценную информацию, капитан. Я узнал, где они прячут наши скафандры, а также обнаружил все основные пульты, посты управления и силовые генераторы. Вокруг нас нет барьеров, но каждая дверь прикрыта щитом, а за ними стоят охранники — по штуке на каждого. Они — роботы, не люди, и это осложняет дело. Нет сомнений, что они напрямую связаны с кабинетом Роджера и дадут сигнал тревоги при первом же намеке на что-либо подозрительное. Значит, мы не можем действовать, пока он не покинет свой пульт. Вы видите черную панель чуть ниже шнура-переключателя справа от вашей двери? Это крышка трубопровода. Когда я подам сигнал, сорвите ее... там — толстый жгут проводов... красный питает генератор щита вашей двери. Порвите его и присоединяйтесь ко мне в холле. И мы сделаем вот что... — Конвэй перешел к деталям того единственного плана, который мог привести их к успеху.

— Внимание! Роджер встает из-за стола! — воскликнул наконец Костиган (к этому времени они с капитаном переговаривались уже около часа). — Теперь, как только мы узнаем, куда именно он направляется, мы сможем приступить... Он собирается к Клио, мерзавец! Это в корне меняет ситуацию, Брэдли! — Конвэй яростно выругался.

— Еще бы! — рявкнул капитан. — Я знаю, что во время нашего «круза» вы уделяли ей изрядное внимание, Костиган... Ну, я с вами; но что мы можем теперь сделать?

— Что-нибудь придумаем! — свирепо произнес молодой офицер. — Этот негодяй может быть уверен — если он прикоснется к ней хотя бы пальцем, я достану

его... Пусть для этого мне придется взорвать к чертовой матери весь этот шарик вместе с нами!

— Не глупите, Конвэй, — услышали оба заговорщика низкий бархатный голос Клио — немного дрожащий, но все-таки спокойный. — Роджер покинул кабинет и дал вам шанс — действуйте по своему плану и не думайте обо мне. Кто знает, может, он только хочет поговорить о выкупе...

— Очень сомневаюсь, что наедине с тобой он будет обсуждать сумму выкупа — боюсь, у него найдутся другие темы! — прорычал Костиган. Внезапно его голос стал мягче. — Клио! Может, ты права, и нам стоит начать действовать. Они не нашли при обыске ни одной из моих штучек, и мы сможем наделать достаточно шума... они скоро убедятся в этом. Я не думаю, что этот Роджер быстро соображает... мне так не показалось... а когда мы примемся за дело, у него появится масса других забот, кроме тебя. Скажи, малышка, ты могла бы задержать его в своей комнате? Минут на пятнадцать, не больше...

— О, Конвэй, неужели ты не понимаешь, что я готова на все, чтобы помочь вам... всем нам выбраться отсюда! Уверена, что мне удастся... — ее голос замолк в тот момент, когда Роджер отключил силовой барьер, о чем просигналило ожерелье, и прошел прямо к дивану, в углу которого притаилась девушка. Свернувшись клубочком, она глядела на Роджера широко распахнутыми, полными ужаса глазами, но в глубине их таилась отвага и решимость.

— Готовьтесь, Брэдли! — коротко сказал Костиган. — Он оставил силовой щит вокруг комнаты Клио отключенным. Итак, если произойдет что-нибудь существенное, его немедленно известят, но зря беспокоить в этих апартаментах вряд ли осмелятся. А сейчас я своим лучом опять включу барьер... о чем он, разумеется, не подозревает... Вот так, — Конвэй довольно хмыкнул. — Что бы теперь ни произошло, предупреждения он не получит... Капитан, мне придется сосредоточить внимание на луче, так что грязная работа останется вам — оборвать красный провод и покончить с охранниками — моим и вашим. Вы знаете, как уничтожать роботов, не так ли?

— Знаю... если у робота разбить глаза-линзы и ушные барабаны, он остановится и пошлет сигнал

бедствия, чем бы ни занимался в этот момент. Ну, а что дальше?

— Потом откроете мою дверь — переключатель щита с правой стороны.

Через три минуты дверь распахнулась, и капитан Трипланетной Лиги ворвался в камеру Костигана.

— Теперь — за скафандрами! — крикнул он.

— Еще не время, — сдавленным голосом прервал его Конвэй. Он стоял, широко расставив ноги; его напряженный взгляд был прикован к одной точке на потолке. — Я не могу сдвинуться с места ни на дюйм, пока вы не включите силовой барьер вокруг комнаты Клио — если я отклоню луч хоть ненамного, мы погибли. Пять этажей вверх, капитан, прямо по коридору, четвертая дверь направо... Когда вы приблизитесь к переключателю, то обнаружите мой луч по реакции своих часов. Тумблер надо сдвинуть вверх.

— Понял! — и Брэдли ринулся вперед с резвостью, которой мог бы позавидовать мужчина вдвое меньшего возраста.

Когда он вернулся — и после того, как Костиган проверил барьер вокруг «покоев невесты», отсекающий Роджера от сообщников, — оба офицера поспешили туда, где хранилось их космическое облачение.

— Скверно, что его слуги не носят униформы, — произнес капитан, тяжело отдуваясь — многочисленные лестничные полеты сделали-таки свое дело. — Это здорово помогло бы нам в плане маскировки.

— Вряд ли... Здесь слишком много роботов и, скорее всего, они получают сигналы, понять которые мы все равно не смогли бы. Если встретим кого-нибудь из них — придется драться. Сейчас проверим дорогу... — Надев очки-интравизор и проникая взглядом сквозь стены, Костиган увидел две приближающиеся фигуры; они блокировали тот коридор, в который им необходимо было свернуть. — Двое — человек и робот, — сообщил он капитану. — Робот — ваш. Подождем их здесь, за углом; как только они обогнут его — нападаем! — И Костиган, стащив с носа очки, приготовился к схватке.

Когда не подозревавшая об опасности пара появилась из-за угла, офицеры прыгнули вперед. Костиган первым нанес короткий сильный удар в солнечное сплетение человека. Его железный кулак по запястье погрузился в живот противника, и тот сложился вдвое, хватая, словно рыба, ртом воздух. Однако краем глаза

Конвэй успел заметить третьего врага, который следовал в отдалении и уже подымал свой эмиттер. Действуя почти автоматически, он резко дернул потерявшего сознание человека, заслонившись его телом от смертоносного луча, затем швырнул труп прямо на изрыгающий пламя зев проектора. Оружие выпало из рук пирата, и оба — и живой, и мертвый, — свалились на пол.

Костиган ринулся к ним, стараясь дотянуться до горла последнего врага. Но этот парень оказался не промах — увернувшись, он встретил офицера хлестким левым хуком, сопроводив его страшным ударом в пах. Будь реакция у Костигана помедленней, потерю правого глаза можно было гарантировать. Да, на этот раз офицеру Трипланетарной Службы противостоял не механизм, запрограммированный его создателем на выполнение с механической точностью определенных действий, а гибкий, сильный, великолепно обученный человек, умевший применять в смертельной схватке любой грязный прием, известный наемным убийцам.

Однако Костиган тоже не был новичком в таких поединках. Со всем букетом разнообразных ударов, наносящих человеку смертельные увечья, не были знакомы даже специалисты по рукопашному бою из секретных подразделений разведки Трипланетарной Службы; но Костиган, начальник сектора, знал и умел применять на деле практически все. Не для собственного удовлетворения или азарта борьбы, не ради миллионных призов использовали такие, как он, секретные агенты это грозное природное оружие — они шли на схватку только тогда, когда избежать этого было невозможно; и применяя эти приемы, они добивались только одной страшной цели: убить, чтобы не быть убитым, — причем в максимально короткое время. Так что ответ Костигана не заставил себя долго ждать. Пират нанес ему удар ногой, от которого он ловко увернулся; затем поймал щиколотку противника — его мощные руки сомкнулись на ней, как челюсти медвежьего капкана — и резко, с вывертом, дернул. Пират заорал, но этот ужасный крик захлебнулся в тот момент, когда тяжелый ботинок Костигана врезался ему в висок. И враг вышел из игры. Навсегда.

Схватка заняла едва ли больше десяти секунд и завершилась как раз тогда, когда Брэдли ослепил и оглушил своего робота. Конвэй поднял выпавший из рук

пирата эмиттер, снова надел очки, и они поспешили дальше.

— Чистая работа, парень, — с одобрением сказал Брэдли. — Видно, у тебя природный дар к подобным трюкам — теперь-то я понимаю, почему ты оставил мне работа.

— И к тому же большая практика, — усмехнулся молодой офицер. — Приходилось, сэр, бывать в кое-каких потасовках; и все-таки я моложе вас — значит, быстрее. — Пока они бежали по бесчисленным коридорам, Костиган не забывал высматривать дорогу своим пронизывающим стены взглядом.

По пути им встретилось еще несколько охранников, как живых, так и механических, но оказать серьезного сопротивления они не могли — Костиган замечал их первым. В яростном луче эмиттера, захваченного у мертвого пирата, они падали на пол, превращаясь в безжизненные трупы или груды металлолома, а офицеры спешили дальше, туда, где хранилось их драгоценное снаряжение. Три скафандра Трипланетарной Службы были заперты в комнате, дверь которой Костиган выбил одним могучим ударом.

— Ну вот, теперь я снова чувствуя себя человеком! — с облегчением вздохнул он, облачившись в свой привычный костюм. — Рукопашная схватка хороша, когда встречаешь одного-двух, но боюсь, что местный энергоцентр наспигован стражей под самую завязку... вряд ли нам удалось бы справиться без скафандров и собственного оружия. Скафандр Клио мы возьмем с собой — оставим у энергетического отсека и захватим на обратном пути.

Теперь охрана была уже не страшна, и тяжело вооруженная пара направилась прямо к источнику энергии — сердцу космического города-крепости. Некоторые из встречавшихся им охранников пытались подать сигнал тревоги своему хозяину, который один мог пустить в ход всю мощь и все разрушительные силы планетоида; некоторые же, беспечно доверяясь царившей вокруг тишине, замечали их в последний момент. Но судьба и тех, и других была одинаковой; их эмиттеры были бессильны против силовых экранов, окружавших скафандры землян, а два безотказных «левинстона» мгновенно пожирали свои жертвы.

Достигнув массивной двери генераторного отсека,

мужчины внезапно услышали Клио — ее голосок срывался, выдавая напряжение и страх:

— Конвэй, поторопись! Его глаза... мне не выдержать больше! Торопись, милый!

Похоже, она ударилась в панику. Мужчин поразили не столько ее слова, сколько тон — в нем сквозил смертельный ужас. Оба поняли, что медлить нельзя ни секунды; с Клио творилось что-то страшное. Беззаботная жизнерадостная девушка, наследница сказочного состояния, впервые покинувшая Землю, была заперта за силовыми стенами с маньяком, с живым механизмом, который ставил себя вне совести, закона и морали, не признавал никаких авторитетов — никого и ничего, кроме своих желаний и страстей! Должно быть, она боролась с ним, собрав все свои силы. Должно быть, она плакала и просила, кричала и злилась, притворялась покорной, чтобы выиграть время — но вряд ли ее мучения трогали безжалостный и злобный разум существа, именовавшего себя Роджером. Теперь же, видимо, его игра, мучительно-жестокая игра кошки с мышью, приближалась к финалу.

Конвэй не видел, как ужасное серовато-смуглое лицо склонилось над девушкой, как жуткие холодные стальные глаза словно пронизали ее насквозь и как, выдохнув, выкрикнув отчаянный призыв о помощи, она вцепилась ногтями в эту отвратительную физиономию с яростью смертельно раненной тигрицы. Он не видел этого, но мог представить. И, пробормотав ужасное проклятие, он простонал;

— Продержись еще минуту, Клио! Еще минуту, любимая!

Массивная дверь генераторного отсека исчезла, расплавленная огненными лучами. В огромном зале, открывшемся за ней, «левистоны» землян могли действовать в любом направлении с максимальной мощностью — и два смертоносных веера развернулись с энергией стальной пружины, уничтожая все, что попадало под удар обжигающих молний. Эмиттеры, выхваченные более расторопными охранниками, превращались в убийственно опасную взрывчатку от одного лишь прикосновения силового луча; груды бесформенного металла становились тонко отлаженные, сложнейшие механизмы; пульта управления как будто растворялись в воздухе; высоковольтные разряды шипели, искрились и угасали, оставляя резкий запах озона; расплавленный металл

тек ручьями на пути яростной силы, ненасытно выискивающей очередную жертву. Когда с грохотом взорвался последний генератор, двое разрушителей внезапно ощутили невесомость и схватились за скобы в стенах, сообразив, что первая часть их программы выполнена.

Костиган рванулся к наружной двери и выплыл в коридор. Брэдли следовал за ним, прикрывая тыл; он нес скафандр для Клио и иногда посматривал назад, чтобы вовремя позаботиться о погоне. Сам Конвэй, казалось, забыл об осторожности. Он передвигался гигантскими прыжками, отталкиваясь от стен и повторяя:

— Я иду, Клио! Держись, девочка! Держись!

— Я в порядке, Конвэй... — Хриплый срывающийся голос девушки, ставший почти неузнаваемым, выдавал, что пришлось пережить ей за последние минуты. — Когда раздался грохот, он обнаружил, что вокруг нас силовой барьер, и... и, к счастью, совершенно забыл обо мне. Он отключил защиту... Знаешь, Конвэй, помоему, он потерял рассудок... барахтается в воздухе прямо надо мной, а я пытаюсь сделать так, чтобы он не спустился...

— Умница! Задержи его еще на полминуты! Теперь, когда барьер отключен, на него сразу посыпались все сигналы тревоги... и, конечно, он жаждет вернуться к своему пульту. Но ты... он не причинил тебе вреда, девочка?

— Нет... нет... он даже не коснулся меня... только смотрел... но я думала, что умру от этого... И сейчас мне так плохо... так плохо! Я будто падаю куда-то... у меня все плывет перед глазами, голова раскалывается... Я умираю, Конвэй, да?

— Ну что ты, малышка, все в порядке! — Костиган почти с облегчением рассмеялся, сообразив, в чем дело; эти страдания были вполне реальны, но вызвала их отнюдь не гипнотическая сила Роджера. — Это только невесомость! Все-таки ты выросла на Земле, и сейчас у тебя всего лишь легкий приступ космической болезни. Это пройдет... все будет хорошо! Я иду к тебе!

Теперь Конвэй уже был на улице и видел — в двухстах футах справа и сотне футов над своей головой — высокую башню, на верхнем этаже которой находилась комната Клио. Он прыгнул, стараясь попасть прямо в ее большое окно, и, взмыв вверх, начал

корректировать курс с помощью своего тяжелого пистолета. При каждом выстреле внизу происходил небольшой взрыв, но это его уже несколько не волновало. Он все-таки немного промахнулся мимо окна, что, впрочем, не имело большого значения — «левистон» проложил ему дорогу прямо сквозь стену.

Скользнув в комнату через открывшийся пролом, он направил пистолет и эмиттер на Роджера, краем глаза заметив, что Клио цепляется за спинку дивана у противоположной стены. Хозяин планетоида почти добрался до двери, но в следующий миг она вспыхнула и исчезла под страшным лучом «левистона». Однако Роджер остался невредим. Ни огненный луч, ни разрывные пули не могли поразить серого человека; несокрушимый экран защитного поля сомкнулся вокруг него.

* * *

Сказав, что Роджер словно потерял рассудок, Клио даже не подозревала, насколько она близка к истине: Гарлейн с Эддора, материализовавшийся в плотской форме Роджера, впервые за свою поразительно долгую жизнь претерпел столь ошеломляющий разгром — и в тот момент, когда он совершенно не ожидал неприятностей.

Гарлейн пребывал в непоколебимой уверенности, что полностью контролирует ситуацию. Он знал, что сумеет обнаружить любой источник ультраволн — и внутри планетоида, и в окружающем пространстве. И он не сомневался, что сможет подавить физическую и умственную активность любого количества полумразумных существ, населявших Землю и звавшихся «людьми».

Однако за ним следили — и весьма пристально. Силы, которыми распоряжались четверо аризиян — Дроуни, Бролентин, Ниделлор и Кридиган — являлись не менее могущественными; и, когда пришло время, они были пущены в ход.

Первым помыслом Роджера-Гарлейна — после того, как он оценил огромные и непоправимые потери, нанесенные его планетоиду, — было немедленное уничтожение двух землян, непостижимым образом вызвавших катастрофу. Однако он не мог их достать. Вторая мысль, пришедшая ему в голову, — отыгаться на жен-

щине, в чьей комнате он находился, — оказалась столь же неосуществимой. Она вышла из-под его власти! Сильнейшие ментальные удары, способные навсегда сокрушить ее разум, словно вязли и растворялись в воздухе; она безбоязненно смотрела прямо ему в глаза, будто не замечая изливавшихся на нее губительных потоков энергии. Он даже не смог поднять на нее оружие! Тогда он подумал — третья мелькнувшая у него мысль, — что надо вызвать помощь с Эддора. Однако Гарлейн был не в силах осуществить и это намерение; субпространство оказалось заблокированным, и он не мог обнаружить ни способ этой блокировки, ни энергии, которая ее питала!

Его эддорианское тело — даже если бы он сумел вызвать его к жизни в условиях планетоида — не смогла бы противостоять противнику в сложившейся ситуации; значит, тому, кто называл себя Роджером, придется обойтись на этот раз без физической поддержки Гарлейна. Впрочем, у Роджера как такового имелись немалые ресурсы, о которых он был превосходно осведомлен. Гарлейн наделил его плоть не только невероятной жизнестойкостью; он усилил и вооружил своего представителя, свое второе «я», многими хитрыми устройствами, созданными на Эддоре. И посему Гарлейн пока не испытывал особого беспокойства за целостность своего воплощения в Солнечной Системе.

Практика, однако, внесла свои коррективы. Хотя Роджер и обладал массой полезных качеств, он не очень хорошо представлял себе, как управляться в условиях невесомости; и опытный офицер Трипланетной Лиги, хотя и отделенный от него силовым барьером, в данном случае был еще более опасен, чем при нормальной гравитации. Держа свою жертву под прицелом «левистона», он схватил первый попавший под руки тяжелый предмет — им оказался массивный металлический торшер — и со всей силы обрушил его на голову Роджера. В естественных условиях после такого удара череп был бы расколот пополам; но сопротивление защитного экрана привело лишь к тому, что Роджер закрутился в воздухе подобно жезлу тамбур-мажора на параде в честь Дня Независимости.

Когда вращающееся тело ударилось о стену, в комнату величаво вплыл капитан Брэдли, зажимая под мышкой свернутый скафандр. Не тратя лишних слов, он мгновенно оценил ситуацию и, подобравшись к скор-

чившейся у дивана Клио, разжал ее судорожно стиснутые пальцы и помог облачиться в защитный костюм. Затем он навел свой «левистон» на голову Роджера, в то время как Костиган подталкивал свою добычу к зиявшему в стене пролому; оба астронавта прекрасно отдавали себе отчет, что пленника ни на миг нельзя выпускать из-под прицела. В любой момент он мог отключить защиту и воспользоваться своим оружием — вероятно, еще более мощным, чем их собственное.

Придерживаясь за стену, Костиган отыскал взглядом определенную точку на величественном куполе искусственного планетоида и сильнейшим толчком послал к ней тело Роджера. Затем мужчины подхватили Клио за руки и, оттолкнувшись, прыгнули — три облаченные в скафандры фигуры начали полет к своей единственной надежде на спасение, небольшому разведывательному кораблику, причаленному у аварийного порта снаружи гигантской сферы. Полуразрушенный «Гиперион» и его спасательные шлюпки были недоступны — им не удалось бы миновать без боя огромные ворота главного шлюза, а других выходов не было.

Они плыли по воздуху. Костиган по-прежнему держал под прицелом медленно вращающееся тело Роджера, Брэдли поглядывал вниз, а Клио — Клио, тем временем, понемногу начала приходить в себя. Наконец, она обрела дар речи.

— А что, если им удастся восстановить нормальную гравитацию? — спросила она в тревоге. — Тогда нас могут достать и лучами, и снарядами!

— Это уже можно было бы сделать, — заметил Конвей, — у них наверняка есть запасные генераторы. Но тогда Роджеру, как и нам, будет не сладко. Кому понравится рухнуть наземь с такой высоты! Значит, его команде надо как-то достать своего босса — скажем, на вертолете; но они прекрасно понимают, что мы накроем их, как только машина поднимется в воздух. Из обычных эмиттеров нас уже не достать, а тяжелая установка пробьет дыру в куполе. Так что для беспокойства, малышка, нет особых причин.

— Но что ты собираешься делать с этим... этим... — задыхнувшись, девушка махнула рукой на плывущее впереди тело Роджера.

— Он — наш заложник и проводник до люка ближайшего корабля. Потом придется его бросить.

— У меня большое желание прихватить этого мер-

завца с собой, — мрачно заметил капитан Брэдли, — но, к сожалению, вы правы... Похоже, что кролик поймал питона и не знает, с какой стороны отрезать кусок посочнее... да и ножик затупился! — он бросил взгляд на свой «левистон» и сообщил: — Энергия почти на исходе, да и в вашем, по-моему, осталось не так уж много. Рисковать не стоит.

Очутившись у огромной вогнутой стены, мужчины с усилием повернули рычаг. Створки аварийного шлюза медленно, со скрипом разошлись; за ним зиял цилиндрический проход, упиравшийся в люк миниатюрного космического корабля. Костиган, в общих чертах представлявший устройство суденышка, — он внимательно изучал его часа два с помощью интравизора из своей камеры — устроился за пультом и направил кораблик в открытый космос, к далекой Земле.

Затем он предусмотрительно отключил от внешней линии связи переговорные устройства Брэдли и Клио, и начал крутить верньеры передатчика.

— Сэммз! — резко произнес он. — Здесь Костиган. Мы выбрались... все о'кей. Да, конечно... абсолютно... Кстати, передай им, Сэмми, что я не один.

Через звуковые диски шлемов девушка и капитан слышали только половину диалога — краткие реплики Костигана, — но этого было достаточно, чтобы оба устали на него в немом изумлении. Даже Клио слышала это могущественное, почти легендарное имя! Несомненно, их спутник и спаситель стоял высоко — подумайте только, в таком фамильярном тоне он общался с самим Вирджилом Сэммзом, всемогущим шефом Службы, наводнившей космос агентами Трипланетной Лиги!

— Надо послать общий вызов, — наконец пробормотал Брэдли. — Всем наблюдательным станциям и кораблям Флота...

— Это сделают за нас, — ответил Костиган. — Теперь они знают, что искать, и знают, что мониторы дальнего слежения бесполезны. Но есть и другие средства... не думаю, что это займет у них много времени, — откинувшись на спинку кресла, он потянулся. — Все военные корабли в семи секторах, все патрульные суда уже мчатся к нам... и все тяжелые дредноуты и крейсера Флота. У Службы хватает и ультраволновых детекторов, и операторов, чтобы обнаружить этот чертов

планетоид. Ну а когда они его засекут, то сообщат координаты всем боевым кораблям.

— Но что же будет с пленниками Роджера? С пассажирами ограбленных лайнеров, которые томятся на планетоиде? — спросила девушка. — Ведь пираты не пощадят их...

— Трудно сказать, — Костиган пожал плечами. — Все зависит от того, как пойдет дело. Мы и сами, между прочим, еще далеко не в безопасности.

— Да, — согласился Брэдли, — сейчас наши шансы беспокоят меня больше всего. Вероятно, погоня уже выслана.

— Не сомневаюсь. И корабли у них помощнее, чем эта скорлупка. Наша судьба зависит от случая... от расстояния до ближайшего трипланетарного корабля и мощности его батарей. Пока же нам остается только ждать — мы сделали все, что могли.

Наступила тишина. Костиган подключился к переговорному устройству Клио и подошел к ней. Девушка сидела, свернувшись калачиком в пилотском кресле, бледная и измученная; сказывались тяжелые испытания, выпавшие на ее долю за последние несколько часов. Когда Конвэй присел рядом, она непроизвольно вспыхнула, но не отвела синих глаз от лица молодого офицера.

— Клио, я должен... мы... ты... — тут он совершенно неожиданно тоже покраснел и замолк в совершенном смущении.

Конвэй Костиган, офицер Трипланетарной Службы, на чей острый ум и мужество можно было положиться в любых испытаниях, профессионал высочайшего класса, не единожды доказавший на деле, что его невозможно сбить ни с ног, ни со следа, секретный агент, способный найти выход из самой отчаянной ситуации, вспыхнул от смущения как мальчишка. Однако он упрямо продолжал:

— Боюсь, малышка, я выдал себя еще там, внизу... Но...

— Ты хочешь сказать, Конвэй, что мы оба выдали себя, не правда ли? — заговорила после паузы Клио. — Теперь ты тоже знаешь обо мне... знаешь все... все, что я чувствую... Но я не хотела бы удерживать тебя против воли, милый. Только... ведь ты тоже любишь меня, Конвэй?

— Ты еще спрашиваешь?! — воскликнул молодой

офицер, стиснув в отчаянии кулаки; грудь его тяжело вздымалась, под скулами ходили желваки. — Я люблю тебя, Клио... люблю так, как не любил никогда в жизни. Удерживать меня?! О чем ты говоришь, девочка? Для меня нет большего счастья, чем находиться рядом с тобой! Ни одна женщина не значила для меня больше, чем ты... и никогда уже не будет значить... Ты — моя единственная... ты для меня... — внезапно он опустил голову и горько пробормотал: — Ну как ты не понимаешь, девочка моя... это же совершенно невозможно!

— Разумеется, не понимаю, — девушка сбросила тяжелые перчатки, и руки их встретились. Ее низкий бархатный голос слегка дрожал от волнения. — Конвэй, ты любишь меня... и я тебя тоже люблю. Это все, что может иметь для нас какое-то значение.

— Хотел бы я, чтобы это было так! — горько усмехнувшись, ответил Костиган. — Но ты не представляешь, о чем говоришь. Кто ты, и кто я — подумай! Клио Марсден, дочь сенатора Кэртиса Марсдена! Где ты была и что видела в свои девятнадцать лет — хоть ты и уверена в обратном! И кто я такой, чтобы его любила прекрасная юная девушка? Бродяга, бездомная космическая гончая, которая сидит в конуре не больше трех недель в году... Спец по аварийным ситуациям, драчун — не только по долгу службы, но и по натуре, наверное... Шпи... — он прервал себя на полуслове и продолжал после короткой паузы: — Ты ведь совсем меня не знаешь, девочка, — и многого не узнаешь никогда, я не смогу тебе этого рассказать! Клио, ты не будешь счастлива со мной... нам лучше расстаться, малышка, пока еще не поздно, поверь мне...

— Но, Конвэй, я уже не могу этого сделать! И ты не можешь, я уверена, — глаза девушки сияли чудесным ласковым светом. — Слишком поздно, милый. Пока мы танцевали на корабле — это было еще совсем другое, но с тех пор... Тебя не кажется, что мы несколько лучше узнали друг друга? И мы погибли, дорогой... все, что случилось — необратимо! И даже если б мы могли что-то изменить, мы бы не сделали этого, правда? — она коротко, взволнованно вздохнула. — Я знаю, ты пытался бороться с собой, со своими чувствами, Конвэй... но стоит ли? И почему ты так говоришь о себе? Люди на Трех Планетах уважают Службу — ведь вы охраняете нас... И потом, мне кажется, что Вирджил Сэммз

выбирает себе помощников из тысяч и тысяч лучших профессионалов...

— С чего ты взяла, что я помощник Сэммза? — буркнул Костиган.

— О, ты сам выдал это, милый! Ну скажи, кто еще в Трех Мирах мог бы назвать его просто «Сэммз»? — девушка улыбнулась. — Конечно, ты тверд... может быть, даже жесток... но, знаешь, мне никогда не нравились мягкие мужчины. Ты драчун? Но мне показалось, что ты вступаешь в схватку только когда нет другого выхода... Нет, ты настоящий мужчина, Конвэй, самый лучший из всех, кого я встречала... и... и я люблю тебя! Теперь я ничего не боюсь — даже если нас поймают, все равно мы с тобой будем вместе — до самого конца!

— К сожалению, ты права, — мрачно согласился Костиган, — я не верю, что на самом деле дал бы тебе уйти, хотя и понимаю, что это было бы самым разумным... — и их пальцы сплелись еще теснее. — Если мы когда-нибудь выберемся из этой переделки, я собираюсь поцеловать тебя... но раньше не получится — шлем снимать я тебе не позволю.

Руки — нехотя — разжались; Костиган встал и присоединился к сидевшему у пульта управления Брэдли.

— Есть новости, капитан? — спросил он. — Они успевают?

— Трудно сказать... Наши еще далеко — пройдет не менее часа, пока корабль окажется в зоне их наблюдения.

Костиган склонился к экрану локатора.

— Посмотрим, может, мне удастся обнаружить какой-нибудь из преследующих нас крейсеров. Не хотелось бы попасть под лучевой удар... Хотя наш друг Роджер имеет, вероятно, большое желание увидеть нас живыми. Надеется предъявить счет на пару миллиардов — за разгром своей базы и погнанное достоинство... наверно, уже и веревку намылил...

— Конвэй, ты сделаешь то, о чем я попрошу? — Лицо Клио побелело от ужаса при мысли о новой встрече с ужасным серым человеком. — Пожалуйста, дай мне пистолет — или что-нибудь еще... Я не хочу... я не хочу, чтобы он еще когда-нибудь смотрел на меня т а к ... пока я жива...

— Этого не будет, — зловеще прищурился и сжав кулаки, заверил ее Костиган. — Но пистолета я тебе не дам — ты можешь неверно оценить ситуацию...

занервничать... и пустить его в ход раньше времени. Я сам о тебе позабочусь — в последний момент, девочка. Потому что, если мы опять попадем к нему в руки, второго шанса исчезнуть у нас не будет.

В молчании текли минуты. Конвэй зондировал пространство — локатором и своим ультраволновым устройством. Неожиданно брови его полезли вверх, и он расхохотался. Остальные с немым изумлением уставились на него.

— Нет, я не сошел с ума! — улыбаясь, воскликнул молодой офицер. — Просто вспомнил, что силовые экраны Роджера делают невидимыми все его суда... в том числе, и нашу скорлупку. Правда, я их засек — при помощи ультраволнового сканера... а они нас — нет! Я знал, что погоня где-то близко, и вот нашел всю банду — их корабли только что прошли мимо. И знаете, куда они направляются? — глаза Конвэя Костигана сверкнули торжеством. — Они идут как раз навстречу нашему Флоту! Представьте, какой сюрприз их ждет!

Но не одним лишь пиратам предстояло удивиться. Когда началась яростная схватка, когда пиратская армада, уничтоженная на три четверти, предприняла последнюю отчаянную попытку атаки, когда, потеряв невидимость, черные сигарообразные корабли ринулись на таран, экипаж маленького суденышка пережил серьезное потрясение. Внезапно последние крейсера Роджера и половину трипланетарного флота затянула розовая дымка, которая становилась все ярче и ярче; затем огромные корабли начали взрываться, превращаясь в брызги расплавленного металла. Костиган просканировал окружающее пространство в ультраволновом диапазоне и обнаружил, что космос отнюдь не был пустым! Там находилось нечто огромное, бесформенное и невероятное даже для подпространственного зрения; нечто, засасывающее останки взорванных кораблей. Металлические брызги словно вливались туда — и исчезали.

Мощные помехи блокировали его передатчик; но, надеясь, что хоть какая-то часть сообщения дойдет до Сэммза, он вызвал его, а затем спокойно и последовательно изложил все произошедшее. Конвэй продолжал доклад, не упуская ни одной детали, в то время как его корабль сносило к розовому облаку; он продолжал говорить до тех пор, пока их суденышко не погрузилось в розовый туман. Тут он почувствовал, что не может шевель-

нуть даже пальцем. Костиган был в сознании, его сердце билось ровно, грудь мерно вздымалась и опадала, но ни один мускул больше не повиновался его воле.

Глава 9

ФЛОТ ПРОТИВ ПЛАНЕТОИДА

Один из новейших кораблей Трипланетной Лиги — тяжелый крейсер «Чикаго» из Североамериканского дивизиона земного флота — уже пять недель патрулировал отведенную ему область пространства. Вскоре крейсер должен был вернуться на космодром вблизи города, в честь которого он получил свое название; там уставшая от бесконечной пустоты команда сможет месяц отдыхать и развлекаться, чтобы затем вновь приступить к своей монотонной работе.

Сейчас экипаж занимался обычным делом — следил за метеоритами и астероидами, которые могли бы помешать космической навигации, не забывая, однако, проверять все суда, возникавшие на следящих мониторах. «Чикаго» являлся боевым кораблем, мощной машиной разрушения, и его основной задачей была охота за любыми космическими аппаратами с планет, еще недавно пытавшихся свергнуть Трипланетие в чудовищный хаос войны. Каждый встреченный транспорт изучался дважды: с помощью экранов слежения и прицельной рамки лучевых мультиплексных эмиттеров.

В один из дней долгого и скучного патрулирования на пульте вдруг вспыхнула ослепительная алая лампочка, и вслед за этим корабль потрясли оглушительные звуки sireны. Затем по внутренней связи началась трансляция сигналов гибнущего поблизости корабля.

«Тревога! «Гиперион» подвергся нападению! Затоплен Ви-два... В пространстве нет ничего подозрительного, но...»

Незаконченное послание было прервано мерным гулом помех, и точка, обозначающая на экранах положение «Гипериона», погасла. Наблюдатели, навигаторы, и просто любопытные, заглянувшие на мостик, словно окаменели. Даже сам капитан, прошедший сквозь огонь и кровь многих космических сражений, замер в

изумлении. Трипланетарный крейсер исчез — но приборы «Чикаго» не могли обнаружить вражеского судна, создавшего такие сильные помехи. А ведь их интенсивность говорила о непосредственной близости нападавшего корабля!

— Максимальное ускорение! Держать курс по последним замеренным координатам «Гипериона»! — капитан, рослый, темноволосый и уже немолодой, казался воплощением спокойствия, когда его пальцы набирали код связи с верховным командованием. Спустя полминуты все боевые корабли сектора, независимо от их величины и вооружения, начали стягиваться к точке, откуда «Гиперион» в последний раз подал сигнал. Несмотря на то, что полоса помех непрерывно расширялась, суда могли общаться друг с другом.

Час за часом огромный шар крейсера набирал ускорение; капитан, офицеры и боевые расчеты стояли на местах, внимательные и напряженные как никогда. Их мысли вертелись вокруг исчезнувшего корабля — ведь подобное происшествие могло означать что угодно, вплоть до начала новой войны, а люди слишком устали от крови. Они устали терять друзей и близких в бесконечных космических баталиях, устали с трепетом ждать, когда лучи вражеских орудий прошьют защиту их судна; и многих охватывало отчаяние и ужас перед новой бойней.

В секции снабжения, однако, царил совершенно другой настрой. Там двое помощников суперкарга пытались найти ошибку в ведомостях; их не трогали такие мелочи, как исчезновение крейсера — отчетность была намного важнее.

— Требование на «левистоны» — двенадцать штук, запрос на десантные скафандры — десять, теперь еще... — спокойный мягкий голос, диктовавший цифры из обширной ведомости, прервался на полуслове; один из молодых офицеров застыл, словно прислушиваясь к чему-то извне, недоступному его товарищу.

— Давай дальше, Клив, — начал было второй, но остановился пораженный странным видом своего коллеги: его худощавое мускулистое тело напряглось, янтарные кошачьи глаза смотрели куда-то вдаль, а руки с тонкими изящными пальцами вцепились в край стола.

— Так! — воскликнул он наконец. — Значит, они проявили себя... Да... Я все понял... Слушаюсь... До связи...

Снабженец уставился на Клива — тот бросил ведомости, которые держал в руках, и твердым шагом направился к столу дежурного. Достойный офицер удивленно следил, как весельчак и балагур Клив, словно постарев на десять лет, идет к нему уверенной походкой. Затем изумление сменилось почтением, когда молодой человек показал ему какой-то маленький блестящий диск.

— Я только что получил приказ, сэр, и должен отправиться к капитану. Конечно, сейчас нельзя шататься по кораблю, но дело крайне срочное, — с этими словами он выскользнул за дверь, оставив обоих офицеров в состоянии глубокого шока.

Никто не остановил Клива, пока он шел к центральной управления, и даже возле ее двери короткая фраза «срочный доклад капитану» послужила паролем. Клив беспрепятственно перешагнул порог, но тут же на него налетел вахтенный офицер:

— ... и немедленно под арест! — закончил он свою короткую, но содержательную речь.

— Вы совершенно правы, сэр... Я хотел пройти сюда незаметно, но мне это не удалось. Значит, так: по приказанию Вирджила Сэммза я явился для беседы с капитаном. Видите это? Прикоснитесь! — он протянул вахтенному небольшой плоский диск с изображением метеора. Манеры офицера тут же изменились.

— Я слышал об этом знаке, но не видел ни разу, — он слегка прикоснулся к изящному изображению пальцем и ощутил всем телом, мышцами, нервами и разумом удар неведомой силы, словно кричавший непроизнесенные вслух слова — пароль Трипланетной Службы. — Подлинный знак или нет, но он дает тебе право пройти к капитану, а старик-то разберется... но если это подделка, то уже через пять минут ты будешь порхать в космосе голышом, парень.

Держа эмиттер наготове, вахтенный провел Клива в святая святых корабля. Без лишних слов огромный, похожий на медведя капитан «Чикаго» коснулся диска, не сводя с посетителя внимательных глаз. Этот командир получил свой пост не случайно и без помощи «крепкой волосатой руки сверху» — так что он все понял очень быстро.

— Должно быть, дело срочное, — произнес он, разглядывая своего подчиненного с некоторым интересом. — Сэммз не любил раскрывать своих агентов.

Затем он повернулся к вахтенному, вытянувшему от любопытства шею, и рявкнул:

— Благодарю за службу! Вы свободны!

Дождавшись, когда офицер выйдет за дверь, капитан лаконично приказал:

— Ну, выкладывайте!

— Обстоятельства настолько серьезны, что все наши люди, дислоцированные на боевых кораблях, получили приказ обратиться к старшему командиру или любому члену экипажа, который может оказать полезное содействие. Такие инструкции даны впервые за все время существования Службы. Итак, сэр, найдена вражеская база — огромный искусственный планетоид, охраняемая тяжелыми крейсерами. Ни сама база, ни корабли не могут быть обнаружены обычными средствами. Однако Служба уже ряд лет экспериментирует с ультраволнами, так что есть надежда кое-что разглядеть. Один из наших парней был на «Гиперионе» и успел передать важное сообщение; Сэммс объявил тревогу, и мне передали приказ подсоединить систему ультраволновой связи к вашему передатчику — на случай новых неожиданностей.

— Работайте, — буркнул капитан, кивнув на передатчик, и Клив сразу приступил к делу.

Внезапно раздался мелодичный сигнал, и передатчик ожил.

— Командующим всех боевых кораблей, — голос адмирала разорвал напряженную тишину. — Судам в секторах «Л» и «Р» отключить опознавательные сигналы. Суда, командиры которых получили указания из не подлежащих упоминанию источников, немедленно включают красные огни по системе К-четыре и берут на себя роль флагманов. Корабли без опознавательных знаков направляются к флагманам и выстраиваются за ними в боевые конусы. Эскадры, наиболее удаленные от точки контакта с противником, движутся к ней с максимальной скоростью; ближние замедляют ход. До прибытия всего флота боевые действия не начинать. Крейсерам других секторов передислоцироваться на орбиту Марса... — приказы продолжали поступать, все флоты Трипланетной Лиги готовились вступить в бой, если сосредоточенные около Земли силы не смогут уничтожить пиратскую базу.

В ближайших секторах как минимум дюжина кораблей зажгла красные сигнальные огни, и на следящих экранах остальных появились яркие точки, к которым на

максимальной скорости начали стягиваться боевые эскадры. В то время небольшие разведывательные корабли Службы обследовали каждый дюйм пространства вокруг пиратской базы. Однако они не рисковали приближаться к планетонду, и ультраволновые детекторы не могли его обнаружить — малый радиус действия сильно ограничивал их возможности. Пока что огромный невидимый черный шар плыл где-то вне зоны контакта, недоступный локаторам разведчиков.

В капитанском отсеке, на мостике крейсера «Чикаго» молодой агент Службы уставился в пол в глубоком раздумье. Мысли его были прерваны довольно бесцеремонно.

— В чем дело? — капитан положил огромную ручищу на плечо Клива. — Не можете их найти?

— Нет... Безнадежно! — коротко бросил агент, но внезапно в его глазах сверкнул огонек. — Капитан, я попробую кое-что переделать, но мне нужна помощь. Найдется у тебя пара-другая парней, которые разбираются в электронике?

Просьба Клива была выполнена немедленно, и пока ультраволны обшаривали космос в безнадежных поисках, помощник суперкарга и специалисты секции электронного оборудования «Чикаго» занимались созданием нового мощного локатора. Инженеры крейсера работали почти вслепую, но Клив, казалось, точно знал, что надо делать. В конце концов грубое, но эффективное приспособление было создано — и оно работало! Подобные вещи случаются не так редко, как можно подумать, и не имеют никакого отношения к чуду; необходимость диктует определенное конструкторское решение и, при наличии хороших мозгов и умелых рук, новое устройство быстро появляется на свет божий.

Итак, локатор заработал и расходящиеся круги ультраволн пронизали космическое пространство.

— Вот и все, сэр — доложил Клив, когда на экране прибора показались яркие точки. — Давайте сравним мои данные с теми, что на ваших локаторах — по координатам ближайших кораблей флота. Итак, диктую: X-11-62-23, RA-124-32-16, DX-173-25...

Цифры совпали. Капитан отсалютовал Кливу и произнес:

— Я знал, что в вашей Службе немало толковых ребят. Но то, что вы сделали сейчас, по плечу только одному человеку: Лиману Кливленду!

— О, что вы, сэр! Это не имеет... — начал было Клив, но тут вновь раздался мелодичный сигнал и, обернувшись к приемнику, мужчины увидели на экране уверенное и властное лицо Вирджила Сэммза.

— Привет, Лиман, — голос шефа Трипланетарной Службы четко звучал из динамиков, и капитан шумно вздохнул, сообразив, что помощник суперкарго с его корабля и Лиман Кливленд, лучший специалист по лучевой трансмиссии, — одно лицо. — Я был уверен, что ты как-нибудь выкрутишься. Ну? Такие штуки можно поставить на прочие суда?

— Боюсь, нет, — Кливленд нахмурился. — Система, конечно, работает, но мы собрали ее на живую нитку. Эта куча металлолома может развалиться в любую минуту.

— Вы сумеете получить хотя бы несколько снимков окружающего пространства?

— Секунду... Да, вполне. Но зачем?

— Там происходит что-то непонятное — ни нам, ни пиратам. Адмирал решил, что юпитериане опять проявляют активность, но этого просто не может быть — им не под силу разработать такие приспособления за прошедшее время... — Сэммз вкратце изложил сведения, полученные от Костигана и мрачно усмехнулся: — Больше я ничего не знаю... и хочу, чтобы вы не лезли в драку. Необходимо информация! Так что держитесь подальше и делайте снимки. Я прослежу, чтобы «Чикаго» получил нужные указания.

— Но послушайте, сэр...

— Это приказ! — отрезал Сэммз. — Нам важно знать все детали происходящего, а единственная возможность их получить — ваш новый аппарат. Если флот потерпит неудачу — а я не разделяю уверенности адмирала в победе — у нас останутся хотя бы снимки... и они могут многое подсказать. И еще одно — похоже, мы потеряли Конвэя, и я не желаю рисковать и вашей головой.

Кливленд молчал, обдумывая новости, но капитан «Чикаго», который был ветераном Четвертой юпитерианской войны, не мог стерпеть сомнений в могуществе флота.

— Мы распылим их, Сэммз! — свирепо рявкнул он. — Мы сделаем из них...

— Как вам угодно, капитан... Я никогда не навязываю своего мнения, — шеф Службы пожал плечами. —

Я предупредил адмирала, что планетоид, скорее всего, будет держаться до тех пор, пока мы не применим что-нибудь новенькое... Но он не пожелал меня слушать! Он согласился лишь вывести ваш корабль из зоны боевых действий.

— Этого вполне достаточно, — недовольно пробормотал капитан, когда связь прервалась. — Кливленд, мне не нравится перспектива удирать от огня, и я этого не сделаю, пока не получу указаний от самого адмирала!

Однако приказ верховного командования поступил незамедлительно, и «Чикаго», выключив сигнальные огни, уменьшил скорость. Устремившиеся к нему суда повернули к другим лидерам, а крейсер шел все дальше и дальше, до самой границы действия прибора, над которым колдовали Кливленд и его коллеги из экипажа корабля.

Флот, тем временем, объединил силы. Тяжелые крейсера, озаренные сиянием алых огней, вели боевые конусы, направляясь к «Бесстрашному» — супер-дредноуту из Британского дивизиона, который был флагманом Флота, самым мощным космическим кораблем, когда-либо поднимавшимся в пространство.

Теперь флот перестраивался в один огромный конус, направленный основанием к противнику. Подобная тактика была разработана еще во время Юпитерианских войн, когда силы Трипланетия боролись за жизнь своих миров; с тех пор, как последние звездные корабли юпитерианских убийц были уничтожены, конуса не использовались.

Основанием конуса служили маленькие корабли-разведчики — самые слабые, но и самые подвижные суда флота. За ними шло кольцо легких крейсеров, затем — кольцо тяжелых; дредноуты образовывали четвертый круг. В вершине, под защитой всех кораблей, в оптимальной позиции для руководства боем, шел флагман. При таком построении каждая боевая единица могла применять свои огневые средства без опасения повредить соседа; в то же время по оси конуса направлялись мощнейшие всплески энергии, генерируемые эмиттерами тяжелых кораблей. Интенсивность огня флагманского судна и его ближайшего окружения была точно рассчитана; казалось, ничто не могло устоять перед этим лучевым шквалом.

Искусственная планета была уже близка и доступна пока еще несовершенным ультраволновым радарам —

как и пиратские корабли, один за другим вылетавшие из разверстых шлюзов. Они не утруждали себя регулярным построением — видимо, Роджер был уверен, что его корабли-невидимки смогут уничтожить огромную армаду противника, не выдав своего местоположения. Однако он ошибся — ошибся, позволив своим передовым судам проникнуть внутрь боевых порядков земного флота еще до того, как арьергард покинул планетоид. Как только десятки сигарообразных кораблей пересекли плоскость основания конуса, капкан захлопнулся, и Флот ответил энергетическим ударом невероятной мощности. Одна команда, один сигнал — и океан беснующейся энергии обрушился на противника, неся уничтожение и смерть. Ультраволновые экраны невидимости, скрывавшие пиратские суда, не могли выдержать подобного напора — как и любые иные средства обороны, имевшиеся в распоряжении Роджера или Трипланетной Лиги. Защитные экраны пиратских кораблей начали краснеть и гаснуть; затем сами корабли разлетались на части, превращаясь в груды опаленного искореженного металла. Медленно и беспорядочно вращаясь, они плыли куда-то в равнодушном мерцании звезд — безжизненные, темные, зловещие; и мы никогда не узнаем, где они нашли последний приют...

Две трети сил Роджера были пойманы в капкан и уничтожены, но остальные корабли не собирались отступать к планетоиду. словно стая обезумевших волков, они металась по краям конуса, атакуя его с флангов. Но теперь, после потери невидимости, пираты стали гораздо уязвимей, и эффективность ударов Трипланетарного флота неизмеримо возросла. Вспышки и разрывы вспарывали черную бездну космоса, страсть к уничтожению овладевала сердцами, ибо нет ничего более притягательного, чем бой — воздушный или космический, когда в руках человека сосредоточена чудовищная мощь адских машин уничтожения. Любой, испытывший это пьянящее чувство всемогущества, смешанное со страхом, отчаянием, отвагой, никогда не позабудет его; призрак страшной и покорной силы, под ударами которой сотрясалась Вселенная, будет тревожить его сны годами, десятилетиями...

Противоборствующие корабли наносили и отражали лучевые удары; мощные энергетические щиты, одинаково эффективные с обеих сторон, прикрывали их. Огромное расстояние делало бесполезными атомные

торпеды — пространство было насыщено помехами, сбивавшими снаряды с курса. В одиночном бою пиратские суда намного превосходили по мощи земные дредноуты и крейсера, и вскоре это стало очень заметным. Более слабые корабли флота погибали один за другим под губительными лучами вражеских эмиттеров; пришло время использовать последний козырь — ультраволновые торпеды. Их было немного, ибо флот еще только оснащался этим новейшим оружием, но каждая из них несла гибель.

Операторы, впившись глазами в прицельные рамки, запускали их одну за другой. Не реагируя на обычные помехи, не отклоняясь в сторону ни на дюйм, они летели точно в цель — смертоносные посланцы земных кораблей. Попадание — взрыв! Попадание — взрыв! Но даже гибнущие суда врага еще какое-то время продолжали посылать снаряды — они вылетали из любой достаточно крупной части. Изумлению людей не было предела, но разгадка оказалась проста — на пиратских кораблях не имелось живых существ. Экипажи роботов, управляемых с планетоида, сражались до последнего, не ведая страха смерти.

Впрочем, это было уже не важно; пиратские корабли гибли в беззвучных вспышках атомных взрывов. Видимо, Роджер понял, что битва проиграна; уцелевшие сигарообразные крейсера вдруг ринулись к вершине конуса, пытаясь протаранить самые мощные суда флота. Так погиб «Бесстрашный» и два десятка лучших кораблей; на какое-то время Трипланетарные силы остались без управления. Однако на их стороне было огромное преимущество — боевой опыт, полученный в долгих и кровавых войнах последних столетий. Вскоре новый командир возглавил земную армаду и, добив последними залпами пиратские суда, флот устремился к планетоиду. Но в тот момент, когда корабли Трипланетия приготовились к атаке, а Роджер включил на полную мощность защитные экраны, обе стороны осознали, что в космосе действует еще одна сила.

Пространство озарилось розоватым сиянием; неведомый пришелец из межзвездной бездны начал забрасывать свою чудовищную сеть. Он собирался славно поохотиться в этом далеком уголке космоса, столь богатым драгоценным металлом. И капитан чужаков был намерен заполучить сокровище любой ценой; его не пугали ни орудия Трипланетного флота, ни гибель

тысяч живых существ. Главное было в другом — в этом мире никто и ничто не могло противостоять его кораблю.

Так в Солнечной системе впервые появился звездолет невиан.

Глава 10

ПОД РОЗОВЫМИ НЕБЕСАМИ

Мир Невии был родным для корабля, вторгшегося в Солнечную систему; странный и удивительный мир по земным меркам. Высоко в поднебесье плыло огромное яркое солнце, посылая пурпурные отблески на покрытую водой планету. Ни облака, ни тучки на горизонте; в хрустальном воздухе открывалась необъятная даль, и где-то далеко-далеко зеленоватый спокойный океан сливался с розовым небом. Когда же ослепительное солнце скрывалось за безбрежными водами, с другой стороны, с восхода, наплывали облачные массы, нависали над океаном, и начинался дождь, сильный и долгий. До полуночи капли его вспенивали волны, затем тучи исчезали, как будто их и не было...

Невия, единственное детище жаркого солнца, покрытая водой планета, была далека от Земли; два мира, две расы разумных разделяло много световых лет. Но огромный звездолет — тот самый, который вскоре вступит в бой с флотом Трипланетия и планетоидом Роджера — мог преодолеть это расстояние без труда. Сейчас он мчался над родной планетой, виток за витком сбрасывая скорость, и, наконец, вертикально устремился вниз — туда, где раскинулся странный город, наполовину погруженный в воду. Его строения были похожи друг на друга — шестиугольники с плоскими верхушками складывались в правильный рисунок, напоминавший пчелиные соты; каждая ячейка была отделена от остальных узкой полоской воды. Мосты, перекинутые между шестиугольными башнями, и сами здания были построены из белого сверкающего металла. Каналы, служившие улицами этого города, переполняли его обитатели, разумные амфибии, то плывущие, то медленно шествующие; повсюду мелькали небольшие подводные лодки — очевидно, аналог земных автомобилей.

Пилот, неподвижно замерший у пульта снижавшегося корабля, обозревал одним глазом окрестности сквозь иллюминатор, вторым следил за действиями помощников, третьим наблюдал за показаниями приборов. Был еще и четвертый глаз, нацеленный на испещренную значками ленту, выползавшую из логической машины — земляне называли бы ее компьютером. Четыре руки — гибких сильных щупальца — управляли рычажками и кнопками, мягко прикасаясь к пульта. Со слабым всплеском массивный корабль ушел в воду и, проплыв небольшое расстояние, замер перед металлической дверью ангара. Круглая диафрагма раскрылась и пропустила его внутрь.

Капитан — вернее, тарг (этот титул присваивался лишь выдающимся исследователям космоса), — расстегнул ремни, прижимавшие его крупное тело к желобу невысокой скамьи, и, отключив все приборы, направился к люку, возле которого собралась команда. Из-за толстых коротких ног его движения казались неуклюжими, но когда люк отошел в сторону и невианин шлепнулся в воду, его тело обрело гибкость и подвижность. Будучи земноводными амфибиями, жители Невии обладали холодной кровью и с одинаковой легкостью могли дышать с помощью жабер и легких, под водой и над водой; их ластообразные ноги были способны достаточно проворно двигаться по тверди земной и позволяли развивать в воде скорость, доступную лишь немногим рыбам; их обтекаемые тела уменьшали сопротивление воды, а хвосты отлично справлялись с ролью руля.

Помогая себе хвостом, тарг плыл в глубокой прохладной воде. Через большую арку, прорезанную в стене ангара, он попал на широкое подводное шоссе, переполненное субмаринами; затем, совершив еще один поворот, добрался до пологого ската — основания башни. Вскоре лифт вознес его на вершину шестигранника — прямо в личные апартаменты весьма высокопоставленного существа, чью должность можно было обозначить так: министр коммерции и торговли Невии — или харод.

— Добро пожаловать, тарг Нерадо, — «министр» сделал приветственный знак щупальцем, в то время как вошедший доковылял до низкой мягкой скамьи и с удобством развалился на ней. Мебель в большом зале полностью соответствовала требованиям его обитателей:

серебристые низенькие скамьи-желоба на шести ножках стояли по периметру у стен, их чуть приподнятые изголовья переливались узорами, сиявшими серебром в струившемся из шестиугольных окон свете. Рядом со скамьей почтенного харада располагалась странная конструкция, отдаленно напоминавшая стол с зеленоватой крышкой.

— Поздравляю с удачным завершением вашего последнего путешествия, — все четыре глаза харада смотрели прямо на Нерадо, что являлось признаком несомненного почтения. — Мы получали ваши доклады, мой тарг, несмотря на гигантскую скорость полета. Итак, закончив испытания корабля, готовы ли вы к новому странствию?

— Да! — уверенно ответил тарг, взволнованно помахивая хвостом. — Звездолет оборудован великолепно, команда — лучшие из лучших. Мы рассчитали координаты ряда звезд, богатых железом, но вот его запасов, необходимых для длительного полета, маловато. Правительство не в силах снабдить нас топливом, и вся надежда на вас. Сколько вы сумели купить?

— Десять румов...

— Десять румов! Оставленный нами залог не стоит и двух!

— Конечно, но ведь у вас есть друзья. Многие верят в ваше дело и отдали все свои сбережения... Подумайте, мой тарг, почему бы простым жителям планеты не помочь такому перспективному начинанию?

— Это чудесно! Я даже не знаю, как вас благодарить! Десять румов, — огромные треугольные глаза Нерадо налились фиолетовым. — Через год полета мы все вернем... Однако, — тарг взмахнул хвостом, — вдруг мы потерпим неудачу?

— В таком случае вы будете должны нам десять румов бесценного металла, — харод был абсолютно спокоен. — Кстати, так полагают многие в правительстве: они не против самой идеи поисков железа на других планетах, но не желают даром терять свои румы.

— Действительно, потеря велика, — сказал невианский Колумб, его глаза потускнели, а хвост обвис. — В конце концов, я могу ошибаться...

— Скорее всего, так, — последовал нерадостный ответ. — Как показывают астрономические исследования, в ближайшем к нам районе галактики не суще-

ствуется планетных систем, пригодных для наших целей. Здесь, похоже, Невия — единственная населенная планета, а мы — единственная разумная раса. И существует всего один шанс на миллиард, что вы обнаружите богатый железом мир, который можно будет эксплуатировать. Намного вероятнее встретиться с небольшим космическим телом, содержащим железо — настолько небольшим, что вы сумеете его захватить. Так что мы, пожертвовавшие на этот полет свои запасы, не слишком рассчитываем на компенсацию...

Вызвав охрану, харод отправил маленький контейнер с бесценным веществом на корабль. Перед тем, как расстаться, друзья в последний раз потерлись шеями, желая друг другу удачи.

— Я буду постоянно информировать вас, — заверил «министра» Нерадо. — Я понимаю свою ответственность — десять румов железа — слишком серьезная потеря для планеты. Но если мы найдем сокровище, проследите, достопочтенный, чтобы второй корабль выслали немедленно!

— Об этом не беспокойтесь! Если вы найдете железо, космос наполнится кораблями, спешащими к вам! Прощайте!

Вскоре Нерадо поднял в небо свой звездолет. Все выше и выше, за пределы атмосферы, стремился его корабль; вперед и вперед, сквозь холод и мрак космического пространства; все дальше и дальше — пока теплый голубой шар Невии не остался далеко позади, превратившись в маленькую голубовато-белую звездочку. Вскоре двигатели были отключены, чтобы не тратить драгоценное активированное железо, чей распад и давал необходимую для полета энергию. Затем начались долгие странствия в беспредельной пустоте космоса.

Прошло время — довольно значительное и по меркам Невии, и с точки зрения Земли — и, наконец, тарг обнаружил звезду G-типа, окруженную девятью планетами, вокруг которых, в свою очередь, вращались спутники. Изумленный Нерадо созвал всю команду к экранам, чтобы каждый убедился в существовании этого великого множества планет, и только тогда сам поверил своим глазам.

Сбросив ускорение и включив ультраволновые детекторы, невианский корабль проник в пространство Солнечной системы. Вскоре системы поиска обнаружили

субстанцию, которая состояла практически из чистого железа. Да, это было железо — невероятное количество железа, дрейфующего в космосе! Не дожидаясь окончательного анализа структуры и внешнего вида объекта, не слишком интересуясь происхождением сокровища, Нерадо велел включить деструкционное поле, способное разрушить связи между атомами и превратить драгоценный элемент в тягучую красноватую субстанцию, которая начала заполнять грузовые трюмы его корабля.

Как только контейнеры поглотили первую порцию аллотропного железа, круглые экраны поисковых радаров заискрились так, что едва не ослепили наблюдателей. Неподалеку находилось огромное скопление металла в виде мелких объектов, а рядом с ними — гигантское сферическое образование; чуть в стороне в пространстве двигался еще один небольшой сгусток железа.

— Мы нашли его! Металл отличного качества — огромные залежи в космосе! Немедленно высылайте второй корабль! — передавал дрожащий от возбуждения Нерадо, сверкая фиолетовыми глазами.

Как только сеанс связи был окончен, тарга позвали к одному из экранов.

— Я обследовал ближайший сгусток металла, самый маленький, — взволнованно доложил наблюдатель. — Это искусственное тело; вероятно — небольшой космический аппарат, и в нем — три живых существа! Совершенно отвратительного вида, но, очевидно, разумные, иначе они не могли бы перемещаться в пространстве и управлять этим механизмом.

— Невероятно! — воскликнул глава невианских исследователей. — Впрочем, почему бы и нет? — добавил он потише, а потом чуть слышно прошептал: — Но нам так нужно железо... Доставьте их сюда, — велел он наконец, — и в свободное время мы изучим представителей этой примитивной расы и их механизм, — с этими словами Нерадо направил следящий луч на космическую шлюпку и внимательно оглядел мисс Клио Марсден и офицеров Трипланетарного Флота.

— Они явно разумны, — заключил он, обнаружив и заглушив ультраволновое сообщение Костигана, — но не настолько, чтобы это вызывало опасения. — Более детально обследовав суденышко и его обитателей,

он продолжал: — У них невероятные запасы железа, которое используется совершенно варварски — только как строительный материал. Очевидно, у них есть какие-то зачатки знаний об атомной энергии и ультраволнах, но они даже не в силах нейтрализовать создаваемые мной слабые помехи. Пожалуй, они стоят выше по развитию, чем шартразы, рыбообразные наших океанов, но с нами их сравнивать нельзя. — Он поднял голову на длинной гибкой шее и оглядел свой экипаж: — Я чувствую большое облегчение... я боялся, что поспешными действиями нанес вред представителям высоко-развитой расы.

Беспомощное суденышко подтянули к огромному невианскому кораблю. Мощные энергетические ножи взрезали корпус в течение нескольких секунд, и три облаченные в скафандры фигуры — конечно, безоружные, — были доставлены в лабораторию. Тщательно изучив состав воздуха в скафандрах и установив его сходство с невианским, земновидные специалисты удалили защитные покровы с пленников.

* * *

Костиган уже мог немного шевелиться — паралич постепенно проходил. Он задержал дыхание, но тут же понял, что предосторожность была напрасной. Их чудовищные на вид похитители не собирались травить пленников; воздух, чуть более влажный, чем на Земле, был насыщен странными запахами, но годился для дыхания. Несмотря на то, что корабль неподвижно висел в пространстве, гравитация, почти не отличавшаяся от земной, давала приятное ощущение собственного веса. Удалив эмиттеры и все предметы, которые, по невианским меркам, могли служить орудиями убийства, пришельцы выключили парализующее поле. Земная одежда их чрезвычайно удивила, но при попытке снять ее земляне начали выражать неудовольствие столь бурно, что земноводные исследователи не решились настаивать, решив пока ограничиться визуальным изучением своей добычи.

Так впервые представители двух безмерно удаленных солнечных систем увидели друг друга. Невиане разглядывали людей со смешанным чувством любопытства и отвращения, а трое землян смотрели на их неподвижные невыразительные «лица» — или, скорее, ко-

нусовидные звериные морды — с ужасом и омерзением. И на первый, и на второй взгляд невиане выглядели чудовищно. Даже сейчас очень немногие из землян способны смотреть на жителя Невии, не испытывая чувства пустоты в желудке и позывов к тошноте. Марсиане, с их грубой морщинистой кожей и обликом надутых гномов, достаточно отличаются от людей, но облик их давно стал привычным. Узкоглазые, безволосые и бесцветные венериане еще менее приятны на вид, однако обе эти расы являются отдаленными родичами землян, и люди превосходно общаются с ними, посещая Марс и Венеру. Но невиане...

Горизонтальное туловище, плоское, похожее на черепашье, поддерживалось четырьмя короткими толстыми ногами с плоскими широкими ступнями; четырехлопастный забавный стоял торчком, как у гончего пса. Все это казалось довольно необычным, но не вызывало отвращения. Можно было снести даже вид шеи — длинной, постоянно изгибающейся и покрытой кожистыми складками и морщинами — причем невиане очень тщательно подбирают их рисунок, зависящий от настроения. Даже их запах — запах протухшей рыбы, от которого начинает болеть голова, — можно перетерпеть и даже привыкнуть к нему, особенно если невианин пользуется креозотом — этот чисто земной химикат превратился впоследствии в любимые невианские духи.

Но голова! Именно она делала инопланетян столь омерзительными в глазах людей, ибо ничего подобного им не встречалось за всю земную историю. Сейчас даже дети знают, что костный конус головы невианина покрыт чешуей и буквально насажен основанием на шею. На середине этого конуса, на равном расстоянии друг от друга, расположены четыре зеленоватых глаза. Зрачки их могут сокращаться и расширяться как у кошек, что обеспечивает хороший обзор независимо от интенсивности светового потока; невиане превосходно видят и в яркий полдень, и в почти полной темноте.

Сразу под глазами начинаются «руки» — длинные бескостные гибкие щупальца, оканчивающиеся восемью небольшими, но очень сильными отростками — «пальцами». Под каждой из рук расположен рот — крошечное отверстие, с помощью которого невиане могут издавать звуки. Наконец, под нависающим краем конуса расположены нежные хрупкие органы, играющие роль легких

или жабер. Обозревая физиономии друг друга, невиане замечают любое изменение мимики и считают свои глаза весьма выразительными, хотя человек способен различить только их цвет — признак эмоций, по сравнению с которыми темперамент любого меланхолика может считаться просто бешеным.

Итак, подобные чудовища предстали перед глазами наших героев. У землян хозяева вызвали отвращение; им столь же мерзкими показались гости; неприязнь была взаимной. Хотя невиане — чрезвычайно разумная раса, изящные формы человеческих тел показались им квинтэссенцией уродства и нелепости.

— Мой бог! Конвэй, милый! — воскликнула Клио, теснее прижимаясь к обнимавшему ее Костигану. — Что за чудища! И они молчат — никто не произнес ни звука! Как же они общаются?

В то же самое время Нерадо беседовал с коллегами.

— Какие забавные, бесформенные создания! Действительно низшая форма жизни, даже если у них и имеется какой-то интеллект. Они не говорят и даже не подают вида, что слышат нас. Как вы полагаете, может быть, они общаются с помощью глаз? Какой из их странных органов способен воспроизводить звуки?

Ни одна из сторон не понимала, что и каким образом говорит другая. Невиане общались на ультрачастотах, и даже самые низкие звуки их речи выходили далеко за те пределы, которые доступны человеческому слуху. Наиболее высокие ноты, которые способен взять землянин, для них невероятно низки и потому не слышимы.

— У нас еще много дел, — произнес наконец Нерадо, отворачиваясь от пленников. — Необходимо продолжить изучение этой звездной системы и взять полный груз железа, которого здесь так много. Нашими странными гостями мы займемся позже.

— Что же с ними делать? — спросил один из его помощников. — Запереть в какой-нибудь секции трюма?

— О, нет! Ни в коем случае! Их надо хорошо содержать, чтобы доставить в Храм Науки Невии живыми и здоровыми. Представьте, какое поднимется волнение, когда мы привезем их — живое доказательство того, что и другие светила имеют планеты, и что эти миры способны поддерживать органическую — и даже

полуразумную — жизни! — тарг на мгновение задумался, потом приказал: — Поместите их в три сообщающиеся каюты в четвертом секторе — им явно необходимы свет и простор. Наружный выход закрыть, внутренние двери пусть останутся открытыми, чтобы они могли общаться или уединяться, как им захочется. — Нерадо окинул пленников задумчивым взглядом нижней пары глаз и заметил: — Похоже, что самая маленькая особь — самка... видимо, пара этого крупного существа, к которому она прижимается... Однако, мы слишком мало знаем об их физиологии и обычаях, так что предоставим им максимальную свободу — насколько это совместимо с нашей безопасностью. — И он отвернулся к приборам. Три члена команды приблизились к пленникам. Один из них заковылял по коридору, показывая недвусмысленными жестами щупальцев, что людям надо следовать за ним. Все трое послушно пошли следом; пара невиан замыкала процессию.

— Сейчас самый подходящий момент, — шепнул Костиган, когда они миновали низкий дверной проем и вошли в протяженную и узкую секцию, тянувшуюся по оси судна. — Присмотри за этим парнем впереди, Клио, и попытайся задержать его. Брэдли, мы займемся теми, кто сзади. Начали!

Конвэй оступился и, резко откатившись в сторону, схватил похожее на резиновый шланг щупальце. В следующий миг он пригнул массивную голову инопланетянина к полу, и его тяжелый башмак с силой врезался в сочленение между телом и шеей. Невианин упал, а нападавший бросился на ковыляющее впереди чудище. Но он не достиг цели, рухнув под лучом парализатора. Возглавлявший процессию страж был наготове и действовал он очень быстро — достаточно быстро, чтобы остановить стремительную атаку Костигана. Появилось еще несколько невиан; и пока сраженное Конвэем существо билось на полу, колотя в него ногами и хлеща щупальцами, людей аккуратно подхватили на руки и отнесли в отведенные им апартаменты. Только после того, как пленников уложили на низкие скамьи в центральной каюте и тяжелые двери захлопнулись, паралич был снят.

— Что ж, этот раунд мы проиграли, — безрадостно подвел итоги Костиган. — Похоже, эти ребята не любят, когда их бьют — судя по тому, как задержался первый, которого я сшиб... — он вытер пот со лба и

добавил: — Но существа они на редкость миролюбивые. Я думал, меня сунут в реактор после такой выходки...

— Мне кажется, они просто не хотят нас калечить. Они собираются взять нас в свой мир — как забавные экспонаты или диких зверей, — решила Клио. — Конечно, выглядят они отвратительно, но я предпочла бы их Роджеру с его компанией роботов... — добавила она, помолчав.

— Полагаю, вы правы, мисс Марсден, — поддержал девушку Брэдли. — Именно так! Но я чувствую себя как медведь в клетке. Интересно, какие у нас шансы удрать из этого зоопарка?

— У таких зверюшек, как мы, шансы весьма велики, — заявила Клио, тряхнув головкой. — Вы с Конвэем сумели выбраться даже из застенков Роджера! Неужели двое таких сильных мужчин не найдут выхода отсюда? Конечно, эти черепахи могут считать нас глупыми животными, но когда до них доберется Трипланетарный Патруль, они изменят свое мнение!

— Bravo, малышка! — воскликнул повеселевший Костиган. — Женщины всегда вдохновляют нас на великие дела! Я не сумел бы обозначить ситуацию столь решительно и кратко! Но эти четырехногие уродцы обладают оружием посерьезнее, чем у Роджера... правда, и нам есть чем ответить.

— Что вы имеете ввиду? — спросил Брэдли, приподняв кустистые брови.

— Новый корабль. Наши инженеры давно работают над ним, и это судно сможет развивать скорость, во много раз превышающую скорость света. Он облетит всю Галактику за месяц! Новый двигатель, новое вооружение, новые средства связи, локаторы... все, все новое! Единственный недостаток — генераторы еще слишком ненадежны. Они уже раз пять взрывались и, насколько я знаю, погибло двадцать девять человек. Но когда его доведут до ума — это будет н е ч т о!

С этими словами Конвэй шагнул к стене, на которой поблескивал круглый экран с рядом клавиш внизу. После недолгих экспериментов ему удалось включить внешний обзор, и пленники увидели, как боевой конус трипланетарного флота атакует базу Роджера. Они наблюдали битву от ее победного начала до страшного конца, когда в сражение вмешались невиане.

Их пленители тоже с напряженным интересом следили за схваткой в космосе, не забывая, однако, и о своих интересах.

— Поразительно, как схожи войны во всех нецивилизованных обществах, — философски заметил Нерадо. — Подумать только, еще недавно наши города тоже бились друг с другом за власть над свободными водами, и даже не брезговали заключать союзы с недоразвитыми шартразами!

Он замолк и несколько мгновений наблюдал жестокую схватку космических флотов. Бой подходил к концу; боевой конус, развернувшись, устремился к планетоиду.

— Уничтожение, постоянно уничтожение, — пробормотал тарг, протягивая щупальца к переключателям на пульте. — Что ж, если они так старательно уничтожают друг друга, ничто не сдерживает нас от уничтожения их всех вместе взятых. Тем более, что необходимо железо.

Один из членов команды издал высокий вибрирующий звук, свидетельствующий о недовольстве. Он вытянул длинную шею и разразился речью, пытаясь доказать коллегам жестокость намерений тарга. Его протест, однако, был отклонен большинством голосов.

Нерадо включил генераторы поля деструкции. Несмотря на огромные размеры розового облака, оно не смогло покрыть весь флот, однако половина конуса начала быстро таять, превращаясь в поток распыленного на атомы железа. Мгновенно прекратив атаку на планетоид, трипланетные корабли перестроились, направив огонь орудий на пришельца, смутной тенью маячившего в ультраволновых локаторах. Они не были одиоки в своей попытке уничтожить эту третью силу.

Сразу после побега пленников Гарлейн понял, что происходит нечто непостижимое. Его ультраволновые каналы были перекрыты, и какое-то время он не мог использовать свое оружие ни против трех беглецов, ни против Трипланетарного Флота. Что же все это могло значить? Какая сила препятствовала его действиям?

Его уверенность в том, что эта троица относилась к человеческой расе не больше, нежели он сам, возросла и окрепла. Но кто же ими управлял? Очевидно, не тайный враг из числа эддорианин; непостижимо, чтобы в секрете от остальных была создана столь совершенная техника. Сама атмосфера Эддора, ментальные особенности его обитателей не позволили бы этого скрыть... Следовательно, существовало только одно разумное объяснение: где-то таится раса столь же древняя и могущественная, как сами эддориане.

Эти пришельцы в окруженном розовым сиянием корабле обладали механизмами, создать которые мог только Эддор; весьма вероятно, они могли управлять и ментальными силами. И они не случайно оказались в данной точке пространства-времени! Нет, не случайно! Они наблюдали за событиями с самого начала, управляя тремя пленниками — этими офицерами и женщиной. Данная версия подтверждалась тем, что чужаки атаковали трипланетарный флот, уничтожив тысячи людей, однако шлюпка с беглецами была со всей осторожностью подобрана их кораблем.

Так размышлял серый Роджер, земная ипостась Гарлейна Эддорского, делая из верных посылок совершенно неправильные выводы. Но в одном он не ошибался, предчувствуя, что следующей мишенью атаки пришельцев будет планетоид.

Что ж, на время он соединит свои усилия с мощью флота Трех Планет — и будет пользоваться тем же оружием, что и его недавние противники... А потом нанесет н а с т о я щ и й удар! Роджер отдал распоряжения роботам и рабам и принялся терпеливо ждать.

Итак, впервые за всю историю Трипланетия силы закона и порядка объединились с силами разбоя и беззакония против общего врага. Флот обрушил на него лучевые удары, потоки разрушительной энергии, снаряды и торпеды, и планетоид Роджера поддержал эту отчаянную атаку, ударив из всех батарей. Напрасные старания! Лучевое оружие не могло пробить защитный экран пришельца, атомные торпеды и снаряды исчезали в розовом облаке, окутывавшем огромный звездолет. Красноватая вуаль один за другим накрывала крейсера и дредноуты, они взрывались, превращаясь в аморфную массу металла, и непрерывным потоком текли, текли, текли в бездонные контейнеры невиан.

Когда последний из кораблей Трипланетного

флота растаял в розовом тумане, и драгоценное железо заполнило трюм корабля Нерадо, его внимание переместилось на планетоид Роджера. Это сооружение, созданное под руководством самого Гарлейна, являлось мощнейшим орудием войны, намного превосходившим боевые корабли землян. Планетоид обладал мощностью, энергией и оружием, достаточными для отражения любой атаки, которую только мог измыслить эддорианин. Энергетический барьер, свойства которого так поразили Костигана, надежно прикрывал всю конструкцию; экран, гораздо более эффективный, нежели созданные до сих пор на Земле.

Мощный деструкционный луч невиан ударил в этот щит — и отразился; розовое облако бессильно растекалось вокруг невидимой границы, не достигая поверхности планетоида. Пораженный Нерадо удвоил, а затем учетверил мощность луча; красноватый туман вспыхнул, выпуская жадные языки пламени, тянувшиеся к гигантскому шару, однако барьер устоял. Пока устоял — ибо не существует силы, которую не могла бы сломить еще большая сила.

Серый Роджер неподвижно сидел за столом в своем кабинете — том самом, где побывали трое землян. Крышка стола сейчас была откинута, обнажая панель управления, заполненную приборами и экранами. Спокойно и холодно, без признаков усталости или волнения, серый нечеловек следил за развитием событий. Планетоид мог продержаться еще долго, но интуиция не обманывала Роджера — щит не устоит. И что же тогда? Истинную сущность Роджера-Гарлейна было невозможно уничтожить физическим воздействием, но если в игру вступят ментальные силы... Сейчас он решал только один вопрос — стоит ли ему оставаться с планетоидом до конца или немедленно перенестись на Эддор без каких-либо доказательств случившегося.

Нет! Слишком многое осталось неясным здесь, чтобы он, Гарлейн Эддорский, бежал, не разобравшись в ситуации! И был посрамлен в глазах Внутреннего Круга! Любое сообщение, основанное на имевшихся у него данных, не было бы ни полным, ни исчерпывающим, и Гарлейн знал, что подозрения и домыслы не заменят тщательного анализа. Самым важным фактом являлось существование как минимум одного существа с разумом столь же мощным, как и его собственный. А если есть один, значит, может существовать и целая

раса! Мысль эта была весьма тревожной, однако ею не стоило пренебрегать. А так как мощь разума является производной времени, то гипотетическая раса, вероятно, не уступала по древности эддорианской. Значит, сведения, которыми располагал на сей счет Эддор, были неполны или ошибочны.

Но почему? Единственной причиной того, что одна из столь могучих рас ничего не знает о другой, могло быть только непосредственное вмешательство конкурента. К подобному заключению — вполне правильному — и пришел Гарлейн. Однако, будучи эддорианином, он мог сделать более определенные выводы. Тот факт, что его наследственная память оказалась подавленной, не относился к числу предположений; он знал это совершенно точно! Он знал, что его разум содержит всю информацию, вплоть до полученной когда-то его отдаленнейшими предками; и если контакт имел место, то некие следы должны сохраниться — как бы тщательно их не стирали.

Он вспоминал, углубляясь в прошлое... Смутные картины проносились перед ним, неясные и туманные, словно кто-то смазывал их стремительным движением противоборствующей мысли. Он не сумел добраться до всех тайников памяти, но теперь не сомневался, откуда взялись эти запечатанные двери.

— Итак, вы не хотите, чтобы я вспомнил, — произнес он вслух, не дрогнув, не переменявшись в лице. — И вы, неведомые, считаете, что способны помешать мне? Помешать вспомнить? — глаза Гарлейна сверкнули, и он с угрозой в голосе закончил: — Сейчас я прерву поиски, но будьте уверены, вскоре мне удастся их возобновить. Вам не скрыть от меня истину!

* * *

— Логическая машина закончила анализ природы их экрана, достопочтенный тарг, — произнес невианский инженер, протягивая Нерадо гибкую пластиковую ленту с символами.

— Полициклический... Поразительно! Эта слабо-развитая цивилизация знакома с принципом полициклической силовой защиты! — тарг склонил длинную шею в тягостном раздумье.

В это время энергетический барьер, окружавший

планетоид, засиял всеми цветами радуги и погас. Нерадо, возбужденно раскачивая голову над причудливым пультом, быстро защелкал переключателями, и генераторы корабля взвыли от перегрузки; выдержать такую атаку крепость Роджера не могла. Поверхность огромной сферы пылала теперь кроваво-красным адским пламенем, розовый туман окутывал ее со всех сторон, вгрызаясь в беззащитный металл, стенки шара становились все тоньше и тоньше, насыщая пространство парами металла. Внезапно чудовищный корпус планетоида завибрировал, ослепительные голубые вспышки пронизали красноватое облако; затем фонтаны огня брызнули к равнодушным холодным звездам. И на их фоне промелькнуло что-то темное, вытянутое, стремительное — промелькнуло и исчезло в космической тьме. Гарлейн Эддорский отбыл в свои пределы.

* * *

Невианский корабль удалялся, наполнив трюмы драгоценным грузом. Пленники, запертые в своем отсеке, не могли оторвать глаз от экрана, наблюдая гибель одного из самых грозных флотов Трипланетной Лиги. Наконец страшное истребление закончилось. Побледневшие люди переглянулись. С трудом шевеля пересохшими губами, Клио сказала:

— Конвэй, это чудовищно! Это просто невероятно, чтобы быть правдой! — Девушка всхлипнула, но, взглянув на Костигана, внезапно успокоилась. Он выглядел невозмутимым и задумчивым, и ничто на его молодом, но уже суровом лице не выдавало отчаяния или страха.

— Дела дьявольски плохи, — сказал он задумчиво. — И я мало что сумел понять... будь здесь Кливленд или Родебуш, они бы сумели все извлечь гораздо больше полезного. Например, эта вспышка — вы заметили, что некое тело оторвалось от планетоида в самый последний момент?

— Причем здесь это? Разве можно сравнивать какую-то вспышку и гибель целого флота? — с недоумением спросила Клио.

— Полагаете, Роджер сбежал? — густые брови Брэдли приподнялись. — Возможно, возможно... Очень любопытная мысль...

— Я даже не знаю, что подумать. Никогда не видел корабля, способного так стремительно набрать ско-

рость... — Конвэй покачал головой. — Ладно, друзья мои, пока мы живы, не будем терять надежду. А сейчас, если мой диапазон еще не заблокирован, попробую выйти на связь с Землей.

Он прижал подбородок к груди и негромко произнес:

— Сэмми? Это Костиган. Быстро записывайте все, что я скажу, у нас мало времени. — Он начал доклад и говорил около десяти минут, стараясь как можно быстрее и точнее изложить все подробности. Внезапно Конвэй умолк, вздрогнул, словно от сильной боли, потом резко рванул рубаху на груди и, сорвав с шеи небольшой медальон, отшвырнул его прочь.

— Засекли передачу! — его лицо было мрачным. — Помехи такие, что меня словно током долбануло... Не пугайтесь, я не ранен, — поспешил он добавить, заметив тревогу в глазах девушки. — Хорошо еще, что вы стояли поодаль, и я никого не задел...

Клио нежно погладила его руку.

— Ничего, милый... ты успел рассказать почти все, — она приложила ладонь Конвэя к своей щеке и тихо спросила: — Как ты думаешь, куда они нас везут?

— Не знаю, — честно ответил Костиган, засмотревшись в бездонную глубину ее глаз. — Не знаю и не хочу тебе лгать... Но этот корабль не из Солнечной системы — значит, теперь они летят к себе, куда-то в невероятную даль...

Глава 11

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА НЕВИИ

Невианский звездолет продолжал свое странствие. И Брэдли, и Конвэй уже догадывались, что скорость его во много раз превышает скорость света, однако казалось, что корабль стоит на месте — столь тщательно поддерживалась на нем гравитация, чуть более слабая, чем на Земле.

Брэдли, старый космический волк, привычный ко всему, посчитал за лучшее удалиться в свою каюту и немного отдохнуть. Спустя несколько минут до Конвэя и Клио долетел его оглушительный храп, по мощности примерно равный среднему атомному взрыву. Но они

были настолько заняты, что даже эти чудовищные звуки не могли им помешать.

Костиган стоял посреди комнаты, рядом с Клио, однако руки их теперь не соприкасались. Напряженная поза молодого офицера и его глаза, смотревшие на девушку нерешительно, почти робко — все свидетельствовало о том, что их беседа приняла нелегкий поворот. По сути дела, продолжался старый спор.

— Ты не прав, Конвэй, совершенно не прав! — серьезно говорила Клио. — Ты знаешь, что чувствуешь на самом деле, и не надо обманывать нас обоих ложным благородством.

— Это не ложное благородство, — он отвечал не слишком-то уверенно. — Дело даже не в том, что мы встретились в экстремальной ситуации, подтолкнувшей нас друг к другу. Я чувствую всем сердцем — если сейчас между нами что-то произойдет, то это уже навсегда. Н а в с е г д а! Понимаешь? Не важно, когда и где мы займемся любовью — прямо здесь или на Земле... возврата уже не будет! А я считал и считаю, что тебе лучше не связываться со мной! Если ты прикажешь, я смогу обуздать свои чувства, но иначе... иначе я за себя не ручаюсь!

— Я все понимаю, дорогой...

— Ничего ты не понимаешь! — прервал он девушку. — Абсолютно ничего! Неужели ты всерьез хочешь выйти за меня замуж? Подумай, мы можем не вернуться домой, а если вернемся, то будет еще хуже — найдется какой-нибудь тип, способный заплатить пятьдесят граммов ради за мою голову. И тогда меня начнут выслеживать по всей галактике!

— Целых пятьдесят граммов! Я знаю, за голову Сэммза уже давали шестьдесят... О, милый! Я чувствовала, что ты — большой человек, но даже не надеялась, что настолько!

Она приподнялась на цыпочки, приблизив к лицу Конвэя нежные алые губки — решающий довод в споре, — и тот начал сдаваться. Ладони его легли на талию девушки, и Клио замерла, обвив руками шею своего избранника. На несколько мгновений они застыли, очарованные первым объятием.

— Девочка моя! Как же я тебя люблю... — голос Костигана звучал неожиданно хрипло, однако глаза сияли от счастья. — Будь что будет! — он крепко прижал ее

к себе. — Теперь мне есть ради чего жить... до тех пор, пока...

— Замолчи! — шепнула она. — Никаких «пока»! Ты будешь жить долго-долго и умрешь седым старцем, окруженным правнуками. И не пытайся увильнуть! Тебе просто придется долго жить, Конвэй! Я так хочу!

— Конечно! — он тихо рассмеялся. — Ни один пират между Землей и Андромедой теперь не заставит меня рискнуть жизнью... Ладно, милая, спокойной ночи. Тебе нужно отдохнуть и выспаться, а я пойду к себе...

Не стоит думать, что прощание влюбленных закончилось так быстро, как явствует из этих слов Костигана; однако надо отдать ему должное, он все-таки нашел дверь в свою каюту и улегся на грудь подушек, наваленных на полу. Зрение Конвэя, обычно острое, на этот раз ему изменило: вместо низкого металлического потолка он видел милое смеющееся личико, увенчанное короной золотистых волос. Его взгляд тонул в глубине голубых ясных глаз и, растворясь в их божественной синеве, Конвэй Костиган погрузился в спокойный счастливый сон. На его лице, слишком усталом и жестком для столь юного возраста, вдруг появилось выражение неожиданной мягкости, морщины разгладились, губы, помнившие вкус поцелуев Клио, уже не были сжаты так сурово. Строгий начальник сектора Трипланетарной Службы сейчас превратился в молодого и весьма привлекательного человека. Наверно, Клио Марсден тоже сумела это разглядеть.

Проспав восемь часов как убитый, Конвэй пробудился и тут же вскочил на ноги. Переход к бодрствованию был стремительным; сказывались и годы тренировок, и привычка.

— Клио! — шепнул он, подойдя к ее двери. — Ты проснулась, малышка?

— Проснулась, — ее голос, звучавший из переговорного устройства, казался тихим и расслабленным. — Слава богу, ты тоже открыл глаза! Я уже боялась, что вы с капитаном так и будете спать, пока мы не доберемся до края Галактики... И как вам это удастся!

— Тебе надо научиться засыпать в любой обстановке... — распахнув дверь и увидев невыспавшееся, утомленное личико Клио, Костиган умолк. Было ясно, что она просидела здесь без сна не один час, а покраснев-

шие веки говорили о том, что она много плакала. — Боже, Клио, почему ты меня не позвала?

— Не волнуйся, со мной все хорошо, только чуть-чуть не выспалась и чувствую себя усталой. А вот про твоё самочувствие даже и спрашивать не надо, — прижавшись к Конвэю, она потерлась виском о его плечо.

— Я голоден, — радостно сообщил он. — Попробую что-нибудь поискать, а заодно проверю, блокируют ли они сейчас волну Сэммза.

Он коснулся пальцами своего медальона, нажав крохотную кнопку. Его рука дрогнула и, словно отброшенная невидимым ударом, бессильно повисла вдоль тела.

— Наш номер все еще занят, — хотя ситуация была ясной, Костиган просто высказывал свои мысли вслух. — Хозяева явно не желают, чтобы мы общались с кем-нибудь вне корабля. Ну, посмотрим, что можно найти в нашей тюрьме... Я твердо настроился на завтрак!

Подойдя к напоминавшему иллюминатор экрану (он был круглым и вмонтированным прямо в стену), Конвэй наугад придавил одну из клавиш впишу. Круглое оконце осветилось, потом на нем вспыхнуло изображение Нерадо, расположившегося в странной позе возле не менее странного пульта. Сверкнул голубой огонек — видимо, сигнал вызова, — и невианин, протянув щупальце, передвинул несколько рычажков. Понимая, что теперь его видят, Конвэй приблизил лицо к экрану и начал яростно жевать и причмокивать губами, одновременно тыкая пальцем в рот. Пантомима оказалась достаточно красноречивой — гибкое щупальце Нерадо опять скользнуло к пульту, и за спиной Конвэя чуть слышно взвизгнула Клио. Он резко обернулся: участок напольного покрытия отошел в сторону, и из отверстия появилось нечто, напоминающее стол с тремя низкими, покрытыми подушками скамьями. Слепив молодых людей сиянием серебра и хрусталя, он величественно застыл посреди комнаты, словно ожидая их восторгов.

Впрочем, восторгов не последовало. Сервировка действительно была великолепной: шестиугольные прозрачные бокалы на длинных ножках поражали странными узорами, исполненными в морском стиле; шестиугольные мисочки и тарелки тончайшей работы казались произведениями искусства — как и большое блюдо в центре стола, изукрашенное филигранной чеканкой по серебру. Но то, что содержалось в этих великолепных

сосудах... В высоких бокалах отливала зеленоватым тошнотворная жидкость с едким запахом, в мисочках плескались живые твари — нечто среднее между пауками и осьминогами, на блюде возлежала красная рыбина — абсолютно сырая и неаппетитная на вид. Рядом с этими «деликатесами» сверкали странные столовые приборы — щупальца, изогнутые под фантастическими углами, с крошечными челюстями на конце, приоткрывавшимися от легкого нажатия на рычажки. Зрелище инопланетных кушаний, обрамленных красными, коричневыми и синими вдорослями, производило неизгладимое впечатление.

Клио обозрела стол, судорожно сглотнула и отвернулась. Костиган, у которого нервы были покрепче, с трудом поймав трех паучков-осьминожек, посадил их к себе в тарелку, но затем отодвинул ее с недовольной гримасой.

— Отличное блюдо получится, если их поджарить, — заметил он, обращаясь к вошедшему в каюту Брэдли. Потом он направился к экрану и опять начал гримасничать и жестикулировать, пытаясь объяснить Нерадо, что им надо переговорить. В конце концов, его поняли; и стол исчез, а невианский капитан появился в комнате, оставив у порога трех сильных и хорошо вооруженных стражей. Конвэй изобразил очертания суденышка, в котором их захватили, и начал объяснять, что земляне хотели бы перебраться туда. Некоторое время в воздухе мелькали руки и щупальца и, в конце концов, соглашение было достигнуто. Нерадо не позволил пленникам жить в их кораблике, однако отправил своих подчиненных, чтобы они доставили запас земной пищи и кое-что из оборудования. Вскоре невианская рыба уже шипела на сковороде, а по невианскому кораблю растекались непривычные земные ароматы кофе и свежих бисквитов. При первом же появлении этих запахов Нерадо быстро удалился, собираясь проследить за дальнейшими действиями гостей на экране. Когда завтрак закончился и посуду убрали, Костиган повернулся к Клио.

— Послушай, малышка, тебе надо поспать. Ты уже на пределе — глаза красные, как у жертвы марсианского пикника, и даже половину завтрака ты не съела. Чтобы выдержать все, что нам предстоит, надо хорошо есть и хорошо спать. Так что давай, ложись и спи до полудня.

— О, не беспокойся. Я усну вечером, — слабо

сопротивлялась девушка, по-детски потирая кулачками глаза.

— Ты ляжешь немедленно, — мягко, но твердо сказал Костиган, тронутый ее беззащитностью и усталым видом. — Я полагаю, ты не будешь нервничать, когда Брэдли и я рядом с тобой. Мы никуда не денемся — как две наседки около одного цыпленка. Давай, малышка, ложись.

Клио улыбнулась, но послушно легла. Костиган сидел рядом, на краю огромного дивана, держа ее за руку, и пытался поддерживать беседу. Молчание затягивалось, ответы Клио становились все реже и реже, а затем веки с густыми ресницами прикрыли глаза, и в каюте послышалось ее глубокое ровное дыхание. Конвэй не мог оторвать от нее глаз. Такая юная и такая прекрасная — как он любил ее! Он совсем не был религиозным, но при взгляде на любимую каждая его мысль превращалась в молитву. Если бы только он сумел вытащить ее из этой новой передриги... Если бы был хоть один шанс!

Затем... Трудно сказать, что победило тренированный мозг Конвэя: невероятное напряжение последних дней или прелесть Клио, но через несколько минут и его веки сомкнулись, и он погрузился в сон, удобно устроившись на подушках возле девушки.

Брэдли с улыбкой смотрел на них.

— Клио милая девочка, — вслух подумал он, — а Костиган покрепче любого из известных мне парней. Пожалуй, эти выдержат все... Кстати, — тут он зевнул, — почему бы и мне, старику, не подремать?

Пристроившись у Клио в изголовье, он мгновенно уснул.

Через несколько часов мужчины были разбужены звонким смехом. Клио сидела меж ними, оглядывая своих стражей искрящимися весельем глазами. Она казалась свежей, веселой и ужасно голодной. Костиган был немного смущен, но Брэдли захохотал — столь же заразительно, как и девушка.

— Спасибо, что вы так хорошо меня охраняли, — улыбнулась она. — Я чудесно выспалась, но боюсь, что вечером не смогу заснуть, не держа вас за руки!

— Что вы, деточка, мы не преследовали такие далеко идущие цели! — шутливо запротестовал Брэдли.

— Нет, преследовали! — не согласился Костиган.

Так, перекидываясь шутками, они приготовили еду и, надо сказать, на этот раз Клио отдала ей должное.

Отдохнувшие и освеженные, пленники начали составлять планы побега, но тут в комнату вошел Нерадо в сопровождении трех стражей. Он принес с собой небольшую коробочку, которую подключил кабелем к экрану; затем, касаясь шупальцами клавиш, внимательно посмотрел на землян. Из коробочки слышались какие-то звуки, и Костиган наконец понял ее назначение.

— Отлично! Оставь так! — сказал он, взмахнув рукой. — Видишь ли, Клио, они общаются в ином диапазоне звуковых частот, а эта штука — преобразователь или что-то в подобном роде. Ну, кем бы не был этот урод — он определенно не дурак!

Нерадо также слышал землян: его шея дернулась в невианском знаке удовольствия, и хотя ни один из партнеров по контакту не понял слов другого, сама мысль, что слух и способность говорить присущи им обоим, уже была приятной. Этот факт несколько изменил отношения между пленниками и их тюремщиками: невиане поняли, что странные двуногие обладают развитым интеллектом, а в землянах проснулась надежда на спасение. — Не так уж плохо, что они умеют разговаривать, — подвел итог Костиган. — Это надо использовать, даже если мы собираемся сбежать отсюда. Может быть, нам даже удастся убедить их вернуть нас домой...

И та, и другая сторона стремилась наладить взаимопонимание. Занятия начались с самых элементарных вещей, но эта стадия была пройдена быстро. Земляне учили язык Невии, невиане овладевали трипланетарным (ко всеобщему удивлению, к ним присоединилась Клио), ибо этот логичный язык освоить было легче, чем сумбурный английский.

Через короткое время они уже могли понимать друг друга, общаясь на невероятной смеси слов, жестов и гримас. Когда произошел первый обмен информацией, невиане создали настолько маленькие преобразователи, что их можно было носить как кулоны. Теперь пленникам разрешалось свободно бродить по кораблю; единственной запретной зоной оставался ангар с пиратским суденышком. От людей ничего не скрывали, и когда на экранах корабля Нерадо появился встречный звездолет, пленникам откровенно объяснили его цель.

— Этот транспорт идет к Солнечной системе, чтобы

взять груз железа, которого у вас так много, — сказал Нерадо своим невольным гостям.

— Надеюсь, наш новый корабль окажет ему достойную встречу, — прошептал Костиган, — когда Нерадо удалился. — Вот тогда они получают кое-что посерьезнее железа, и мало им не будет!

* * *

Прошло еще довольно много времени, прежде чем яркая звездочка, сиявшая прямо по курсу, приблизилась настолько, что стал заметен вращавшийся вокруг нее мир; он рос, наплывал все ближе и ближе, — и вот изображение Невии заполнило экраны.

Огромный звездолет устремился вниз, опускаясь прямо в центр раскинувшегося под ним города. Корабль с драгоценным грузом медленно приближался к взбалмученной морской поверхности, потоки энергии поднимали высокие волны, вода шипела и испарялась. Медленно погружаясь в полупрозрачную жидкость, корабль продолжал движение, пока не застыл возле приготовленного для него ангара. Нерадо повернулся к стоящим в капитанской рубке землянам и заговорил:

— Пока разгружают железо, вы, чужие, пойдете со мной в Храм Науки, где вас будут исследовать. Предупреждаю — охрану я усилю. Следуйте за мной.

— Минуту, — запротестовал Костиган, быстро оглядев своих друзей. — Неужели мы должны передвигаться в воде?

— Конечно! — ответил удивленный невианин. — Вы дышите воздухом, но вполне способны немного проплыть на такой смехотворной глубине — чуть больше сотни ваших футов.

— Вы ошиблись дважды, — спокойно заметил землянин. — Мы не в силах двигаться под водой с вашей скоростью — в лучшем случае, побарахтаемся пару минут и пойдем на дно. К тому же, нас расплющит давлением.

— Ну что ж, — задумчиво протянул Нерадо, — тогда я возьму шлюпку.

Все еще колеблясь, он протянул щупальце к пульту, но этот жест был прерван резким стаккато, донесшимся из переговорного устройства:

— Внимание, тарг Нерадо! Третий Город атакован шартразами! Они используют механизмы, городу не

устоять! Требуется помощь. У вас на борту достаточный запас железа и самое совершенное оружие. Постарайтесь помочь им — как можно скорее.

Нерадо разразился серией резких звуков, и разгрузка продолжалась в ускоренном темпе. Красные потоки аллотропного железа заполняли наружные контейнеры, и облегченный корабль вертелся в струях кипящей воды. Когда большая часть добычи была перекачена в хранилище, люки захлопнулись, и корабль оторвался от водной поверхности.

— Вернитесь в свои каюты и ждите там, пока я вас не вызову, — приказал Нерадо.

Земляне немедленно ретировались, не желая вызывать недовольства своих хозяев.

— Ну, Костиган, вы настоящий актер! Каков сочинитель! — воскликнул Брэдли, когда все трое снова оказались в своем отсеке. — Вы же плаваете, как рыба и, если мне не изменяет память, участвовали в подъеме разведчика DZ-83 из глубин Северного моря на Венере!

— Может быть, я кое-что и преувеличил, — ухмыльнулся Конвэй, — но пусть лучше нас считают слабыми, беспомощными и совершенно беззащитными. Надо держаться подальше от их городов — пожалуй, сбежать оттуда будет трудновато. У меня есть пара неплохих идей на сей счет, и надеюсь, что мои расчеты верны... — Корабль тряхнуло, и молодой офицер поймал в свои объятия Клио, пробормотав: — Резво же летает эта птичка! Если Нерадо будет и дальше маневрировать в таком темпе, мы разобьемся в лепешку!

Тарг Нерадо закладывал фантастические виражи, неуклонно стремясь к цели. Осажденный Третий Город оборонялся из последних сил, когда в его центральной лагуне приземлилась запущенная с корабля шлюпка. В ней не было ни бомб, ни воинов — только запас активированного железа, более важного для защитников, чем тысяча бойцов. Городу приходилось туго; единственным препятствием на пути нападающих оставалось кольцо кипящей воды, взбаламученной взрывами. Все остальные укрепления уже пали, и на миг перед глазами пораженных земель предстала фантастическая картина: огромное шестиугольное здание бесшумно разломилось пополам, его верхняя часть взлетела в воздух, нижняя начала оседать в морские волны.

Ошеломленные, они вцепились друг в друга, когда звездолет на огромной скорости врезался в воду.

Однако такие предосторожности были излишними — тарг Нерадо отлично знал свое дело. Раздался оглушительный всплеск, но ожидаемого взрыва не последовало. Гравитация не изменилась ни на йоту, путешественники даже не покачнулись, а космический корабль, мгновенно превратившийся в гигантскую подводную лодку, атаковал ближайшую крепость врага.

Это сооружение действительно выглядело как настоящая крепость: тяжелая субмарина из зеленоватого металла, уничтожавшая все на своем пути. Костиган использовал свои миниатюрные приборы, чтобы получше рассмотреть ее, и удивленно приподнял брови. Вся подводная крепость была заполнена водой — водой, искусственно аэрируемой и охлажденной, совершенно не похожей на кипящий ад, сквозь который двигалась субмарина. Ее экипаж состоял из рыбообразных созданий около пяти футов длиной. Эти твари с огромными сверкающими глазами и гибкими щупальцами склонялись над какими-то странными механизмами; они были явно разумны! Разумные рыбы, ведущие войну!

Эффективность их атаки не подлежала сомнению. Их тепловые лучи вскипятили воду на несколько сотен ярдов вокруг, их снаряды уничтожали невианские укрепления с поразительной точностью. Но самым поразительным было невиданное землянами оружие: выстреливаемый со скоростью метеора длинный суставчатый телескопический стержень, на конце которого ярко сверкал небольшой шарик. Любой объект, которого он касался, взлетал к морской поверхности с невероятным грохотом, а таинственный прут, сжимаясь, втягивался обратно.

Нерадо, удивленный не менее своих пленников, атаковал с исключительной осторожностью, посылая вперед смертоносное розовое облако. Однако субмарина абсолютно не содержала металлов, и невианские деструкционные лучи пронизывали ее зеленоватый корпус, никому не причиняя вреда. Тут же сверкающие шары один за другим метнулись к судну, и только рискованный маневр позволил ему избежать гибели в первые же секунды. Однако внимание шартразов, разумных обитателей невианских глубин, было отвлечено от города, и обороняющиеся, снабженные теперь огромным запасом энергии, успели привести в действие все средства защиты.

Внезапно в океан протянулись гигантские металли-

ческие сети, из каждого сочленения которых били яростные лучи. Против них были бессильны и торпеды, и огненные шары; под ударами энергии вода расступалась, обнажая морское дно. Мощные приливные волны вспенили водную поверхность, затем грохнул чудовищный взрыв. Вместо десятка вражеских субмарин в неглубоком шельфе возник кратер, размеры которого земляне даже не пытались себе представить; уцелевшие суда были отброшены на несколько миль. Казалось, гигантские волны сейчас уничтожат и сам город, но невидимый барьер устоял перед мощью взбешенной воды. Силовые экраны защитили и звездолет Нерадо; он продолжал атаковать две оставшиеся субмарины, не забывая уворачиваться от смертоносных шаров. Видимо, рыбообразные твари хотели любой ценой уничтожить этот новый опасный корабль, столь неожиданно пришедший на помощь обреченному городу. Попытка была явно безнадежной: массивные зеленоватые корпуса субмарин уже начали поддаваться невианским снарядам.

— Так, теперь самое время позаботиться о себе, — Костиган с трудом оторвался от захватывающего зрелища и посмотрел на своих спутников.

— И что же ты предлагаешь? — спросила Клио.

— Все, что угодно! — воскликнул Брэдли. — Я уже соскучился по настоящему делу!

— Нет ничего глупее, чем дожидаться тут, пока нас начнут обследовать, анализировать и резать на части, — продолжал Конвэй. — Я знаю намного больше об этом корабле, чем думают наши хозяева — мои приборы потребляют ничтожную энергию и дают узкий пучок излучения, так что засечь их непросто, — он ласково погладил свои часы, в которые было вмонтировано немало хитрых «штучек», и продолжал: — Я могу открыть большинство их замков и знаю, как управлять спасательными шлюпками. Эта подводная драка — серьезное дело; значит, экипаж занят, охрана снята, и мы можем улизнуть в любую минуту. Лучшего шанса не представится!

— Ну, сбежим, а дальше? — скептически спросил Брэдли. Судя по его виду, бравый капитан намеревался как минимум захватить весь корабль.

— Можно отправиться обратно на Землю. Направление мы знаем.

— Но, Конвэй, милый, это же так далеко! — восклик-

нула Клио. — Где мы возьмем пищу, воду, воздух? Сможем ли мы продержаться?

— Не знаю. Этот маленький кораблик намного медленнее больших звездолетов, а Земля безумно далека! Продуктов у нас нет — те запасы, что есть на шлюпке, подходят невианам, а не нам. Так что шансов мало, друзья. Но если мы останемся здесь, на планете, нас быстро найдут — ведь нам нужна суша, а ее здесь отнюдь не много. Давайте рискнем!

— Согласны! — в один голос отозвались Клио и Брэдли, в глубине души давно готовые на все.

— Ну и хорошо. Тогда — хватит болтовни! За дело!

Подойдя к двери, Конвэй достал заранее приготовленный ключ и вставил его в замок. Не раздалось ни звука, не сверкнули тревожные огни сигнализации; массивные невысокие створки распахнулись медленно и бесшумно. Пленники торопливо выскочили в коридор, и Костиган аккуратно запер за собой дверь.

— Но откуда у тебя... — начала Клио.

— Понимаешь, детка, когда я шатался по кораблю, то подбирал все, что плохо лежит... Такая уж у меня привычка! — Конвэй ухмыльнулся во весь рот. — Но надо поторапливаться — наши скафандры и оружие в пиратской шлюпке, так что давайте туда. Дьявол, с парой «левистонов» я бы чувствовал себя куда увереннее!

Они помчались по туннелям, ярусам и переходам, ведомые чудодейственными «штучками» Костигана. У Клио и Брэдли не было никакого оружия, но Конвэй подобрал плоский и острый, как бритва, кусок металла и теперь размахивал им с необыкновенной воинственностью.

— Пожалуй, если я метну свой томагавк, он запросто снесет черепахе голову, пока та не направила на нас парализующие лучи, — весело объявил он; но, к счастью, ему не пришлось доказывать на деле свои способности.

В то время, как наши герои продвигались по кораблю, все невиане стояли, а вернее — возлежали — на своих боевых постах, сражаясь с глубоководными тварями. Путь был открыт, и беглецов не засекли по дороге к хранилищу, где находились их вещи. Двери не представляли проблемы — Костиган справился с ними в два счета; потом троица дружно взялась за работу. Они упаковывали пищу, складывали оружие и снаряжение — словом, собирали все необходимое для долгого полета.

Затем без всяких осложнений недавние пленники

проникли в ангар, где находилась невианская шлюпка, способная выполнять две роли: подводной лодки и космического корабля. Первым делом Конвэй, к немалому удивлению спутников, стащил сапог своего скафандра. С видимым облегчением он поставил его на пол и вынул из голенища цилиндрический контейнер. Маленький невианский контейнер, содержащий, как минимум, тридцать фунтов активированного железа.

— Я его стянул! — радостно сообщил он в ответ на изумленные взгляды. — Вы даже не представляете, как приятно извлечь его из сапога... не мог же я украсть еще и тележку, так что башмак был единственным местом, куда можно было его спрятать. У этих суденышек в запасе всегда есть несколько граммов железа, но этого мало даже на половину дороги. А с таким контейнером можно добраться хоть до Андромеды! — Костиган внимательно осмотрел путь и сообщил: — Ну, отчаливаем!

Кораблик устремился к поверхности, прочь от невианского города. Три путника сидели напряженные и слегка ошалевшие, уставившись на экраны. Клио и Брэдли, которые не могли сейчас помочь ни словом, ни делом, следили за Костиганом, пытавшимся спасти суденышко от огненных шаров, лучей, энергетической сети, снарядов и прочей мерзости, изобретенной на прекрасной Невии для уничтожения жизни. Но беда поджидала их не в воде, а в воздухе. Резкий удар в корму заставил шлюпку описать неуклюжую спираль, но Костиган выправил курс, и кораблик устремился к сияющим небесам. Наблюдая за температурой воздуха за бортом, Конвэй поднял его в верхние слои атмосферы, в то время как Брэдли отправился оценить повреждения.

— Очень плохо, но лучше, чем я ожидал, — доложил он, вернувшись. — В обшивке трехфутовая дыра, генератор защитного экрана взлетел ко всем чертям, часть баков с воздухом пробита. Мы взорвемся, даже если в нас пальнут еловой шишкой. На борту есть какие-нибудь инструменты?

— Наверно... Ну, чего нет — сделаем сами, — заявил Костиган. — Когда удалимся на приличное расстояние, сразу приступим к ремонту.

— Что за странные рыбы напали на город? — поинтересовалась Клио, поглядывая на иллюминатор. — На самих невиан не слишком приятно глядеть, но мысль,

что здесь есть еще и разумные рыбы, просто сводит меня с ума!

— Помнишь, Нерадо несколько раз упоминал о шарт-разах — полуцивилизованных рыбообразных тварях, обитающих в океанских глубинах? — напомнил Кости-ган. — Я бы их «полуцивилизованными» не назвал! — он мрачно усмехнулся. — Итак, в этом мире суще-ствуют три расы, и две мы уже видели — невиан и шартразов. Еще есть какие-то существа с мелководья. Невианские города обычно стоят рядом, на отмелях или островах, так что они властвуют над мелководными соседями... по сути дела, это их рабы. Их не только едят, но и заставляют работать в шахтах и на планта-циях, они выполняют всю физическую работу на Невии. Но мелководье было нетрудно покорить, а вот на боль-ших глубинах, недоступных невианам, обитают разумные и опасные создания. И там же — самые ценные мине-ралы, которых на Невии вообще немного и добраться до них нелегко. Нерадо говорил, что они поймали нескольких рыбообразных из глубин и заставили их ра-ботать на себя, но сильно просчитались. Эти рыбки — неглупый народ! Понимая, что амфибии, жители поверх-ности, будут развиваться очень быстро, они покорно добывали металл и пользовались любым случаем, чтобы овладеть технологией и оружием. Затем сами соз-дали и то, и другое, а теперь, я думаю, собираются полностью стереть амфибий с лица планеты, пока те не поработили их окончательно.

— А невиане их боятся и стараются всех уничто-жить, — предположила Клио.

— Логично, — прокомментировал Брэдли. — Ну как, мы уже далеко ушли от поля битвы?

— В окрестностях этой планеты нет такого рас-стояния, которые я посчитал бы безопасным. У них дья-вольски чувствительные детекторы.

— Детекторы... Они могут засечь нас? — спросила Клио. — О, если бы они нас не задели снарядами, мы были бы уже далеко!

— Были бы, — с чувством повторил Костиган. — Но не надо расстраиваться по этому поводу. К счастью, мы еще дышим и летим, а не лежим на дне.

В молчании они совершили круг над планетой, и начали готовить свое суденышко к выходу в космос.

ХОЛМ

Тяжелый крейсер «Чикаго» недвижно замер в сотне миль от сражавшихся флотов; в капитанском отсеке Лиман Кливленд, согнувшись возле своего прибора, слегка касался пальцами верньеров. Его тело было неподвижно, а лицо не выражало никаких чувств; жили только глаза — янтарные, сияющие, перебегавшие с одного циферблата на другой.

Вокруг сгрудились почти все офицеры корабля, в волнении наблюдавшие за битвой; но Клив, не обращая на них внимания, занимался своим делом. Его новая установка фиксировала все детали борьбы с пиратским флотом, его уничтожение, последующий распад кораблей Трипланетия и взрыв гигантского планетоида. Затем он направил лучи локатора на опалесцирующую алую вуаль, за которой скрывалось нечто, поглощающее потоки расплавленного и испарившегося металла. Текли мгновения, Клив все добавлял и добавлял энергию. Однако большой район пространства оставался скрытым от его взгляда неведомыми силами, и справиться с этим он не мог. Затем розовый туман внезапно исчез; космос снова был чист и прозрачен для ультраволн его радара.

— Назад к Земле, мистер Кливленд? — прервал напряженное молчание командир «Чикаго».

— Пожалуй, еще нет, — распрямив спину и потягиваясь, Лиман выключил локатор. — В космосе полно обломков, и в любом из них может таиться ключ к разгадке. Я бы подобрался поближе к ним, сэр. Конечно, приказывать я не могу, но...

— Можете, — ответ капитана поразил Клива. — У меня есть приказ, в котором говорится, что вы командуете этим судном.

— В таком случае, идем к месту схватки, — приказал Лиман, и крейсер — единственное судно, оставшееся от земных подразделений Трипланетного флота, — устремился вперед на полной скорости.

Область пространства, в которой происходило сражение, была заполнена огромным количеством обломков, кружившихся вокруг планетоида. В вечном ледяном мраке плыли части кораблей, оборудование, мебель, тела... Некоторые люди были облачены в скафандры — именно к ним и направился крейсер в надежде застать

хоть кого-то в живых; однако в скафандрах были только замерзшие трупы.

— Все мертвы, — прозвучал в капитанском отсеке короткий доклад, — причем давно. Тут случилось что-то странное: на скафандрах не хватает многих деталей, но трупов явно никто не касался.

Кливленд повернулся к капитану.

— Прикажите вашим людям, сэр, доставить на корабль несколько тел и побольше разнообразных обломков. Кажется, я начинаю понимать, что здесь произошло.

— А затем — обратно на Землю?

— Вот именно, и как можно скорее!

Во время полета Кливленд и специалисты «Чикаго» занимались изучением этих печальных останков. Не впервые перед их глазами находились обломки космических кораблей, но такого они еще не наблюдали никогда. Казалось, каждая деталь, каждая частица была бессмысленно и зверски изуродована; все отверстия для заклепок и винтов зияли пустотой. Однако следов взлома или ударов обнаружить не удалось.

— Дьявольщина! — заметил капитан после тщательного осмотра одного из скафандров. — Если вы можете это объяснить, Кливленд, снимаю перед вами шляпу!

Молодой ученый усмехнулся.

— Обратите внимание не на то, что перед вами, а на то, что отсутствует, — произнес он.

— Так... Исчезло оружие, наплечники скафандров, антенны... и все гайки и винты! — глаза капитана сверкнули. — Ого! Все, что сделано из пластика, сохранилось... Отсутствуют только металлические части! Ни одного кусочка стали! Но что же это значит?

— Пока не знаю, — задумчиво протянул Клив, — но боюсь, что это еще не все.

Откинув щиток шлема погибшего астронавта, Лиман обнажил перед офицерами «Чикаго» спокойное мертвое лицо, поражавшее своей невероятной бледностью. Кровь была отправлена на анализ, и полученный результат объяснил все.

— Вы когда-нибудь видели белую кровь? — спросил Кливленд, пробегая глазами бланки анализов. — Из нее полностью удалено железо... как, впрочем, из всего пространства, где происходило сражение.

— Но каким образом? И зачем? — наперебой заговорили офицеры.

— Я знаю не больше вашего, — холодно прервал их Кливленд. — Если бы неподалеку отсюда, за орбитой Марса, не крутились огромные астероиды почти из чистого металла, я бы сказал, что кому-то позарез было нужно железо. И этот кто-то без особых колебаний уничтожил наш флот, чтобы его получить. Они просто взяли металл и ушли — так быстро, что я не смог проследить их ультраволновым локатором, — ученый покачал головой и тихо, словно про себя, произнес: — Это разум... мощный разум, чужой и недружелюбный. Пожалуй, надо подключить к работе Фреда Родебуша...

Наладив передатчик, он послал вызов Вирджилу Сэммзу; затем передал всю информацию на Землю, в исследовательский центр Трипланетарной Службы. Во время обратного пути Кливленду не пришлось скучать. Он много возился со своим ультралокатором и вел длительные беседы с Сэммзом и Фредом Родебушем — физиком-ядерщиком, занимавшимся тайной оружия пришельцев. Путь к Земле показался Лиману коротким и насыщенным событиями.

Когда крейсер начал традиционный облет планеты, из приемника послышался мелодичный сигнал; за ним раздался голос Сэммза.

— За тобой выслан «Серебряный», Лиман, — сообщил глава Службы. — Готовься к переходу.

Спустя минуту на экране появилась длинная тонкая тень, стремительно догонявшая «Чикаго». Кливленд прошел в шлюз и облачился в скафандр. В иллюминатор он видел ракету, напоминавшую по форме сигару с тонкими, как иглы, концами. Это разведывательное и связное судно, гордость Трипланетарной Службы, было создано из самых дорогих и редких материалов, и в изобилии оснащено самым современным оружием. Его скорость оставалась непревзойденной и в космосе, и в атмосфере; серебристый корпус корабля подсказал его прозвище — «Серебряный». Конечно, существовало и официальное наименование, но о нем уже давно и прочно забыли все, кроме интендантских служб.

Вскоре Кливленд уже стоял в рубке разведчика, обмениваясь рукопожатиями с друзьями. Его приятель и коллега Фред Робедуш, славившийся скептицизмом и ворчливостью, радостно размахивал руками и, несмотря на царивший вокруг шум, пытался рассказать о дюжине вещей сразу.

— Ну что, Фред, как дела? — спросил Лиман, когда

они, после долгих приветствий, присели за низенький столик. — Все ли материалы дошли до тебя? Конечно, с помощью передатчика особо не побеседуешь, зато теперь мы можем обсудить все новости.

— Я бы предпочел говорить в нашей лаборатории, в Холме, — серьезно ответил Родебуш. — Там вокруг волновые экраны, защита, охрана и все прочее. К тому же Вирджил Сэммс приказал прибыть в Холм как можно скорее и значит, «Серебряный» помчится с максимальной скоростью — а ты прекрасно знаешь, что это значит. Пристегнись-ка покрепче.

— Неприятная эту штука — быстрый спуск, — сказал Кливленд, поудобнее устраиваясь в глубоком кресле и застегивая широкий эластичный ремень. — Но время не ждет, так что придется потерпеть — все-таки, не первый же раз.

Родебуш махнул пилоту рукой, тот слегка передвинул рычаги, и тихий шепот генераторов превратился в рев; серебристый корабль развернулся и начал быстро удаляться от «Чикаго». Через три минуты огромный боевой крейсер превратился в крошечную точку, а разведчик, достигнув границы атмосферы и нацелившись вертикально вниз, устремился к земле. Металл корпуса начал светиться: розовым, ярко-алым, желтым, ослепительно белым — но он не плавился и не горел. Пилот был опытен и знал пределы разумного; промелькнув огненной стрелой над Сизтлом, миновав Скалистые Горы, корабль частично сбросил скорость, направляясь к своей цели, расположенной на востоке Североамериканского континента. Там полыхала фиолетовыми огнями огромная гора с плоской вершиной и коническими склонами — гора, превышавшая по высоте своих могучих гранитных соседей. Холм.

Холм не был по природе искусственным образованием, но его сильно изменили талантливые инженеры, работавшие на Трипланетарную Службу. Его верхушка, около мили шириной, казалась сплошным листом металла без единого шва или сочленения; такими же монолитами выглядели и конусовидные склоны. Ни один механизм, робот или человек не сумел бы взобраться по гладкой поверхности, ни одно орудие не могло ее пробить, никакое средство передвижения не приблизилось бы к Холму незамеченным. Правильнее сказать, оно вообще не могло приблизиться — Холм окружала

светящаяся фиолетовая субстанция, сквозь которую не проникали ни материальные тела, ни излучение.

Двигаясь со скоростью пять тысяч миль в час, «Серебряный» поравнялся с ярким фиолетовым барьером; в нем появилось круглое отверстие, мгновенно захлопнувшееся после того, как ракета проникла за границу сияния. Навстречу ей поднялась гибкая посадочная площадка, и разведчик мягко лег в ее цепкие объятия.

Устроившись в удобной колыбели, «Серебряный» плавно скользнул к ангарам у подножия горы. Кливленд и Родебуш вышли наружу из остывающего корабля, и перед ними распахнулись двери лифта. Опустившись в самую глубину Холма, они попали прямо в офис шефа Трипланетарной Службы. Здесь царила деловая обстановка. Спокойные молчаливые люди сидели за мониторами компьютеров; агенты и секретари, клерки и посыльные, мужчины и женщины мелькали в коридорах, занимались своими делами, почти не обращая внимания друг на друга. Видеоэкраны и дисплеи мерцали в каждом углу — все подразделения Трипланетарной Службы несли свою бессменную вахту.

Миновав длинный коридор, Родебуш и Кливленд наконец добрались до кабинета Сэммза.

— Шеф свободен, Норма? — лицо Фреда расплылось в улыбке, перед которой невозможно было устоять. Личная секретарша Сэммза нажала на кнопку, и дверь в кабинет распахнулась.

Вирджил Сэммз, высокий, атлетического сложения мужчина лет сорока, уже стоял на пороге. Энергично пожав руки вошедшим, он предложил им сесть и заказал кофе.

— Поздравляю с отличными результатами, Лиман — новый локатор сработал превосходно! — Сэммз подвинул к гостям массивную пепельницу: — Подсаживайтесь ближе, парни. Можете курить.

Кливленд расслабился в необъятном кресле. О личном кабинете Сэммза ходили легенды: говорили, что всю мебель он купил у антикваров, и раньше она стояла у него дома, но потом, когда он переехал в Холм, его кабинет был специально переоборудован, чтобы создать уютную атмосферу старины. Как бы там ни было, мебель эта была удобной — предки любили комфорт; резной стол, мягкие кресла, широкие диваны

вдоль стен — вся обстановка располагала к покою и откровенности.

— Твои снимки очень помогли нам, но без сообщения Костигана мы бы блуждали в потемках. Сразу после несчастья Фред собрал свою ученую компанию и начал обработку данных; я надеюсь, вскоре у него будет достаточно информации для выводов.

— Ничего нового о Конвэе? — Клив задал вопрос, заранее боясь ответа.

Лицо Сэммза потемнело, руки затеребили застежку синего форменного комбинезона:

— Нет... Я надеюсь, что эти существа просто увезли его так далеко от Земли, что он не может с нами связаться.

— Они действительно из очень далеких краев, — вмешался Родебуш, — и наши установки не могут их засечь. Не улавливают даже помех от их ультралучей. Отвратительные приборы! — неожиданно закончил он.

— В этом наша единственная надежда, — продолжал Вирджил, игнорируя замечание Родебуша. — Не могу себе представить, что Конвэй погиб. Он великолепный работник, единственный, кто сочетает два главных качества идеального разведчика: он видит все, что можно увидеть, и способен об этом рассказать. Возьмем, к примеру, последние новости: способность пришельцев трансформировать железо в жидкую модификацию, и в таком виде использовать его для получения энергии. Несмотря на необычность и новизну метода, Конвэй настолько тщательно описал их конвертеры и генераторы, что Фред сумел разработать целую теорию за три дня, основываясь только на его сведениях. А теперь мы пытаемся создать такие же установки для своего суперкорабля.

— Работа в этом направлении ведется со дня сражения у планетоида, — добавил Фред, прикуривая сигарету. Рослый, белокурый и голубоглазый, Родебуш выглядел благодушным любителем коктейлей, обсуждающим со своими друзьями в каком-нибудь баре последние спортивные новости. — Затягивать с новым звездолетом просто нельзя. Несколько попыток улучшить конструкцию привели к человеческим жертвам, но сейчас ситуация в корне изменилась. Теория атомарной конверсии железа разработана, и мы поставили на корабль первый экземпляр генератора. Перспективы просто потрясающие! Похоже, нам удастся полностью нейтрализо-

вать инерцию. Представляешь, Клив — безынерционный двигатель!

— Успокойся, парень! — одернул его Сэммз. — Ты вечно впадаешь в крайности: то сомневаешься в элементарных вещах, то строишь фантастические проекты. Инерция — неотъемлемый атрибут материи, и от нее не избавиться, не уничтожив заодно вещество. Не начинай новую серию опасных игр; вы с Лиманом нужны мне живыми!

— Вот уж о ком не стоит беспокоиться, — ухмыльнулся Фред. — Если мы сделаем эту штуку, все писатели-фантасты Трипланетия повесятся от зависти!

— Только без новых трупов, — отрезал Сэммз.

Их беседа продолжалась еще с полчаса, затем ее прервал вызов секретарши.

— Простите, что беспокою, мистер Сэммз, но есть несколько срочных сообщений. Кнобос вызывает с Марса. Он перебил половину команды «Эндимиона» и готовится захватить корабль. Милтон докладывает с Венеры: после пяти дней молчания ему удалось восстановить связь. Он проследил Винтонов до кратера Талерон, где они обнаружили его и атаковали. Но все в порядке; у него в руках то, зачем он был послан... Еще поступило сообщение от Флетчера с Пояса Астероидов, он наконец нашел источник информации, который вам требовался... — Норма на миг замолчала, потом в селекторе вновь раздалась ее быстрая скороговорка: — Это опять Кнобос... он спрашивает, как поступить с «Эндимионом».

— Пусть он... Хотя нет, соедини-ка меня с ним, я сам все скажу! — велел Сэммз. Его лицо омрачилось. На экране появилась худая мрачная физиономия шефа Марсианского сектора. — Как ты считаешь, Кнобос? Они сдадутся добровольно и пойдут под суд?

— Нет, — марсиане никогда не отличались особой разговорчивостью.

— Согласен с тобой. Стреляй! Пусть лучше несколько гангстеров исчезнут бесследно, чем Патруль будет терять людей, пытаясь их образумить.

— Понял! — Экран погас, и Сэммз приказал секретарше:

— Как только на связь выйдут Милтон или Флетчер, немедленно соедините со мной! — Он повернулся к посетителям. — Пожалуй, мы уже все обсудили, так что вы можете идти. Работайте, парни! Я бы сам не прочь к вам

присоединиться, но еще пару недель буду слишком занят.

* * *

— Слишком занят — это очень мягко сказано, — заметил Родебуш, когда двое ученых шли по коридору к лифтам. — Пожалуй, он самый занятой человек на всех трех планетах.

— И самый могущественный, — добавил Кливленд. — Не многие могут пользоваться властью с такой осторожностью, но ему это удастся. Я бы месяц мучился кошмарами, если бы мне хоть раз пришлось сделать то, что он с легкостью проделал сейчас... а ведь это просто часть его ежедневных забот.

— Имеешь в виду «Эндимион»? А как иначе он мог поступить?

— Никак, черт побери! Добывать пленников для суда — значит, подвергнуть опасности жителей Морсеки; но в то же время тяжело отдать приказ о расчетливом и хладнокровном убийстве.

— Ты прав, однако... — Родебуш замолк, не в силах выразить словами свои чувства. Оба некоторое время молчали; для тех, кто был избран Службой, она была всем — а собственная жизнь не стоила даже сожалений.

— Ну, хватит. У нас куча своих забав, — резко сменил тему Фред, когда ученые вошли в огромный зал, до потолка заставленный аппаратурой — в машинное отделение будущего корабля. Еще ни разу не взлетев, «Бойз» успел доставить много неприятностей Службе, отняв не одну человеческую жизнь. Сейчас, однако, корабль был центром всеобщей надежды и радостных ожиданий. Люди сновали по нему как муравьи, полностью реконструируя судно.

Окинув довольным взглядом двигательный отсек, Родебуш раскинул в стороны руки и заявил:

— Вот ты и дома, Клив. И теперь мы превратим этого убийцу в само совершенство!

ПЕРВЫЙ СТАРТ

В течение нескольких недель все ресурсы Трипланетия, и моральные и материальные, были отданы новому суперкораблю. И вот «Бойз» подготовлен к своему первому полету, подготовлен настолько, насколько вообще это могли сделать человеческие руки. Родебуш и Кливленд, закончив последнюю проверку, стояли в главном шлюзе, беседуя со своим шефом.

— Вы утверждаете, что корабль абсолютно надежен, но отказываетесь брать на борт команду, — Сэммз пожал массивными плечами. — Значит, это опасно! А мы слишком нуждаемся в вас, чтобы позволить очередную самоубийственную операцию.

— Но позволить придется — ведь только мы двое разбираемся и в теории, и в практике дела, — настаивал Родебуш. — Я говорил, и повторяю сейчас — «Бойз» надежен! К сожалению, это невозможно доказать теоретически — слишком много в нем новой и непроверенной теники. Но не стоит переживать, для короткого путешествия команда не нужна... А если мы попадем в переделку, нас не спасут ни команда, ни сам Зевс Громовержец. Так что лучше мы отправимся вдвоем.

— Ладно, парни, но будьте осторожны. Не к чему сразу обгонять свет с тысячу раз.

— Поймите, сэр, эта штука не может убрать инерцию наполовину или наполовину уменьшить силу тяжести. Все или ничего. Начнем полет на обычных двигателях вместо наших нейтрализаторов... правда, в случае неприятностей это только удлинит агонию.

— Ну что ж, делайте по-своему. Но берегите себя, ребята!

— Обязательно, шеф, — кивнул Кливленд. — Никто из нас не торопится на тот свет. А сейчас позаботьтесь, чтобы к судну никто не приближался, могут быть серьезные разрушения. До свидания!

— До свидания!

Тяжелый люк захлопнулся. Огромные подъемники обхватили звездолет стальными руками, шланги и тросы оплели его словно лианы; молчаливый и неподвижный, он ждал своего часа. Затем металлические стены Холма раздвинулись и подъемники медленно поползли в образовавшийся проем. Доставив корабль в

дальний конец обширной, окруженной горами долины, механизмы опустили его на бетонную плиту и скользнули обратно в ангар.

— Все в порядке, — сообщил Сэммз Родебушу. Он сидел в своем кабинете, уставившись в экран. Он слышал, как Родебуш обращается к Кливу, ловил его отрывистые резкие ответы, видел, как тот нажал кнопку запуска и... и экран потемнел, внезапно превратившись в окно, распахнутое в неизмеримую темноту. Там, где только что находился суперкорабль, тоже была пустота: ни рельсов, ни кабелей, ни деревьев, ни бетона; из почвы был словно вырезан полукруг диаметром в четверть мили. Однако пустота вскоре заполнилась. Раскатился звук оглушительного удара, и на землю хлынул дождь самых разнообразных обломков: погнутые рельсы, стволы деревьев, бетонные блоки. Видимо, генераторы «Бойза» оказались намного мощнее расчетной величины.

— Ты держишь их в луче, Рэндольф? — голос Сэммза прозвучал резко и хрипло, нарушив напряженное молчание. Но главе секции связи не надо было напоминать о его обязанностях.

— Нет, сэр, — спокойно ответил он. — Они пропали, и мне их никак не нащупать. Я сделал все возможное и растратил массу энергии... однако их просто не существует. В пределах досягаемости наших локаторов, разумеется.

— Но обломков корабля не заметно, — тихо произнес Сэммз. — Что же происходит? Успех, или...

Некоторое время он молчал, поворачивая верньеры настройки. Где они, его молодые друзья? Вернутся с триумфом, или станут новыми жертвами проклятого судна, сгубившего уже тридцать человек? Здравый смысл подсказывал, что они уже погибли, но сердце, горячее сердце Вирджила Сэммза, каждым своим ударом утверждало обратное. Пусть мощные радары не могут их засечь! Пусть все ученые Трипланетия утверждают, что корабль, движущийся с такой скоростью, немедленно распадется на атомы! Пусть! Они живы! Уверенность в успехе, для которой не было ни малейших оснований, кроме веры в гениальность двух молодых странников, заставила Сэммза выпрямить спину и расправить плечи. Его ждали важные дела; в конце концов, люди приходят и уходят, а Служба остается. Уверенным

движением руки он подключил коммуникаторы, и в его кабинет ворвалась скороговорка секретарши.

— Мистер Фэйрчайлд просит аудиенции, и как можно скорее, — уведомила его Норма. — Он напоминает, что сенатор Морган находится здесь уже целый день и настаивает на личной беседе.

— Ах, вот как... Хорошо. Я его приму. Вызовите, пожалуйста, Фэйрчайлда. Дик, ты можешь говорить, или он нас слышит?

— Нет, сейчас он пытается Саундерса и будет занят еще минут пять. Он здесь уже давно, и достал всех до печенок. Найди свободное время, Вирджил, и вышвырни его прочь.

— Так я и сделаю, но почему бы тебе самому не поставить его на место, старина?

— Он хочет лично ознакомиться тебя с законами. Этот придурок — большая шишка, а его шайка создает много лишнего шума. Так что лучше, если ему дадут по мозгам на самом верху. Ну, и к тому же ты очень метко бьешь — уж если попал, так в яблочко.

— Уговорил. Значит, он большая шишка и считает себя недосыгаемым? Трипланетие ставит ниже национального суверенитета? А мы — железная пята на шее цивилизации, — и так далее? — в голосе Сэммза звучало неприкрытое злорадство. — Что известно про него? Этот тип — толстокожий, ясно сразу, но хоть намек на мозги у него есть?

— Анацефал! Даже если у него и есть что-то в голове, то пользоваться этой штукой он не умеет. Дай ему увлечься речами, а потом — врежь, — беседа профессионалов имела свои профессиональные тонкости. — Загарпунь эту тушу, а я сам разделаю.

— Гарпун-то на него есть? Впрочем, кого я спрашиваю!

— Конечно, есть, и даже три, — глава отдела информации Трипланетия излучал уверенность. — Босс Джим Таун кулил его со всеми потрохами. Номер его банковского счета 4697414 — туда напрямую поступают деньги от Тауна. Он содержит юную девушку Фи-Ши ле Бэй — сам понимаешь, кто такая, одно имя чего стоит... Эта крошка недавно получила в подарок меховую шубку — настоящий марсианский варрол, не много, не мало, — прямиком из рук контрабандистов. Цепочка: контрабандисты Клэндера — Морган — ле Бэй — серьезное основание привлечь к суду.

— Чудесный букет. Давай его сюда!

— Сенатор Морган. Мистер Сэммс, — с вежливой холодностью произнес Фэйрчайлд, и хозяин с гостем испепелили друг друга взглядами. Сэммс увидел дородного широкоплечего мужчину в идеально сшитом костюме, скрадывавшем излишнюю полноту. Надо заметить, что он производил неплохое впечатление — со своим добродушным лицом «доброго малого», расчетливыми глазами удачливого политика и пухлогубым ртом женолюбца. Сенатор, в свою очередь, с любопытством разглядывал высокого широкоплечего мужчину, перешедшего рубеж сорокалетия, его открытое, гладко выбритое лицо, буйную копну каштановых волос, которую явно давно следовало подстричь, карие, отливающие золотыми искорками глаза, слишком пронизывающие, чтобы чувствовать себя уютно под их взглядом.

— Надеюсь, сенатор, что шеф службы информации ответил на все ваши вопросы.

— На все за исключением нескольких... — но так как Сэммс не спрашивал, о каких именно вопросах идет речь, сенатору пришлось продолжать самому. — Являясь главой комитета сената по расследованию преступлений против государства — Штатов Северной Америки, — я отметил, что большинство ваших официальных докладов отличается недосказанностью и крайней осторожностью. Лица, занимающие самые высокие посты, обладают такой же жалкой информацией о вашей деятельности, что и обычные граждане, но ваши агенты знают намного больше о внутренних делах этой страны, чем мы сами. В связи с этим было решено провести расследование, в котором мистер Фэйрчайлд отказался мне помочь.

— Кто решил провести расследование?

— Сенат Северных штатов и, в частности, наш комитет по...

— Благодарю, я понял, — прервал Сэммс. — Надеюсь, вам известно, что Холм не является частью Северных Штатов? Что Трипланетарная Служба подотчетна только Совету Трипланетия?

— Это всего лишь увертки и замалчивания. Вы имеете дело с демократией, — начал ораторствовать сенатор. — Подобное своеволие скоро кончится и, если вы так умны, как говорят, то вы поймете, что только сотрудничеством можно...

— Вполне достаточно. Я все понял, — голос Сэммса

не оставлял никаких сомнений в его желании вышвырнуть посетителя вон. — Пока что ситуация не изменилась, и правительство Северной Америки управляет только своим континентом, как и другие континентальные администрации на Земле и других планетах. Их главы, как известно, составляют Совет Трипланетия, мнение которого значит намного больше мнения правительства любого из континентов. У Совета есть пара рук: одна — Трипланетарный Патруль, следящий за исполнением законов, договоров и соглашений, и Трипланетарная Служба, выполняющая прочие указания Совета. Могу вас уверить, что у Службы нет желания вмешиваться во внутренние дела Северной Америки. У вас имеются какие-то факты, говорящие об обратном?

— Вы снова уклоняетесь от темы, — возбужденный сенатор принял величественную позу. Полы его длинного, скроенного по последней моде сюртука распахнулись, элегантный галстук сбился в сторону, затейливая прическа растрепалась. — Уже не первый раз в истории бесстыдные диктаторы пытаются удушить демократию! Сэр, я требую открытого доступа ко всем архивам Службы — так, чтобы я мог ознакомиться с фактами и изложить их перед лицом сената... с фактами по самым разным проблемам — я упоминал их в беседе с мистером Фэйрчайлдом, — в особенности о проблеме «Гипериона»! Демократия не позволит вам скрывать правду — граждане должны обладать полной информацией обо всем, что отражается на их благосостоянии и безопасности!

— Неужели? Тогда, чтобы ввести Трипланетарное правительство в курс дел Североамериканского континента, я должен попросить у вас ключи от сейфа с кодом 469T414. Наверное, дорогие вашему сердцу граждане весьма заинтересуются его содержимым.

— Что?! Какая наглость! — Морган был готов лопнуть от негодования, но все же не сумел скрыть озабоченности. Первый гарпун царапнул жертву. — Там только личные бумаги!

— Может быть. Однако один из моих людей случайно обнаружил запись беседы сенатора Моргана с неким Джеймсом Тауном — по поводу разных делишек с контрабандистом Клэндером. Кроме того, мне сообщили о некоей юной особе, Фи-Ши ле Бэй, и шубке из натурального варрола... Бесконечно интересная тема для всех жителей Северной Америки!

Удар за ударом! Крупный мужчина постепенно съеживался. Однако, истекая кровью, он нашел силы пригрозить:

— Вы отказываетесь от сотрудничества? Что ж, я уйду, но вы обо мне еще услышите, Сэммз!

— Пожалуй, мне это не удастся. Прежде, чем вы откроете рот, все факты будут опубликованы. Служба располагает сведениями об очень многих личностях, но пользуется ими лишь для самозащиты... В то время как уничтоженный Морган покидал Холм, в кабинете снова прозвучал сигнал вызова.

— На связи Флетчер. Соединять?

— Да, пожалуйста. Привет, Сид! Чертовски рад тебя видеть — мы ужасно волновались за тебя! Как ты выкрутился, и что это было? — Привет, шеф! — на экране появилось молодое загорелое лицо. — Так, мелочь — героин и марсианский ладолиан. Дело сделано, хотя трое бандитов скрылись, прихватив с собой четверть товара. Но суть не в том. Я связался с вами в такой спешке, потому что обнаружил подделку нашего кодового знака. Я впервые в жизни увидел поддельный метеор!

Сэммз выпрямился в кресле.

— Секунду. Норма, немедленно вызови Редмонда и соедини с нами... Слушай внимательно, Гарри. Флетчер, ты сам видел фальшивый метеор? Прикасался к нему?

— Да. Он и сейчас у меня. Один из беглецов, выдававший себя за работника Службы, швырнул его в меня. Клянусь, шеф, его нельзя отличить от настоящего в моем кармане! Послать его вам?

— Обязательно! Пусть передадут доктору Гарри Редмонду, начальнику исследовательского отдела. Продолжай слежку, Сид. До связи. — Юное лицо исчезло с экрана, и вместо него появилось другое, постарше и посерьезней. — Ну, Гарри, что ты думаешь? Это может быть один из наших, ты понимаешь?

— Скорее всего, нет. Как только эта штучка будет у меня в лаборатории, я скажу тебе точно. Вероятность утечки исключить невозможно, они могли еще раз заслать своего агента, но, скорее всего, это не так. В конце концов, мы ожидали чего-либо подобного — все, что наука может синтезировать, наука может проанализировать. Какими бы не были мораль и этика преступников, дураками их не назовешь.

— У тебя нет ничего взамен метеоров?

— Ведем новые разработки... они требуют массу времени и сил. На данный момент наш метеор — лучшее из всего арсенала.

— Есть люди, которые могут взяться за дело немедленно?

— Конечно. Один из новеньких прекрасно подойдет для такой работы — Бергенхольм. Удивительный парень: толковый, старательный... Бывают у него необъяснимые вспышки гениальности — потом он сам переживает, как это у него получилось. Я немедленно привлеку его к работе.

— Спасибо.

Сэммз потер затылок. Голова раскалывалась от забот.

— Норма, никаких вызовов и посетителей. Я должен подумать.

Глубоко погружившись в размышления, Сэммз невидящими глазами смотрел на бумаги, разложенные на столе, на мертвые погасшие экраны. Трипланетию был нужен новый символ — нечто, способное отличать работника Службы где угодно и когда угодно, в любой ситуации. Нечто настолько совершенное, что без сомнений и вопросов означало бы принадлежность к Службе. Нечто не поддающееся изучению, не говоря уже о копировании; такое, чтобы никто на Трех планетах не мог это симитировать или уничтожить. Нечто, что может носить только представитель Трипланетия — человек! Сэммз горько усмехнулся своим мыслям. Слишком много требований и ограничений. Но выход должен быть!

— Прошу прощения, сэр! — голос секретарши, обычно спокойный и ровный, слегка дрожал. — Комиссар Киннисон на связи. Что-то странное происходит в районе М-151!

На экране появилось лицо Киннисона — комиссара Безопасности Трипланетия, верховного командующего всеми вооруженными силами союза: на земле, в воде, в космосе.

— Они вернулись Вирджил! — воскликнул он, не тратя времени на приветствия и вступления. — Уже погибли четыре корабля: пассажирский лайнер, два крейсера и транспорт. Все в секторе М-151. Я отдал приказ судам уйти в укрытия на планетах; даже военные корабли сейчас бесполезны, и надо сохранить людей. Как там

твой новый звездный монстр? Может ли он прийти нам на помощь?

Никто за пределами защитных экранов Холма не знал о том, что запуск «Бойза» уже состоялся.

— Не знаю. Сейчас мы не можем даже сказать, есть у нас суперкорабль или нет. — Сэммз вкратце описал начало — а вернее всего, конец — пробного полета. — Кажется, мы потерпели неудачу, но если есть хоть какой-то способ его обуздать, то Кливленд и Родебуш справятся. Наши локаторы не могут их пока обнаружить, но...

Их разговор прервал сигнал тревоги, зарокотавший в кабинете комиссара. Сразу же сирена взвыла и во всех отсеках Холма.

— Питтсбург атакован! — звучало в послании. — Просим помощи!

А затем на экранах появилась картина осажденного города. Агенты Службы вели передачи и с улиц, и с воздуха. Несколько секунд потребовалось комиссару, чтобы мобилизовать силы планеты и направить воинские части к месту битвы. Выполнив все возможное, Сэммз и Киннисон смотрели на экраны, чувствуя страх и бессилие помочь гибнущим людям... Сцены разрушений заполняли экраны.

Невианское судно — тот корабль, который Кости-ган заметил в космосе во время своего пути на Невию — по рекомендации капитана Нерадо устремилось прямо к Земле, не тратя времени на мелкую добычу вроде отдельных кораблей. Сейчас огромный звездолет, отключив невидимость, завис высоко над городом, неуязвимый для жалких орудий «полуразумных существ». Из сияющего корпуса лился поток розоватых лучей, растекавшийся во все стороны в поисках драгоценного металла. Железо, некогда твердое, теперь вливалось широкой струей в красноватую дымку и заполняло обширные контейнеры невианского рейдера, а вслед за облаком деструкции шли разрушение и смерть. Небоскребы, дома, коттеджи с грохотом оседали, превращаясь в кучи мусора, лишённые своего стального скелета. Лучи проникали глубоко в землю, и вслед за этим раздавались взрывы; вода и вырвавшийся на свободу газ усиливали и усугубляли катастрофу. Перепуганные люди в панике метались по городу, матери прикрывали детей собственными телами, но все гибли, гибли, не сознавая, что происходит.

Защита Питтсбурга была напрасной тратой сил из-за явного превосходства нападавших. Несколько антикварных ракетных установок, чудом уцелевших со времен прошлых войн, выпалили во врага, но попавшие в облако снаряды превратились в потоки аллотропного железа. Новые корабли Трипланетия с ультраволновыми генераторами, работавшими на железе, вступили в бой немедленно, но результаты были не намного лучше. Под ударами их батарей защитные экраны невиан побелели, затем алое опалесцирующее облако накрыло земные суда. Когда оно рассеялось, на землю рухнули немногочисленные останки. Теперь боевой конус кораблей Трипланетия шел со своей базы в Буффало к Питтсбургу, чтобы принять участие в безнадежной защите обреченного города.

— Останови их, Род, — закричал Сэммз. — Это чистое самоубийство! Они ничего не сделают — большинство не имеет даже железного привода!

— Я знаю, — со стоном, сжимая обеими руками голову, выдохнул комиссар, — и адмирал Барнс тоже все понимает, но сигнала отбоя не будет. Подожди, не перебивай. У меня есть данные о том, что Вашингтонский конус перевооружен и спешит сюда, а за ними Филадельфийский и Нью-Йоркский. Идет помощь из восточного полушария — их эскадры уже над полюсом. Может быть, теперь мы что-нибудь сделаем?

Флотилия Буффало замедлила движение, ожидая подхода основных сил. Конус быстро построился: верхушка из кораблей на железном приводе, основание — обычные звездные крейсеры — и изрыгнул поток аннигилирующей энергии. Снова невианские экраны побелели от нагрузки, и снова они набросили на жалких противников розовые сети, но на этот раз напрасно. Слитые в боевую структуру суда не были беспомощны. Вооруженные экранами, подобными невианским, они без особого труда отразили первый удар. Несколько минут продолжалась эта невообразимая битва энергий, озаряя небеса над городом разноцветными вспышками и сполохами. Огненные струи чертили полосы в воздухе, видимые за много миль от обреченного города.

Конечно, такая битва не могла продлиться долго. Корабли Трипланетия держались из последних сил, а невиане еще и на тысячную часть не проявили своей мощи. Исполненные презрения к убогим двуногим уродам, они удвоили энергию лучевой атаки. Так потерпела

поражение последняя попытка человечества защититься от открытого нападения из космоса. Ультраволны все глубже и глубже врезались в корпуса дредноудов и крейсеров, разрушая структуру металла. Один за другим гибли боевые корабли, превращаясь в обломки, падавшие с небес на то, что еще недавно было Питтсбургом.

Глава 14

ЭКСПОНАТЫ

Много дней полет маленького суденышка длился без всяких происшествий, но однажды на обращенном в сторону Невии экране появился злобный силуэт рыбообразного корабля. Даже неизмеримое расстояние не могло помешать таргу Нерадо добраться до своих жертв.

— Быстрее, друзья, они приближаются! — позвал Костиган, и Клио с Брэдли бросились в рубку.

Проверив оружие, трое землян с волнением следили за врагом. Корабль преследователей быстро увеличивался; видимо, Нерадо уже давно видел их и теперь уверенно направлялся вслед за беглецами.

— Мы не прошли и десятой части пути к Земле... — тихо произнес Брэдли. — Вы не можете еще выйти на связь с кораблями Трипланетия? — он скорее утверждал, чем спрашивал.

— Я пытался, пока они не блокировали мою волну, но все напрасно. Слишком большое расстояние для моего передатчика. Единственной надеждой была встреча с нашим новым кораблем, но он, по-видимому, еще не готов... — Конвэй прильнул к экрану. — Ну, вот и все. Они рядом.

Передвигая рычаги, он послал волны излучения, заставившие защитные экраны невиан полыхать белым огнем; но, к удивлению странников, ответных ударов не было. Словно презирая эти жалкие попытки атаковать, звездолет не отвечал на удары и только защищался, напоминая няньку, успокаивающую расшалившееся дитя.

— Они просто не хотят с нами драться, — первой поняла Клио. — Это их собственный корабль, и мы

тоже их собственность... так что они не хотят повредить ни то, ни другое.

— Но мы можем попробовать кое-что еще! Держитесь крепче! — Костиган отключил защитные экраны и перевел все резервы энергии на двигатель.

Чудовищное ускорение вдавило людей в кресла, за краткий миг расстояние между преследователем и его целью утроилось. Но торжество беглецов была преждевременным. Вслед за корабликом устремился красный луч, принудивший его остановиться; потом необоримая сила потянула его назад. Люди покатались по полу, ударяясь о сиденья и столы. Струйка крови потекла по виску Клио, Костиган больно стукнулся плечом, и только Брэдли отделался легким испугом. С трудом приподнявшись, Конвэй подполз к пульта, врубил защитный экран и попробовал вырвать шлюпку из объятий алого транспортного луча, но тщетно. Луч укорачивался, подтягивая их к чреву большого корабля. Наконец, распахнулся люк, пропуская жертву, а затем земляне услышали громкий лязг. Все! Крышка задвинулась, отрезав их от свободы.

Затем вокруг людей затрещали голубые искорки. Три вооруженных человека были словно окружены ослепительным голубым сиянием, колыхавшимся, словно полупрозрачная занавесь.

— Парализующие лучи, — Костиган мрачно рассмеялся. — Это светятся парализующие лучи, но мы можем сдерживать их столько, сколько захотим — железа у нас хватит на всю оставшуюся жизнь.

— Сдерживать — но и только, — не менее мрачно добавил Брэдли. — Они не могут парализовать нас, а мы не можем повредить им, но все равно мы скоро окажемся на Невии.

— Думаю, Нерадо пойдет на переговоры, и можно достигнуть соглашения. Он понимает; что могут натворить трое с «левистоносами», пока нас не обезвредят, — Костиган говорил очень уверенно, но он ошибался.

Люк откинулся, и сквозь проем скользнуло странное металлическое существо, состоявшее из колес, щупалец и ног. У него имелся защитный экран, достаточно мощный, чтобы отразить удары «левистоносов», что оно и сделало без особых усилий. Три позвякивавших щупальца протянулись к людям и, вырвав оружие, швырнули на пол, а затем, скрутившись фантастическими узлами, спеленали и самих беглецов. Взвалив на

корпус всех троих, робот понес их по коридорам. Вскоре, безоружные и полуголые, — одежда порвалась во время борьбы — люди предстали перед спокойным и хладнокровным Нерадо. К удивлению Конвэя, ожидавшего самого худшего, targ не проявил ни гнева, ни удивления.

— Стремление к свободе присуще любому живому существу, — прокомментировал он ситуацию. — Однако я уже говорил вам, что вы, образцы иной жизни, подлежите изучению в Храме Науки. Что бы вы ни делали — это неизбежно. Поймите и смиритесь.

— Ладно. Допустим, мы больше не доставим никаких хлопот и даже постараемся сотрудничать, — предложил Костиган с кривой усмешкой. — Может быть, в таком случае вы дадите нам корабль и позволите вернуться на родину?

— Больше вам никто не позволит доставлять неприятности, — спокойно сказал невианин. — Нужды в сотрудничестве нет. Мы получим от вас любые сведения, какие пожелаем. И возвращение на вашу планету невозможно — мы не собираемся терять уникальные экспонаты. — Он повернул голову к стражам и приказал: — Верните их в прежний отсек.

Их повели обратно под строгой охраной. Нерадо сдержал слово — у людей не было возможности доставить неприятности тюремщикам, и полет к Невии прошел без приключений. Сразу по прибытии все трое путешественников были отправлены в Храм Науки, где их подвергли физическим и психическим экспериментам — как, впрочем, и обещал Нерадо.

Прав был невианин и в том, что никого не интересовало сотрудничество с людьми. Разъяренные, но бессильные они переходили из лаборатории в лабораторию под взглядами внимательных холодных глаз, для обладателей которых земляне являлись всего лишь слаборазвитыми организмами — объектами для изучения. Их фотографировали изнутри и снаружи, описывали каждый нерв, каждую мышцу, изучали каждый рефлекс. Приборы регистрировали любые импульсы, записывали мысли, движения, даже чувства. Пытка продолжалась со сводившей с ума регулярностью, день за днем, неделя за неделей — и наконец терпению пленников пришел конец. Когда очередной раз невиане начали пристегивать Клио к скамье с электродами, она запрокинула внезапно побледневшее лицо и дико, исте-

рически закричала, вцепившись в края своего ложа. При первых же звуках ее голоса и без того напряженные нервы Костигана не выдержали — выхватив из щупалец невианина тяжеленный прибор, он заметался по комнате, в ярости берсерка круша все, что попадалось на пути.

И ярость мужчины, и крики женщины были напрасными, но они удивили невиан. После совещания было решено дать подопытным отдохнуть. Всех троих заперли в просторном помещении с прозрачными стенами, покачивавшемся на поверхности центральной лагуны города. Некоторое время их никто не беспокоил кроме любопытных невиан, постоянно вертевшихся вокруг.

— Сначала мы были бактериями под микроскопом, — сетовал капитан, — а теперь стали рыбками в аквариуме...

Но закончить фразу он не успел. Вошли два тюремщика и, не говоря ни слова, схватили Клио и Брэдли. Увидев, как девушка забилась в щупальцах монстра, Костиган взревел и бросился на невиан. Напрасная попытка! В пряжке по его телу чиркнул парализующий луч, и Конвэй тяжело упал на пол. В бессильной ярости смотрел он, как его любимая и капитан исчезли в подошедшей субмарине. Освобожденный от действия луча, Конвэй бросился на стену и начал колотить по ней кулаками, не чувствуя боли; лишь мысль о том, что чужие видят его слабость, отрезвило, молодого офицера. Он сел на пол прозрачной темницы и стиснул голову руками.

Глава 15

ПОЛЕТ «БОЙЗА»

Доктор Фредерик Родебуш сидел в рубке за пультом управления, поглаживая пальцами небольшую черную кнопку. Несмотря на некоторую неуверенность, на его лице играла улыбка, а глаза сверкали любопытством.

— Что бы ни случилось — да случится, — произнес он слова школьной молитвы. — «Бойзу» пора в путь. Готов, Клив?

— Давай! — лаконично ответил Кливленд, не склонный выражать переполнявшие его чувства словами.

Родебуш нажал кнопку, и на обоих членов маленького экипажа обрушилась тяжесть. Перегрузка столь же не походила на привычную им стартовую, как невесомость на земную гравитацию. Родебуш попытался добраться до клавиш компьютера, но ослабевшие, неимоверно тяжкие руки отказывались повиноваться. Его сознание пульсировало, сжимаясь от этой пытки; ему казалось, что череп сейчас расколется, разлетится, не выдержав давления извне. Сияющие спирали, вспышки зеленого и алого огня мелькали перед глазами; Галактика, вселенная кружилась и падала вокруг, когда, качаясь, как пьяный, он поднялся и сделал первый шаг. Он упал. Он понимал, что падает, но не мог упасть! Отчаянно извиваясь и дергаясь, он попытался приблизиться к стене. Тяжелый башмак Родебуша наступил на тонкий провод, непонятным образом застывший над полом, но тот даже не согнулся под двумястами фунтами его веса — веса, не имевшего никакого значения в мире без инерции.

Постепенно он приходил в себя — будто после страшного испытания. Он наклонился, заставил руки сомкнуться вокруг проводка, висевшего над полом — провода, который он собирался убрать до взлета, но, к счастью, не успел. Продвигаясь вдоль этой путеводной нити, Родебуш добрался до приборной панели; лампочки на ней успокоительно мигали, сообщая, что все системы корабля работают нормально. Совершив невероятные акробатические трюки и приложив массу усилий, он ударил по красной кнопке и тут же тяжело рухнул на пол, наслаждаясь возвращением привычной силы инерции. Бледные, дрожащие, взмокшие от пота, путешественники посмотрели друг на друга, не скрывая облегчения.

— Сработало! — улыбнулся Кливленд, постепенно приходя в себя. Поднявшись на ноги, он добавил: — Притормози его, Фред! Мы, наверное, мчимся с огромной скоростью, а мне не хочется разбить корабль о какой-нибудь булыжник в Астероидном Поясе.

— Вот это нам не грозит, — сказал странным голосом Родебуш, посмотрев на экраны. — Фу, все не так плохо, как я боялся! Я могу распознать некоторые созвездия, хотя они и сильно изменились... значит, мы не больше, чем в паре световых лет от Солнечной си-

стемы. К счастью, старушка Земля окружена атмосферой, и на ее преодоление ушла порядочная энергия, иначе мы бы уже пролетели всю Галактику из конца в конец и очутились бы черт знает где.

— Что? О чем ты толкуешь? — Кливленд тоже склонился над приборами и пораженно воскликнул: — Так что же это? Получается, что за секунду мы пролетели... Ого!

— Вот именно! Сейчас мы вообще не движемся! — продолжал взволнованный Фред. — После совершенного прыжка по отношению к Земле мы неподвижны. И остановились мы мгновенно, как только инерция была восстановлена... — он вытер потный лоб. — Меня не слишком волнует, где мы находимся, Клив... Когда — вот вопрос!

— Согласно показаниям приборов мы удалились на два световых года. Ты думаешь, что за эти секунды мы постарели на столько же? Сомневаюсь... Впрочем, все может быть; слишком долго эти теории обсуждались на земле, но мы — первые, кто проверил их на практике. Давай-ка лучше повернем домой и все окончательно выясним, а то от вопросов у меня разболелась голова.

— Ну придется тебе еще пострадать, — Фред запустил пятерню в свою белокурую гриву. — Надо бы сделать еще парочку экспериментов. И лучше заняться этим здесь, чем рисковать возле Земли.

— Ты прав. К тому же, у нас вполне достаточно энергии, чтобы вызвать Землю, а потом можно заняться акробатикой. Попытайся определить позицию Солнца.

— Ну уж нет! Сначала поработаем, а то Сэммз тут же велит возвращаться!

— Ладно, с тобой бесполезно спорить. И все же мне очень хочется узнать, на сколько же я постарел...

В течение четырех часов они заставляли корабль совершать маневры, проверяя работу всех его систем — так же, как летчик-испытатель проверяет свой новый самолет. Они поняли, что можно приспособиться к чудовищному ускорению словно к обычной морской качке, и обнаружили кое-что новое и неожиданное в поведении своего детища. Наконец, завершив предварительные исследования, они направили мощный коммуникационный луч к желтоватой звездочке — к своему солнцу.

— Сэммз, Вирджил Сэммз, — медленно и отчетливо говорил Лиман, — Родебуш и Кливленд вызывают с

«Бойза». Мы находимся на линии с Тау Кита на расстоянии двух и двух десятых светового года от Земли. За исключением неожиданного сильного приступа космической болезни, состояние хорошее. Все системы корабля работают нормально. Мы хотим узнать, сколько времени прошло с момента нашего старта. Четыре часа или больше двух лет?

Он повернулся к Родебушу и заметил:

— Никто не знает, с какой скоростью ультраволны распространяются в пространстве. Боюсь, они намного медленнее нашего корабля. Ну, через тридцать минут я повторю вызов.

Но Лиман не успел закончить фразу. На экране появилось знакомое лицо Сэммза, а его голос оглушительно зарокотал из динамиков.

— Слава богу, вы живы! И дважды слава — корабль в порядке! — воскликнул он. — Вы отсутствовали четыре часа двенадцать минут и сорок одну секунду, и мне наплевать на все ваши теории на сей счет. Идите обратно — и срочно к Питтсбургу! Проклятый корабль пожирателей железа вернулся и атакует город! Он уже уничтожил половину нашего флота!

— Через десять минут будем на месте, — ответил Родебуш. — Две минуты отсюда до границы атмосферы, еще четыре — до Холма и три — на окончательную подготовку. Вызовите команду, хватит нашего резервного экипажа, никого больше не надо. Корабль, оборудование, оружие — все готово.

— Две минуты до атмосферы? Ты уверен? — спросил Клив, когда Родебуш отключил передатчик и взялся за рычаги. — Не боишься ошибиться в расчетах?

— Думаю, все точно. Мы почти не затратили энергии, добираясь сюда, а на обратную дорогу я брошу все резервы, — быстро ответил физик, передвигая рычаги и нажимая клавиши на пульте.

Когда программа была задана, и оба пилота пристегнулись к креслам, они вновь испытали странные ощущения, порожденные отсутствием инерции. Правда, на этот раз они были намного слабее и не столь болезненны. Кливленд и Родебуш видели, как желтая звезда стремительно понеслась им навстречу, увеличиваясь в размерах с фантастической быстротой; затем на экраны словно прыгнул голубоватый шар Земли. Нервы Лимана не выдержали, и он воскликнул:

— Хватит, Фред! Хватит! Тормози!

— Я использую тысячную часть мощности и, как только мы коснемся атмосферы, отключу генераторы, — объяснил Родебуш. — Выглядит жутковато, но мы останемся мгновенно, не беспокоясь.

Чудесный корабль приблизился к Земле и, повинаясь руке пилота, застыл в верхних слоях атмосферы. Инерция вернулась, и в следующий миг звездолет ринулся к Холму, гостеприимно приподнявшему свою фиолетовую вуаль. Сбросив скорость, «Бойз» нырнул в небольшое, но глубокое искусственное озеро, располагавшееся возле ангаров Холма. В его ледяной воде раскаленный корпус остывал около трех минут, а затем, оставив озерцо бурлить и дымиться, корабль скользнул в приготовленный для него док, к бетонному причалу. Распахнулись люки, и внутрь устремилась команда. Пилоты, стрелки, навигаторы, связисты, инженеры двигательной секции — отлично обученный экипаж занял свои посты, мгновенно превратив экспериментальный корабль в грозную боевую машину. Два испытателя в это время получали последние наставления от Сэммза.

— ... половина флота еще в воздухе. Они не атакуют, только пытаются помешать им наносить дальнейшие разрушения, пока вы не подойдете на помощь. Взлетайте немедленно! Мы не можем помочь вам подняться, большинство подъемников и площадка полностью разрушены. Вы можете обойтись без них?

— Это была моя ошибка, — признал Родебуш. — Я не думал, что будут такие последствия. Сейчас мы поднимемся на обычных генераторах, так же, как садились — корабль легок в управлении, словно велосипед. Покажите мне, что творится в Питтсбурге, мы уже готовы.

— Прошу вас, доктор Родебуш, — прозвучал голос Нормы, и на экране появилась картина обреченного города. — Все люди и машины в укрытии. Можете взлетать.

— До встречи! Удачи, парни! — прозвенел голос Сэммза.

Сразу за этим напутствием гигантский корабль выплыл из дока и, быстро набирая скорость, поднялся в стратосферу; там, развернувшись, он устремился к месту битвы. И все надежды Трипланетия неслись вместе с ним.

Невиане не стали дожидаться появления нового врага. Их чувствительные локаторы уже обшарили весь континент, обнаружив прикрытый фиолетовым флером Холм. Понимая, что это единственное место, откуда стоит ждать неприятностей, тарг чужого звездолета установил за ним постоянное наблюдение. Его опасения не были напрасными. Старт «Бойза», окруженного непроницаемым силовым барьером, был замечен и, не дожидаясь его подхода, рыбообразный корабль перешел к активным действиям.

Внезапно огромный шар «Бойза» замер. Клив, не спуская глаз с приборов, усмехнулся и положил ладонь на плечо сидевшего рядом Родебуша.

— Они атакуют, Фред! Ультраволновое излучение и транспортный луч. Пытаются удержать нас на расстоянии. Не пнуть ли их раз-другой?

— Давай, Лиман! Масса у нас огромная, а если еще включить генераторы на полную мощность, его защита не устоит!

Волновые клещи «Бойза» сдавили невианский корабль, отшвырнув от разрушенного города. Закрутившись в бешеных потоках энергии, он начал набирать высоту, с трудом выравнивая полет.

— Бери его! — заорал Родебуш, и Клив отреагировал мгновенно. Транспортный луч земного судна настиг инопланетян, резко потянув к себе, под смертоносные удары мультиплексных ультраволновых эмиттеров. Невинин, однако, не собирался сдаваться: розовое облако окутало «Бойз», пытаясь поглотить стальной корпус, но силовой барьер суперкорабля был непроницаем.

— Уходите! Идите на помощь жителям Питтсбурга! — передавал Родебуш остаткам Трипланетного флота, находившимся вблизи опасного облака. Самые лучшие корабли уцелели, и не было смысла рисковать ими сейчас. — Вам не выстоять в красном тумане дольше секунды! И постарайтесь не попасть под наш удар — это намного хуже. Мы справимся с ними без вас, а если не сумеем, то нам не поможет даже чудо!

Генераторы «Бойза» взревели, и от корабля начало расходиться фиолетовое сияние — сначала почти невидимое, а потом ослепительно вспыхнувшее в лучах солнца. Сформировав правильную сферу, силовой купол начал расширяться, поглощая все, чего касалась его

граница: и розовый туман, и вершины ближайших гор, и саму атмосферу. Красноватая вуаль подалась назад, отступила перед этой смертоносной пустотой; все дальше и дальше барьерный экран «Бойза» теснил розовое облако, пока не прижал почти к самому корпусу чужого звездолета. Силовой щит невиан вспыхнул от перенапряжения, но устоял. Словно разумное существо, фиолетовое сияние изменило форму — теперь оно превратилось в эллипсоид, в полюсе которого находился земной корабль.

А затем вакуум между противоборствующими судами заполнился губительным излучением; ультраволны пронизывали его, потоки энергии разбивались о мощные экраны. Раз за разом посылали убийственные лучи корабли, пока не стало ясно: они не в силах уничтожить друг друга.

— Купер, Админгтон, Спенсер, Даттон! — голос Родебуша гулко раскатился по командному отсеку, и пальцы канониров затрепетали на клавишах. — Готовы? Мы не можем достать его лучевым оружием! Как только я отключу фиолетовый кокон, запускайте торпеды!

Экран исчез, и воздух с грохотом заполнил пустоту. И сквозь этот смерч помчались снаряды Трипланетия. Купер ударил торпедами; лишенные даже крупницы железа, они несли атомные боеголовки с автоматическим наведением; Админгтон послал разрушительные бомбы, Спенсер — рой небольших снарядов, излучавших помехи; ракеты Даттона были начинены газами, способными превратить в ржавчину любой металл. Сто, двести, триста снарядов ринулись к кораблю невиан; батареи «Бойза» выплевывали их с невероятной скоростью, стремясь подавить вражеские системы перехвата. Пришельцы еще защищались, но что-то подсказывало замершим у пультов земным стрелкам, что конец близок.

Внезапно чужой звездолет, окутанный белым сиянием защитного барьера, рванулся вверх. Он бежал — торопливо, стремительно, уstraшенный этой яростной атакой, пожирившей запасы его энергии и мужество экипажа. Он мчался в космос, надеясь выиграть в скорости там, где проиграл в силе и стойкости. «Бойз», подобно карающему мечу Немезиды, не отставал. Голубоватый шар Земли уходил вниз, таял, превращаясь в чуть заметную звездочку; затем она исчезла, и теперь только желтая искорка Солнца сияла на экра-

нах. Беглец и преследователь погружались в безмерную тьму и холод пространства.

— Продолжим, — объявил с холодной усмешкой Кливленд. — Парни, вы еще не скончались от скуки? Отлично! Атакуем!

Противников разделяло не больше десять миль, когда град торпед и снарядов вновь обрушился на инопланетян. Внезапно в их плотном потоке промелькнуло нечто черное, вытянутое и стремительное; в следующий миг страшный удар потряс земной корабль, и звездолет чужаков исчез с экранов.

— Локаторный отсек! Где они? Я их не вижу! Они атакуют или убегают? — Родебуш, лихорадочно вращая верньер настройки, склонился к микрофону внутренней связи.

— Убегают, и быстро!

— Попробуйте проследить за ними. Админгтон!

— Здесь, сэр!

— Твоя работа? Одна из твоих «специальных» бомб?

— Так точно. Похоже, она взорвалась за их экраном, но чуть преждевременно, — в голосе канонира ощущалась растерянность. — Во всяком случае, им досталось больше.

— Больше! У нас вышли из строя два генератора... — Родебуш склонился над пультом, изучая показания приборов, — и полетели все защитные экраны! Ты чуть не угробил нас, парень! И я не знаю, что с главным двигателем — система контроля не работает! Клив, — он обернулся к другу, — надо посмотреть самим. Сейчас преследовать их бесполезно, — Родебуш кивнул на следящий экран, в углу которого ползла едва заметная искорка невианского корабля.

Натянув скафандры, они отправились в сопровождении двух инженеров оценивать свои потери. Сквозь запасной шлюз все четверо пробрались в пострадавший отсек и включили мощные фонари. Тут царил полный разгром. Внешняя обшивка была полностью разрушена, на внутренней висели обрывки проводов и кабелей, скрученные трубы и рваные металлические листы. Ракетная установка, с помощью которой Админгтон запустил свой чудовищный снаряд, выглядела так, словно по ней ударил гигантский молот. Соседние отсеки пострадали меньше, но и в них работы хватало. Два генератора из десяти, питавших безынерционный

двигатель, вышли из строя, и здесь требовался основательный ремонт.

— Хмм... — протянул Родебуш. — Ну, электрики быстро починят приборы, с дырой в корпусе придется повозиться, но это дело поправимое, а вот генераторы...

— Да, тут работа посерьезнее, — согласился один из инженеров. — И делать ее лучше в доке, на Марсе или на Земле.

— А как мы туда доберемся? — спросил Кливленд. — С разбитыми генераторами нам придется годами ползти на обычном приводе до любой трипланетарной базы. Включить нейтрализатор инерции я бы сейчас не рискнул, — он хмуро оглядел разрушенный отсек.

— Не знаю, можно ли вести ремонт в космосе. Если Земля и Марс отпадают, то надо присмотреть хотя бы астероид, — инженер покачал головой, обозревая поврежденный генератор. — Нам плевать на атмосферу и прочие удобства, нужна сила тяжести, пусть даже небольшая. Неужели здесь нет подходящей планетки?

Планетка нашлась — двухсотмильный обломок около ярко-красной звезды, усеянный скалами и трещинами. Он бешено вращался вокруг своей оси и обладал ничтожной гравитацией. Но все эти мелочи не волновали специалистов «Бойза»; главное — было за что зацепиться при проведении наружных работ. Не обращая внимания на стремительно чередовавшиеся рассветы и закаты, инженеры взялись за дело. Прошло несколько дней. Корпус был заварен, генераторы восстановлены, силовой щит звездолета вновь был готов отразить любой удар. Родебуш сам трудился над генераторами не покладая рук, пока Клив с командой электроников восстанавливал приборы.

— Все в порядке, Лиман, — сообщил наконец Фред своему компаньону. — Сейчас проведем испытание, и — домой!

Одним стремительным прыжком корабль покинул астероид. На протяжении двух часов шла тщательная проверка, но, как Родебуш не менял нагрузку, ни одна из систем не вышла из строя. «Бойз» снова был готов и к долгим странствиям, и к битве. Фред уже собирался включить безынерционный привод, когда на следящем экране вспыхнула пурпурная звездочка и загудел сигнал тревоги.

— Дьяволыщина! — пробормотал он, направляя луч своего радара на подозрительную точку. На экране по-

явился диск одной из внутренних планет красного солнца, затем поверхность ее приблизилась; возникло изображение какой-то странной угловатой конструкции. Родебуш замер с открытым ртом, и вдруг громко заорал: — Роджер здесь! И он восстанавливает планетоид! Все по местам!

Глава 16

КОНЕЦ РОДЖЕРА

Как уже упоминалось, Роджер, телесное воплощение Гарлейна Эддорского, не погиб при взрыве своего планетоида. Когда розовое облако невиан уже начало лизать стальную поверхность, он включил переговорное устройство и спокойно произнес:

— Бакстер, Харткопф, Шателье, Анандрасунг, Пенроуз, Нишимура, Мирский — ко мне.

— База гибнет, — сообщил он избранной группе своих ученых рабов, собравшихся в кабинете. — Чтобы перенести необходимые запасы и инструменты на скоростной корабль, роботам потребуется пятнадцать минут, затем мы покинем планетоид. Даю вам тридцать минут, чтобы собрать наиболее важные материалы; затем всем вернуться сюда. Никого не предупреждать и никому ничего не говорить.

Повинуясь воле хозяина, семеро покинули кабинет в полном молчании; затем Бакстер, менее хладнокровный, чем его коллеги, произнес:

— Бежать, бросив здесь остальных! Я думаю...

— Не стоит думать, — ухмыльнулся Нишимура. — Только нам суждено спастись — приятная новость, по крайней мере для меня! Взять все оборудование и всех идиотов, населяющих базу, невозможно. Вы знаете это не хуже, чем я.

— Но наши нежные ласковые шлюхи... — начал любвеобильный Шателье.

— Замолчите, глупцы! — оборвал разговор Харткопф. — Если Роджер услышит, что вы обсуждаете его приказ, нам придется сдохнуть вместе с остальными! Поберегите свои шкуры, коллеги.

Через несколько часов, когда скоростной крейсер, загруженный роботами и оборудованием, удалился на значительное расстояние от места схватки, Роджер вызвал своих помощников в рубку. Семеро ученых, расположившись по периметру цилиндрического отсека, молча смотрели на своего предводителя. Наконец, серый человек произнес:

— Есть вопросы?

— Да. — Это был Мирский, физик. — Почему нас разбили? Ведь база обладала практически неограниченными запасами энергии!

Узкие бледные губы Роджера скривились в усмешке.

— Все относительно, Мирский, все относительно. Наша энергия всегда измерялась конечной величиной. Ее было достаточно для наших целей в масштабах Трипланетия, но существа, вставшие недавно на нашем пути, намного опаснее и сильнее людей.

На Роджера посыпался град вопросов:

— Откуда вам это известно?

— Какова природа их энергии?

— Зафиксированы ли характеристики их лучевого оружия?

Лицо серого человека было неподвижным. Подождав, пока стихнет шум, он заговорил:

— Источник их энергии — атомарный распад особым образом активированного железа. Абсолютно новая для нас идея — они совершают не частичное преобразование атома, а его полную аннигиляцию. И тут еще многое непонятно — даже мне самому.

Роджер задумался, и никто из помощников не решился прервать тишину. Гарлейн Эддорский понимал, что без его ведома и санкций в одной из звездных систем было совершенно исключительно важное открытие. И теперь он знал, как это случилось: его мозг все еще находился под контролем чуждого существа, с которым предстояла серьезная борьба.

— Мы поступим так, — наконец сказал он. — Мы изучим по сделанным записям структуру их защитного экрана — от этого один шаг к познанию способа освобождения энергии. Мы построим роботов и машины, которые восстаноят планетоид; и мы снабдим его новыми способами получения энергии.

— Но где же строить такой гигантский объект? —

Мирский приподнял брови. — Трипланетие обнаружит нас даже за орбитой Плутона!

— Солнечная система уже позади. Мы отправимся к другой звезде, настолько далекой от Трипланетия, что их следящие лучи нас не достанут. Путь туда продлится несколько дней, и это время вы можете посвятить анализу данных, накопленных во время сражения.

Серый человек умолк, погрузившись в свои мысли, и ученые рабы поняли, что аудиенция закончена. Они разошлись по каютам. Бакстер, британский химик, уединился с Петроузом — кибернетиком из Штатов Североамериканского континента.

— Послушайте, Пенроуз, я бы хотел задать вам пару вопросов, если вы, конечно, не возражаете... Насчет Хозяина...

— Ладно, валяйте. Это опасная тема, но сейчас его подслушивающая аппаратура вышла из строя, так что можно поболтать откровенно. Вы хотите услышать, что мне известно о Роджере?

— Вот именно. Вы работаете с ним намного дольше, чем я, и лучше информированы. Иногда он ведет себя нормально, но в последнее время я начал сомневаться в его человеческой сущности. Он слишком много знает о слишком многом: то упоминает о солнечных системах, один полет к которым длиннее нашей жизни, то — о событиях далекого прошлого... причем так, как будто видел все собственными глазами. Простите мое любопытство, но...

— Э, друг мой, любопытство у нас не поощряется! Все заключившие с Роджером соглашение отдают ему жизнь и душу в обмен на щедрую плату. О ней можно не волноваться, Роджер всегда точен и аккуратен. Вы станете великим ученым, как он обещал. Я уже заработал миллионы и надеюсь получить еще. Шателье получит любую приглянувшуюся ему женщину. Анандрасунг и Нишимура могут наслаждаться местью всем, кто когда-то обидел или обошел их. Харткопф упивается властью — и так далее, и тому подобное, — внимательно оглядев превратившегося в слух собеседника, кибернетик продолжал: — О самом же Хозяине ходит много слухов, но один факт не вызывает сомнений: мой пра-прадед оставил записки, которые неопровержимо свидетельствуют, что Роджер поступил в Гарвард в одно время с ним. И в то время он был уже зрелым мужчиной! Мой предок как-то заметил, что на его плече вытатуирован

вот такой знак, — Пенроуз быстро начертил в воздухе кабалистический символ.

— Что? — воскликнул Бакстер. — Адепт Юпитера? В те времена?!

— Да! Вы знаете, что задолго до Первой Юпитерской войны группа талантливых специалистов-генетиков сумела изменить наследственность и вывести новую расу людей. Эти создания и развязали потом бесконечные войны.

— Но это же сказки! Когда их уничтожили, оказалось, что большинство их чудес — просто фокусы!

— Е с л и их уничтожили! — прервал его Пенроуз. — Кое-что действительно фокусы, но большинство «чудес» были намного серьезнее. Я не предлагаю вам верить на слово, но адепты Юпитера знали и умели многое... в том числе, и такие вещи, которые до сих пор нам недоступны, — американец многозначительно приподнял брови. — А теперь — О Роджере... кое-какие сведения, за правдивость которых я бы не поручился. Говорят, что он землянин; его отцом был пират с Луны, матерью — некая гречанка, любительница сильных ощущений. Когда пиратов вышибли из кратера Тихо, они бежали на Ганимед, затем большинство попало в руки юпитериан. Судя по всему, Роджер родился именно в то время, и был отдан адептам как заложник или искупительная жертва. Он начал свой путь с Академии Запретного Знания, как и все остальные, а потом, совершая убийства и преступления, постепенно добрался до высшей степени — семьдесят седьмой...

— До секрета вечной молодости, — выдохнул изумленный Бакстер.

— Вот именно. И тогда получил сан Старшего Демона — несмотря на все попытки младших демонов отправить его на тот свет. Так продолжалось до уничтожения главных сил Юпитера в Первую войну. После этого он надолго улетел куда-то, а вернувшись, занялся разработкой некоего таинственного плана, о кофоре никто не имеет понятия. Вот и вся история. Правда это или ложь — не знаю. Я бы посоветовал вам переварить ее в одиночку, или принять все, как есть.

* * *

Как предупреждал Роджер, через пять дней крейсер достиг неведомой планеты, спутника красной звезды,

и опустился на ее каменистую почву. В течение долгих часов механизмы копали шахту глубиной в тысячу футов — укрытие для корабля. Сам Роджер в это время исследовал новый мир с помощью ультралокаторов, выискивая запасы необходимых материалов.

Это была довольно холодная планета; скудные лучи красного солнца не могли согреть человеческое тело, но поддерживали существование уродливых растений, старавшихся перехватить у соседа каждую каплю тепла. Иногда это сражение заканчивалось гибелью обеих особей; вырванные из земли, они катились, подгоняемые ветром, нигде не находя пристанища. Эта странная флора не отличалась разнообразием цветов — желтовато-бурая окраска господствовала повсюду; зато форм было великое множество: растения похожие на кактусы, на деревья, даже на обычную траву, извивались, подставляя листья и стволы солнечным лучам. Не менее странной выглядела и животная жизнь, все эти твари, ползавшие, прыгавшие и летавшие над бурым растительным ковром. Животные имели защитную окраску, но этим их сходство не исчерпывалось; ими двигали два стремления — убить и, хорошо укрывшись, потихоньку переварить добычу.

Пролетая на разведывательной шлюпке над этим буйным и опасным миром, Роджер отметил:

— Здесь должна существовать какая-то разумная жизнь. — Поисковый луч заскользил по поверхности планеты. — А вот и она! Что-то похожее на город!

Через несколько мгновений космические странники зависли над поселением, состоявшим из конических сооружений, обнесенных стенами.

Внутри и вокруг «зданий» сновали бесцветные студенистые существа, одно из которых Роджер перенес на корабль с помощью транспортного луча. Удерживаемое в неподвижности, оно казалось гигантской амебой, сгустком студня; однако, несмотря на отсутствие конечностей, глаз, ушей и других привычных органов, от существа исходило мощное ментальное излучение, оставлявшее ощущение ярости и страха.

— Вот венец творения в этом мире, — прокомментировал Роджер. — Совершенно бесполезные для нас твари: мы построим механизмы быстрее, чем обучим их простейшим операциям. Однако, этого нельзя отпустить — он сообщит соплеменникам о нас, — и Роджер

усилил излучение, превратив амeboподобное существо в пленку размазанной по полу слизи.

Вскоре они нашли богатые рудные залежи и, приземлившись, высадили первую партию роботов, нечувствительных ни к холоду, ни к ядовитой атмосфере. Роботы расчистили огромный круг почвы, однако сразу же начать работы не удалось. Скрываясь среди уцелевшей растительности, амeboвидные существа приблизились к лагерю, а затем, словно по команде, бросились на роботов. Лучи эмиттеров сжигали их, но вместо одного поверженного появлялась сотня новых, одержимых одним желанием — прикоснуться к роботу. Видимо, тела аборигенов могли аккумулировать электричество, так как механизм, пораженный разрядом молнии, надолго выходил из строя. Наконец, Роджер включил защитные экраны, отбросив нападавших. Несколько дней они кружились вокруг непроницаемого барьера, затем отступили: временно остановленные, но отнюдь не признавшие поражения.

Хозяин и его помощники удобно устроились в корабле, ставшем много просторнее после разгрузки; вокруг вырос лес механизмов, копавших, строивших и рушивших в соответствии с заложенной в них программой. Шахты углублялись в землю, заводы возносились к небесам, создавались новые армии роботов. За недолгое время поверхность этого клочка планеты стала неузнаваемой.

Как только Роджер убедился в том, что работы больше не требуют его личного присмотра, он уединился в своей каюте, чтобы приступить к решению главной проблемы. Осторожно концентрируя ментальную мощь, он попробовал отомкнуть кладовые наследственной памяти, но неведомая сила продолжала сдерживать его разум. Он так и не сумел вспомнить, но нащупал эту чуждую волю и синхронизировал с ней свое излучение; затем он нанес удар, вложив в него все ярость могучего эддорианского разума — удар, который уничтожил бы любого члена Внутреннего Круга, кроме Высочайшего.

Роджер — или, вернее, Гарлейн — не удивился, что этот ментальный выпад не дал эффекта; ответное излучение было настолько мощным, что для его отражения эддорианину потребовались все силы. С трудом придя в себя, он направил мысль неведомому противнику:

«Ты — кем бы ты не был — ты понял сейчас, что не

можешь меня уничтожить! И я не способен причинить тебе вред. Но так ли ты уверен, что помешаешь мне вспомнить то, что знал мой предок?»

И тогда пришел ответ:

«Вспоминай, время пришло. Ты знаешь уже достаточно, и мы не можем помешать тебе вспомнить, а уничтожение бессмысленно. Вспоминай, эддорианин!»

Все дальше и дальше стремился разум Гарлейна. Миллионы циклов, эпохи, эры скользили мимо, размаывая бесконечные картины прошлого. Они смутными тенями мелькали в сознании Гарлейна — события, опыт, знания, о которых не вспоминал ни один из его предков. Но каждая крупница их памяти принадлежала ему. Каким бы туманным, слабым и подавленным не было воспоминание, оно сохранилось, и он разыщет его. Обязательно разыщет...

Нашел! Сила восприятия была такой, что ему показалось, будто Энфилистор Аризианский обращается прямо к нему; он ощутил и тот миг, когда Старшие Аризии повелели забыть о случившемся. Да, это было открытие — величайшее открытие! И весьма неприятное! То, что эти аризиане являлись древней расой, было уже очень плохо; но то, что они все это время знали об Эддоре и сумели сохранить свою тайну, делало ситуацию еще хуже. Итак, они уже миллионы лет скрытно противодействуют планам эддориан, и во многом добились успеха... Эта мысль была нестерпимой!

Значит, Эддору придется полностью пересмотреть свою концепцию вселенной, трезво оценить новые факты... Гарлейн нахмурился. Надо ли ему срочно вернуться на Эддор, или лучше закончить работы над планетоидом? Пожалуй, он подождет; несколько мгновений ничего не значит по сравнению вечностью.

* * *

Работы продолжались. Хотя Роджер знал, что в окружающем пространстве не может быть никаких материальных объектов, он регулярно обследовал космос следящим лучом; привычный для него ментальный обзор был все еще заблокирован неведомыми силами. Однажды во время очередного сеанса, его серые пронизывающие глаза внезапно потемнели.

На экране сиял и переливался всеми цветами радуги чудовищный металлический шар. Корабль Трип-

ланетия! Но как они смогли забраться так далеко? Видимо, сумели выследить его крейсер и сейчас готовятся к атаке... Что ж, механизмы пока поработают в автоматическом режиме; с ними ничего не случится за то время, которое потребуется для решения этой небольшой проблемы...

Он вызвал своих людей. В предстоящем сражении люди были надежнее роботов. Этим людям нравилось убивать, и он не собирался лишить их такого удовольствия.

Через несколько минут пиратский крейсер плавно поднялся в воздух, направляясь к замершему в стратосфере «Бойзу». Роджер хотел подойти к противнику поближе и ударить своим новым оружием — полем деструкции, подобным растворявшему металл облаку невиан. Таким способом небольшой космический бот мог бы расправиться со всем флотом Трипланетия, но Роджер не подозревал, что встреченный им корабль был оснащен не хуже его собственного. Он даже не догадывался, что это огромное судно является тем самым мифическим и легендарным суперкораблем, слухи о котором гуляли по Трем Планетам уже не первый год.

Пиратский крейсер испустил алое сияние, и Роджер к своему изумлению понял, что ему предстоит бой не на жизнь, а на смерть. Облако не достигло даже внешних экранов «Бойза», а космос, как будто в ответ, вспыхнул фиолетовым заревом, быстро поглотившим красноватый туман и потянувшимся к судну пиратов. Пока это смертоносное марево не могло причинить неприятностей Роджеру — его экраны вспыхнули огнем, однако выдержали удар.

За фиолетовой стеной последовал ливень снарядов, но щит Роджера держался. Купер, Админгтон, Спенсер и Даттон — четверка лучших стрелков Трипланетарного Флота — работали, как автоматы, засыпая черный сигарообразный крейсер торпедами, бомбами, ракетами. Защита Роджера устояла. Корабли, вцепившись друг в друга транспортными лучами, медленно кружили над планетой, словно сошедшиеся в схватке борцы.

— Видимо, у него полициклический щит — тот самый, о котором сообщал Конвэй, — задумчиво произнес Кливленд. — И я, кажется, знаю, как справиться с ним. Но мне понадобится вся мощность десятого генератора... Ну, Фред, попробуем? — он взглянул на друга, и Родебуш кивнул в ответ. — Отлично. Теперь послушай

меня внимательно. Я собираюсь пробить в щите скважину с помощью суперплотного луча — примерно тем же способом, как алмазная дрель сверлит металл. Не знаю, сколько эта брешь может продержаться в полициклическом экране, так что пусть стрелки не теряют времени. Все готовы? Начали!

Он нажал несколько клавиш, передвинул рычаг, и суперкорабль завибрировал, подчиняясь ритмичным выбросам энергии из мощного конвертера. Луч энергетического бура напоминал полый цилиндр, светившийся с нестерпимой яркостью; он все глубже и глубже вгрызался в защитный барьер Роджера. Огненные вспышки и протяжный звон сопровождали его неумолимое продвижение, а когда, пробив насквозь экран пиратского крейсера, он уперся в черный корпус, громохнул яростный взрыв.

Боеголовка ракеты Админгтона разнесла корабль Роджера напополам. А в следующие тридцать секунд стрелки «Бойза» превратили его в шар атомного пламени.

* * *

Плоть, так долго служившая Гарлейну, была уничтожена. Она распалась в огне атомного взрыва, ее молекулы стали плазмой, но то, что заставляло ее мыслить и двигаться, нельзя было уничтожить никаким физическим усилием. То была сущность Гарлейна Эддорского, возвратившегося на родную планету раньше, чем Лиман Кливленд отключил десятый генератор.

Был собран Внутренний Круг, и за время, показавшееся долгим любому земному существу, объединенные в телепатическом единстве чудовища обдумали все новые факты, все идеи, все грани изменившегося представления о мире. В конце концов, они познали аризиан с той же полнотой, как некогда их тайные враги вникли в их собственную сущность. Затем высочайший Владыка подвел итог:

«Итак, ясно, что аризиане, обладая исключительной ментальной силой, лишены должной жестокости; следовательно, их действия неэффективны. Они — могущественные существа, но не способны адекватно оценивать реальность и слишком мягки, чтобы правильно реагировать на события. Исходя из этого, наш триумф неотвратим.

Мы должны атаковать сразу по нескольким направлениям. Во-первых, открытые столкновения, хотя их роль не будет главенствующей; во-вторых, акции, подрывающие основы заложенного аризианами общественного устройства. Но самыми результативными будут действия небольших и хорошо организованных групп, направленные на уничтожение того, что эти слабые и бесхребетные существа считают моральными ценностями Цивилизации — я говорю о любви, правде, чести, верности, жалости, альтруизме, благородстве и тому подобным».

«О, любовь — исключительно интересная вещь! — если бы Гарлейн мог, он бы облизнулся. — Они называют это сексом. Я изучал его очень внимательно долгое время, но до сих пор не могу представить исчерпывающего доклада. Пожалуй, стоит продолжить исследования, но в любом случае секс можно использовать. В наших руках даже примитивные пороки полумразумных тварей станут опасным оружием: наркотики, азартные игры, преступления, шантаж и тот же секс — можно использовать все!»

«Вот именно. — Владыка излучил довольство. — Дело найдется для всех, но я предупреждаю, что самовольные действия позволены не будут. Мы начнем работать, и каждый подчинится вышестоящим без колебаний и сомнений. Мы строго определим сферу влияния каждого члена Круга. Мы потребуем, чтобы все ранги, начиная от операторов на планетах и до самых ответственных лиц действовали мгновенно и эффективно в любой ситуации. Тот, кто хорошо справится с заданием, будет повышен; тот, кто не выполнит его — умрет! — теперь в мыслях Высочайшего сквозила неприкрытая угроза. Послав мощный ментальный импульс, он закончил свою речь типично эддорианским пассажем: — Следите друг за другом! Это все».

* * *

Хотя на Аризии ожидался такой поворот событий, всеобщее собрание разумов состоялось и там. Кое-кто из юных Стражей откровенно радовался открытому столкновению, которое назревало так долго, но в целом аризиане не чувствовали ни радости, ни горя. В огромном Распорядке Бытия, включавшем в себе Вселенную, случившееся было лишь незначительной деталью. Все было предсказано заранее и произошло в соответствии

с предсказанием. И каждый аризиянин взялся за решение задачи, которую поставил перед собой без страха и колебаний.

«На самом деле почти ничего не изменилось, — сказал молодой Эуконидор после того, как Старшие представили свое мнение совету. — Убийства будут продолжаться. Громадный ком горя, борьбы, страстей и слепой ярости будет только нарастать. По-моему, намного лучше — честнее, проще и быстрее — принять активное участие в происходящем, как всегда делали и делают эддориане».

«Да, юный, честнее и проще. Но не лучше, ибо тогда кровопролитию не будет конца. Молодые цивилизации взрослеют лишь преодолевая трудности. С каждым пройденным этапом они поднимаются на ступень выше, и их страдания становятся все более нестерпимыми. Мы можем остановить подручных эддориан, это правда. Мы способны защитить избранные расы; война и бунты не потревожат их покой. Но к чему это приведет? Ни одна из них не возмужает достаточно, чтобы выдержать столкновение с Эддором... Нам грустно, юный, потому что твои мысли недостаточно зрелы».

«Значит, без мучений и трудностей мы не сумеем победить Эддор?»

«Конечно. Каждый из тех, кого ты хочешь защитить, должен победить Эддор в своей душе — сам, своей силой и волей. Мы можем только помогать».

* * *

— Смотри, Фред, — Кливленд привлек внимание друга к экрану, на котором амебоподобные обитатели планеты в ярости метали молнии во все, что осталось от лагеря Роджера. — Я хотел уничтожить эти сооружения, но здешние ребята нас опередили.

— Молодцы! Они дружно взялись за дело! Стоило бы познакомиться с ними поближе, но сначала надо выследить наших любителей железа.

И «Бойз» устремился в космос, на поиски корабля невиан. Настроив ультралокаторы, люди день за днем вслушивались в мерный гул пространства, похожий на рокот безбрежного океана. Они слушали, надеясь отличить визг и грохот помех от далеких сигналов.

Они слушали, в то время как за миллионы миллионов миль от них, вне досягаемости самых мощ-

ных радаров, трое человек посылали в пустоту безнадежные мольбы о помощи.

Глава 17

ПОБЕГ

Понимая, что общение необходимо всем живым существам, невиане милостиво оставили людям их ультраволновые переговорные устройства. Благодаря их легкомыслию пленники получили возможность скрасить разговорами мучительное одиночество. Костиган узнал, что его друзья, как и он сам, выставлены на всеобщее обозрение в двух других городах — невиане горели желанием поближе познакомиться со столь уродливыми, но почти разумными существами из далекой Солнечной системы. Им никто не причинял вреда; наоборот, к каждому был приставлен специалист, следивший, чтобы редкие экземпляры получали хороший уход.

Оценив сложившуюся ситуацию, Конвэй впал в глубокое уныние. Сутками сидел он на скамье, не поднимая головы и почти не шевелясь, отказываясь от еды и питья. Когда взволнованный страж-невианин попытался выяснить причину его тоски, он потребовал свободы. Затем, понимая, что эту просьбу не выполнят, он попросил работы. Ему попытались втолковать, что столь развитая цивилизация, как невианская, не нуждается в его услугах. Его уверили, что будет сделано все, чтобы уменьшить его страдания, но он должен еще какое-то время потерпеть пристальное внимание к своей персоне. Почему бы ему не вести себя как следует и хорошенько не подкрепиться? Костиган некоторое время продолжал голодовку, но затем смягчился. В конце концов, он предложил компромисс: он будет есть и слушаться, если получит оборудование, чтобы продолжить начатые на родине труды. На это невиане согласились, и спустя некоторое время между пленниками состоялся такой разговор:

— Клио? Брэдли? У меня есть кое-какие новости. Не хотел раньше вас обнадеживать, но теперь я уверен в успехе. Я устроил тут забастовку и выпросил у хо-

заяв отличную лабораторию. Я опытный химик, а здешняя вода содержит вещества...

— Придержите язык, Костиган, нас могут подслушивать, — прервал его Брэдли.

— Не думаю. Я тут кое-что подсоединил к передатчику, и при любой попытке подключиться к нашей волне будет слышен предупредительный сигнал. В общем, так: сделать Ви-два довольно просто, и я его сделал. Эти холоднокровные олухи предоставили мне все необходимое для его синтеза.

— Каким образом? — заинтересовалась Клио.

— Ну, они и не ведают, что я вытворяю. Сперва они наблюдали за мной, но я намешал разных отвратительных смесей, а на следующий день занялся выделением кислорода и азота. Потом бросил эту работу, как будто потерял к ней интерес. По их мнению, я совершеннейший идиот, а мои опыты не стоят и ломаного гроша. Но стоило им оставить меня в покое, как я сразу взялся за Ви-два. Сейчас у меня несколько фунтов сжиженного газа, и я готов идти к вам на помощь. Свой город я покину ровно через тридцать минут. Тут неподалеку есть ангар с новым скоростным крейсером, только что прошедшим испытания. Я разглядел его с помощью своих «штучек», так что за точность ругаюсь.

— Но, Конвэй, милый, ты не сможешь освободить меня, — голос Клио сорвался, она всхлипнула. — Их здесь тысячи... постоянно плещутся вокруг... Если можешь, беги один...

— Я же сказал, что приду за тобой, малышка! От унции газа тысяча умрет так же быстро, как десяток. Слушайте внимателно: я сделал себе маску, но вам она не понадобится — газ хорошо растворим в воде, и достаточно прикрыть нос и рот полоской ткани. Я предупрежу, когда надо будет это сделать. — Вдруг Конвэй сухо рассмеялся и добавил: — Ну, на этот раз мы или погибнем, или спасемся — во всем этом вонючем болоте не найдется столько амфибий, чтобы нам помешать. Идет мой надсмотрщик — ключ к побегу. Пора начинать! До встречи!

Невианский специалист приложил пластинку к стене прозрачной тюрьмы; в ней появилось отверстие, быстро затянувшееся, когда амфибия вползла внутрь. За те несколько секунд, пока проход был открыт, Костиган швырнул наружу склянку с голубоватой жидко-

стью. Она мгновенно растворилась в водах океана, неся смерть всему живому. Удивленный невианин повернулся к пленнику, но не успел вымолвить ничего — ядовитые испарения проникли в его легкие, и неподвижное тело шлепнулось на пол. Снаружи творилось нечто страшное — ядовитый газ струился в воде, испарялся, и тысячи невиан умирали, не понимая причины своей гибели. Костиган бесстрастно смотрел на мертвых амфибий, больше обеспокоенный планами побега, чем грянувшим над городом Судным Днем. Натянув маску, он терпеливо ждал, пока бившиеся в воде тела затихнут, затем открыл дверь. Он был совершенно спокоен, и только несколько фраз сорвалось с его губ:

— Значит, я бедный невежественный дикарь, идиот, которому можно играть в игрушки? — бормотал он, распахивая контейнеры с газом по карманам. — Теперь-то вы поймете, что не стоит по размеру крыльев судить о том, как далеко может прыгнуть кузнечик...

Бросившись в воду, Костига поплыл к ближайшему зданию, а оттуда, по коридорам и навесным мостам, направился к ангарам. Впереди человека шествовал его страшный союзник — ядовитый газ, оставлявший за собой груды неподвижных тел. Сейчас, в этом царстве обреченных на смерть, он был королем, и правил беспощадно.

Помимо основной своей цели — ангаров, Костиган собирался посетить еще компрессорную станцию, снабжавшую весь город кислородом; после этого ни одно существо в радиусе мили не смогло бы избежать гибели. Беспрепятственно подобравшись к этим механическим легким, Конвэй бросил пару контейнеров в главный трубопровод и спокойно удалился. Часть дела была сделана.

Меж грудями тел Конвэй пробирался в кладовые с земным снаряжением и оружием. Теперь он мог надеть легкий скафандр; еще несколько комплектов снаряжения он сунул в мешок и, закинув его за спину, заторопился обратно к своей бывшей тюрьме, неподалеку от которой стоял ангар с невианскими скоростными кораблями. Здесь его ждали первые трудности. Автономные запасы воздуха и воды оберегали экипаж от отравления; команда была вооружена, хорошо вымуштрована и готова к экстремальным ситуациям — опасность атаки из глубин не исчезала никогда.

Конвэй скорчился возле входного шлюза, наблюдая с помощью своего крохотного прибора за перемещениями

экипажа и подстерегая момент, когда все амфибии будут находиться далеко от люка. Их было с дюжину — или около того.

— Пожалуй, пора, — сказал он сам себе. — Лишь бы они не успели закрыть люк, пока я не брошу контейнер. Стоит, однако, попробовать.

Он подобрался к люку и приложил ключ. Система сработала, и Конвэй швырнул в щель начавшей приоткрываться двери капсулу с газом; она разбилась о металлическую переборку, мгновенно сделав свое дело. Одно за другим Конвэй перетащил неподвижные тела в шлюз и сбросил их в воду лагуны, затем занялся контрольной панелью. Захваченный им маленький кораблик плавно поднялся в воздух и пролетел над стеклянной клеткой. Ему пришлось снизиться, чтобы захватить остальные контейнеры с газом, однако это ненадолго его задержало. Снова взлетев, он включил передатчик и заговорил:

— Клио, Брэдли, я выбрался! Клио, теперь иду за тобой!

— Но, милый... — в голосе девушки чувствовалось сомнение. — Почему бы сначала тебе не освободить капитана Брэдли? Он гораздо полезней меня и...

— Да я его в люк выпшвырну, если он вас послушает! — рявкнул капитан.

Они начали спорить; Костиган не слушал их, поглощенный пилотированием корабля. Наконец он произнес:

— Не надо волноваться из-за пустяков. Посмотри-ка лучше по сторонам, Клио. Нет ли признаков тревоги?

— Ничего необычного я не замечаю, — ответила она. — Ты боишься, что за тобой следят?

— Надеюсь, нет. Но мне вряд ли удалось уничтожить все живое в городе, а эти ребята не дураки и быстро сообразят что к чему после твоего похищения. С Брэдли могут быть сложности... О, кажется, я вижу твой город!

— Что ты собираешься делать?

— Примерно то же, что и раньше. Отравлю все — и воду, и воздух.

— О, Конвэй, — голос Клио сорвался на высокой ноте. — Они что-то почуяли... вылезают из воды и прячутся в зданиях.

— Вижу, — холодно сказал Костиган. — Я сейчас прямо над тобой и могу отлично наблюдать за происходящим. Вокруг клетки с дюжину кораблей, охрана во

всех каналах и коридорах... Дьявол! Они все в масках! Умные твари... я же говорил... Это резко меняет дело. Если я сейчас применю газ, то шансов спасти Брэдли у нас почти не останется. Отойти подальше от стены, детка, и приготовься прыгать, как только я ее снесу.

— Поспеши, милый! За мной уже идут... — у девушки началась истерика.

— Спокойней, милая, спокойней, — Костиган уже заметил двух невиан, торопливо приближавшихся к стеклянной клетке Клио. — Ты слишком ценный экспонат, чтобы бросить тебя на погибель... Но эти болваны зря рассчитывают добраться первыми!

Он немного не рассчитал, и вместо того, чтобы приводниться на поверхности лагуны, глубоко нырнул, расплывшись о днище корабля плывших к Клио амфибий. Развернув судно, Костиган направил его к поверхности.

— Отойти в дальний угол! Спрячься! — резко приказал он.

Без колебаний и вопросов Клио укрылась за грудой подушек, заменявшей ей ложе; затем волновой удар разнес всю переднюю часть стеклянной тюрьмы. Девушка бросилась к пролому и, трепеща, замерла в ожидании сигнала. Когда волны спали, и корабль Конвэя закачался перед ней, люк распахнулся. Мощным рывком Ковнэй втащил Клио внутрь и, захлопнув дверь, бросился к пульту.

— Твое оружие и скафандр — в этом пакете. Вооружись, проверь «левистон» и пистолеты — надо готовиться к худшему, — сказал он, не поворачивая головы. — Брэдли, говорите... отлично, я вас засек! Подготовьте влажную маску и постарайтесь чем-нибудь вооружиться — каждая секунда промедления опасна. Мы придем быстро, но, боюсь, нас все равно опередят.

— Уже опередили, — спокойно сказал капитан. — Они пришли за мной. У них парализа...

Его голос прервался на середине слова. Скрипнув зубами, Костиган включил основной ультраволновый радар своего корабля, пытаясь определить, куда потащили Брэдли, и уже не заботясь о том, что его самого засекут — невиане явно были предупреждены. На экране появилось несколько монстров, влачивших неподвижное тело капитана в маленькую лодку; затем они направились к одному из крупнейших городских зданий. Брэдли положили в центральном холле, окруженном многочи-

сленной охраной. Надежда таяла. Конвэй повернулся к девушке и, даже сквозь стекло шлема, она увидела, как исказилось от отчаяния его лицо. Он дважды пытался что-то сказать, но голос изменил ему. Однако корабль по-прежнему мчался вперед.

— Да, — ответила Клио на немой вопрос. — Мы должны его спасти! Я понимаю, что ты можешь сбежать со мной, но тогда... тогда я никогда не подам тебе руки, а ты меня навсегда возненавидишь.

— Ты ошибаешься, — боль еще не исчезла из его глаз, голос был хриплым и ломким, но руки уверенно сжимали рукоятки управления. — Ты самая чудесная женщина, которую я когда-либо видел, и я буду любить тебя всю свою жизнь, что бы не случилось. Я продам душу дьяволу, если он пообещает спасти тебя, но добрых дьяволов нет, и мы по уши увязли в этой каше, милая. Если амфибии убьют Брэдли, мы отомстим — но тех пор, пока мы живы, мы будем вместе или... или не будет никого.

— Да, — повторила она, удивленная и немного испуганная тем искренним чувством, что прозвучало в его словах. В этот миг душа любимого человека раскрылась перед ней до конца. Ни тяга к жизни, ни страсть к женщине не могли принудить его к подлости и предательству. — Мы пробьемся... и забудь о том, что я женщина. Мы — трое людей, трое против этих монстров, и я — я буду делать то, что надо... вести судно, стрелять, бросать бомбы. Что у меня получится лучше всего?

— Бросай бомбы, коротко приказал он. Конвэй знал, что требуется предпринять, чтобы победить без потерь.

— Я пробью дыру в здании, а ты забрось контейнеры с газом. Три самых крупных швырнешь, как только я ударю, а остальные запусти, когда я сломаю стену. Они сработают и в воздухе, и в воде.

— Но Брэдли! Он тоже отравится! — в ясных глазах сквозило недоумение.

— Ну, тут уж ничего не поделаешь. У меня есть антидот, и он сработает в течение часа после отравления. Час — очень много, но больше десяти минут мы здесь не задержимся. Сюда плывут вооруженные твари и надо расправиться с ними поскорее, пока не прибыли боевые корабли. Ну, с богом, — начали!

Зависнув над плоской крышей башни, в которой лежал обездвиженный Брэдли, он включил луч деструкции. Твердый металл начал крошиться, в образовав-

шееся отверстие влетели три контейнера с Ви-два, треснули, залив весь этаж ядовитыми парами. Затем луч вспыхнул еще и еще, на полную мощность, прожигая перекрытия и стены. Середина здания рушилась под действием лучей и тяжести садившегося корабля; теперь оно напоминало разворошенную нору, а в самой крупной ее камере находилась желанная добыча. И корабль устремился в нее, сметая все на своем пути.

Вооруженные охранники со всего города стекались к башне. Большинство — простые стражи, даже не снабженными масками, но кое-кто носил и маски, и тяжелое снаряжение. Эти были очень опасны.

Конвэй отвернулся от пульта и поднял «левистон».

— Я не могу использовать лучевые орудия рядом с Брэдли. Оставайся здесь, Клио, и прикрой меня, — приказал он, подходя к люку.

— Не могу! Не буду! — отчаянно вскрикнула девушка. — Я не знаю, как управлять их оружием! Я убью и тебя, и капитана, сама того не желая. Но стрелять я умею и без работы не останусь! — Она схватила пистолеты и бросилась вслед за Конвэем к люку.

Уложив четырех стражей, две фигуры в скафандрах устремились к телу беспомощного Брэдли, парализованного врагами и отравленного друзьями. Некоторое время невиане отступали, но когда люди добрались до капитана, в дверях появились шесть хорошо вооруженных амфибий. Вспышки «левистона» стали бесполезным фейерверком искр, пули глухо щелкали о защитные экраны. Монстры перешли в атаку. За их спинами теснилось еще около двадцати одетых в маски солдат; еще дальше слышалось шлепанье ног спешившего на помощь подкрепления. Ситуация усложнялась. Если все эти твари устремятся сюда, спасения не будет.

Решение было принято мгновенно. Костиган бросился к кораблю, крикнув девушке:

— Держись, малышка! Сейчас я с ними разберусь! Постарайся перебить тех, что в зале, и подтащить Брэдли к люку.

Вернувшись к пультам, Костиган сузил радиус действия лучей до тонкого мощного пучка — энергетической молнии — и один за другим шестеро тяжело-вооруженных упали. Посмотрев на Клио, припавшую к полу, он решил, что девушке пока ничего не грозит, и переключил внимание на подходы к башне, заполненные монстрами, стекавшимися со всего города. Снова

и снова вспыхивали лучи, и все живое замирало. Распадались в прах не только невиане — чудовищная энергия уничтожала здания и механизмы, превращая их в клубящиеся облачка пара.

Избавившись от угрозы, Конвэй отправился на помощь Клио. К его удивлению, девушка прекрасно справлялась сама. Массивные тела амфибий усеивали пол, а Клио, не глядя на трупы, изо всех сил тянула Брэдли за ноги.

— Ты просто прелесть! — ухмыльнулся Костиган, затаскивая капитана в люк. — Женщина моей мечты — прекрасная и такая полезная! Забирайся внутрь, и мы отправляемся.

Маленький крейсер устремился вверх. Да, Костиган не тратил время напрасно в своей стеклянной тюрьме! Следящим лучом он обшарил каждый дюйм кораблика, часами наблюдал за ним во время испытаний, изучая каждую деталь вооружения и управления. Теперь Конвэй знал судно как свои пять пальцев, и собирался воспользоваться этим. Взвыли генераторы, работающие на аллотропном железе; полициклический экран отразил снаряды и смертоносные лучи защищавших город субмарин, и крейсер устремился к свободе с максимальным ускорением, оставив позади погоню; бесконечный космос раскинулся перед ним.

— Ты сделал это, Конвэй! Ты сделал это! — восторгу Клио не было предела. — Ты просто чудо, милый, настоящее чудо!

— Пока еще сделано немного, — предупредил девушку Костиган, — и самое худшее впереди. Нерадо! Из-за него я так спешил удрать побыстрее. Его корабль слишком опасен для нас, и я попробую увеличить скорость до предела, чтобы нас разделяло как можно большее расстояние.

— Ты думаешь, он нас выследит?

— Думаю! Я это знаю! Во-первых, мы редчайшие образцы чужой жизни, которые должны остаться на Невии навсегда — уже ради этого он пойдет за нами на край света. Во-вторых, мы их крепко напугали и озадачили своим побегом; в-третьих, мы слишком много знаем, чтобы вернуться на Землю; в-четвертых, наши земноводные передохнут от воспаления селезенки, если мы сбежим на их новейшем скоростном судне. Можешь не сомневаться, что нас выследят.

Замолчав, Конвэй сосредоточился на управлении,

увеличив скорость так, что защитный экран начал светиться. Вскоре они оказались в открытом космосе. Включив автопилот, Конвэй встал и повернулся к беспомощному телу капитана.

— Он такой... такой... мертвый! Конвэй, ты сумеешь привести его в чувство? — со слезами на глазах спросила Клио.

— Конечно. У нас еще масса времени. Три инъекции в нужные точки — и все будет в порядке... — Костиган вытащил из приклада «левистона» маленькую плоскую коробочку, в которой оказалась игла и три баллончика с лекарством. Раз, две, три — он ввел заранее отмеренные дозы жидкости, а затем перенес капитана на низкую скамью.

— Ну вот. Действие газа закончится через пять-шесть часов. Паралич пройдет намного раньше и, проснувшись, он будет в полном порядке. Мы сделали все, что в наших силах, и теперь подождем результата.

Только теперь Конвэй повернулся к Клио и посмотрел в ее глаза. Широко открытые, ясные, они ответили на его взгляд без тени сомнения или страха, тем древнейшим взором, которым испокон веков смотрели женщины на своих избранников. Суровое лицо Костигана чудесным образом преобразилось, его руки, сильные и нежные, привлекли девушку к себе. Губы прижались к жаждающим губам, глаза ласково заглянули в глаза, и влюбленные замерли, прижавшись друг к другу; ласковые волны счастья покачивали их. Они забыли о прошлом, перестали тревожиться о будущем и наслаждались чудесными минутами настоящего.

— Моя Клио... милая... девочка... как же я люблю тебя! — глубокий голос Костигана дрогнул. — Я не целовал тебя уже сто тысяч лет! Я не стою твоей любви, но если мы выберемся из этой передраги, клянусь всеми богами космоса, я...

— Помолчи, любимый, — нежные губы снова лишили Конвэя возможности говорить. Переводя дыхание, Клио продолжала: — Это я тебя не стою. Ты такой...

— Нет, не говори ничего, — шелковый локон щекотал подбородок Конвэя. — Я до сих пор не верю, что ты меня любишь, а когда ты говоришь об этом таким голосом, меня пробирает дрожь! Мне кажется, что я сейчас проснусь, и... — он перевел дух, заглядывая в ее глаза. — Но ведь это правда... да, правда — и больше мне ничего не надо.

— Я люблю тебя! Очень люблю! — их объятия стали еще теснее, и вдруг голос девушки задрожал. — Конвэй, милый, ты знаешь, чего я хочу... О, Конвэй...

Они пришли в себя еще не скоро. Потянувшись, Клио испустила глубокий счастливый вздох и, мягко выскользнув из объятий Костигана, отправилась прихорашиваться. Когда девушка вернулась, он уже проверил показания приборов и навестил Брэдли, мирно спавшего в своей каюте. Теперь, нежно обняв любимую, Конвэй покорно слушал ее болтовню.

— Мы будем вместе всегда, мой родной... Лишь бы вернуться на Землю... Как ты думаешь, у нас есть шансы?

— Шансы есть, а возможностей, пожалуй нет, — ответил он, продолжая с восхищением взирать на нее. — Все зависит от двух вещей: скоро ли Нерадо пустился за нами в погоню, и от того, как обстоят дела с нашим суперкораблем. Нерадо — опытный пилот, так что он может поймать нас задолго до Земли... С другой стороны, я сообщил Родебушу и Кливленду достаточно сведений, чтобы наш новый корабль поскорее покинул доки. Так что не стоит заранее волноваться. В любом случае мы встретим того либо другого, и вот тогда уж придется решать, что делать.

— Если Нерадо захватит нас, ты должен... — она остановилась.

— Выбросить тебя за борт? Ни за что! — посерьезнел Конвэй. — Даже если он повезет нас обратно на Невию — ни за что! У нас будет еще много шансов бежать. В любом случае Нерадо не причинит нам вреда — ни физического, ни морального. Вот если бы мы попали в руки Роджера, я без колебаний избавил бы тебя от мук: Роджер — чудовище, грязная тварь... А Нерадо по-своему неплохой парень, умный и честный. Знаешь, я с удовольствием имел бы с ним дело — на равных началах, разумеется.

— Ну уж на это я не способна, — объявила девушка. — Он холодный, морщинистый, и так пахнет...

— Тухлой рыбой? — расхохотался Костиган. — Это мелочи, просто мелочи. Я видел людей, красивых как картинки и благоухающих, словно букет цветов, но им нельзя было верить даже на ломаный грош.

— Ну ладно... Будем считать, что я его чуть-чуть недолюбливаю. Не стоит об этом. Давай говорить о нас, Конвэй. Вспомни-ка, что ты говорил, упрасывая меня

не приближаться к тебе, — зазвенел серебристый смех, заставив Костигана покраснеть.

Как и всякая женщина, Клио хотела вновь углубиться в океан чувств, несмотря на то, что еще совсем недавно любимый ею мужична утонул в нем с головой и с большим трудом выплыл на поверхность. Но Костиган, в жизни которого еще ни разу не было настоящей любви, еще не успел прийти в себя после откровенных признаний и близости; он немного побаивался верить в случившееся чудо. И в то же время он трепетал от желания вновь ощутить в своих объятиях это хрупкое тело, услышать тихий шепот, заглянуть в бездонную глубину смыкающихся голубых глаз... Не отдавая себе отчета, он словно превратился в живое признание в любви. Он действовал не задумываясь, подчиняясь истинной своей сущности — так, как действовал бы Конвэй Костиган, ни разу не испытывавший предательства и боли, не знавший суровых законов Службы.

— Я все помню, — заверил он девушку. — И до сих пор считаю, что это была хорошая идея, хотя сейчас я крайне далек от того, чтобы провести ее в жизнь.

Он нежно привлек Клио к себе и горячо поцеловал, а затем, отстранившись, внимательно осмотрел ее с головы до ног.

— Послушай, ты выглядишь усталой, малышка. Не лечь ли тебе поспать?

— Да, милый. Теперь ты со мной, и я больше ничего не боюсь. Ты нас обязательно доставишь на Землю — я это точно знаю. Спокойной ночи, Конвэй.

— Спокойной ночи, девочка, — сказал Костиган, отправляясь в комнату к Брэдли.

Через некоторое время капитан пришел в себя и, плотно перекусив, снова залег в койку, сотрясая могучим храпом металлические стены корабля.

День за днем суденышко стремительно несло к далекой Земле; день за днем на экранах не появлялось никаких подозрительных объектов.

— Я не знаю, чего больше опасаться, — несколько раз повторял Конвэй, — того, что они появятся, или того, что подберутся незамеченными.

Но напряженному ожиданию вскоре пришел конец. Приемник загудел от помех, вызванные работой чужих генераторов, а еще через минуту лицо Костигана потемнело. Звездный крейсер Нерадо шел со стороны Невии.

— Ну что ж, всякому счастью приходит конец, — философски заметил он. — Им не достать нас еще несколько дней... Но что это?

Сигналы тревоги вновь зазвучали во всех отсеках корабля, и на экране появился еще один источник помех. Последив его, Конвэй обнаружил, что прямо по курсу, между ними и родным солнцем, находится еще один невианский корабль.

— Должно быть, возвращается звездолет, посланный в Солнечную систему за железом, — решил он. — Корабль тяжело нагружен, и мы можем избежать столкновения — их скорость так велика, что они пролетят мимо, не успев вовремя затормозить... — Конвэй задумчиво потер висок. — Если наш суперкорабль и в самом деле существует, пора ему подать голос.

Он включил передатчики на полную мощность и начал медленно говорить, вызывая Трипланетарную Службу.

Второй корабль невиан подходил все ближе и ближе; вскоре стало ясно, что, несмотря на тяжелый груз, он сможет перехватить беглецов.

— Они меняют курс, — заметил Конвэй, всматриваясь в экраны. — Видимо, получили указание изловить нас любой ценой... Я попробую уйти в сторону, но перегрузки будут большими, так что пристегнитесь получше.

— Ты уверен, что мы от них оторвемся? — с ужасом спросила Клио, глядя, как стремительно растет на экранах переднего обзора встречный корабль.

— Я уже ни в чем не уверен, малыш, но попытаться стоит. Закрепились? Хорошо. Ну, теперь посмотрим, на что способна наша посудина!

Глава 18

ПОЕДИНОК ТИТАНОВ

— Проверь-ка приемники, Фред, по-моему, кто-то пытался пробиться к нам, — произнес Кливленд. «Бойз» уже давно мчался в безбрежной пустоте космоса, и инженеры-связисты день за днем проводили в бесконечном ожидании сигналов. Похоже, теперь их вахта подходила к концу. Родебуш увеличил мощность, и сквозь

гул, хрипы и скрежет донесся почти неразличимый, слабый голос.

— ... прошу любой возможной помощи. Сэммз, Кливленд, Родебуш и все, кто может — слушайте! Говорит Костиган! Со мной мисс Клио Марсден и капитан Брэдли, мы движемся приблизительно в направлении Солнечной системы, отклоняясь от курса максимум на четырнадцать градусов. Расстояние нам не известно, но похоже, несколько десятков световых лет. Вычислите наши координаты! Нас пытаются перехватить невианские корабли... одно заходит со стороны Солнца, второе преследует с момента старта. Вероятность избежать столкновения очень мала... Просим вашей помощи! Сэммз, Родебуш, Кливленд и все земляне, братья по Трипланетию!

Слабый голос продолжал и продолжал повторять сообщение, но ни Родебуш, ни Кливленд больше не слушали. Посланные вперед лучи радаров уже обнаружили точку, из которой велась передача, и огромный звездолет с невероятной скоростью устремился к терпящим бедствие. Высасывая энергию из своих генераторов, «Бойз» пожирал пространство, а впереди него послушно мчались импульсы ультраволн, помогая уточнить координаты позвавших на помощь.

— С какой скоростью мы идем? — коротко спросил Родебуш, на мгновение отрываясь от экрана дисплея. — Пора бы уже не только слышать, но и видеть их.

— Нет. При движении с таким ускорением наши анализаторы не могут правильно оценить атомарный состав встречающихся объектов, — Кливленд отвлекся от своих расчетов и, вытерев пот со лба, продолжал: — Конечно, мы то и дело засекаем их, однако они снова пропадают с экранов — из-за нашего ускорения, да их собственного тоже. Так что лучше не отрывайся от компьютера, а то мы налетим прямиком на них.

— Знаешь, кажется, мы скоро обгоним свои следящие лучи. Немного рискованный полет, а Клив? — Родебуш пытался шутить, но его пальцы с бешеной скоростью метались по клавиатуре.

— Меня беспокоит не столько скорость, сколько возможность драки с невианами. Как бы мы не опоздали.

— Вот они! Я нашел! — от радостного вопля Родебуша у Клива зазвенело в ушах.

Спустя мгновение в командной рубке загорелся экран и взволнованный экипаж «Бойза» увидел мужское

лицо. С тоской взглядывались они в эти знакомые черты, пытаясь подметить след перенесенных лишений, но помехи все еще затрудняли визуальную связь.

— Хай, Фред! Привет, Клив! Хорошо, что завернули на огонек! — голос Костигана звучал ровно и радостно, как никогда. — Где вы прячетесь?

— Сами не знаем, — голос Кливленда подозрительно дрогнул. — Мы даже не можем точно определить, где вы находитесь — не хватает данных. Чертовски рад видеть тебя, старина! А где крошки невиане? Сколько у нас есть времени, пока они не доберутся до твоего корыта?

— Боюсь, очень мало. Судя по всему, их корабль приблизится к границам зоны поражения через пару часов, а вот ваше судно еще даже не появилось на моем экране.

— Пара часов! — облегченно выдохнул Кливленд. — За это время можно дважды облететь галактику и, конечно... — его прервал дикий вопль физика.

— Говори, друг мой, говори! — кричал он, видя, как облик Конвэя исчезает с экрана. Полностью отключив генераторы, затормозив корабль в пространстве, Родебуш старался восстановить связь, однако все было тщетно. Вероятно, Костиган не слышал последних слов друзей, да и к чему могло привести продолжение их переговоров, если чудовищные скорости и миллионы, а может быть — миллиарды миль — разделяли собеседников. Ни одно средство связи не могло преодолеть таких препятствий. Однако Кливленду хватило даже малейшего намека, чтобы рассчитать курс и в какой-то мере разобраться в ситуации. Мощные компьютеры подключились к работе, и вскоре Кливленд отдал приказ навигаторам.

— Новый прыжок в обратном направлении, длительность — семнадцать секунд, — уверенно произнес он. — Конечно, рядом с ними мы не окажемся, но выйдем на дистанцию обнаружения наших радаров.

Чуть больше четверти минуты корабль возвращался по только что пройденному пути. Прыжок был рассчитан так тщательно, что невианское суденышко с трипланетным экипажем оказалось буквально в центре следящего монитора. Несколько угловых секунд в сторону — и могло бы произойти столкновение.

— Ты работаешь лучше любого компьютера, Клив, — одобрительно ухмыльнулся Родебуш. — Тебе бы еще ло-

каторы вместо глаз и приемную антенку на макушку — цены не будет!

— Хватит, позубоскалишь потом, — хотя напряжение спало, но Кливленд еще чувствовал себя неуверенно. Только когда связь с Костиганом была налажена, и он убедился, что с друзьями все в порядке, глубокая складка меж бровей Лимана разгладилась, а в янтарных глазах засверкали веселые огоньки. В это время Родебуш договаривался с Костиганом.

— Конвэй, мы будем приближаться к тебе очень медленно, постепенно и попытаемся взять вас на борт. Внешне это будет напоминать столкновение, но все пройдет отлично.

— Безынерционный привод? — полюбопытствовал Конвэй. — Думаешь добраться до нас таким хитрым способом?

— Почему бы и нет? — Родебуш снова принялся колдовать над переключателями.

Огромная сфера «Бойза» устремила к судну Костигана на самой малой скорости, однако звездолет прошел разделявшее их расстояние за столь краткий, столь ничтожный отрезок времени, что его даже не стоило измерять. Скорость сближения была очень велика, и даже мощные компьютеры «Бойза» не успевали обрабатывать поступающую информацию; все зависело от мастерства и реакции Родебуша, скорчившегося над панелью управления. Клив, лучше всех представлявший, чего следует ждать, задержал дыхание и почувствовал, как комок подступает к горлу.

Слишком быстро! Слишком опасно! Слишком близко!

И если даже эти двое, создатели стремительного и могучего «Бойза», с трудом держали себя в руках, то что говорить о трех звездных скитальцах, слишком смутно представлявших возможности корабля, шедшего на сближение с ними. Клио, напряженно вглядываясь в экран, только жалобно вскрикивала, вцепившись пальцами в плечо Конвэя, словно он один мог спасти их от гибели. Брэдли бурчал под нос проклятия на всех трипланетных языках, и готовился к неминуемой смерти. Костиган сначала изумленно смотрел на мониторы, а затем, несмотря на предупреждение Родебуша, протянул руку к переключателю скорости. К счастью, он опоздал. Когда его пальцы коснулись рифленой рукоятки, «Бойз» уже настиг маленькое судно и, двигаясь прямо на него, выстрелил навигационную торпеду. Она

закрепилась на корпусе невианского корабля, и теперь на звездолет непрерывным потоком шли сигналы ее маяка.

Клио облегченно всхлипывала в объятиях Конвэя, когда в динамике зазвучал громкий смех.

— Эй, вы, межзвездные ковбои! — крикнул в ответ Костиган. — Рад видеть вас, но надо сказать, что мы тут чуть не умерли от страха. Так вот он какой — супер-корабль, покоритель Галактики! Действительно, невероятная машина!

— Здорово, Мерф! — раздалось из динамика. — Что, поджилки еще трясутся?

— Мерф? Почему Мерф? — уже успокоившаяся Клио вопросительно посмотрела на своего спутника. Видимо, она еще не решила, одобрить или нет прозвище, которым их спасители наградили Конвэя — ее Конвэя!

— Мое второе имя Мерфи, и так они меня звали со времени, когда я был примерно такого роста, — Костиган развел руки дюймов на двадцать. — Когда поживешь со мной подольше, малышка, услышишь, как меня называют много худшими именами. По крайней мере, я надеюсь, что мы с тобой еще поживем, — Костиган неожиданно умолк и нахмурился.

— Не говори так, милый... Ведь сейчас мы в безопасности! Мне нравятся, что тебя так любят друзья — впрочем, иначе и быть не может. — Она еще ближе придвинулась к нему, и молодые люди прислушались к словам Родебуша, доносившимся из динамика.

— ... не думал, что это так трудно, — Фред, великий мастер преуменьшать сложности все же отдал должное ситуации, — я и сам испугался не меньше вашего. А корабль у нас действительно подходящий... Но хватит болтать, ребята. Сейчас я включу транспортный луч и подтяну вас поближе. Можете собирать вещички.

— Их не так уж много, — рассмеялся Костиган, а Клио лучезарно улыбнулась.

— Стоит поторопиться, — заметил Брэдли, оглядывая тесную каюту. — Тем более, что невиане приближаются.

— Кстати, парни, не пригодится ли вам что-нибудь из оборудования этого корабля? — поинтересовался Конвэй.

— Стоило бы забрать его целиком, но у нас нет ангаров такой величины, — ответил Кливленд. — Лучше сделаем так: переведем управление в нейтральную позицию,

чтобы мы могли рассчитать курс кораблика и взять его на буксир, если он нам понадобится.

— Отлично!

Три одетые в скафандры фигуры переступили порог шлюзовой камеры «Бойза» и, как только за ними захлопнулась дверь, транспортный луч выключился; покинутое маленькое суденышко, темное и одинокое, устремилось к далекой галактической окраине.

Обрадованная команда собралась вокруг трех путешественников. Шум, объятия, поцелуи и восторженные вопли буквально ошеломили отвыкших от человеческого общества скитальцев.

— Отложим восторги на потом, — капитан Брэдли нашел в себе силы прервать всеобщее ликование. — Я постарел на десять лет, наблюдая за нашим сближением, и нервы у меня никуда не годятся. Все не могу забыть про эти корабли невиан. И знаете — это отнюдь не легкие крейсера...

— Вот именно, — добавил Конвэй. — У вас хватит арсенала, чтобы выдержать драку? Впрочем, в скорости они нам явно уступают, так что можно вовремя сбежать.

— Сбежать! — Кливленд откровенно расхохотался; молодые парни из экипажа начали хитровато ухмыляться. — У нас есть свои способы справиться с ними. Мы остановим их, пока готовим свои генераторы — сейчас наши лучи уже прочно фиксируют положение корабля, который идет со стороны Солнечной системы. И обратите внимание, — Клив кивнул на экран, — он уже пытается удрать!

* * *

Невиане действительно попробовали спастись. Тарг звездолета узнал таинственное судно, вынырнувшее из пустоты, чтобы подобрать сбежавших пленников; однажды вступив в схватку с этим космическим чудовищем, он больше не горел желанием повторять свою ошибку. Сознывая преимущество противника, невиане стремились любой ценой оторваться от него. Однако напрасно. Еще до того, как Родебуш перевел «Бойза» в нормальное пространство, а Кливленд поймал шлюпку, транспортный луч намертво зацепил невианский корабль. И на этот раз справиться с ним не удалось; несмотря на потоки энергии, извергаемые в пространство, луч становился все сильнее и сильнее. Восстановленные ге-

нераторы надежно держали жертву, и вырваться ей не удавалось. Затем самые мощные и страшные средства уничтожения были пущены в ход.

Ударили ультраволновые торпеды, лучи эмиттеров пронизали космос, посылали смерть защитникам корабля; они гибли один за другим. В отчаянии тарг перевел все свои генераторы на выполнение единственной задачи — поддержку полициклического барьера, последней надежды корабля. Однако он с ужасом увидел, как энергетический бур «Бойза» прошел сквозь экран без малейших усилий. Теперь конец был уже неизбежен и очевиден. Вторая убийственная ракета Админгтона дождалась своего часа, и одного сильного взрыва хватило, чтобы пробить сквозную дыру в корпусе невианского крейсера. В нее влетел поток снарядов, а вслед за ними пришла смерть.

Барьерный экран погас, и беспомощное судно невиан осталось беззащитным под ударами батарей «Бойза». Внезапно корпус его словно вспучился, превращаясь в сгусток ярко светившегося газа; в этом облаке лишь с трудом можно было обнаружить обломки некогда мощного корабля.

Так погиб первый звездолет, а Родебуш уже навел прицел на второе судно — корабль Нерадо. Однако тот был готов к любому повороту событий. Он давно уже прекратил погоню за тремя пленниками и посчитал опасным вступать в безнадежную схватку. Главной его целью было наблюдение и анализ: количество и виды вооружений, пущенных в ход, особенности защиты, мощность экранов — все, что могло помочь ему самому в выборе тактики боя со столь серьезным противником. Новые мощные генераторы его корабля посылали следящие лучи, двигатели работали на пределе; с каждой минутой он был все ближе к Невии, к родной планете, где тарг рассчитывал переоборудовать свой звездолет и превзойти мощью страшный корабль Трипланетия.

— Сразу его прикончим или последим за курсом? — спросил Родебуш, посматривая на экран.

— Пожалуй, я бы его оставил в живых, — задумчиво протянул Конвэй. — А что ты думаешь, Клив? Этот Нерадо — местный гений, как-никак, коллега...

— Конечно, — сказал Кливленд, кивая головой. — Пусть он приведет нас к Невии — ее трудновато найти без проводника. А когда мы до нее доберемся, наши

земноводные приятели надолго забудут дорогу в Солнечную систему.

Иак «Бойз» набрал нужную скорость и устремился к своей цели вслед за невианским судном. Трипланетный корабль не подходил настолько близко к звездолету Нерадо, чтобы его могли засечь, и в тоже время старался не упустить своего проводника из вида.

Тарг, однако, мог приготовить кое-какие сюрпризы. Костиган неплохо знал его и искренне уважал; Нерадо, бесспорно, являлся выдающимся ученым и отважным капитаном-исследователем. Поединок с ним был чреват неожиданностями, а посему — по предложению Конвэя — большинство техников на борту «Бойза» приступило к проверке оружия суперкорабля, а также к поискам новых способов применения энергии активированного железа.

Внезапно невианский звездолет снизил скорость.

— Что это значит? — спросил Родебуш на специально созванном совете. — Он собирается нас атаковать?..

— Вряд ли, — покачал головой Кливленд.

— Он что-то готовит нам на Невии, — сказал Костиган. Его лицо оставалось таким же открытым, а глаза по-прежнему переливались золотисто-карими искорками, словно он не прошел через тяжкие испытания, губительные для обычного человека. — Насколько я понимаю, Нерадо вышел сейчас на связь с планетой — наверное, готовит нам торжественную встречу. Он очень боится, что мы придем туда раньше него. Логично?

— Логично! — согласился Клив. — Но теперь, когда мы проследили его курс, не стоит ждать, пока он доведет нас до самого порога, верно?

— Мы будем там через несколько минут, — заметил Родебуш и направился к пультам.

* * *

Тарг Нерадо удивленно глядел на круглый экран прибора, который земляне называли бы локатором. Яркая точка, еще секунду назад сиявшая в его верхней правой четверти, внезапно пропала. Где же этот страшный корабль, упорно преследовавший его столько дней? Он не пошел к Невии... и он не повернул к родному

миру, к своей звездной системе, столь богатой драгоценным железом... Он просто исчез!

Но «Бойз», первый межзвездный корабль Трипланетия, уже висел над городом Нерадо. Его экипаж приник к следящим экранам.

— Подождите, — внезапно произнес Костиган, — я вижу что-то странное... и это мне не нравится!

Словно услышав эти слова, из города навстречу кораблю поднялось множество сверкающих шаров. Видимо, земноводные невиане овладели секретами шартразов и теперь пытались применить их оружие против «Бойза».

— Вот эти штучки? — спокойно поинтересовался Родебуш. — На их счет можно не беспокоиться.

Действительно, шары уничтожали все, даже воздух вокруг корабля, но защитные экраны отбрасывали их прочь, легко справляясь с нагрузкой.

— Нет. Погляди-ка вот на это, — Костиган указал на полукруглое, слабо мерцавшее строение, возвышавшееся над прочими зданиями города. — Ни такой башни, ни экрана вокруг нее не было и в помине, когда я в последний раз был здесь. Помните. Нерадо притормозил свое судно? Хотел подцепить нас на крючок — потянуть время, надеясь, что сородичи успеют подготовиться к обороне... Но, к счастью, работа еще не закончена. Если бы они успели, нам пришлось бы убираться отсюда!

Нерадо действительно поддерживал связь с родным городом и интруктировал специалистов из Храма Науки в процессе строительства оборонительных конвертеров и генераторов — такой мощи, что они могли уничтожить любое судно. Но тарг не учел единственный фактор — невероятную скорость нового суперкорабля Трипланетной Лиги.

— Пустите-ка пару торпед в эту башню, — приказал Родебуш своим стрелкам.

— Без толку, — немедленно отозвался Админгтон. — Не стоит даже пробовать — она прикрыта полициклическим экраном. Лучше попытаться пробить его энергобуром, и тогда я брошу в щель одну бомбочку... только одну, мое особое изобретение... Главное, чтоб она долетела до воды неповрежденной, а там... там — увидите!

— Я попробую, сказал Клив, и Родебуш одобрительно кивнул. Щелкнув клавишей внутренней связи,

Кливленд приказал: — Занять места по боевому расписанию! Атакуем!

«Бойз» изменил курс и устремился вниз, не обращая внимания на град снарядов и огненных шаров. Нападение явилось неожиданностью для защитников города; когда же они увидели похожий на спиральный вихрь энергобур, пронзивший толщу защитного экрана, их охватила паника.

Пламенный смерч бура разорвал барьер, и в этот колодец на город упала «особая» бомба Админгтона. Она действительно была особой! Огромная, тяжелая, наполненная активированным аллотропным железом, начиненная детонаторами, она представляла несомненную опасность для всей планеты. Едва коснувшись глади океана, она взорвалась.

— Готово! — крикнул Админгтон в тот момент, когда посланный им сигнал включил первый детонатор.

Вначале взрыв не выглядел особенно эффектным. Громкий низкий гул — вот все, что было слышно; следящие экраны фиксировали медленный круговорот воды, словно гигантское невидимое весло неторопливо размешивало морские волны, сбивая их в чудовищное торнадо. Но это было только началом. Медленно, очень медленно, как показалась землянам, океанские воды разошлись, обнажая дно с остатками зданий; затем колонна из жидкости и пара поднялась высоко в небо, вращаясь с безумной скоростью. Раз за разом выраставшие до облаков водяные горы смывали все с лица планеты — растительность, почву, строения, живых существ. Невия содрогнулась.

Звездолет Трипланетия начал набирать высоту, удаляясь от груды развалин, а расходившиеся по кругу приливные волны все еще продолжали разрушать остальные города целого полушария.

— Боже! — Кливленд первым прервал затянувшееся мучительное молчание. Он облизнул губы. — Но у нас не было выхода — и это ненамного хуже того, что они сделали с Питтсбургом. Они, наверное, эвакуировали из города всех, кроме защитников...

— Может быть... Что дальше? — спросил бледный Родебуш. — Надо бы покрутиться вокруг планеты, посмотреть, нет ли у них еще...

— О, нет! Конвэй, нет! Не позволяй им! — Клибила в настоящей истерике. — Я уйду в каюту и за-

ползу под кровать... я буду это видеть во сне всю оставшуюся жизнь!

— Тише, Клио, тише, — Костиган привлек к себе всхлипывающую девушку и вытер ей слезы. — Конечно, мы все осмотрим, но ничего не найдем, я уверен. Однако такого сооружения должно было хватить на весь их мир.

«Бойз» снова и снова облетал планету. Никаких новых угрожающих построек — или чего-либо их напоминающего — экипаж не обнаружил. Невиане не сделали ни одной попытки напасть или вступить в контакт.

— Интересно, почему нет никакой реакции, — удивился Родебуш. — Как вы думаете — может, они ждут прибытия Нерадо?

— Скорее всего, так, — кивнул Конвэй. — И мы тоже его подождем. Сейчас нам нельзя уходить.

— Но если мы не заставим невиан пойти на переговоры... — голос Кливленда дрогнул, — что тогда?

— Мы повторим удар, — твердо сказал Костиган. — Проблема должна быть решена любой ценой, прежде чем мы покинем эту планету. Но сначала мы поговорим... Я знаю, что твое оборудование позволяет общаться с ними. В любом случае, переговоры не помешают.

* * *

Звездолет Нерадо появился через несколько дней, когда планетарный океан Невии уже успокоился. Он не пытался атаковать земной корабль, а завис в нескольких милях от «Бойза», также не начинавшего боевых действий.

Родебуш включил передатчик с наскоро собранным лингвистическим транслятором.

— Тарг Нерадо, я Родебуш, представитель Трипланетной Лиги. Какой выход из сложившейся ситуации вы хотели бы предложить?

— Я хочу говорить с вами, — голос разумной амфибии звучал громко и четко. — Вы являетесь намного более развитой формой жизни, чем я предполагал — пожалуй, вы прошли по пути эволюции не меньший путь, чем наша раса. Мне жаль, что мы не нашли времени для беседы намного раньше... Поймите, мне не у кого было просить совета, когда я впервые приблизился к вашей системе. Осмотрительность спасла бы множество жизней — и землян, и невиан... — тарг замолчал, и некоторое время из динамика доносилось только слабое

потрескивание атмосферных разрядов. Потом опять слышался монотонный холодный голос Нерадо: — Но прошлое нельзя изменить. Как разумные существа, вы видите всю бессмысленность кровопролития, борьбы, в которой никто не сумеет победить. Конечно, вы можете уничтожить еще множество наших городов, а мне придется в отместку уничтожить столько же земных... но любое мыслящее создание понимает, что это — очевидная глупость.

Родебуш прервал связь.

— Что он имеет в виду? — обратился он к Костигану. — Звучит разумно, но...

— Слишком хладнокровно, — прервал его Кливленд, — и слишком разумно, чтобы быть правдой.

— Он говорит то, что думает, — попытался убедить друзей Конвэй. — Они все такие — разумные, безэмоциональные, расчетливые. Но в серьезных делах эта раса не лжет... возможно, понятие лжи им вообще не знакомо, — Костиган потер висок и протянул руку. — Дай-ка мне микрофон, Фред, я с ним побеседую.

— Тарг Нерадо, — приветствовал он невианского командира, — это Конвэй Костиган. — Познакомившись с народом Невии, я понимаю, что вы говорите правду — и говорите от лица всей планеты. Я так же буду говорить от имени Трипланетия. Наш Совет — руководящий орган Трех Планет — считает, что нет необходимости продолжать конфликт. Я сожалею о всех жертвах и хотел бы не совершать больше жестоких поступков. Вы правы: прошлое есть прошлое, и незачем его ворошить. Нашим народам есть чему поучиться друг у друга; лучше обмениваться товарами и знаниями, а не бомбами. Я предлагаю вам, тарг, дружбу Трипланетия. Согласны ли вы отключить экраны и встретиться с нами? Готовы ли заключить соглашение?

— Мои экраны уже отключены. Я иду, — кратко ответил Нерадо.

Родебуш немедленно снял защитные барьеры «Бойза», хотя его еще мучили кое-какие сомнения. Вскоре невианская шлюпка приблизилась к шлюзу земного корабля, а через час в его командной рубке компьютеры зафиксировали в своей нерушимой и вечной памяти текст первого Межпланетного Соглашения. По одну сторону просторного зала стояли трое невиан: четвероногие земноводные с коническими головами и гибкими шеями, покрытые чешуей — совершенно чудовищные создания

по земным меркам; по другую напряженно застыли земляне: двуполые млекопитающие, круглоголовые, гладкокожие, с короткими шеями — словом, невероятные уроды по мнению невиан. Однако сейчас представители каждой из рас смотрели друг на друга со все возрастающим уважением. Договор был заключен.

Да, невиане уничтожили Питтсбург, но и бомба Админгтона полностью стерла с лица планеты их крупнейший город. Невианский корабль уничтожил один из флотов Трипланения, но «Бойза» с лихвой расплатился за это поражение. Таким образом, потери в людях и материальных объектах можно было уравновесить. Солнечная система обладала богатыми запасами железа, в котором отчаянно нуждались невиане; Невия же могла поделиться с Землей другим сырьем, исключительно редким и жизненно важным для Трипланетия. Разумные амфибии хранили знания и навыки, неизвестные землянам, но не имели представления о многих примитивных и простых вещах, столь очевидных и естественных для их земных партнеров; таким образом, обмен информацией приветствовали обе стороны. И так далее, и тому подобное...

Так был подписан Трипланетно-Невианский мирный договор.

Нерадо и его помощников проводили обратно с церемонной вежливостью, приличествовавшей моменту, и «Бойз» вылетел к Земле. Он нес важную весть о том, что невианской угрозы больше не существует.

* * *

Клио, превратившаяся в закаленного космического волка и не боявшаяся ни черта, ни дьявола, ни серого монстра Роджера, пошевелила головой, поудобнее устраиваясь на плече Костигана, и улыбнулась.

— Ты можешь говорить что угодно, Конвэй Мэрфи Костиган, но я их все-таки чуть-чуть недолюбляю. У меня мурашки бегут по коже от одного их вида. Конечно, они действительно умные, талантливые, мудрые, но я совершенно уверена, что пройдет еще очень-очень много времени, пока действительно понравятся нам...

Она покаянно вздохнула, повернув лицо к Конвэю. Тот не ответил ничего. Он лишь нежно притянул любимую к себе, и губы их встретились...

ПЕРВЫЙ
ЛЕНСМЕН

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Этот странный посетитель сумел пройти незамеченным через анфилады комнат исследовательского центра Холма, переполненного людьми и заставленного оборудованием. Остановившись за спиной Бергенхольма, работавшего у электронно-оптического преобразователя, пришелец вытащил автоматический пистолет и послал пять пуль в широкую спину норвежца и еще две — в голову.

Ученый обернулся; на губах его блуждала улыбка.

— Гарлейн Эддорский... Я ждал встречи с вами. Что ж, садитесь!

И доктор Нильс Бергенхольм, светловолосый и голубоглазый, подвинул посетителю стул. Семь пуль необъяснимо и бесследно растворились в его мощном теле, и умирать он, судя по всему, не собирался.

— Вы еще живы? — Брови Гарлейна приподнялись в изумлении. Он огляделся по сторонам. Никто в просторном помещении не обращал на них внимания; люди занимались своими делами, словно не слышали и не видели ничего. — Однако это были не совсем обычные заряды, — продолжал посетитель, заметно раздосадованный. — Они должны были уничтожить плоть этого существа, Бергенхольма, и заставить вас вернуться на Аризию!

— Обычные или не обычные — какая разница? Еще недавно вы в облике Серого Роджера, демонстрировали свою неуязвимость Конвэю Костигану... Теперь я готов преподать вам такой же урок, — Бергенхольм задумчиво оглядел незванного гостя. — Запомните, Гарлейн, отныне мы не собираемся скрываться. Вы можете продолжать свои попытки захвата всех обитаемых миров Первой и Второй Галактик, ибо в борьбе с вами должны окрепнуть и возмужать юные цивилизации. Да, пусть свершится неизбежное! Но отныне мы будем помогать им не только тайно, но и явно. — Спокойные голубые глаза норвежца опять скользнули по мрачному лицу посетителя. — А сейчас, Гарлейн, вы отправитесь на Эддор и останетесь там.

— Вы полагаете? — губы Гарлейна искривились в усмешке. — Вы приказываете мне? Вы, два миллиарда земных лет в страхе таившиеся от нас? Вы, которые

даже теперь боитесь встретиться с нами разум к разуму, сознание к сознанию... и прячетесь за эту нелепую плоть и еще более нелепую систему звуковой связи?

— Либо ваши мысли сейчас несколько туманны — во что я, впрочем, не верю — либо вы пытаетесь усыпить мою бдительность, — неторопливо произнес Бергенхольм. — Я не предполагаю, что вы вернетесь на Эддор; я знаю это совершенно точно. Что касается избранного мной средства связи, то вы прекрасно понимаете суть дела: земной язык — лучший способ скрыть от вас ту информацию и знания, которые вы так жаждете получить. И, наконец, насчет вашего горячего желания пообщаться, так сказать, «разум к разуму»... — он пожал могучими плечами. — Мы встречались друг с другом и в таком качестве. В тот миг, когда вам, Роджеру-Гарлейну, было позволено вспомнить то, что забыла ваша раса... И я с большим интересом погрузился вместе с вами в эти волнующие воспоминания, как следует изучив и вас, и череду ваших предков. Вот почему я знаю вас — и все о вас, Гарлейн Эддорский; вы же можете только предполагать, что я — один из многих аризиан. Впрочем, это совершенно тривиальный факт.

Гигантским усилием Гарлейн на миг высвободился из-под телепатического воздействия собеседника. Возможно, на какую-то ничтожную долю секунды окружающие даже могли видеть его — но аризианин, не прерывая своей речи, тут же опять накрыл Гарлейна ментальным колоколом. Он сделал это так легко, так изящно и непринужденно, словно имел дело с младенцем, а не с одним из самых мощных разумов Эддора.

— Теперь насчет вас, Гарлейн, — голос Бергенхольма оставался по-прежнему сухим и спокойным. — Существовали определенные причины, по которым мы не противодействовали вам — ни на Полэне, ни на Ригеле, ни в системе Велантии, ни на Земле. Этому последнему миру вы принесли особенно много горя. Вы, пользуясь плотью и разумом Ло Суна, погубили цивилизацию Атлантиды. Вы были злым гением античной эпохи, средневековья и возрождения; в обликах Митридата, Суллы, Нерона, Ганнибала, Атиллы, Чингизхана, Гитлера вы проливали кровь, старательно уничтожая ростки будущего. Но теперь — теперь ситуация изменилась! — аризианин выпрямился и широким жестом руки обвел просторный лабораторный зал, полный людей и машин. — С появлением этого царства Вирджила Сэммза

вашей разрушительной деятельности пришел конец. Вместе с людьми Земли, вместе с Трипланетием мы воздвигнем стену, ограждающую беззащитных и слабых от ваших посягательств!

— Вот как? Но почему эта стена появилась только сейчас, а не тысячи циклов назад? И при чем здесь Вирджил Сэммс, существо столь же недолговечное и слабое, как и те, кого он собирается защищать?

В глазах Бергенхольма сверкнул насмешливый огонек.

— Не сомневаюсь, что вам хотелось бы получить ответы на эти вопросы. Но с ответами мы подождем... Может быть, вы найдете их сами, если как следует поразмыслите. Например, стоит вспомнить, что с недавних пор вас преследуют неудачи... Ни одну из задуманных операций не удастся довести до конца; ваш планетоид разрушен недолговечными и слабыми существами, и ваше оружие не в силах поразить эту плоть... — норвежец коснулся ладонью своей широкой груди, и долгие секунды его серые и прозрачные, как лед, зрачки измеряли черный омут взгляда эддорианина.

Наконец Гарлейн разраженно фыркнул и отвел глаза.

— Слова, слова, одни слова... — пробормотал он. — Если бы вы могли противодействовать нам раньше, вы бы так и поступили. Обычная истрия: тот, кто не может действовать открыто и достаточно эффективно, прикрывается болтовней.

— Открыто и эффективно... — задумчиво повторил Бергенхольм. — Что ж, готов согласиться, что мы не вступали с вами в открытое противоборство. Но вот в части эффективности вы сильно заблуждаетесь, Гарлейн!

— Что вы имеете ввиду?

Норвежец усмехнулся.

— Поймете... со временем! А сейчас пора заканчивать нашу беседу. Отныне я буду следить за вами всегда и везде. Вы знаете, что население Аризии более многочисленно, чем на Эддоре. Значит, у нас хватит сил, чтобы наблюдать за каждым эддорианином, который появится по сию сторону экранов, окружающих вашу планету. Мое время будет полностью посвящено персонально вам, Гарлейн.

Внезапно Гарлейн исчез. То же самое сделал и аризиянин, отправившись вслед за ним. Доктор Нильс Бергенхольм, однако, остался. Уверенно и аккуратно

он свернул ментальный купол, прикрывавший его от нежелательного внимания соседей; никто из них даже не заподозрил, что в главной лаборатории Холма только что состоялась весьма необычная встреча. Ликвидировав защиту, норвежец вернулся к работе. Он выглядел совершенно естественно, и никто из его коллег из Трипланетарной Службы не заподозрил бы, что личность, известная им как Нильс Бергенхольм, является на самом деле сгустком энергии, созданным волей и разумом Хранителя Дроуни. Впрочем, на Аризии с подобной метаморфозой мог разобраться даже ребенок.

* * *

Аризия была готова нанести удар. Коллективный разум планеты находился в состоянии равновесия и спокойствия; наступил час, предугаданный много миллионов циклов назад. Они з н а л и, что должно произойти, и неизбежность грядущих событий придавала им уверенности и сил. Молодые цивилизации выросли и окрепли; наступала новая эпоха — эпоха открытого противостояния, время носителей Линзы, эра Галактического Патруля. Именно он скоро станет решающим фактором в этой области Вселенной, защитником тысяч и тысяч планет, засеянных спорами жизни еще в период Проникновения. Это знали все; и Старшие, чей зрелый разум вел Аризию по ступеням времен, и юные Наблюдатели и Стражи, подобные Эуконидору. Огромный мир ждал, накапливая мощь.

Затем прибыл Дроуни. Он появился в тот же самый момент, когда покинул лабораторию Холма — ибо что значили межгалактические расстояния для того, кто перемещался со скоростью мысли?

Объединенный разум планеты ждал только его — Хранителя земной цивилизации. Сразу после этого чудовищная ментальная мощь Аризии, извергнутая в пространство, мгновенно преодолела расстояние до внешних защитных экранов Эддора, устремившись вслед за существом, носившим имя Гарлейн. Телепатический удар был нанесен по самому наружному барьеру; контролировавший его эддорианин, внезапно вырванный в межзвездную пустоту и стиснутый ментальными клещами, умер, не успев оказать сопротивления.

Потом аризиане отступили, не пытаясь прорвать остальные экраны, создававшие вокруг Эддора много-

слойную защиту. Могли ли они справиться и с этими силовыми щитами, под которые торопливо нырнул Гарлейн? Удалось бы им достигнуть поверхности Эддора и нанести реальный ущерб не второстепенным исполнителям, а членам Внутреннего Круга, сильнейшим из сильных?

Сейчас это было неважно. С одной стороны, они продемонстрировали свою силу, способную не только творить, но и уничтожать; с другой — ясно показали, что внутренние барьеры Эддора для них непреодолимы. Вернее говоря, они позволили противнику думать так. Подобное доказательство слабости могло быть истолковано вполне однозначно: эддорианам нечего опасаться Аризии.

Именно так на Эддоре и истолковали этот эпизод, что позволило выиграть еще несколько временных циклов.

* * *

Совершенно очевидно, что аризиане боролись не ради спасения своей расы. Их объединенная ментальная мощь была так велика, что им не составило бы труда уничтожить большую часть населения Эддора — тех, кто находился под властью Внутреннего Круга. Они могли бы изгнать значительную часть эддориан со всех планет, обезопасив юные миры от разрушительного влияния древнего и злобного разума. Это, однако, не решало проблемы. Члены Внутреннего Круга, наиболее жестокие, изворотливые и сильные, прикрытые непроницаемым даже для Аризии силовым щитом, остались бы невредимыми. К тому же, каким образом пошло бы развитие молодых цивилизаций, если бы аризиане взяли на себя решение всех проблем?

Самим аризианам нечего было бояться — ни расе в целом, ни отдельным ее представителям. Уничтожить их могла только совершенно невероятная концентрация ментальной энергии, и если бы даже Эддор предпринял такую попытку — или создал устройства, против которых Аризия оказалась бы бессильной — то ее обитатели всегда успели бы удалиться в иной пространственно-временной континуум, затерявшись в бесконечной и необъятной Вселенной. Да, они были бы изгнаны из родной Галактики — но что с того? Существа, одаренные, такой мощью, везде чувствуют себя как дома;

любая часть космоса может служить им вполне приемлемой средой обитания.

Но нет! Менее всего их беспокоила собственная судьба. Они боролись за идею — или, если угодно, желали реализовать свою мечту о союзе миролюбивых гармоничных цивилизаций, о миллионах обитаемых миров, заполняющих от края и до края две Галактики — их собственную и ту, которая вынырнула из неведомых глубин пространства вместе с Эддором. Они ощущали на своих плечах груз гигантской ответственности. Ведь все расы этих бесчисленных планет, эти народы, крепнущие или только зарождающиеся — все они просходили от жизненных спор, посеянных некогда на девственных мирах их предками. И все они, в определенном смысле, тоже были аризианами. Бросить их на произвол судьбы казалось невозможным!

А посему Аризия вступила в сражение — тайное, но весьма эффективное. Она не препятствовала эддорианам хозяйничать на тысячах планет — любое явное противодействие было бы замечено; однако, когда Гарлейн и подобные ему сокрушали очередной негодный мир, Наблюдатели и Стражи Аризии пестовали ростки новой цивилизации, с радостью убеждаясь, что губительные катастрофы лишь прибавляют их подопечным мужества и стойкости. Так случалось не везде и не всегда, но Земля не обманула их надежд.

Четыре Хранителя Цивилизации — Дроуни, Кридиган, Ниделлор и Бролентин — следили за выполнением аризианской программы развития на четырех наиболее перспективных планетах — на Земле и в мирах Ригель IV, Велантия III и Полэн VII. Дроуни, земной куратор, отвечал и за генетическую программу, направленную на появление личностей, которые были бы достойны принять от старшей расы концентратор интеллектуальных способностей или Линзу, как стали впоследствии называть это устройство. Представители одной из генетических линий, настолько древней, что происхождение ее терялось в глубине тысячелетий, носили имя Киннисонов. Не ведая своих корней, забытых в чередовании мировых катастроф, дочери и сыновья этой фамилии набирали силу и мужали в длинной череде поколений. Возможно, Киннекса, легендарная воительница Атлантиды, была одной из первых в их роду. Была и вторая линия, не менее древняя и представленная в истории Земли такими же славными подвигами, скрытыми туманом

тысячелетий. Мужчины и женщины этой семьи отличались рыжевато-бронзовыми или золотисто-каштановыми волосами и янтарной радужиной глаз с золотыми точками.

Две линии не перекрещивались ни разу. Дроуни внимательно следил за этим обстоятельством, ибо соединение обоих родов должно было произойти лишь тогда, когда оно даст наибольший кумулятивный эффект.

Глава 2

РЕШЕНИЕ

Как уже говорилось в первой книге настоящей хроники, Холм являлся штаб-квартирой Трипланетарной Службы. Теперь он постепенно становился и центром спешно организуемого Солнечного Патруля. Это была огромная естественная коническая гора, преобразованная инженерным гением внутри и снаружи. Но, так как людям не нравится постоянно обитать в подземелье — каким бы просторным, чистым, светлым и сухим оно не было — неподалеку от закованного в серый гладкий металл конусу отвели место для спортивных занятий на воздухе, пикников, прогулок и тому подобных развлечений. Там находилось несколько сотен небольших уютных ферм, исключительно продуктивных и снабжавших припасами обитателей Холма; они выглядели очаровательно в этот солнечный майский день. Рядом с ними был разбит парк с бассейнами, теннисными кортами и стадионом.

Сейчас места на его трибунах занимали две-три тысячи человек, с удовольствием наблюдавших за матчем на первенство Холма среди смешанных пар. В просторной двадцатиместной ложе расположились два человека, которые восхищенно следили за девушкой и юношей, ловко орудовавших ракетками на корте. Правда, соперники от них тоже не оставали.

— Выглядят они просто превосходно, Род — заметил Вирджил Сэммс, глава Службы и член Совета Галактического Патруля, склонившись к плечу своего соседа. — Но мне кажется, что эта девчонка могла бы натянуть что-нибудь посущественней. В своих шортах

она кажется такой же голой, как и без них. Я ей не раз говорил об этом, но озорница только уменьшает количество и размеры своих нарядов.

— А чего вы хотите? — Родерик К. Киннисон, комиссар Безопасности, пожал плечами. — Она унаследовала от вас не только глаза и волосы, но и знаменитое семейное упрямство. Впрочем, такая манера одеваться имеет и свои преимущества — легче залезть в скафандр на корабле! — он негромко рассмеялся и бросил взгляд на корт, где играющие как раз менялись местами. — Но вот что я не могу понять — почему наши молодые люди до сих пор не... — Киннисон замолчал.

— Я тоже не понимаю. Бог видит, сколько мы приложили стараний, чтобы подтолкнуть их друг к другу. Джек Киннисон и Джил Сэммс были бы прекрасной парой не только на теннисном корте. Может быть, они еще не готовы к такой серьезной перемене в своей жизни?

Если бы Вирджил Сэммс мог поближе рассмотреть улыбку, которую юный Джек адресовал своей очаровательной партнерше, он был бы сильно удивлен. Она мала походила на те, которыми обмениваются приятели.

— Слушай, ты, красавица с куриными мозгами, — тихо прошипел Джек, — иногда не мешает и чуть-чуть подумать! Я же тысячу раз тебе говорил: следи за своей зоной и держись подальше от меня! Если ты будешь играть там, где положено, и прислушиваться к моим советам, то возьмешь подачу Фрэнка, а Лу догонит мяч только в миле от площадки... Ты чем сейчас занимаешься? Играешь в теннис или пересчитываешь, сколько идиотов пялят на тебя глаза?

— Ты-то сам о чем думаешь? — золотистые глаза девушки гневно блеснули. — Вот что я тебе скажу, пилот Джек Киннисон: нечего валить с больной головы на здоровую! Если ты будешь подавать прямо Лу в подол, то через полчаса нас вынесут с поля! С позором! И еще я тебе скажу...

— Ничего ты не скажешь, Джил Сэммс! Учти — промахнешься еще раз, и при следующей подаче я залеплю не Лу в подол, а по твоим изумительным белым шортам! Прямо в тыловую часть! И уверяю тебя, что сидеть ты не сможешь как минимум неделю! Так что постарайся играть повнимательней, моя милая!

— Ну и надоел ты мне, Джек! С каким удовольствием я врезала бы тебе ракеткой по макушке, плю-

нула и ушла с корта! Я так и сделаю, если ты не прекратишь свои...

Раздался свисток. Вирджилия Сэммс с очаровательной улыбкой на лице отправилась на свое место — воплощенное изящество и спокойствие. Джек Киннисон ловко крутанул ракетку и послал противникам ядовитую усмешку. В ответ мяч свистнул над самой сеткой; грозная подача настоящего мастера. Джил прыгнула, пытаясь отразить удар; начался очередной сет.

* * *

Спустя полчаса Джек, довольно насвистывая, стоял под душем. Когда он начал вытираться, по-прежнему насвистывая бодрый мотив, крепкий мускулистый парень, выскочивший из соседней кабинки, хлопнул его по плечу.

— Поздравляю, Джек, и желаю на будущий год остоять свой титул! Игра была великлепной! Однако... он замялся, — что там у вас произошло? Извини, если я лезу не в свое дело...

— Что произошло? Да ничего! Чего ходить вокруг да около, Мэйс? Не можешь спросить прямо? Непохоже на тебя!

— Ну... ты прав, конечно... но ты ведь знаешь, что я умею читать по губам?

— Конечно. Мы все умеем. Что из этого?

— Я понял, какими комплиментами ты обменивался со своей подружкой — там, на корте. Если это была беседа двух влюбленных, то завтра я попрошу руки самой зеленой и самой уродливой венерианки!

— Влюбленных?! Кто, черт побери, тебе это напел? Не мой ли старик, который спит и видит, как мы с ней идем под венец? Ха, влюбленные! — Джек пренебрежительно фыркнул. — Я и эта рыжая выскочка! Эта куриная голова! Скажешь тоже!

— Поосторожней, Джек! — тон рослого Мэйса внезапно стал серьезным, голос его чуть заметно дрогнул. Ты, пожалуй, хватил через край! Мисс Сэммс — отличная девушка! У нее есть все — и все абсолютно на месте! И голова, и прическа!

— Да? — перестав вытираться, молодой Киннисон с удивлением уставился на разгоряченного приятеля. — Значит, сам ты избегаешь ее только потому, что... — он хотел закончить словами: «потому, что ты — мой

лучший друг во всей Солнечной системе», но вовремя прикусил язык.

— Может, и так... Мэйс тоже не стал заканчивать мысль; они прекрасно знали друга друга и не нуждались в конкретизации таких тонких материй. — Если ты не против... словом, если у тебя нет серьезных...

— Подожди, — прервал его Джек. — Что мы обсуждаем тут вопросы любви до гробовой доски? В душе — и еще голышом! Вытирайся!

Они расхохотались. Через несколько минут, облачившись в черные с серебром мундиры Патруля, молодые офицеры вышли наружу и направились к другому концу длинного низкого строения — туда, где был вход в раздевалку для женщину.

— Нет, она неплохая девушка... в основном, в полном порядке, — Киннисон говорил так, словно хотел извиниться перед приятелем. — Среди остальных глупых куриц она прямо-таки райская птичка! Чудесный человек... и очень, очень хороша... м-да... в основном... Но знаешь, Мэйс, она вовсе не женщина моей мечты. Я к ней привязан не больше, чем она ко мне — это вполне взаимно. Хочу тебя только предупредить — не поддавайся ее очарованию. Знаешь, недели через три близкого знакомства тебе захочется оборвать ей руки и ноги... и голову в придачу.

Вскоре на крыльцо выпорхнула мисс Сэммс, одетая почти так же легко, как на корте — в полупрозрачную блузку и юбочку, которая кончалась где-то на уровне ягодиц. Впрочем, ей было что показать — и снизу, и сверху.

— Хай, Джил! Это Мэйс — я тебе о нем рассказывал раньше. Мой напарник. Итак: мисс Вирджилия Сэммс — мастер-электроник Мэйсон Нортрон.

— Рада познакомиться, Мэйс, — девушка тепло улыбнулась приятелю Киннисона. — Я много слышала о вас. Говорят, в электронике вы — бог!

— Знаешь, он давно положил на тебя глаз, — с довольно ехидной улыбкой сообщил девушке Джек. — Но, ввиду неясности ситуации, старался уйти в тень. Представляешь? Ну, я постарался просветить его. Ну, а ты уж сама расскажи Мэйсу, почему ему лучше держаться подальше от тебя. Он имеет дело с микросхемами, а твой генератор вырабатывает слишком высокое напряжение...

Джил окинула благосклонным взглядом могучую фи-

гуру Мэйсона Нортропа, потом перевела глаза на Киннисона.

— Знаете, Мэйс, чтобы я сделала, если бы была такой сильной и рослой как вы? Я схватила бы мастера-пилота Джека Киннисона за ноги... раскрутила над головой... и отправила в свободный полет — куда-нибудь на пятнадцатый ярус трибун. Мне кажется, он родился на тысячу или две лет позже своего времени. Вот в древнем Египте, надсмотрщиком на строительстве пирамид, он смотрелся бы отлично... И в качестве барона был бы совсем неплох... такого, знаете ли, владетельного сеньора, повелителя своих вассалов, воинов и крепостных... грозы замковых служанок... да, служанок — особенно! — тут она подарила Джеку не менее ядовитую улыбку. — Ему ведь нравятся кроткие бессловесные простушки, среди которых можно чувствовать себя королем... Не так ли, Джек?

— Ну, Джил, ты положила меня на лопатки, зарезала, освежевала и сплясала джигу на моих костях. Так что я удаляюсь... зализывать моральные раны. Может, встретимся попозже, — Киннисон развернулся и зашагал прочь.

Губы мисс Вирджилии Сэммс слегка скривились.

— Думаете, он сдался, Мэйс? — повернулась она к молодому офицеру. Ничуть не бывало! Вот она, истинная причина! — и Джил показала взглядом на яркую блондинку в красном. — Мэйнард, вот как ее зовут!

— И она... эээ...

— Совершенно верно! Красивая, кроткая и бессловесная!

Нортроп покачал головой.

— Не могу этого понять, — с обезоруживающей искренностью заявил он. — Вы оба — на мой взгляд — лучшие люди в мире. Почему же вы постоянно мучаете друг друга?

Джил слегка покраснела.

— Ну, Мэйс, не придавайте значения тому, что мы говорим... по крайней мере — наполовину... — она прикусила нижнюю губку. — В основном, мы с ним прекрасно ладим... и совсем не цапаемся друг с другом, если между нами миля или две расстояния. Но стоит нам сойтись, как мы начинаем спорить обо всем — и ни о чем! Глупо, правда? Мы словно одноименные электрические заряды... отталкивание убывает обратно пропорционально расстоянию.

— Возможно, — Мэйс проводил взглядом стройную фигуру Киннисона, уверенно державшего курс на блондинку. — Но я очень рад тому, что услышал. Будем считать, что я — заряд противоположного знака. Пошли, Джил!

* * *

В кабинете Вирджила Сэммза, упрятанном глубоко под землей, два человека вели разговор совсем иного рода.

— Проблем столько, что и вам, и мне надо раздвоиться, Род, и если бы мы обзавелись десятком дублей, то каждому нашлась бы работа, — тон Сэммза был шутливым, но глаза — тревожными и невеселыми. — Вот, скажем, наш Патруль. Пока мы действуем в пределах Солнечной системы, все ясно. Тут нам известны и языки, и обычаи всех планет. Но что делать, если преступление произойдет в сотнях парсеков от Солнца? Как в этом случае сделать нашу работу эффективной? Что можем мы вообще знать о самом понятии криминальности в каком-нибудь странном мире, не понимая ни способа общения его обитателей, ни склада их мышления? Где никто даже не подозревает о существовании нашего Патруля? Мы можем месяцами искать там полицию и суд, если у туземцев существуют такие институты, — Сэммз развел руками, но в его глазах горел упрямый огонек. — Но должен быть способ наладить быстрое взаимопонимание! И я его найду, клянусь богом! — он хлопнул широкой ладонью по крышке стола.

— Упрямец Сэммз добьется своего — и сейчас, и всегда! — в голосе Киннисона не было и следов насмешки, лишь дружеское восхищение. Готов держать пари, что вы это сделаете, Вирджил. Ваш Межзвездный Патруль...

— Галактический, Род, Галактический. Не знаю, каким он будет, но название я усвоил твердо.

— ...уже приступил к делу — и совсем неплохо! Взять, к примеру, операции на Невии, Альдебаране II и Валерии... особенно — на Валерии!

Последовала недолгая пауза, затем Киннисон задумчиво продолжал:

— Все как в старину — голландцы отправляются туда, где найдены бриллианты. А за ними идут голландские жены и, несмотря на все рекомендации врачей, своевременно появляются на свет голландские дети.

И тут выясняется, что они могут жить даже при тройной гравитации... Развитие скелета и мышц протекает нормально, они начинают сидеть, ходить и бегать в положенный срок. Тогда медики, изучив вопрос со всех сторон, заявляют, что третье поколение колонистов будет чувствовать себя в этом мире как дома... Забавно, правда?

— Да. И это доказывает, что адаптационные способности человека много больше, чем полагали светила медицины... Но не пытайтесь отвлечь меня, Род. Вы знаете не хуже меня, с чем мы боремся — со всеми этими новыми бедами, которые приносит межзвездная торговля. Наркотики, например... тионит и прочая мерзость... У нас нет даже подозрений, откуда это берется! Ну, и межзвездная торговля не обходится, конечно, без межзвездного пиратства.

— Кажется, у вас было подозрение, что центр пиратства находится на Аризии?

— Нет, совершенно точно — нет. Ее пираты боятся даже больше, чем нас. Область пространства, в котором находится этот мир, запретна, и даже лучшие мои разведчики не могут туда попасть. Мы знаем только одно — название планеты. Непонятно и крайне загадочно! Я собираюсь сам заняться этим делом... Не то, чтобы я считал себя способным выполнить работу, которая оказалась не по силам моим людям... Просто существует столько взаимоисключающих историй об Аризии, что лучше все проверить самому. — Неожиданно Сэммз остро взглянул на собеседника и спросил: — Хотите отправиться со мной, Род?

— А как же! Только попробуйте меня не взять!

— Тогда приготовьтесь к необычному. Мы наверняка столкнемся там с чудесными и необъяснимыми вещами, которые полностью опровергают наш земной опыт. Впрочем, что говорить об Аризии? Разве еще десять лет назад кто-нибудь поверил, что может существовать раса, подобная ригелианам? Одного часа в их городе — или минуты в том, что они считают автомобилем — достаточно, чтобы свести человека с ума!

— Да, я понимаю вас... Но если продолжить эту мысль, то я бы упомянул другие загадки, которые находятся куда ближе, чем Ригель и, тем более, Аризия... Например — кто, почему и как долго скрывался под именем Серого Роджера? — Киннисон вдруг усмехнулся не без озорства и добавил: — Ну, бог с ним, с Роджером... В вашей собственной штаб-квартире, дружище, в

вашем Холме есть один секрет, который стоит всех тайн Роджера... Я говорю о Бергенхольме! Ведь этот малый усовершенствовал двигатель Родебуша и Кливленда, сделав тем самым возможной галактическую торговлю, галактическое пиратство и Галактический Патруль! Вот он, загадочный источник нашей головной боли, Вирджил! А я — я даже не знаю, где вы его откопали. Говорят, он даже не имеет диплома инженера?

— Верно, не имеет. Гению дипломы ни к чему! А история его появления и в самом деле примечательна. Вы ведь знаете, что наш так называемый суперкорабль прикончил на испытаниях немало народа?

— Наслышан! Но все же Родебуш с Кливлендом довели двигатель до ума?

— Эти парни себя чуть не довели до сумасшествия... Вот так, мой дорогой! Но в один прекрасный день в их посудной лавочке появился этот Бергенхольм — здоровый, неуклюжий, запинаящийся о собственные ноги... Минуту-другую он осматривался, а потом и говорит: процесс надо строить так, чтобы пики выхода энергии были здесь и здесь... — и показывает, где. Затем рисует кривые — очень изящные картинки для человека, не обладающего дипломом. Ну, Фред Родебуш на него набросился, как волк на ягненка. Откуда, мол, ты знаешь, что так будет лучше?

При воспоминании об этом эпизоде губы Сэммза растянулись в ухмылке, глаза заблестели. С видимым удовольствием он выдержал паузу и произнес:

— И представляете, Род, что он ответил Фреду? Дело не в том, лучше или хуже; просто то, что он предлагает, будет работать. И больше от него не могли добиться ни одного слова. Фред и Клив решили попробовать — скорее, от отчаяния, я полагаю. И двигатель заработал! Представляете — действительно заработал!

— Ну и история! — Киннисон покачал головой. — Но если в штате Службы имеется такое дарование, то для него не проблема разобраться с вашим фирменным знаком... я имею в виду опознавательный диск. Что, дело сдвинулось с мертвой точки?

Сэммз пожал плечами, перебирая какие-то бумаги на столе.

— Нет, еще нет... По крайней мере, до вчерашнего вечера новых результатов не было. Но вот лежит его записка с просьбой о встрече... может быть, он что-то

придумал. Слушайте, Род, — Сэммз протянул руку к визиофону, — хотите, я приглашу его прямо сейчас?

— Превосходно! Я бы с удовольствием поговорил с ним. Не каждый день доводится встретить живую загадку, начиненную идеями от макушки до пят!

— Посмотрим, что это за идеи, — пробормотал Сэммз, скользнув пальцами по клавишам визиофона.

* * *

Рослый молодой человек вошел в кабинет и был представлен комиссару Безопасности Трипланетия.

— Садитесь, доктор Бергенхольм, — Сэммз кивнул в сторону кресла. — Вы можете говорить при мистере Киннисе совершенно свободно.

Молодой ученый однако остался на ногах. Лицо его едва заметно порозовело, что для всегда сдержанного норвежца являлось признаком несомненного волнения.

— Я должен сообщить вам, сэр, нечто весьма необычное, — он упрямо вздернул подбородок и покраснел еще больше. — Боюсь, что вам будет трудно поверить...

— Смелее, сынок, — подбодрил его Сэммз. — Если бы вы знали, сколько невероятных проектов излагает мне Родебуш только за один визит! Мы с комиссаром готовы выслушать вас.

— Говорят, что я сплю на ходу, что меня посещают видения, что я слышу голоса с того света... ну, и так далее. Одним словом, полный набор причуд и странностей, которыми должен обладать настоящий гений! — Бергенхольм перевел дух. — Так вот, могу совершенно определенно заявить, что я — не гений! Во всяком случае, не в том смысле, как это обычно понимают.

— Вам виднее, Нильс. Но какое отношение это имеет к делу?

— Самое прямое, сэр! Это вопрос доверия!

Сэммз и Киннисон переглянулись. Потом комиссар спокойно сказал:

— Как раз перед вашим приходом, молодой человек, мы с мистером Сэммзом говорили о тайнах и загадках. Все они связаны с расширением нашей деятельности, с появлением новых областей, в которых невероятное превращается в реальность — если не в банальное обстоятельство. Поверьте, мы сумеем выслушать вас внимательно и без предубеждения.

— Хорошо. Но поймите, я — ученый. Мое миро-

воззрение основано на фактах и непреложных законах, в равной степени справедливых и для Галактики, и для человека, и для мельчайшей микрочастицы. Я не верю в сверхъестественное, джентльмены. Я не верю в наитие, которое появляется на пустом месте. Все имеет рациональную причину, но не всегда мы можем доискаться до ее корней...

— У вас возникла какая-то парадоксальная гипотеза? — Сэммз с интересом приподнял брови.

— Нет, сэр, никаких гипотез и никаких парадоксов! Только точное знание. А сейчас я всего лишь расчищаю дорогу для тех невероятных вещей, которые нам предстоит обсудить. Поверьте, если другие замечают за мной странности, то мне самому они видны гораздо яснее... И я пытаюсь их понять и объяснить...

— Так, понимаю, — Сэммз в волнении подался вперед. — Значит, вы вступили в конфликт с самим собой? Я всегда считал вас, Нильс, исключительно цельной личностью... Ну, и как же мы выберемся из болота?

— Прежде всего, попробуем определить, где его край, — Бергенхольм слабо улыбнулся и бросил взгляд на комиссара. — Я полагаю, мистер Киннисон не имел возможности заглянуть в мое досье?

— Вы имеете в виду... — начал Сэммз.

— Да, да, сэр, мое происхождение! — норвежец повернулся к Киннисону. — Видите ли, мой отец, доктор Хальмар Бергенхольм, и мать, Ольга Бьернсон, занимаются ядерной физикой. И я родился как раз в то время, когда они работали на большом ускорителе под Тронхеймом...

— О! Вы полагаете — мутация? — Киннисон встал в кресле. — Мутация, подарившая вам способность... так сказать, видеть суть вещей. Некое внутреннее зрение?

— Можно сказать и так, хотя под внутренним зрением понимают разное, и достоверное описание подобного феномена отсутствует. Однако все эти странности подтолкнули меня к размышлениям, имеющим прямую связь с интересующей нас темой. Я полагаю, что можно создать учение о силах разума — столь же четкое, строгое и ясное, как геометрия Евклида. Более того, я уверен, что такое учение уже существует, и я появился на свет с некой врожденной способностью воспринимать его отдельные элементы.

— Вы говорите о телепатии? — Сэммз задумчиво

поглаживал подбородок, уставившись взглядом в стену.

— Не только о ней, сэр... Но давайте вернемся к нашей проблеме, к вопросу о создании идентификационного знака патруля. До сих пор этот символ мыслился исключительно в физическом плане. Но все, что можно синтезировать физическими методами, можно ими же исследовать и воссоздать. Такое решение нас не устраивает, ибо преступники часто пользуются услугами весьма квалифицированных специалистов. Существует, однако, область, где физика бессильна — я говорю о ментальных силах, о разуме.

Итак, рассмотрим, что же необходимо Трипланетной Службе, которая сейчас расширяется, превращаясь в Галактический Патруль. Нужен символ, который надежно идентифицировал бы любого защитника цивилизации, причем абсолютно безошибочно. Этот символ должен отвечать следующим требованиям: невозможность подделки, невозможность имитации, бесполезность похищения. Он должен служить только своему носителю и уничтожать всякого, кто попытается незаконно использовать его. Наконец, он должен обеспечивать связь и взаимопонимание между нами и любой разумной формой жизни, на каком бы уровне, высоком или низком, она не находилась. Несомненно, такая связь может быть только ментальной, гораздо более быстрой, чем звуковая, что избавило бы нас от изнурительного изучения множества языков. Столь же несомненно, что последнее требование не является моей фантазией — мы знаем, что высокоразвитые расы Ригеля и Полэна VII уже знакомы с телепатией.

— Похоже, вы угадали мои мысли, Нильс, — спокойно заявил шеф Трипланетарной Службы. — Или вы уже научились их читать?

— В данном случае в этом не было необходимости, — улыбнулся норвежец. — Любой человек, который способен к аналитическому мышлению, пришел бы к тем же выводам.

— Возможно, возможно... Так что же дальше? Вы разработали необходимое нам устройство идентификации и ментальной связи?

— Нет. Но я знаю, что оно готово и уже ждет вас, мистер Сэммс.

— Вот как? И где же?

— На Аризии. И вы должны отправиться туда как можно скорее.

Вскочив с кресла, пораженный Вирджил Сэммс уставился на молодого ученого.

— Аризия! — воскликнул он. — Черт побери, при чем тут Аризия? И как мы можем туда попасть? Разве вы не знаете, что эта область пространства закрыта?

Бергенхольм пожал плечами, изобразив полнейшую беспомощность.

— Но откуда вы это знаете, молодой человек? — спросил Киннисон. — Вы получили какое-то сообщение?

— Нет, сэр, — решительно заявил норвежец. — Я знаю — и все! Знаю столь же определенно, как и то, что при сгорании водорода в кислородной атмосфере образуется вода. Я знаю, что аризияне весьма сведущи в учении о силах разума, и если Вирджил Сэммс отправится туда, он приобретет некое устройство, которое иным путем получить невозможно. Ваше дело — верить или не верить мне.

С этими словами молодой ученый повернулся и, не спросив разрешения, покинул кабинет. Некоторое время в комнате царила ошеломленная тишина; потом Сэммс и Киннисон посмотрели друг на друга.

— Ну? — насмешливо, но с явно ощутимым оттенком тревоги, спросил Киннисон.

— Я отправляюсь. Прямо сейчас! — Сэммс был настроен весьма решительно. — Я верю каждому его слову. И потом, это — Бергенхольм... Бергенхольм, который еще ни разу не ошибался. — На миг он прикрыл ладонью глаза, словно собираясь с силами и укрепляя свою решимость, затем посмотрел на Киннисона. — А вы, Род? Идете со мной?

— Да. Не скажу, что я поверил на все сто процентов, но попытаться стоит. Что же мы прихватим с собой? Надеюсь, не весь флот Трипланетия? Ограничимся «Бойзом»? Или «Чикаго»?

— Не все ли равно? То, за чем мы полетим, можно будет увезти даже на космической шлюпке...

Вирджил Сэммз парил над материками и океанами Аризии. Он находился сейчас в космической шлюпке — той самой, на которой собирался увезти дар таинственной планеты; одновременно он непостижимым образом пребывал в своей каюте на крейсере «Чикаго».

Час назад крейсер приблизился к мерцающему туманному облаку, сквозь которое не проходили лучи ультраволновых локаторов. Капитан отдал приказ лечь на круговую орбиту вокруг этого образования, затем — ждать. Корабль начал поворот, и в этот миг в сознании всех членов экипажа раздался Голос.

Его услышали навигаторы и стрелки, связисты и инженеры двигательной секции, операторы радарных установок, офицеры «Чикаго» — и Сэммз с Киннисоном, пассажиры этого рейса. Мощный, гулкий, он звучал подобно ударам огромного колокола, но в нем не было угрозы; нет, могучий Глас Свыше, Божественный Зов казался доброжелательным и искренним. Хотя никто на борту земного корабля не имел опыта ментальной связи, люди сразу почувствоавали одну из ее особенностей: мысли не лгали. Во всяком случае, телепатический контакт не позволял спрятать истинные намерения за шелухой трескучих фраз.

Аризия приветствовала Землю. Ни в тоне, ни в словах не было намека на превосходство или пренебрежение; равные обращались к равным, союзники встречали союзников. Однако рукопожатие старшего брата оставалось осторожным; только Вирджи́лу Сэммзу было предложено идти дальше. Он облачился в легкий скафандр, взял шлюпку и вылетел к мерцающей завесе силового поля. Это видели все. Киннисон был готов поклясться, что события происходили именно так, а не иначе. Однако каюта главы Трипланетарной Службы не пустовала, и те шесть часов, которые Сэммз провел на Аризии, он находился и в собственных скромных апартаментах на борту «Чикаго». И та, и другая его ипостаси не были иллюзорными, и подобное странное разделение на две части не нанесло Сэммзу ни малейшего вреда. Впрочем, он и не подозревал о произведенном дублировании — или иной операции, которую заблагорассудились осу-

ществить аризианам; его половина, оставшаяся в корабле, мирно проспала все шесть часов.

* * *

С высоты Аризия напоминала Землю. Сэммз видел белые шапки ледников, сверкающую серебристыми искрами синеву океана, континеты — зеленые, коричневые и желтые, с ниточками рек и причудливыми пятнами озер; облака, гряды за грядой плывшие в голубом небе.

Были ли внизу города? Сэммз не мог их разглядеть и, после некоторых размышлений, решил, что такая высокоразвитая раса вряд ли нуждается в них. Шлюпка снижалась, и он по-прежнему не видел никаких следов урбанистического насилия над природой; судя по всему, городов на Аризии действительно не было.

Его спасательный ботик скользнул вниз, ведомый следящим лучом, и приземлился на небольшой площадке на окраине поселка. Вокруг раскинулась равнина с полями и рощами; кое-где виднелись строения, которые Сэммз, по земной привычке, назвал бы фермами.

«Пройдите к эпипажу, гость», — произнес беззвучный голос в его мозгу, и Сэммз, оглянувшись, увидел странную двухколесную машину, похожую на вытянутую сигару. Он сдвинул в бок створку дверцы и сел; кресло было удобным, явно рассчитанным на формы человеческого тела. Двухколесный экипаж сорвался с места и плавно покотил по дорожке, мощеной каменными плитками. Мимо промелькнули сады — он был готов поклясться, что в них росли обычные яблони, потом несколько домиков с башенками и шпилями; минут через пять-шесть машина замерла перед массивным приземистым зданием в центре поселка. Сэммз вылез, вдохнул пахнувший свежескошенной травой воздух и посмотрел на небо. Он находился на Аризии! Если бы не твердая уверенность в этом, он счел, что не покидал Земли.

«Сюда, пожалуйста», — слова тоже были привычными, земными и только способ, которым они передавались в сознание Сэммза, напоминал о том, что до Земли тысячи парсеков, миллионы миллионов миль.

Он вошел в предупредительно распахнутую дверь и, миновав недлинный пустой коридор, очутился в довольно просторном помещении. Посреди него стоял прозрачный цилиндр, очень большой, напоминавший бак, озаренный чуть заметным розовым сиянием; перед цилинд-

ром располагалось покойное кресло. Больше в комнате ничего не было.

«Садитесь, гость».

Сэммз поблагодарил коротким кивком и шагнул к центру зала. Он не решил еще, садиться или стоять, но в этот миг разглядел то, что находилось в баке. Ноги у него подкосились, и он опустился в мягкие объятия кресла.

Перед ним, за мерцающей розовой завесой и хрустальными стенками цилиндра плавал в бесцветной жидкости мозг — огромный, десяти футов в диаметре. Он не производил отталкивающего впечатления органа, изъятото из тела некоего великана; непостижимым образом Сэммз знал, что подобная форма является вполне естественной для существа, находившегося сейчас перед ним.

«Расслабьтесь, — передал очередную мысль его странный хозяин, и Сэммз внезапно ощутил, как спадает охватившее его возбуждение. — Благодарю вас за доверие. Вы поступили правильно, выполнив инструкции, переданные вам через Бергенхольма».

— Мне кажется, что я сплю, — медленно произнес Сэммз, не спуская глаз с цилиндра. — Может ли существовать реальность, столь похожая на сон?

«Или сон, столь похожий на реальность, не так ли? — подхватил его мысль аризианин. — Но что такое реальность? Великие мыслители вашего мира никогда не могли ответить на этот вопрос. И даже я, превосходящий по возрасту их всех вместе взятых, затруднился бы дать однозначное толкование. А потому постарайтесь убедить себя, что все происходящее вполне реально — в том смысле, как вы воспринимаете реальность с помощью своих органов чувств. Вы видели деревню и это здание, вы видите сейчас ту субстанцию, из которой я состою, вы ощущаете собственное тело, вы почувствуете вибрацию и услышите звук, если постучите по подлокотнику своего кресла. Несомненно, вы заметили запах питательного раствора, в который я погружен. Итак, ваше зрение, осязание, обоняние и слух утверждают, что вы по-прежнему находитесь в реальном мире. Остается вкус; и если вы голодны или испытываете жажду, мы попробуем задействовать и это чувство».

— С удовольствием, — произнес Сэммз, оправившийся от первого потрясения.

«Тогда возьмите бокал — справа в стене есть ниша.

Я ничего не скажу вам о его содержимом; вы можете быть уверены, что не являетесь жертвой внушения».

Сэммз осторожно поднес к губам край большого хрустального бокала и сделал первый глоток. Напиток походил на фруктовый коктейль со слабым цветочным ароматом — и он был восхитителен! Никогда еще Сэммзу не доводилось пробовать что-либо подобное, и он собрался в несколько глотков осушить сосуд. Увы, он не выпил и половины! Этот странный напиток не только утолял жажду, он еще и насыщал; Сэммз внезапно почувствовал, что он сыт — сыт так, словно только что поднялся из-за стола после обильного обеда.

Со вздохом удовлетворения он оставил бокал и перевел взгляд на застывшую в цилиндре одушевленную сферу.

— Вы меня убедили. Вряд ли внушение может удовлетворить голод и жажду. Итак, я верю, что попал в прекрасную реальность и благодарен за то, что вы пригласили меня ее посетить, мистер...

«Ментор. У нас нет имен — в том смысле, как это принято на Земле, — но вы можете звать меня Ментором. Теперь, прошу вас, изложите ваши проблемы. Говорить вслух не обязательно».

Сэммз задумался, понимая, что аризанин следит за его мыслями. Он старался ясно и отчетливо перечислить все трудности, с которыми столкнулся в последние годы. Это потребовало времени; он размышлял часа два, подробно излагая задачи и намерения Галактического Патруля. Наконец Сэммз вскочил и, возбужденно меряя комнату шагами, заговорил вслух.

— Существует, тем не менее, одно важное обстоятельство, которое может свести на нет все наши планы. Патруль — самая мощная организация за всю историю Трипланетия. Но насколько могут люди — или иные разумные существа — доверять ей? Все диктаторы, которых знала Земля, от Филипа Македонского до Гитлера, прикрывались словами о благе народа... и я даже готов согласиться, что кое-кто из них действительно руководствовался вначале чувствами милосердия и доброты. Но мы знаем, чем это кончалось! Хватит ли у нас — и у меня самого — силы и строгости, чтобы избежать искушения властью? Мы будем наблюдать за порядком в мире... но кто станет наблюдать за наблюдателями — и судить их?

«Подобные мысли делают вам честь, — после недол-

гой паузы произнес аризианин. — И это — одна из причин, по которым именно вас пригласили сюда. Вторая же заключается в том, что мы должны помочь вам познать самого себя. Так вот, мой юный друг, вы — неподкупны! Я знаю это; более того — вы останетесь неподкупным и в будущем. — Ментор слегка шевельнулся за хрустальными стенами цилиндра, всколыхнув бесцветную жидкость. Неожиданно он приказал: — Протяните вперед руки!»

Сэммз повиновался. Туманное мерцание окутало его запястья, сгустилось, затвердело, вспыхнуло слепящим блеском. На миг он прикрыл глаза; потом с изумлением уставился на свои руки, охваченные сверкающими браслетами. Казалось, они были собраны из тысяч и тысяч крохотных драгоценных камешков, переливавшихся всеми цветами радуги и испускавших поток ярких лучей, отсветы которых скользили по стенам, полу и потолку комнаты, словно солнечные зайчики, затеявшие игру в пятнашки.

«Вот замена вашего прежнего символа, опознавательного знака Трипланетарной Службы, — произнес Ментор. — Это — Линза Аризии, концентратор, обладающий многими свойствами. Поверьте мне, тот, кто недостоин ее носить, не сможет даже прикоснуться к ней. Вы — достойны; однако проделаем опыт, и вы будете знать, что ждет похитителя. Приложите палец к одному из браслетов».

Кончики пальцев Сэммз скользнули по холодной ребристой поверхности, и вдруг руку его пронзила дикая боль. Непроизвольно вскрикнув, он отдернул ладонь; потом, собравшись с силами, снова погладил браслет. Теперь боли не было.

— Но как... как он может различить?... Или он... он — разумный? Живой?

«Нет — в вашем понимании этого слова, — Ментор замолчал, словно подыскивая сравнение, способное объяснить гостю столь непостижимые для него вещи. — Пожалуй, подобную форму материи можно назвать квази-жизнью. И возникает она только в контакте с настоящей жизнью, причем не всякой, а настроенной с ней в резонанс. Для своего носителя Линза совершенно безопасна; для чуждого существа она... впрочем, это вы уже испытали. Скажем так: сталкиваясь с существом, не соответствующим ей, она способна прервать цикл его существования. Убить, как говорите вы на Земле».

— Значит, только я один из всех живых существ могу носить этот экземпляр браслетов? — Сэммз облизнул пересохшие губы, не отрывая глаз от своих запястий. — Но когда я умру, не станет ли подобное устройство вечной угрозой всему живому?

«Нет. Вскоре после того, как вы перейдете на иной жизненный уровень, Линза распадется».

— Великолепно! — выдохнул Сэммз с благоговейным трепетом. С минуту он молча взидал на сиящее чудо, в буквальном смысле упавшее ему в руки, потом нерешительно пробормотал: — Эта вещь бесценна для нас... и если изготовить тысячи... миллионы Линз... это решит многие проблемы... — он поднял взгляд к цилиндру, в котором застыл Ментор, и покачал головой. — Но вы... что вы сами...

«Что мы потребуем взамен, хотите вы спросить?» — казалось, аризиянин излучил некий эквивалент улыбки.

— Точно! — щеки Сэммза чуть покраснели, но голос оставался спокойным. — Ничто не дается даром. Альтруизм прекрасен в теории, на практике же за все нужно платить. И я готов платить — любую цену, самую чудовищную! Однако мне хотелось бы знать, что это за цена.

«Возможно, она окажется более высокой, чем вы ожидаете... — сейчас мысли Ментора торжественно грохотали, словно удары набата. — Каждый обладатель Линзы Аризии несет такой груз власти, груз знаний и ответственности, который способен разрушить неподготовленный разум. Нет, мы не альтруисты! Мы даем вам великую силу — но мы и возлагаем на вас тяжкую обязанность».

— Но причина, причина! — воскликнул Сэммз. — Борьба со злом?

«Не делите мир на черное и белое, гость; он гораздо пестрее, чем кажется вам. Нет ни абсолютного зла, ни абсолютного добра, и стремление к абсолюту — лишь фантом, смущающий незрелые умы».

Однако, — продолжал аризиянин, — причины, которыми вы интересуетесь, существуют; более того, их целых три. И любая из них стоит усилий, потраченных на оснащение вашего Патруля концентраторами. Безусловно, нельзя отождествлять с абсолютным добром и злом такие категории, как свобода и рабство, демократия и автократия, возможность и отсутствие выбора. Нам кажется, однако, что мерилom благополучия для боль-

шинства живых существ является движение вперед, к возвышенной и грандиозной цели. И на этом пути каждому мыслящему созданию должна быть гарантирована безопасность — как физическая, так и интеллектуальная. Мы, аризиане, только маленькая частица этого движения, мы идем туда, куда — в той или иной степени — стремится все сущее. Вам, короткожителю, растрачивающим драгоценные часы в сутолоке больших городов, в бесплодных спорах и суете, трудно представить, какое счастье ощущать себя каплей этого могущего потока, стремящегося в будущее. Одно это оправдывает вне наши усилия».

— Никогда не думал о подобной концепции счастья... — медленно произнес Сэммз, пытаясь разобраться в том, что нельзя было выразить словами. — Но я постараюсь понять... мне кажется, я уже понимаю...

«Есть и вторая причина, — ментальный голос аризианина вдруг окрасился теплом. — Мы несем на себе определенные обязательства, их жизнь на многих и многих мирах возникла из посеянных нами семян. Таким образом, мы должны выполнить свой родительский долг и передать возмужавшим детям часть своей силы. Наконец, в-третьих... — Сэммз уловил мысленный эквивалент улыбки, — да, в-третьих... Скажите, гость, ведь в свое время вы потратили много времени и сил, чтобы научиться играть в шахматы, не так ли? Зачем?»

— Гмм... Для тренировки логики и быстроты мышления, полагаю... В конце концов, шахматы мне просто нравятся! Ведь это — игра!

«Вот именно. Шестьдесят четыре клетки и шесть видов фигур... Вы смотрите на них, рассчитывая комбинации, прогнозируя будущее... и, если вы не ошиблись, это доставляет удовольствие... — несомненно, Ментор снова улыбался. — Но идеальный аналитик мог бы пойти дальше: по одному-единственному предмету или живому существу он способен не только представить себе всю вселенную, но и ее развитие — от начала до самого конца».

Сэммз кивнул головой.

— Да, мне приходилось встречаться с такой точкой зрения. Впрочем, я никогда не верил, что это возможно.

«И правильно делали, поскольку идеального аналитика — или абсолютного разума — не существует. Разум может стать всеведущим лишь накопив безгра-

нические знания, что требует бесконечного времени. Однако, хотя мы с вами не распоряжаемся вечностью, попробуем сыграть один тур... — Ментор на миг замолк, потом в голове Сэммза вновь раздался его беззвучный голос: — Итак, о вашем потомке, Клариссе Макдугал, которая... Нет, — внезапно прервал он свою мысль, — лучше поговорим о событиях не столь далекого будущего — например, о том, что вы будете делать через пять лет, земных лет. Устроит?»

— Давайте! — с энтузиазмом поддержал Сэммз. Похоже, он начал улавливать смысл этого чисто аризианского развлечения.

«Вы будете находиться в несколько странном для меня месте... Там удаляют лишние волосы... кажется, вы называете подобное заведение парикмахерской. Она еще не открыта, но через пять лет вы окажетесь там, в доме тысяча пятьсот пятнадцать на Двенадцатой авеню в Спокаме, под Вашингтоном, Северная Америка, планета Земля. Мастера, который станет приводить в порядок ваши волосы, зовут Антонио Карбонеро, он — левша. Итак, стрижка закончена, и он начинает брить вас — бритвой с надписью «Дженсен Кинг Бирд». Четвероногое существо, небольшое, полосатое, вскочит вам на колени, затем издаст звук, который даже вы, люди Земли, не можете истолковать однозначно. Мурлыканье — так, кажется?»

— Да, — выдавил ошеломленный Сэммз. Он не мог поверить, что это правда, но вера и знание — разные вещи. Он знал, что так произойдет.

«Никогда не видел кошки... но вы сейчас представили ее, и этого достаточно. Так вот, зверек заденет хвостом локоть мастера, и бритва оставит на вашей щеке чуть заметный порез... десятая дюйма в земных единицах длины. Пожалуй, хватит подробностей? Ведь вам не составит труда все проверить?»

— Безусловно! — Сэммз широко улыбнулся. — Но нам, людям, не нравится, когда парикмахер так неаккуратен. Я запомню этот адрес и эту кошку — и никогда не переступлю порог заведения в доме тысяча пятьсот пятнадцать на Двенадцатой авеню! Как там дальше? Спокам, Северная Америка, планета Земля?

«Не зарекайтесь, мой юный друг, — в тоне Ментора чувствовалась легкая насмешка. — Цепь событий разорвать нелегко. Вы слишком занятой человек, чтобы думать все пять лет о моем маленьком предупреж-

дении. Но вы вспомните о нем — когда на вашей щеке выступит капелька крови. Я даже могу процитировать, что вы тогда скажете...»

— Пощадите, сэр, — Сэммз попытался улыбнуться, но выдавил только кривую ухмылку. Он был ошеломлен и слегка испуган — этот огромный мозг, плававший в прозрачном цилиндре, обладал невероятной, фантастической мощностью! — Если, получив такое детальное предсказание, я позволю Антонио Карбонеро и его полосатой кошке безобразничать, то буду вполне достоин... гмм... чтобы меня назвали так, как называли! И не стоит этого цитировать!

«На самом деле рассчитать место и общую канву событий не столько сложно, продолжал аризиянин, не обращая внимания на слова Сэммза. — Мелочи, вот что требует настоящего искусства! Например, чтобы вычислить количество волосков, срезанных парикмахером, надо учесть движение воздуха, температуру, давление, заточку его инструмента, манеру двигаться, настроение... и еще сотни факторов. Я могу сделать это, но все же мое предсказание не идеально. Девяносто девять, запятая и девятьсот девяносто девять тысячных процента... может быть, еще одна или две девятки...»

— Так, уважаемый Ментор, я ничем не могу вам помочь, — заявил Сэммз. — Я не в силах определить, как торчит каждый волосок на моей голове, и куда он свалится, когда этот Карбонеро щелкнет своими ножницами.

«Безусловно, мой юный друг, безусловно. Но теперь вы носите Линзу, и я сам могу в любой момент сравнить свои расчеты с действительностью. Ведь там, где находится существо с концентратором, всегда может очутиться и аризиянин. — Жидкость в цилиндре чуть всколыхнулась, и Ментор заметил — на этот раз серьезным тоном: — Итак, убедил ли я вас, что наш народ может быть полностью вознагражден за те небольшие усилия, которых потребует производство Линз для Патруля?»

— Я больше не сомневаюсь, сэр, Но Линза... моя Линза... Я начинаю испытывать настоящий страх... Я уже понимаю, что она может служить идентификатором... может одарить меня способностью к телепатии... Но есть что-то еще! Что-то, с чем я пока не могу разобраться!

«Да, у нее много возможностей, и я не хочу рассказывать о них сейчас. Вы должны все выяснить сами.

Но учтите — так же, как не существует двух совершенно одинаковых людей, нет и полностью идентичных Линз. Точнее говоря, Линза как таковая не обладает реальной мощностью; она только концентрирует и усиливает ваши силы и способности. Вот, возьмите, — в руки Сэммза скользнул небольшой контейнер. — Здесь Линза для вашего друга Родерика Киннисона. И она немного отличается от вашей».

Сэммз задумчиво уставился на серый ящик в своих ладонях.

— Линза для Киннисона... — протянул он. — Но как же остальные? Кто выберет их? И как они получают концентраторы?

«Их выберете вы сами — с помощью системы испытаний, которые будут очень непростыми. Затем вы будете посылать их сюда — по одному. Поверьте, вы удивитесь, как немного найдется кандидатов...»

Ментор замолчал, словно ожидая возражений от человека, но тот также безмолвствовал. Беззвучная мысленная речь аризиянина вновь коснулась его разума.

«Вы сами, Сэммз, войдете в историю как первый из Ленсменов, как человек, чья сила, проницательность и воля сделают из Галактического Патруля то, чем он должен стать. Вам помогут Киннисоны, отец и сын, Конвэй Костиган, ваши кузены Джордж и Рэй Олмстеды — и ваша дочь Вирджилия...»

— Джил? Она тоже подходит? Но откуда вы знаете о ней?

«Любой из наших молодых Стражей, наблюдая за вами на протяжении последних двадцати трех лет, пришел бы к такому выводу. У нее степень доктора психологии, она обучалась на Марсе и Венере, прошла курс у адептов из Полярной Области Юпитера... Ее стойкость, непосредственность, сила духа имеют не меньший вес, чем знания. Наконец, есть и особые таланты... Вы помните ту игру в покер?»

— Конечно, — Сэммз смущенно улыбнулся. — Она излагала нам свою стратегию — совершенно открыто... а потом обчистила всю компанию до последнего медяка.

«Значит, вы понимаете, о чем я говорю. Но подведем итог! Не переживайте, если почувствуете себя неподготовленным, недостойным, некомпетентным — это тоже часть груза ответственности, который несет Ленсмен. Обследовав разум Родерика Киннисона, вы, возможно,

решите, что не вам, а ему пристало быть первым. Он будет думать то же самое о вас. Не удивляйтесь! Ни один разум в Галактике, даже самый мощный, не способен к абсолютно точной самооценке.»

Ментор сделал паузу; казалось, он что-то вычислял, на миг словно забыв о сидевшем перед ним человеке.

«Время истекает, — внезапно заметил он. — Через минуту вам надо отбыть».

— Спасибо вам... спасибо за все! — поднявшись на ноги, Сэммз склонил голову. — Надеюсь, дело теперь пойдет вперед. И я смогу опять появиться у вас...

«Нет, — прервал его холодный беззвучный голос. — Я не предвижу в будущем новой встречи — вне зависимости от того, нужна она или нет».

Контакт прервался, словно между ними опустили тяжелый, плотный и непроницаемый занавес. Сэммз вышел из здания, сел в поджидавший его экипаж и через несколько минут очутился в кабинете шлюпки. Пусть до приемного шлюза «Чикаго» был недолгим. Очутившись на борту, он, не говоря ни слова, будто загипнотизированный, проследовал в свою каюту.

Вскоре Сэммз широко распахнул дверь и появился в коридоре, где собралась порядочная толпа встречавших. Теперь печать молчания была снята с его уст.

* * *

Они сидели в малей кают-компании бок о бок с Киннисоном.

— Ну, Род, вот я и вернулся... — начал Сэммз и вдруг почувствовал, что слова излишни. Разум друга был раскрыт, распахнут перед ним; и то, что Сэммз в одно мгновение почувствовал и узнал, заставило его онеметь.

Он дружил с Киннисоном много лет; он не сомневался, что тот — честный, мужественный и умный человек. Он знал, что Род смел и силен — и добр, очень добр. Для него не существовало маленьких людей; люди были прежде всего людьми, а не серой массой из статистических справочников. Наконец, Киннисон относился к породе бойцов, и его доброта и жалость не превращались в мягкосердечие. Когда требовалось нажать оружейную гашетку, он не колебался — а стрелком Родерик был отменным.

Но только теперь, когда Сэммз смог заглянуть в его

сознание, он понял все величие духа, всю мощь разума Родерика Киннисона. Воистину, этот человек был из племени титанов!

— Что случилось, Вирджил? — Киннисон взволнованно протянул к нему руки. — Вы выглядите так, словно узрели приведение! Что они сделали с вами?

— Ничего, Род, ничего. Я действительно вижу чудо... Но не приведение — живого человека! — Сэммз поднялся. — Пойдемте в мою каюту, я привез для вас подарок.

Под любопытными взглядами офицеров они направились в закуток шефа Галактического Патруля; там ленсмены провели почти все время, пока «Чикаго» возвращался домой. Наконец, крейсер встал на выдвижные опоры на бетонной площадке аэродрома, и его пассажиры, взяв машину, поехали к Холму.

— И кого же вы собираетесь послать первыми? — спросил Киннисон, когда их глайдер, миновав массивные ворота, нырнул в тоннель.

Сэммз угрюмо пожал плечами.

— Семь-восемь человек, не больше. Мне казалось, что я могу набрать целую сотню или две... К сожалению, это не так, Род. Джек, Мэйсон Нортроп, Конвэй Костиган будут первыми. Затем — Лиман Кливленд и Фред Родебуш... возможно — Бергенхольм... пока я еще не решил. Вот и все.

— Разве? А что вы скажете о ваших кузенах — близнецах Олмстедах?

— Что ж, пожалуй и они...

— Вспомните о коммодорах Клаймоне и Швайнерте... о Набосе... Дал-Налтеле... О Джил, наконец.

— Да, Джил... Она, вероятно, тоже подойдет.

— Почему бы нам не пригласить всех этих молодых людей, чтобы окончательно разобраться с ними?

Эта мысль показалась Сэммзу здоровой, и вскоре вся компания собралась в его кабинете в Холме. Молодежь слушала отчет о последнем полете «Чикаго» с горящими глазами; все они были готовы рискнуть — точнее, мечтали об этом. Что касается Джил, единственной девушки в группе, то общее мнение выразил Киннисон-младший.

— Было бы просто несправедливо оставить ее, — решительно заявил он. — Джил подходит не меньше любого из нас.

— Дже-ек! — с удивлением протянула девушка. —

Разве у меня не куриные мозги? Или прекратился склероз, выпадение памяти, паранойя, шизофрения и... и что там еще? Потом — я же сплю на ходу! Я — скандалистка, упряmica, кокетка...

— Ехидная девчонка, твердолюбая гусыня и многое другое, — подхватил Джек, ничуть не смущаясь присутствием двух страших представителей их фамилий. — Но даже в половине твоих куриных мозгов больше ума и здравого смысла, чем у любой девицы твоих лет. И потом, я никогда не утверждал, что ты не способна хорошо соображать — когда хочешь, конечно.

— Итак, возражений нет? — спросил Сэмми, усмехаясь. — Тогда — в дорогу! Мне кажется, двигатели «Чикаго» еще не успели остыть.

* * *

Спустя некоторое время трое молодых офицеров и девушка собрались в каюте Джека Киннисона на борту «Чикаго». Мужчины, запястья которых были перехвачены сверкающими браслетами, были явно смущены; руки Джил оставались голыми. Наконец, она нарушила гнетущее молчание.

— Ну? Стоит ли меня жалеть? Я не видела ничего прекрасней за всю свою жизнь. Богиня, настоящая богиня семи футов ростом! Выглядела она лет на двадцать, но глаза... такие глаза, словно в них светится мудрость тысячелетий! — Джил мечтательно вздохнула и вдруг поинтересовалась: — Что вы так на меня уставились?

— Богиня?! — дружным хором переспросили все трое.

— Да. Женщина! Почему это должно вас удивлять? Конечно, мы спустились на планету поодиночке, но я думаю, что она встречала всех. Разве не так?

Мужчины заговорили, перебивая друг друга, и Джил подняла руку.

— Погодите! Пусть каждый расскажет, что видел, — она повернулась к Костигану. — Конвэй, пожалуйста, вы — по праву старшего. Итак, где вы побывали?

— В Управлении Галактической Безопасности, у его шефа, — бодро сообщил Костиган. — Видный мужчина лет сорока пяти, шесть футов и два дюйма, волосы — рыжеватые, как у вашего отца, Джил, и такие

же янтарные глаза. Умный, знающий, тактичный. Побеседовал со мной, потом достал из сейфа браслеты и защелкнул на моих запястьях.

Теперь Джек с Мэйсоном устали на Кости-гана; потом они переглянулись и в унисон присвистнули.

— Мэйс, вы! — скомандовала Джил.

— Я попал в университетский городок — чистый, ухоженный. Старинные здания, парк, тысячи студентов... Принимал меня декан физического факультета, в своей личной лаборатории. Часа четыре сканировал мой мозг, изучал каждую клетку. Потом синтезировал Линзу — точно по моим параметрам, как было сказано, — произнес очень торжественную речь насчет ответственности и велел убираться вон.

— А он не добавил: «и больше никогда здесь не появляйся»? — спросил Костиган. — Мне об этом прямо сказали.

— Да, и моя богиня намекала на нечто подобное... — задумчиво произнесла Джил. — Похожая деталь... Ну, теперь, ты, Джек, — она взглянула на Кинни-сона. — Что-то ты выглядишь очень кислым, а?

— Это от зависти. Я-то ничего интересного не видел! Даже не садился! Со мной связались, переговорили, потом возникли браслеты — прямо из воздуха. Ну и... как там у Мэйса? Пошел вон!

— Ну и ну! — Джил с трудом могла переварить такую короткую и неинтересную историю.

— Похоже, каждый из нас увидел то, что хотел, — со значением произнес Костиган.

Джил, не соглашаясь, покачала головой.

— Я вовсе не думала, что встречу женщину. Скорее, они создали наиболее подходящую для нас обстановку. Даже для Джека — ведь он пилот... Хотелось бы мне знать, было ли там хоть что-нибудь реальное...

— Линзы вполне реальны, а это главное, — хмуро пробормотал Джек. — Хотелось бы мне знать, почему тебе они отказали. Ты не глупей нас... Если бы я мог вернуться!

— Не кипятись, Джек! — глаза девушки сияли. — Я очень ценю твою заботу... даже готова полюбить тебя за такую самоотверженность. Только Линза мне не нужна!

Джек Киннисон пристально посмотрел на нее. Во время этой беседы ни он сам, ни двое остальных мужчин

не прибегали к помощи своих чудесных устройств; им казалось нетактичным вторгаться у разум Вирджилии Сэммз. Покачив головой, Джек сказал:

— Зачем же тебя заманили на Аризию? Чтобы посмеяться? Или поглядеть на женщину?

— Никто надо мной не смеялся, Джек. И эта аризианка была в тысячу раз женственней и прекрасней, чем я... — Джил вздохнула. — Наверно, они хотели объяснить мне кое-какие вещи...

— Что именно?

— Видишь ли, Линзды — боевое оружие и предназначены для мужчин... для сильных, твердых, безжалостных мужчин, стражей справедливости и порядка. Женщинам они не подходят — так же, как... как бакенбарды. Когда-нибудь аризиане сделают Линзу и для нас... Мой Ментор сказала, что...

— Ментор? — переспросил Костиган, а оба юноши широко раскрыли глаза. Все они имели дело с Ментором!

— Я уже знаю, что это не ее... не его имя, — выдавила Джил. — Вернувшись, я покопалась в учебниках древней истории. Ментор — наставник, мудрый советчик... Вот так, мои дорогие. Что скажете?

Наступила тишина; и, чем больше вспоминали четверо молодых людей, столкнувшихся с аризианским сверхразумом, тем глубже становилось молчание.

Глава 4

МЕЖЗВЕЗДНАЯ ПОЛИТИКА

— Значит, вы ничего не нашли на Невии, — Родерик Киннисон поднялся, притушил о край массивной пепельницы окурки сигары и зажег следующую. — Странно! Нерадо казался вполне подходящим кандидатом. Я был почти уверен, что он подойдет.

— Я тоже. Тем не менее... — Сэммз развел руками; вид у него был довольно мрачным. — Да, он подходящий кандидат, но не достаточно сильный. Черт побери, эти ленсмены — редкие птицы! На всей планете — никого!

— Обидно. Столько усилий потрачено впустую, —

Киннисон вышагивал по просторному кабинету, выпуская к потолку клубы дыма. — Но вы правы, Вирджил, вы правы: в сообществе ленсменов должны быть представлены все звездные системы... все, в которых мы найдем подходящих претендентов. И желательно, чтобы ленсменами были все члены Галактического Совета. Иначе нас ждут неизбежная зависть, козни, интриги. Даже в такой однородной группе, как Лига Трех Планет, это неизбежно. Поэтому наш собственный Совет должен представлять всех — и Марс, и Венеру, и Землю... даже Плутон. Это вопрос политики! Однако, — комиссар Безопасности бросил на Сэммза быстрый взгляд, — найти ленсменов в иных мирах будет непросто, очень непросто!

— С этим я и не спору, — буркнул Сэммз, повернувшись к окну. Оно открывалось прямо в небесный простор, так как его кабинет в нью-йоркской резиденции Патруля находился на семидесятом этаже небоскреба.

— Вы полагаете, что для всех рас справедлива положительная корреляция между уровнем технологии и ментальным даром? — спросил Киннисон, попыхивая сигарой. — Что в первую очередь надо обследовать развитые в техническом отношении системы?

— Во всяком случае, это предположение не лишено смысла, — кивнул шеф Патруля. — Я попробую и дальше придерживаться этой стратегии, несмотря на провал на Невии.

Киннисон остановился перед столом и обвел сигарой круг; в воздухе повисло сизое кольцо дыма.

— Межзвездные полеты — дело для нас новое, — сказал он, разглядывая это символическое изображение сферы земного влияния. — Пока мы не забирались далеко, но в ближайшем обследованном районе имеется восемь звезд с перспективными планетами — считая и Валерию, которая полностью подобна Земле. Пять систем не имели разумной жизни, и мы колонизировали их без больших хлопот. Миры Прощения и Вегги вступили с союз с нами; это — дружественные народы, очень похожие на людей, если не обращать внимание на хвосты вегенцев и другие мелкие отличия. Но в этой же области имеется несколько других планет, неподходящих нам и заселенных негуманоидными расами, более или менее разумными. Пока мы не представляем ни их уровень, ни потенциальные возможности, но скоро ленсмены выяснят это.

Пока что, — Киннисон ткнул сигарой в центр расплывающегося дымного кольца, — все наши колонии находятся в пределах двадцати световых лет от Земли — не считая Альдебарана II, который удален на восемнадцать парсеков. Это очень немного... крошечная область пространства. Напомню вам, что невиане уж давно совершают более протяженные рейсы; они добрались к нам с расстояния сотни светолет. Эта раса старше нас — однако, как вы выяснили, аризиане не собирались предлагать им свои Линзы. Почему же?

— Этот вопрос заинтриговал и меня, — заметил Сэммз. — Но продолжайте дальше, Родерик! Интересно, совпадут ли наши выводы.

— Хмм... — Киннисон задумался, потом покачал головой. — Я полагаю, что невиане, собственно говоря, не являются исследователями космоса. Они не колонизировали планеты, не оставляли на них научных станций... Они только искали железо! Жизненно необходимый им металл! Видимо, у амбифий больше рационализма и меньше любопытства, чем у людей.

— Определенно так, — согласился Сэммз, вспоминая томительные недели, проведенные на Невии.

— Теперь о ригелионах. Весьма странная раса... До них — четыреста сорок светолет, и первые контакты были не слишком обнадеживающими... они словно кивнули нам по пути и отправились дальше. Ну, их можно понять — у нас нет ничего, что могло бы по-настоящему их заинтересовать... — он взглянул на Сэммза. — Я все еще иду по вашим следам, Вирджил? Как насчет ригелиан?

— Я не теряю надежды... Но продолжайте, Род. Не порассуждать ли нам насчет Полэна VII?

— А! Там есть какие-то зацепки? Но Полэн так далеко от нас, что никто не знает, где он, собственно, находится — может быть, в тысячах световых лет. Но это древняя раса! Они открыли и исследовали нашу систему еще до того, как европейцы открыли и исследовали Америку. И выбрали себе планету по вкусу — Плутон! — лицо Киннисона выразило крайнюю степень отвращения. — Дьявол с ними, Вирджил! Вы можете добраться до Ригеля и, используя свою Линзу, как-то найти общий язык с местными. Но Полэн! О чем говорить с существами, которые выбрали для колонизации Плутон? Адская планета, а их собственный мир наверняка

еще хуже... Нет, Вирджил, союз с ними — невероятное, невозможное предприятие!

— Я понимаю, что это будет непросто, — мрачно согласился Сэммз, — но это надо сделать, и я это сделаю! Помните, мы обсуждали с вами первые попытки связаться с полэнтианами на Плутоне? Но тогда у нас еще не было Линз... Недавно я снова просмотрел записи тех переговоров. И знаете, Род, кажется, мне удалось сообразить, о чем они толковали нам тогда, на своем честно выученном английском!

— Что?! — воскликнул потрясенный Киннисон. На миг он замер, словно прислушиваясь к мыслям Сэммза; их концентраторы помогали быстро понять друг друга. — Так в чем же была сложность?

— В подтексте. Доклады наших контактеров содержали только слова, а то, что подразумевалось между строк, можно установить только по видеозаписям. Некоторые из обозначений полэнтиан — я имею ввиду меры расстояния, времени и так далее — оказались настолько непривычными, что их буквальное восприятие искажает всю картину. Ясно одно — они обладают мощным разумом и, как бы не отличалась их этика и нормы поведения от наших, они не испытывают вражды. — Сэммз пошевелился в своем кресле и, глядя в огромное окно, медленно произнес: — Одним словом, Род, я решил сам заняться и Ригелем, и Полэном. Кто знает, возможно, мне повезет...

Киннисон склонил голову. Он чувствовал, что отговаривать друга бесполезно — да и не нужно. Первый Ленсман Галактического Патруля знал, что делал.

После недолгого молчания в комнате вновь раздался звучный голос Сэммза.

— Но хватит о моих планах, Род. Расскажите, что нового у вас.

Родерик наблюдал, как очередное сизое колечко от его сигары всплывает к потолку. Выпустив еще два, он поочередно ткнул в каждое пальцем.

— Первое, второе, третье... И каждое из направлений работы охватывает все больший ареал, расплываясь подобно дыму колыску. Итак, первое — межзвездный разбой. Ну, это мое традиционное занятие, и пока что я с ним справляюсь — с помощью Костигана и моего Джека.

Второе — наркотики. Сид Флетчер, который ведет это дело, человек опытный, но не ленсман — что не дает

мне права отстранить его от расследования. Я подключил в параллель ему Набоса и Дал-Налтела; сейчас они пытаются выйти на центральную организацию, которая координирует действия всех занятых в этом бизнесе мерзавцев. Однако я бы не возражал, Вирджил, передать всю работу подходящему человеку. Слишком много для меня... Есть ведь еще и третье!

Третье — чистая политика... или, скорее, грязные политические игры. Чем больше я занимаюсь такими вопросами, тем ясней понимаю, что проблема политического противостояния является самой важной. Тут масса нюансов, и один из них — ваш старый приятель сенатор Морган, который брызжет слюной и кричит на каждом углу, что выведет этот Галактический Патруль на чистую воду. Теперь представьте себе, что нам, в процессе оборудования баз на планетах, придется иметь дело с сотнями таких Морганов, давать ответы на их претензии, сглаживать разногласия, убеждать... Да, Вирджил, межзвездная политика — титаническая задача! А кроме Костигана и Джека, настоящих помощников у меня только трое — Джил, Нортроп и Фаргальд... Последний из них — умный человек и ваш родич, но никогда не станет ленсменом.

— Я вам сочувствую, Род, и понимаю, от какой массы дел вы меня прикрыли, — на лице Сэммза появилась виноватая улыбка. — Но вы знаете, что сейчас главная задача — найти новых людей... существ, которые могли бы пользоваться аризиянским концентратором. — Он сделал паузу и потом задумчиво произнес: — Возможно, посетив Ригель, я найду кого-нибудь... тогда я вернусь на Землю и помогу вам.

Киннисон фыркнул.

— Клянусь ночным чепцом моей бабушки, если вы сделаете это, я оплачу вам месячный отдых на самом фешенебельном из курортов Венеры!

— Тогда начинайте копить деньги, старина, — усмехнулся шеф Патруля. — Эти парни ригелиане очень сообразительны... Интересно, — вдруг заметил он, — как досточтимый сенатор Морган и ему подобные отнесутся к появлению в Совете представителей других звездных рас? — глаза Сэммза сузились, взгляд стал пронзительным. — Что ж, это внесет разнообразие в политические лозунги своры ксенофобов...

— Мы могли попросить Джил, чтобы она проверила это. Знаете, Вирджил, у вашей дочери прирожденный

талант вытягивать сведения из мужчин зрелых лет. Она освободила меня от половины забот, связанных с командой Моргана.

— Вот как? Вероятно, они клюют на ее молодость и беззащитность, а у малышки хватает ума не показывать характер.

— Я не могу ей приказывать...

— Не хотите, Родерик.

— Нет, не могу. Хотя она получила статус ленсмена, но девочка не связана официально ни с Трипланетарной Службой, ни с Патрулем. Так вот — приказы ей не нужны, ваша Джил сама знает, что надо делать. Обычно она работает с Фаргальдом и Нортропом. Те держат глаза и уши открытыми, а рты на замке; ну а Джил — Джил болтает за троих и узнает все, что нужно. Кстати, и сейчас... — Киннисон взглянул на часы.

— Сейчас?

— Да. У нее свидание с одной довольно информированной личностью...

Сэммз утвердил локти на столе и оперся подбородком о ладони; взгляд его стал задумчивым.

— Попробую-ка я связаться с ней. Мне кажется, концентратор дает возможность ментальной беседы. — Он представил лицо дочери и мысленно позвал, пустив в ход все свои телепатические ресурсы: — «Джил! Девочка! Ты меня слышишь?»

К его изумлению, ответ пришел немедленно.

«Да, папа! Но ради бога, тише! Ты меня просто оглушил!»

И действительно, он вдруг почувствовал, что Вирджилия находится рядом с ним, на расстоянии протянутой руки — и в глубине его разума. Никогда еще ощущение родства и связи с дочерью не было таким сильным — даже в детстве, когда Сэммз носил крохотную кареглазую девчущку на руках. Он уменьшил интенсивность вызова.

«Род, присоединяйтесь... — теперь он чувствовал присутствие Киннисона, и дружеское тепло, исходившее от него. — Джил, где ты и что делаешь?»

«Вашингтон, округ Колумбия, европейское посольство. Танцую с неким Геркаймером, секретарем Моргана. Знаешь, отец, он оказался очень разговорчивым... но похоже, рассчитывает кое-что получить от меня взамен».

«Будь с ним поосторожнее, девочка. Такие парни...»

«Ну, он довольно преклонного возраста на мой вкус.

И потом, этот тип рассчитывает только на свое обаяние — так что тут нет особой угрозы. Посмотри сам, папочка, ты же можешь».

Сэммз посмотрел. Перед ним возникло лицо мужчины лет тридцати пяти — живое, загорелое и довольно приятное; казалось, он излучал победительную самоуверенность.

«Вижу. И он мне совсем не нравится».

«Потому что ты — не девушка, — Джил мысленно хихикнула. — Этот Геркаймер считает, что все девушки должны падать к его ногам... так что придется мне слегка прищемить ему нос».

«Ладно, ладно, упрямица! Но все равно будь осторожнее. Дело не стоит риска. По-моему, он ничего серьезного не знает».

«Шшш, папа... Сюда идет сам сенатор Морган — с каким-то отвратительным жирным венерианином! Так, так... Он незаметно подзывает моего приятеля... то-есть, он думает, что незаметно... Расстаемся, отец. Если я захочу узнать продолжение, надо будет что-то придумать...»

«Доброй охоты, Джил!»

Сэммз встал, потянулся и взглянул на часы.

— Пора, Род. Через пару часов я должен быть на борту «Чикаго». Он ждет меня в порту, на базе нью-йоркского дивизиона.

Киннисон швырнул сигару в пепельницу и крепко стиснул руку шефа Патруля.

— Ну, Первый Ленсмен, желаю быстрого пути. И доброй охоты!

* * *

Сэммз покинул свой глайдер на пороге нью-йоркского аэропорта — самого крупного транспортного узла Трипланетной Лиги, с которым безуспешно соперничали космодромы Чикаго, Лондона и Царицына на Волге. Нью-йоркский порт располагался на месте Южного Нарволка, в штате Коннектикут, и был вполне достоин древней финансовой столицы Соединенных Штатов и всей Земли. Значительную его часть занимала главная база Галактического Патруля и трипланетарных сил безопасности; там и поджидал «Чикаго» своего пассажира.

Оставив машину на стоянке, Сэммз направился к

служебному входу — массивной двери, форма которой напоминала шлюз космического корабля. Внезапно за его спиной раздался уверенный голос:

— Одну минуту, сэр... Мистер Сэммз, если не ошибаюсь?

Сэммз обернулся и смерил незнакомца внимательным взглядом.

— Да.

Он не стал активизировать концентратор; в те времена ленсмены еще не овладели до конца методом быстрой проверки любого разумного существа, которое пытается вступить с ними в контакт. Впоследствии Линза помогала им мгновенно выяснить, чего на самом деле желает собеседник.

— Я — Изаксон... — человек замолчал — с таким видом, словно это имя должны были знать по всему миру.

— Очень польщен, — буркнул Сэммз, прикидывая, сколько времени он может уделить разговору. «Чикаго» ждал в доке, а этот тип ему явно не нравился.

— Изаксон из «Межзвездных космических перевозок», — повторил незнакомец, подчеркнув название своей корпорации. — Мы пытались встретиться с вами, Первый Ленсман, на протяжении двух недель, но кордон ваших секретарей непроницаем... — на лисьем лице Изакасона мелькнула усмешка. — Только поэтому я решился перехватить вас прямо здесь. Пожалуй, это к лучшему, так как разговор носит строго конфиденциальный характер.

Разведка у них поставлена неплохо, отметил про себя Сэммз; не более двух десятков людей из его аппарата знали, что ему предстоит путешествие на Ригель, и только шестеро были осведомлены о времени вылета. Итак, чего же хочет от него представитель одной из крупнейших компаний, занимающихся межзвездной торговлей? Весьма подозрительной компании, стоило бы добавить.

Сэммз поднял вопросительный взгляд на собеседника.

— Наша корпорация хотела бы получить от Совета некую привилегию, — произнес Изаксон. — Речь идет об исключительном праве защиты и судопроизводства во всех внешних мирах и трипланетарных колониях.

Похоже, МКП не страдали отсутствием аппетита. Сэммз вежливо улыбнулся и сказал:

— Этот вопрос — вне моей компетенции, мистер Изаксон. Я — не член Совета и ничем не могу вам помочь.

— Нас не интересует ваш официальный статус, — его собеседник пожал плечами. — Вы — большой человек, мистер Сэммз, и Совет прислушается к вашей рекомендации. Как известно, МПК стала самой мощной из космических корпораций, и мы развиваемся очень быстро. Мы вступаем в контакты только с неординарными, облеченными настоящей властью людьми, и подтверждением моих слов является этот чек на миллион кредитов, который я...

— Не стоит рыться в карманах, — нахмурился Сэммз, — меня не интересует их содержимое.

— Всего лишь задаток, мистер Сэммз, — Изаксон словно не слышал его замечания. — Всего лишь задаток — к тем двадцати пяти миллионам, которые будут переведены на ваш счет в тот день, когда МПК получит привилегию...

— И все же — меня это не интересует, — Сэммз заметил, как чек с золотым обрезом дрогнул в холеных пальцах Изаксона.

— Неужели? — посланец МПК теперь изучающе глядел на ленсмена, и Сэммз активировал свою Линзу. — Вероятно, вы понимаете, что мы все равно добьемся своего — с вами или без вас. С вами это было бы проще и быстрее. Стоит ли отказываться от такого предложения, сэр, подкрепленного двадцатью шестью миллионами? — он почти пропел последние слова, словно исполняя некую торжественную ораторию в честь Его Величества Бизнеса. — Плюс к тому — пакетом акций МПК, который сегодня стоит пятьдесят миллионов, а через десять лет будет котироваться на уровне пятидесяти миллиардов.

— Я очень сомневаюсь, что ваши акции поднимутся в цене, — с усмешкой произнес Сэммз и перешагнул порог; бронированные створки двери сошлись за его спиной, отрезав от Изаксона.

«Род? — позвал он. — Вы слышали, как меня пытались подкупить?»

«Напористые ребята, — Киннисон мысленно присвистнул. — Ничего не боятся! Ведь вы могли бы перемолоть их как кофейные зерна!»

«Или они — меня. Этот Изаксон прибыл в порт с основательной командой боевиков».

«Хмм... Возможно, возможно... Но какая хватка! Требовать монополии на полицейские функции в десятиках миров! Это же все равно что...»

«... рабство, Род, рабство. Они собираются подмять всех, начиная с Галактического Совета. И мысли Изакасона на сей счет были вполне ясными».

«Я чувствую, что вас что-то беспокоит, Вирджил, — беззвучный голос Киннисона приобрел вопросительную интонацию».

«Только то, что действительно могут обойтись без моей помощи, Род».

«Вот еще один довод в пользу того, чтобы скомплектовать Всегалактический Совет из ленсменов, — Киннисон на мгновение задумался. — Они еще не понимают, кто такие ленсмены... им кажется, что это нечто вроде почетного титула. Ничего, скоро мы им покажем, как играть в такие политические игры!»

«Усильте контроль за МКП, — сказал Сэммз, вступив в просторное помещение, в котором располагался оперативный пункт Патруля. — До связи, Род».

«До связи».

Девушка, сидевшая за центральным пультом, вскинула глаза на вошедшего и, тихонько ойкнув, что-то пробормотала в микрофон. Затем, вскочив на ноги, она направилась к Сэммзу.

— Добрый день, сэр. Коммодор Клайтон сейчас прибудет.

— Здравствуйте, Сильвия. Нет никакой необходимости беспокоить коммодора Клайтона. Я сам могу добраться до шлюза «Чикаго»...

Но Клайтон уже входил в комнату.

— Привет, Вирджил! Кажется, вы хотите лишиться меня привилегии встречать почетных гостей? — коммодор повернулся к девушке. — Вызовите «жучка», Сильвия. Я сам отвезу мистера Сэммза.

Через три минуты «жучок» — небольшой автомобиль обтекаемой формы — уже ждал их у ворот, выходивших на стартовое поле.

— К «Чикаго»! — кратко распорядился Клайтон, и машина рванулась с места. Она промчалась мимо поста охраны — стражи дружно вскинули руки в салюте, мимо гигантских ангаров и гладких взлетно-посадочных полос, где приземлялись трансконтинентальные ракеты. Наконец под колесами взвизгнул почерневший от атомного пламени, изъязвленный трещинами бетон космодрома.

Отсюда стартовали боевые корабли, и площадки словно прогибались под чудовищным весом крейсеров и дредноутов, застывших ровными рядами, словно стальные шары на бильярдном столе, изуродованном ударами тяжелого молота. Водитель, однако, не снизил скорости, ловко лавируя меж ям и рытвин; видимо, коммодор Клайтон любил быструю езду.

Док, в котором стоял «Чикаго», стремительно приближался. Это было массивное приземистое сооружение в форме цилиндра, в который был на треть погружен корпус крейсера. Выглядело все это устрашающе огромным — особенно когда выпуклая стена корабля нависла прямо над сидевшими в «жучке» людьми. Сэммз знал, что не каждый мог спокойно вынести подобное зрелище; иные падали в обморок или устраивали истерику, так что доки для гражданских транспортов приходилось делать много больше. Обычным пассажирам не рекомендовалось обозревать суда снаружи — гораздо проще было доставить их непосредственно к шлюзу, в который вел закрытый со всех сторон трап.

Сэммз посмотрел на тысячи и тысячи тонн полированного металла над своей головой и улыбнулся Клайтону.

— Так и кажется, Алекс, что этот шарик сейчас покатится по полю, сшибая ангары... Как ваши люди, — он покосился на молодого сержанта-водителя, — не нервничают?

— Я принимаю на работу только обстрелянных парней, — ухмыльнулся коммодор, — если надо, они подпрут наши шарики своими задницами.

«Жучок» лихо развернулся и застыл у подъемника корабля. Кивнув на прощание Клайтону, шеф Патруля легко выскочил из машины, поднялся наверх, к пассажирскому люку и, следом за юным лейтенантом-вахтенным, прошел в адмиральскую каюту. Она была не слишком просторной, как и другие жилые отсеки на борту крейсера, но лучшего «Чикаго» предоставить не мог. Сэммз, во время своих странствий, обычно занимал эти почетные апартаменты.

Он сел в кресло и застегнул ремни; прямо перед ним был монитор внутренней визиофонной связи, слева — большой экран ультраволновой следящей системы. Видеофон мигнул, и на нем возникла насуспенная физиономия капитана. При виде Сэммза старый ветеран

изобразил что-то похожее на любезную улыбку и отпортовал»

— Капитан Винфельд приветствует Первого Ленсмена Сэммза на борту «Чикаго». Разрешите взлет в двадцать-ноль-ноль, сэр?

— Привет, старина, — Сэммз был менее официален. — Взлет разрешаю.

Послышался гул, нараставший с каждой минутой; вскоре он превратился в оглушительный рев, от которого завибрировали стальные переборки. Шла продувка планетарных двигателей; потом они включились на полную мощность. Сэммз с нетерпением ждал, когда закончится эта процедура и начнет работать нейтрализатор инерции. Загорелся следящий экран, но он не увидел ничего — снаружи стояла стена ослепительного пламени. Вдруг крейсер качнулся, по экрану мелькнули сполохи, и в следующий миг фиолетовое небо выстрелило в лицо Сэммзу колющие яркие лучики звезд; «Чикаго» был уже в верхних слоях атмосферы.

Вскоре корабль вышел в открытый космос. И здесь, в свободном бескрайнем пространстве, лишь крохотную часть которого занимали горошины-планеты и мячик-солнце, скорость крейсера достигла такой величины, которую разум человеческий не мог ни представить, ни объять.

Глава 5

РИГЕЛЬ

Несколько часов Вирджил Сэммз сидел неподвижно, уставившись невидящим взглядом в свой экран, на котором разворачивались неповторимые панорамы космических чудес — переливающиеся россыпи невероятно крупных разноцветных бриллиантов, разбросанных каплями сверкающих брызг по черному бархату пространства. Не то чтобы его совсем не привлекали подобные картины — обычно при виде их испытывал благоговейный трепет любой, самый испытанный космический волк, — просто слишком много тяжелых дум ворочалось в его голове. Он должен был решить задачу,

которая, судя по всему, решения не имела, Как?.. Как ему сделать то, что он должен сделать?

Наконец, осознав, что приближается время посадки, он встал, выключил экран, легко выплыл из каюты в коридор и, придерживаясь за поручень, добрался до рубки управления. Конечно, Сэммз мог бы провести там все путешествие, но зная, что офицеры Флота не очень любят, когда в их святилище находятся посторонние, он отправился на мостик лишь тогда, когда в этом возникла настоятельная необходимость.

Капитан Винфельд уже находился в кресле перед своим штурманским экраном; корабельные компьютеры мерно пощелкивали, переваривая очередную порцию расчетов.

— Я как раз собирался послать за вами, Первый Ленсмен, — Винфельд махнул рукой, показывая на кресло. — Прошу вас, займите место капитан-лейтенанта. — Затем, после короткой паузы, он скомандовал: — Мистер Уайт, включайте безынерционную тягу.

— Всему экипажу — внимание! — спокойным голосом произнес в микрофон капитан-лейтенант Уайт. — Подготовиться к инерционному маневрированию. Конец связи.

Рассыпанные по панели крохотные красные лампочки мгновенно сменились зелеными. Уайт включил привод Бергенхольма, после чего вес Вирджила Сэммза тут же увеличился фунтов до пятисот — на военном корабле не было места, чтобы держать такие не первой необходимости приборы, как гравитаторы. Несмотря на то, что он был подготовлен к подобной перемене и сидел в мягком кресле, дыхание у ленсмена перехватило, и он едва не потерял сознание; конвульсивно сглотнув и сделав два-три глубоких вдоха, Сэммз снова пришел в норму.

Теперь управление взял на себя главный пилот «Чикаго» — со всей виртуозностью и мастерством, соответствующим его положению. Он словно извлекал из панели управления музыкальные аккорды, легко касаясь пальцами клавиш и рычажков, управляя с микронной точностью чудовищным мощным дредноутом; сейчас ему требовалось совершить самый ответственный маневр — посадку.

Сэммз пристально вглядывался в следящий экран. Он смотрел на неправдоподобно маленькое раскаленное добела солнце, затем перевел взгляд на мир внизу, выгля-

девший абсолютно безжизненным; мир, к которому они стремились со столь ужасающей скоростью.

— Это кажется невероятным... — проговорил он, то ли обращаясь к Винфельду, то ли к себе самому. — Неужели звезда может быть такой огромной и горячей? Ригель IV почти в двести раз дальше от своего светила, чем Земля от Солнца, и оно выглядит совсем небольшим — примерно как Венера, когда на нее глядишь с Луны, но этот мир жарче, чем пески Сахары!

— Ну, голубые гиганты тоже очень большие и горячие, — ответил капитан будничным тоном, — и их излучение несет смерть. Ригель IV — самая большая планета в этом регионе, и надо сказать, другие значительно хуже нее. К примеру, миры «С-Дорадуса просто выжжены дотла... — Винфельд посмотрел на экран и заметил: — Кстати, мы уже спустились до высоты в двадцать миль и можем зависнуть прямо над городом.

«Чикаго» сбросил скорость и остановился, опираясь на мягко шипящую струю газовых выбросов. Сэммз, активировав Линзу, послал вниз запрос. Он никогда раньше не встречался с ригелианами и не мог четко сформулировать мысленный образ или изображение, необходимые, чтобы получить ответ от любого из представителей этой расы, однако он представил себе тип мышления, соответствующий, по его мнению, существу, с которым он хотел переговорить, и ментально сканировал ригелианский город, пока не нашел то, что было ему нужно. Отклик был несовершенным и неполным, но все же Сэммз сумел понять его.

«Прошу извинить меня за это непрошенное вторжение, — подумал он, тщательно подбирая мысленные образы, — но мне бы очень хотелось обсудить с вами вопрос, имеющий первостепенную важность для всех разумных существ во всех мирах в известной нам области космического пространства».

«Приветствую тебя, землянин», — принял Сэммз ответную мысль. Разум сливается с разумом миллион различных путей, независимо от породившей его плоти. Этот профессор социологии с Ригеля, который ответил на запрос, показался бы человеку монстром, ужасным чудовищем. Наполненный маслянистой жидкостью резервуар его тела опирался на четыре похожих на бревна ноги; существо обладало руками-щупальцами, выдававшимися под массивным куполом головы, глаза и уши полностью отсутствовали. И все же разум

Сэммза сливался с разумом уродливого создания почти так же легко и свободно, как и с сознанием любого из обитателей Земли.

Но что это был за разум! Безграничное спокойствие, невероятно широкий диапазон мышления, редкостная уравновешенность, возвышенная умиротворенность, огромная и непоколебимая уверенность в себе, постоянство и стабильность, непостижимые для суетной человеческой расы.

«Отбросьте мысли о нежелательности вторжений, Первый Ленсмен Сэммз. Я знаю о вашем народе, но никогда не предвидел возможности встречи с его представителем «разум к разуму». Кроме того, я слышал, что ваше сознание способно лишь на ограниченный ментальный контакт с подобными вам существами. Как я понимаю, вы обладаете устройством, позволяющим нам общаться — и именно поэтому вы здесь».

«Да, это так», — ответил Сэммз и стал мысленно излагать концепцию и задачи Галактического Патруля. Это оказалось несложным, но когда он попытался описать в деталях качества, необходимые ленсмену, он начал сбиваться и путаться. Мощь, быстрота реакции, жизненная активность, широкий кругозор, знания... но самое главное — абсолютная целостность личности и предельная неподкупность... Он смог бы узнать подобный разум в любое время и в любом месте после первого же контакта с ним.

«Я понимаю, — сообщил обитатель Ригеля, когда стало ясным, что больше сказать Сэммз ничего не может. — Совершенно очевидно, что я не обладаю достаточной квалификацией; и я не могу указать ни одну из знакомых мне личностей, кто устроил бы вас. Хотя...»

«В это трудно поверить! — воскликнул Сэммз. — Я был уверен, пребывая в контакте с вами, что встретил разум исключительной глубины и силы, невероятной наблюдательности... и вы просто обязаны быть неподкупным!»

«Да, так, — пришел спокойный ответ, — но мы все обладаем этим свойством; у нас просто отсутствует понятие о подкупе. И только исследовав каждую цепь вашего мозга, я смог перевести передаваемый вами образ в концепцию, которая может быть хоть как-то понятна мне».

«Тогда... О, я понимаю — я начал не с того конца.

Надо поискать сначала качества, которые не так часто встречаются среди вас».

«Конечно. Наш тип разума имеет обширный кругозор и, не исключено, достаточную мощность. Но те качества, которые вы перечислили — такие, как «активность» например, столь же редки среди нас, как и абсолютное ментальное единство у представителей вашей расы. То, что вы называете «преступлением», абсолютно неизвестно у нас; мы не имеем полиции, правительства, законов, никаких организованных вооруженных сил. Мы практически всегда выбираем линию наименьшего сопротивления — живем сами и даем жить другим. Мы работаем совместно в добром согласии».

«Ну... я не знаю, что ожидал здесь найти, но определенно не это... — Сэммз никогда еще не попадал в столь затруднительное положение. — Следовательно, вы полагаете, что на вашей планете у нас нет никаких шансов?..»

«Я думаю, вам может представиться шанс, весьма незначительный, но все же... — медленно и спокойно передал ригелианин. — Например, то юное, переполненное любопытством существо, первым посетившее вашу планету. Многие из нас хотели бы разобраться с особенностями разума, который заставил его — и других таких же — бесполезно потратить время, усилия и здоровье на совершенно бесполезный и ненужный проект — исследование космоса. Зачем, с какой целью он разрабатывал двигатели и энергоносители, неизвестные ранее, которые не принесли никакой практической пользы?»

Последние безмятежные слова просто потрясли Сэммза — ригелианин практически отвергал необходимость межзвездных исследований! Станный народ! Однако он не собирался сдаваться.

«Хоть шансы и невелики, все же я должен найти это... это существо и поговорить с ним. Полагаю, что сейчас он находится где-нибудь в глубоком космосе. Вы не могли бы сказать, где именно?»

«Сейчас он в своем родном городе, землянин, готовит запасы и производит топливо, с помощью которого собирается продолжить свои неразумные бесцельные действия. Этот город называется... как бы поточнее выразиться на вашем языке... Солнечный город?... Солнечная гора?... Нет, должно быть более характерное выражение... Ригельвилл? Ригель-сити?»

«Я бы перевел это как Ригельстоун», — заметил Сэммз.

«Прекрасно, пусть будет Ригельстоун», — согласился профессор и мысленно указал место на воображаемом глобусе планеты — более точно, чем мог бы это сделать капитан Винфельд на своей карте.

«Благодарю вас. Не могли бы вы связаться с этим юным исследователем и спросить его, не согласится ли он, его экипаж и любые существа, которым интересен проект, о котором я рассказал, встретиться с нами?»

«Я свяжусь с ним. Одна деталь, землянин... Он и ему подобные не вполне нормальны, однако я не верю, что даже они согласятся перешагнуть порог вашего корабля».

«Не нужно просить их об этом. Встречу можно провести в Ригельстоуне — я даже готов настаивать, чтобы она состоялась именно там».

«Вот как? Это очень странно... невероятно... просто невообразимо! Что ж, сейчас я свяжусь с ним... с этим исследователем Дронвиром... — на миг контакт прервался, затем ригелианин передал: — Вблизи города есть площадка, на которой космические корабли совершают свои ужасающие посадки. Дронвир попросит, чтобы вас встретили и проводили к месту встречи».

Телепатическая связь оборвалась, и Сэммз повернул бледное, покрытое крупными каплями пота лицо к капитану «Чикаго».

— О боже, я думал, что не выдержу подобного напряжения! Если когда-нибудь вам в голову придет мысль без насущной необходимости воспользоваться ментальной связью, отбросьте ее! Это безумие! Особенно, когда дело касается контактов с такой странной и непонятной расой, как эти ригелиане...

— Не беспокойтесь, у меня и в мыслях ничего подобного не было, — сочувствие прозвучало скорее в тоне, чем в словах капитана. — Вы выглядите так, будто провели раундов восемь с достойным противником. Куда теперь, Первый Ленсмен?

Сэммз отметил местоположение Ригельстоуна на карте, затем откинулся на спинку кресла и прикрыл веки. Через несколько минут он встал и начал готовиться к выходу — надел наушники и шлем, оборудованный охлаждающим устройством и пластинками освинцованного стекла для защиты глаз.

Обнаружить площадку, находившуюся на окраине

города, не составляло особого труда. Медленно и плавно, поддерживаемый мощной струей раскаленных газов, «Чикаго» опустился вниз. Чудовищное пламя, бившее из его сопел, добавило не так уж много к разрушениям, уже произведенным находящимися здесь космическими кораблями.

Крейсер приземлился, погрузившись в твердую сухую почву планеты на глубину десяти-двенадцати футов. Сэммз, установив контакт с встречавшим корабль существом, удивился, обнаружив, что разум этого ригелианина большое сходство с его собственным. Он быстро просканировал его и чуть не застонал от разочарования — нет, для ленсмена такой материал не подходил. Тяжело ступая, Сэммз спустился по трапу. Удвоенная по сравнению с земной сила тяжести значительно затрудняла движения, однако он понимал, что это — самое мелкое неудобство из тех, что суждены ему на этой планете. Его уже ждал, приветливо распахнув двери, ригелианский эквивалент земного автомобиля.

Двухколесная машина была довольно похожа на знакомый ему «диллиндэм» — корпус представлял собой узкую стальную торпеду, заостренную с обоих концов и без единого окна. Существовали, однако, и другие отличия, не только неожиданные, но и неприятные — прочная твердая сталь, из которой был изготовлен автомобиль, имела толщину около полутора дюймов — вместо одной шестнадцатой; но даже этот супер-бронированный корпус был весь покрыт царапинами и вмятинами, столь же глубокими и многочисленными, как на дешевых земных моделях.

Ленсмен без особого желания забрался в это мрачное, внушающее какой-то произвольный страх темное нутро. Темное? Да здесь было темней, чем у негра в желудке — оказалось, что похожая на люк дверь вообще не пропускает света. Сэммз вздрогнул, но, быстро взяв себя в руки, мысленно обратился к водителю.

«Мой контакт с вами неполон. Не станете ли вы возражать, если я прикоснусь к вашему сознанию ближе, чем того допускает вежливость? Лишенный зрения и вашего чувства восприятия пространства, я становлюсь практически беспомощным».

«Не имею ничего против, ленсмен. Расслабьтесь, пожалуйста, и входите... Уже лучше?»

«Да, немного. Благодарю вас».

Действительно, обстановка изменилась к лучшему. Темнота как будто рассеялась. Теперь он мог «видеть» — то-есть, воспринимать — трехмерную картину окружающего пространства. Но не только ее! Он мог наблюдать мельтешение поршней в двигателе автомобиля, структуру сварных швов, соединяющих в одно целое стальные пластины, из которых состоял его корпус, свой огромный космический корабль и глубоко упрятанный под тяжелые защитные экраны ядерный реактор «Чикаго»; он мог видеть даже под поверхностью почвы. Столь же ясно он разглядел глубокое мягкое кресло, сконструированное так, чтобы в нем было удобно любому существу — в том числе, и человеку. Сэммз быстро сел и защелкнул ремни безопасности.

«Вы готовы?»

«Готов».

Дверцы захлопнулись с резким стуком, который проник через наушники и щиток плеча раскатом надвигающейся грозы. И это было только начало! Завелся мотор — двигатель внутреннего сгорания мощностью больше тысячи лошадиных сил, сконструированный инженерами, в словаре которых отсутствовали слова «шум» и «звук». Машина рванулась с места с ускорением, которое с колоссальной силой вжало землянина в мягкие подушки кресла. Визг бешено вращающихся колес и грохот двигателя соединялись в мощный аккорд; усиленный резонирующим стальным корпусом, он болезненно вонзился в каждую клетку ленсмена.

«Вы можете вытерпеть это? — заинтересованно осведомился водитель. — Меня предупреждали, чтобы я трогался с места и останавливался очень аккуратно, вел машину медленно и осторожно, тормозил плавно и мягко. Мне сказали, что ваш организм слаб и хрупок — я сам почувствовал это и постарался следовать полученным указаниям. Не превысил ли я порог вашей чувствительности?»

«Нет. Просто... ужасный шум, — осознав, что ригеллианин не понимает этого слова, Сэммз быстро поправился: — значительные вибрации в воздухе с частотой колебаний от шестнадцати до девяти-десяти тысяч в секунду... — тут ему пришлось объяснять, что такое секунда. — Моя нервная система очень чувствительна к таким вибрациям, но они не являются для меня сюрп-

ризом; я принял меры предосторожности. Мы можем продолжать поездку».

«Атмосферные вибрации? Атмосферные ВИБРАЦИИ? АТМОСФЕРНЫЕ ВИБРАЦИИ?» — водитель с удивлением попытался сконцентрироваться на совершенно новом для него понятии, а в это время...

Автомобиль полным ходом промчался мимо обшитой сталью бетонной колонны на скорости по крайней мере шестьдесят миль в час — так близко, что содрал один из защитных слоев металла. Через миг водитель яростно надавил на тормоз, чтобы пропустить дико ревящий грузовик, так что предохранительные ремни со страшной силой впились в тело Сэммза — и это несмотря на зищищавший его скафандр. Затем машина метнулась в просвет — такой узкий, что лишь дюйм отделял ее стремительно летящий корпус от огромной стальной колонны с одной стороны и потока мчащихся автомобилей с другой. Последовал двойной правый поворот — и только расстояние в волосок отделило их от столкновения с двумя автомобилями, несущимися по встречной полосе. Но кульминационный момент, в полной мере показавший сумасшедшее мастерство ригелианского водителя, наступил тогда, когда он на полной скорости выехал на заполненную транспортом улицу; казалось, на ней совершенно не было свободного места — но он его все-таки его нашел! Только на сей раз без столкновения не обошлось — на стальном боку машины появилась еще одна глубокая вмятина.

Безумная поездка продолжалась, и сопровождающие ее звуковые эффекты становились все ужаснее и нестерпимее. Сквозь грохот, рев, лязг, звон, карабкаясь все выше и выше по дорогам, проложенным между высокими стальными стенами без окон, массивный автомобиль с чудовищным шумом продолжал свой нелегкий путь. Наконец он остановился — примерно в тысяче футов над поверхностью земли, рядом со зданием, которое, судя по всему, было еще недостроено. Тяжелая дверь открылась с резким скрежетом, пропустив Сэммза и его спутника внутрь.

Как только глаза привыкли к окружающему полумраку, в них болезненно ударила круговерть ярких, словно борющихся друг с другом, буквально вопиющих красок — такое буйство Сэммз даже представить себе не мог! Цвета — красный, желтый, синий, зеленый, пурпурный, во всех возможных и невозможных

оттенках и сочетаниях, летящие, падающие, мелькающие, — поразили его зрачки точно так же, как грохот — барабанные перепонки.

Тогда он понял, что то, что он «видел» через восприятие своего спутника, то, что представлялось ему оттенками серого цвета, связано лишь с особенностями зрения ригелиан; для этих существ «видимая» часть спектра лежала совсем в другом диапазоне.

Скованный и напряженный, ленсмен прошел за своим сопровождающим вдоль стены, над которой трудились клепальщики и сварщики, в комнату, где стены практически отсутствовали. Именно это помещение и оказалось местом встречи — здесь собралась почти сотня ригелиан.

Когда Сэммз направился к этой группе, прямо перед его носом грохнулась об пол стальная плита весом тонны две — ее сбросил с высоты восьмидесяти футов крановщик.

— Я едва успел отпрыгнуть, — так впоследствии описывал свою реакцию на происшедшее Вирджил Сэммз — и это вполне соответствовало действительности.

Во всяком случае, он на короткое время потерял контроль над своими чувствами, и ригелианин захлестнул его потоком упорных и вопросительных мыслей. Этому существу была непонятна обостренная чувствительность землянина — в такой же степени, как Сэммз не мог осознать, что его хозяевам абсолютно непостижимо понятие звука.

Он прикрыл раздраженные какофонией красок глаза, огромным усилием воли заставил себя забыть про оглушительный грохот и попытался сконцентрироваться на своей миссии.

«Я прошу вас настроиться на волну моего сознания, и чем больше среди вас будет таких, кому это удастся, тем лучше, — послал он мысль к группе ригелиан, и начал получать один отклик за другим. И все же чего-то в них не хватало! Некоторые ментограммы были сильными; их генерировали существа весьма инициативные, обладавшие быстротой и активностью, столь редкими среди представителей этой расы. Однако ни одна из них не представлялась Сэммзу идеальной. До тех пор, пока...

«Хвала Создателю! — в захлестнувшей его волне торжествующего облегчения Первый Ленсмен уже не замечал ни бьющих в глаза диких красок, ни оглу-

шительного грохота вокруг. — Вы, сэр, находитесь на уровне ленсмена. Я чувствую, что вы и есть Дронвир».

«Да, Вирджил Сэммз, я действительно Дронвир... И я давно уже понял, что сейчас происходит то, к чему я стремился всю свою жизнь. Но как же мои друзья? Неужели ни один из них?..»

«Я сожалею... Но вам понадобится большая команда...» — Внезапно Сэммз изумленно умолк. Все остальные ригелиане по-прежнему находились в помещении, но в своем сознании он был наедине с Дронвиром.

«Они предвосхитили вашу мысль и, понимая, что это глубоко личное дело, покинули нас до тех пор, пока мы не пригласим их вернуться».

«Я высоко ценю их деликатность... — по земному обычаю Сэммз склонил голову. — А вам, Дронвир, предстоит путешествие на Аризию. Там вы получите свою Линзу, после чего вернетесь сюда и пошлете к аризианам столько своих друзей, сколько сочтете нужным. Отбор вы сможете производить с помощью аризианской Линзы. Потом... потом мне бы очень хотелось, чтобы вы посетили Землю и предстали перед Галактическим Советом. Вы согласны?»

«Да», — Дронвир ответил сразу, не тратя времени на размышления.

Ригелиане разошлись, и тот же самый водитель, который доставил Сэммза в город, отвез его обратно к «Чикаго». Вел он машину столь же медленно и осторожно, как и раньше, но Сэммз даже не пробовал протестовать, хотя прекрасно понимал, что каждый ужасный удар и бешеный вираж добавляет по крайней мере один синяк к той обширной коллекции, что уже украшала его спину, ребра и ягодицы. Ему казалось, что все вместе они занимают никак не меньше квадратного фута, но удача миссии обладала неплохим анестезирующим эффектом.

Капитан «Чикаго» встретил его в воздушном шлюзе и помог избавиться от скафандра.

— Вы уверены, что все в порядке, Сэммз? — сейчас Винфельд был не суровым капитаном, а добрым старым другом. — Мы уже начали беспокоиться. Сейчас же вы выглядите так, словно сыграли в футбол со стадом носорогов при пяти «же»... мне чертовски не нравится вот это место на ваших ребрах и левое

колено... Боюсь, обратный путь вам придется проделать в корабельном лазарете.

Винфельд отдал распоряжения, и с помощью Линзы Сэммз мог ясно ощутить волну облегчения и спокойствия, которая прошла по всему кораблю, как только были получены приятные новости. Это удивило его. Кто он такой, чтобы эти чужие люди так переживали за него, так беспокоились об его самочувствии?

— Я в полном порядке, — попытался уверить он капитана. — И мне ничего не надо — разве что поспать часов двенадцать..

— Возможно, возможно... Тем не менее, сперва вы отправитесь в медицинский отсек, — отрезал Винфельд. — Я правильно понял, что мы можем стартовать к Земле?

— Конечно — и побыстрее, если можно. Прием в посольстве состоится во вторник вечером, и это единственная служебная обязанность, от которой я не могу увильнуть.

Через час, обложенный компрессами, Вирджил Сэммз заснул спокойным сном.

Глава 6

ПОСОЛЬСКИЙ БАЛ

Посольский бал, по традиции проводившийся в роскошном особняке нью-йоркского филиала Дипломатического Корпуса, являлся одним из самых значительных событий года. Огромный зал с зеркальными окнами, смотревшими в пышный, залитый светом прожекторов цветник, был полон — как и верхняя галерея, охватывавшая его с трех сторон. Нельзя сказать, что абсолютно все властимущие присутствовали здесь, но почти каждому в этой пестрой толпе судьба преподнесла богатство, славу либо оба этих дара. Тут было не слишком много молодых и красивых мужчин и женщин, зато роскошных туалетов и дорогих украшений хватало с избытком.

Впрочем, молодежь все-таки попадалась. Новые колонии осваивались в основном контингентом двадцатилетних, и в этих мирах энергичные люди быстро занимали высокие посты. Кое-кто из них был сейчас здесь — разумеется, вместе с женами, которых у столь важных

и могущественных лиц имелось не меньше четырех-пяти.

В этом собрании, однако, присутствовали не только земляне и не только люди. Конечно, времена, когда на таких приемах теплокровные разумные млекопитающие с других планет начнут по численности соперничать с гуманоидами, были еще впереди. Тем не менее, в зале находилось несколько марсиан, облаченных в свои торжественные «одежды согласия» и с математической точностью выделявавших фигуры танца. Венериане не танцевали; они либо неподвижно застыли в креслах, либо важно ковыляли взад-вперед, обсуждая торговые и политические новости. Были здесь и представители других миров Солнечной системы и даже дюжина-другая пришельцев со звезд.

Одна пара выделялась даже на этом пестром и пышном фоне, привлекая внимание если уж не инопланетных странников, то, во всяком случае, многих людей. Высокая гибкая девушка в зеленом переливчатом наряде казалась ожившей Дианой; ее золотые волосы струились по обнаженным плечам, низко вырезанный лиф платья украшала розетка из огромных, чистой воды изумрудов. Глаза, янтарные, с золотистыми искрами, сияли радостным возбуждением и надеждой — точь-в-точь как два бездонных колодца девичьей невинности, обращенных к мужественному загорелому лицу ее спутника. Правда, надо отметить, что Вирджилия Сэммс была тонким психологом и превосходной актрисой.

— Я очень сожалею, Кайми, что занята на следующий танец, — огорченно говорила она, сжимая обеими руками ладонь великолепного и победительного Геркаймера, — но что я могу поделать? Вы только взгляните на этот список... Сенатор Морган, мистер Изаксон... потом я должна просидеть один танец с этим жирным венерианином Осменом, сделать тур вальса с самым костлявым из марсианских дипломатов...

Она называла имя за именем, отмечая по биению пульса и напряжению мышц реакцию своего спутника. Геркаймер, секретарь и доверенное лицо сенатора Моргана, являлся опытным дипломатом; он был совсем не глуп, весьма проницателен и умел превосходно контролировать выражение лица — однако его пальцы, ладони и запястья были красноречивее глаз и губ. Редкостный талант Джил заключался в том, что она умела

безошибочно читать эти произвольные знаки. А посему она была точно уверена, что Геркаймер пока не питает на ее счет никаких подозрений и искренне уверен, что прильнувшая к нему юная красавица столь же искренне огорчена необходимостью уделять внимание другим гостям бала.

— Ах, дорогая, — томно произнес он, лаская взглядом пунцовые губки девушки, — непросто быть дочерью Вирджила Сэммза!

Джил вздохнула, птаясь привести в порядок свои мысли. Впрочем, это было вызвано не близким и опьяняющим присутствием обольстителя, а тем, что он явно реагировал на некоторые названные ею имена. Геркаймер чего-то ждал! Чего-то невероятно страшного, чудовищного! И Вирджилия Сэммз, для которой этот ее поклонник давно уже не являлся тайной за семью печатями, была уверена, что речь идет об убийстве.

Кто же мог оказаться наиболее вероятной жертвой? Ее отец? Возможно. Родерик Киннисон? Тоже возможно. Иные варианты исключались; разве что в сумятице бала тайные враги попытаются прикончить их обоих. Сейчас не стоило анализировать, каким образом в дело замешан Геркаймер — точнее, сенатор Морган, его работодатель; на это просто не оставалось времени. Гораздо важнее было выяснить три вещи: где, когда и кто.

Вирджил Сэммз, Первый Ленсмен, вошел в зал. Он был облачен в темный костюм; длинные, плотно прилегающие рукава — как и у остальных ленсменов — скрывали сверкающие браслеты концентратора.

— Ах, Кайми, — нежно проворковала Джил, прижавшись горячей щекой к ладони спутника, — отец велел мне оказать внимание им всем... всем, кто в этом глупом списке! А он такой длинный... — Она подняла взгляд на мужественное загорелое лицо, но серые глаза Геркаймера уже не пожирали ее губы и грудь; секретарь устался на дверь. — Вот и папа! — воскликнула Джил с некоторым раздражением. — Боюсь, что он добавит еще пару фамилий в список!

Пальцы Геркаймера дрогнули, и она получила ответ на три своих вопроса. Здесь. Скоро. И это будет ее отец.

Джил не знала, как удалось ей сохранить самообладание; никогда раньше она не была так возбуждена и напугана. Что делать? Что она может сделать? Любая ее попытка привела бы к поистине катастрофическим последствиям, только ускорив развязку.

В первый раз после возвращения с Аризони она пожалела, что осталась без Линзы. И никто, никто из этих молодых идиотов не догадается нарушить ее интимный тет-а-тет с болваном Геркаймером! Ни Костиган, ни Джек Киннесон, ни Мэйсон Нортроп!

Мэйсон? Она бросила взгляд из-под ресниц, на миг прижавшись к плечу Геркаймера. Мэйс стоял у стены напротив них и глядел в спину соперника с видом оголодавшего волка. «Линзу! Включи Линзу! — с отчаянием подумала Джил, опуская вдруг отяжелевшие веки. — Мэйс, включи Линзу...» — это была уже не просьба, а стон отчаяния. Если он не поймет... если не услышит... тогда придется скрутить этого Геркаймера... потом она бросится к отцу и прикроет его... если успеет... и если убийца не применит мощный бластер... тогда они оба сгорят...

Ее страстный призыв был, однако услышан. Внезапно Джил ощутила, что Мэйсон Нортроп рядом, совсем близко; осторожно и деликатно он прикоснулся к ее сознанию.

«Я нужен тебе, Джил?»

«Да! Да!, да! — девушка оторвала лицо от манишки Геркаймера, благоухавшей духами, и мило улыбнулась ему. — Ах, Кайми, — произнесла она вслух, — держите меня покрепче, и я, возможно, забуду про папин список.

Ее кавалер охотно выполнил эту просьбу и, замерев в его объятиях, с облегчением изображая экстаз невинной и неопытной души, Джил поведала обо всем Мэйсону Нортропу. Это заняло не более пяти секунд; затем она восприняла его мысленный призыв: «Мистер Киннисон! Джек! Конвэй! Внимание!» — и сразу же раздалась уверенная команда Киннисона-старшего: «Спокойно, Мэйс! Я все понял. Беру управление на себя».

Комиссар Безопасности и Второй Ленсмен не привык терять времени даром.

«Оружие? — требовательно спросил он. — Какое у вас оружие? Конвэй?»

«Сорок пятый «Магnum».

«Хорошо. Джек, Мэйс?»

«У нас «левистоны».

«Господь наградил меня умным сыном. Ты что, собираешься поджарить из бластера эту толпу? Марш в мою машину — и возьмите там пистолеты!»

Джек с Мэйсом мгновенно исчезли, и Джил невольно улыбнулась; в машине Киннисона хранился це-

лый арсенал, которого хватило бы на экипаж легкого крейсера.

«Вирджил, поворачивайте налево и идите в угол, мы вас прикроем. Конвэй, туда же... встанешь перед мистером Сэммз в шести футах... Только не торопитесь, спокойно, спокойно...»

«Но, Род...» — это был ее отец, рассерженный, недоумевающий.

«Вирджил, делайте, что вам говорят. Ситуация крайне серьезная. Джил, вы уверены, что ваш красавчик замешан в этой истории?»

«Да. Мне кажется, что он должен подать сигнал».

«Оставайтесь рядом с ним. Наблюдайте. Скажите, что все танцы будут его. И постарайтесь предупредить нас хоть на долю секунды раньше — Ковнэю этого хватит».

«Господи! Да я сейчас просто повисну у него на шее»!

Она так и сделала. Геркаймер был приятно изумлен. Тем временем Джек и Мэйсон появились в зале, неторопливо направившись к Сэммзу.

«Близко не подходите, парни, — раздалась команда Киннисона. — Джек, встанешь слева, Мэйс — справа; Конвэй охраняет центр. И глядите в оба глаза, ребята!»

«Род, но это же абсурд! — Сэммз стоял в углу и старательно делал вид, что поправляет галстук. — Покушение на посольском балу! Словно в глупой оперетке!»

«А миллионы, которые вам предлагали прямо на пороге аэропорта, разве не сюжет для водевиля? Отвергнув их, вы стали врагом номер один. И запомните, упрямец: чтобы нанять убийцу, миллионы не нужны; хватит сотни тысяч».

Сэммз что-то буркнул, лицо его помрачнело.

«Джек, Мэйс, расслабьтесь, парни, — снова раздался беззвучный голос Коннисона. — Не стоит так напрягаться, иначе вы не сможете как следует стрелять. Нам надо продержаться пять минут, пока не прибудет подкрепление».

«Подкрепление? Какое подкрепление?» — это был Сэммз; он все еще не мог поверить, что на столь серьезном дипломатическом рауте может разразиться скандал со стрельбой.

«Я вызвал Клайтона через Линзу, и сейчас он

поднимает по тревоге целую армию, — тон у Киннисона был весьма довольный. — Дивизион «девяносто-шестьдесят»... — кто-то из ленсменов беззвучно охнул — танки NZ-90/60 являлись супертяжелыми наземными боевыми машинами, — ... вертолеты, десантники, барражирующие истребители... — продолжал невозмутимо перечислять комиссар Безопасности, — ... и пара-тройка боевых крейсеров, чтобы прикрыть нас сверху».

«Род, мне кажется, что вы решили сравнять с землей весь Нью-Йорк», — Сэммз покончил с галстуком и теперь поправлял плотные манжеты, прикрывавшие Линзу.

«Если понадобится, Вирджил... Хотя я молю бога, чтобы этого не пришлось делать».

Однако Вседержитель не услышал его молитвы; внезапно Джил почувствовала, как левая рука Геркаймаера, нежно обнимавшая ее талию, чуть напряглась. Она в панике послала тревожный сигнал и, скосив глаза направо, увидела сухощавого высокого мужчину с ястребиным носом, что-то искавшего в кармане. Казалось, он хотел достать носовой платок, — но предмет в его руке, сверкнувший вороненой сталью, мало напоминал эту мирную принадлежность туалета.

Джил едва не вскрикнула, в оцепенении наблюдая за тем, как пистолетный ствол пошел вверх, нацелившись точно в грудь ее отца. Время словно остановилось; скованная ужасом, понимая, что сейчас произойдет, она не могла шевельнуться и только цеплялась за Геркаймаера как за некую устойчивую, но абсолютно неодушевленную подпорку. Стремительные движения убийцы распались на части: она видела, как он вытянул руку и чуть прищурил глаз, как дрогнул палец на спусковом крючке...

Затем раздались выстрелы, и Джил закричала, но крик ее уже не значил ничего, ибо слился с воплями сотни перепуганных женщин. Убийца, запрокинув голову, оседал на пол; во лбу его темнела, наливалась кровью аккуратная дырочка. Новые выстрелы — и полумертвое тело дернулось, будто от ударов кулака, и рухнуло вниз, под ноги шарахнувшейся толпе.

Первым успел Конвэй Костиган. Как и остальные ленсмены, он видел все, что видела Джил, но конкурировать с реакцией офицера секретной службы не мог никто. Его пуля прошила голову убийцы, и выстрел, направленный в сердце Сэммза, задел только плечо

Первого Ленсмена. Родерик Киннисон, Джек и Мэйс выстрелили чуть позже — молодые были еще слишком неопытны, старший имел солидную практику и столь же солидный возраст. Впрочем, все четыре ранения оказались смертельны, поставив точку в карьере наемного убийцы.

Сэммз покачнулся, но устоял на ногах. Киннисон бросился к нему и опрокинул на пол.

— Быстро! — прошипел он вслух Мэйсу и своему сыну. — Женщин сюда — и выбирайте пообъемистей! Конвэй, следи за галереей!

Он приподнялся, прижимая коленом Сэммза, из плеча которого толчками била кровь.

— Так! Вы встаньте сюда... вы — сюда... прикройте его, милые дамы. Но учтите — если кто-нибудь пошевелит хотя бы пальцем, я выстрелю без предупреждения!

Из толпы женщин в широких бальных кринолинах донеслись протестующие возгласы и смех. Кажется, по большей части они уже пришли в себя и теперь наслаждались происшествием, о котором можно будет порассказать столько невероятных историй.

Сквозь плотные ряды пышных матрон прорвались Джил и Клио Костиган, тащившие за собой какого-то человека.

— Врач, — коротко бросила Клио, подтолкнув мужчину к лежащему на полу Сэммзу.

— Вирджил, не двигайтесь, сейчас подойдет ваша карета скорой помощи, — приказал Киннисон, заметив, что его друг пытается встать. Он повернулся к врачу: — Доктор, что с ним?

— Ничего страшного... — медик ощупал плечо раненого. — Так... выходное отверстие на месте... кости целы... артерии не задеты... — он поднял голову. — Пуля прошла через мягкие ткани плеча, сэр. Сейчас я наложу повязку на рану... хоть носовой платок... и везите его поскорее в госпиталь.

— Никаких госпиталей, доктор. В нашем хозяйстве под Холмом есть все необходимое, — Киннисон поднялся и отыскал взглядом Костирана. — Конвэй, видишь что-нибудь подозрительное? Никто не собирается швырнуть гранату в наш курятник?

— Нет, сэр. Никаких следов активности.

Джил, помогавшая врачу перевязывать отца, дернула Киннисона за полу.

— Присядьте, Родерик! — Брови у нее были нахмурены, лицо побледнело от волнения. — Не забывайте, вы — номер второй!

— Не прикончив льва, не охотятся на медведя, — ухмыльнулся Киннисон. — Джил, и вы, Клио, помогите-ка мальчикам выстроить наш женский батальон. Клайтон уже близко. Когда мы понесем Вирджила, я хочу, чтобы его окружили со всех сторон в пять-шесть рядов, — он перешел на мысленную речь: — «Джек, Мэйс, слышите? Все понятно?»

«Да, отец!»

Снаружи раздались дикие завывания сирены.

«Конвэй, не спускай глаз с галереи! Алекс, вы?»

«Да! — ленсмены восприняли ментальный ответ командора и кто-то — видимо, Мэйс, заботливо транслировал его Джил. — Куда прикажете подать карету? В ней взвод докторов и медсестер, но эта малышка не пролезает в ворота».

«Значит, пробейте решетку и двигайтесь прямо к окнам, слева... Там будет цветник — можете распахать его на грядки... Кстати, Алекс, кто там висит над нами — «Чикаго» или «Бойз?»»

«Оба».

«Отлично! Приступайте».

Раздался тяжелый удар и грохот рухнувшей чугунной решетки. Потом женщины снова завизжали, шаркнувшись в угол — под звон стекла, сокрушая стену, в зал просунулась орудийная башня танка. Взыли моторы, и «девяносто-шестьдесят» величественно выплыл из облака пыли и каменной крошки, перемалывая гусеницами драгоценный паркет. Машина замерла, в борту ее откинулся люк. Джек с Мэйсом подхватили Первого Ленсмена, чертыхавшегося сквозь зубы, и понесли к этому темному зеву, из которого навстречу им уже протягивались руки. Киннисон шел следом, подгоняя свою женскую команду.

Когда броневая плита задвинулась, отрезав его раненого друга от царившей в зале сутолоки, он облегченно вздохнул и бросил взгляд на сына. Джек ошарашено уставился за окно. Ломая деревья и тщательно подстриженные кусты, разваливая фонтаны, перепахивая ухоженные цветники, к особняку двигались с полдюжины чудовищных машин; за ними спешили солдаты в форме космических десантников. В воздухе, прошитом лучами прожекторов, парили вертолеты, еще выше висели

блестящие шары легких крейсеров, и в самом зените искрились огнями два самых мощных корабля, которые были в распоряжении нью-йоркской базы.

Джек судорожно вздохнул.

— О боже, отец! Так ты думаешь...

— Я не думаю, я знаю, — глаза Киннисона-старшего сурово блеснули. — Они сделают все, чтобы достать Сэммза, и будут здесь так быстро, как смогут, и с самым мощным оружием... Но птичка уже улетела! — внезапно он перешел на мысленную речь, обращаясь ко всем молодым ленсменам: «Запомните хорошенько, парни: жизнь Вирджила Сэммза — самая ценная штука в этой паршивой вселенной! И если сам Сатана попробует добраться до него, вы должны обрубить дьявольскому отродью и хвост, и лапы»!

Танк, увозивший Первого Ленсмена, пересек обезображенный двор и загрохотал по рухнувшей чугунной решетке; следом двинулись машины эскорта. Сквозь пролом в стене шагнул коммодор Клайтон, окруженный взводом десантников.

— Привет, Родерик, — он поднял руку в салюте. — Поедете с нами?

— Да. Заберите моих ребят, Джил и Костигана с женой. Теперь так, — он повернулся к молодым людям и девушке. — История, конечно, неприятная, но работа должна идти без сбоев. Все операции — «Боском», «Забриск», «Матис», «Звильник» и другие — разворачиваются строго по плану. Кстати о «Звильнике»... Джек и Мэйс, проинструктируйте Джил. Сэммз сам хотел сделать это сегодня вечером, но... — Киннисон развел руками. — Свяжитесь с Сидом Флетчером, Набосом, Дал-Налтелом, получите все нужные данные и действуйте!

Кивнув головой, комиссар Безопасности широким шагом направился к поджидавшей его машине. Джил с недоумением уставилась на Киннисона-младшего, потом перевела взгляд на Мэйса.

— «Боском»? «Звильник»? Что это такое?

— Чрезвычайно звучные слова, да? — ухмыльнулся Джек.

— Кажется, так собираются назвать пару недавно открытых планет... — Мэйс смущенно глядел в пол.

— Перестаньте меня дурачить, вы, клоуны! — Вирджилия Сэммз уже оправилась от недавних волнений и начинала закипать.

Внезапно мысль Джека Киннисона коснулась ее сознания.

«Перестань болтать, Джил! Ты что, забыла, где находишься? В этой компании дипломатов каждый второй умеет читать по губам, глазам и даже по тому, в какую сторону повернуты твои очаровательные ушки! Пошли. Ну-ка, где наш «девяносто-шестьдесят»?»

Они перебежали двор и нырнули в предупредительно распахнутый люк огромный машины. Поднявшись в верхний отсек, в котором обычно сидели десантники, молодые ленсмены и девушка устроились на жестких сиденьях; только теперь Джек продолжил свои пояснения.

«Операция «Матис» — дело, которым ты занималась, сбор политической информации. «Звильник» — код программы выявления торговцев наркотиками; «Боском» — борьба с пиратами, ведомство Костигана. А мы с Мэйсом ведем «Забриск»... это специальные мероприятия, о которых я расскажу тебе как-нибудь на досуге».

«Ну, я не приписан к «Забриску» навечно, — вступил в мысленный разговор Мэйсон Нортроп. — Может быть, Джил, мы станем работать вместе в рамках твоего задания... — он вздохнул — с явной надеждой на такой исход событий — и добавил: — А сейчас мне предстоит выполнять роль связного — нам надо посоветоваться с Набосом и Дал-Налтелом, но они плохо знают тебя и непосредственная связь через их Линзы будет нечеткой».

«Да, верно. Набоса я встречала только раз, а с доктором Дал-Налтелом вообще не знакома».

«Тогда я сейчас их представлю. Готова?»

«Конечно!»

Два новых ленсмена вошли в сознание Джил. Не напрямую — через разум Нортропа; тем не менее их слова — как и мысли самого Мэйса — доходили до девушки так же ясно, словно все четверо сидели рядом и беседовали старым привычным способом.

«Какое странное ощущение», — невольно подумала Джил и сразу же получила ответ.

«Мы доставляем вам беспокойство, мисс Сэммз, и просим нас извинить...»

Она была поражена опять. Беззвучный голос в ее сознании несомненно принадлежал Набосу, жителю Марса, но произношение было почти безукоризненным.

Ни шипения, ни свистка, которые обычно сопровождали попытки марсиан говорить по-английски.

«О, никаких извинений, мистер Набос, — Джил постаралась скрыть свое замешательство. — Просто я еще не привыкла к мысленной речи».

«Никто из нас не привык к таким вещам. Впрочем, это дело времени и практики, — казалось, Набос усмехнулся. — Итак, вы осведомлены о нашем задании — контрабанда наркотиков и все, с ними связанное. Есть у вас какие-нибудь соображения?.. намеки?.. выводы?»

«Боюсь, ничего определенного... — Джил задумалась. — На одном из приемов я познакомилась с венерианином... мистером Осменом... низенький, очень полный, с дряблой кожей... Вы знаете его?»

«Я слышал о нем, — заметил Дал-Налтел. — Весьма уважаемый коммерсант, предпочитающий Землю своей родной планете. Во всяком случае, он по большей части проживает именно у вас. Но продолжайте, мисс Сэммз».

«У него была обстоятельная беседа с сенатором Морганом. Я не сумела многого расслышать, но почти уверена, что речь шла о тионите».

«Тионит!» — ее собеседники были поражены. Не существовало более сильнодействующего и вредоносного наркотика — страшного подарка, который преподнесли Земле звезды.

— Вы уверены в этом, мисс Сэммз? — спросил Набол.

— На девять десятых... Но несомненно одно — сенатор Морган и этот венерианин знают о тионите слишком много... и стараются это не афишировать.

Наступила пауза. Затем Джил восприняла ментальный призыв марсианина — однако он обращался не к трем своим собеседникам и не к Джеку Киннисону, являвшемуся молчаливым свидетелем разговора.

— Сид! — позвал Набос. — Слышишь меня?

— Да! — ответ, транслированный Мэйсоном, был ясным и четким. — Это Флетчер, Говори.

— Помните тот контрабандный груз, который был захвачен в Астероидном Поясе? Героин и прочая пакость? Кажется, там не было тионита?

— Нет. Но если помните, треть шайки удрала, и один бог ведает, что они прихватили с собой. Пого-

варивали и о тионите... Но вы же знаете, слухи ходят всегда.

— Спасибо, Сид. Отключаюсь.

Джил почти физически ощутила разрыв связи, потом Набос начал беседу с венерианином Дал-Налтелом; они обсуждали что-то, обмениваясь мыслями с такой скоростью, что она тут же потеряла нить разговора.

— Еще один вопрос, мисс Сэммс, — это был доктор Дал-Налтел. — Вы не замечали признаков связи между Осменом или Морганом и кем-нибудь из служащих МКП?

— МКП? Межзвездные Космические Перевозки? Компания Изаксона? — она на миг задумалась. — Не знаю. Я никогда не думала о такой возможности.

— Любой факт, подтверждающий или опровергающий эту гипотезу, был бы крайне важен. Могу ли просить вас...

— Да, безусловно. Что бы я не заметила, постараюсь тут же сообщить вам.

— Благодарю. Тогда, не рискуя показаться назойливыми, мы постараемся время от времени вступать с вами в связь. Теперь мы оба представляем ментальный образ вашей личности, и это будет нетрудно. — Венерианин сделал паузу, потом Джил словно ощутила прикосновение ладони к своему плечу. — От всей души желаю вам счастья... И пусть Гроллса, бессмертный Вседержитель, исцелит рану вашего отца.

Джил молча сглотнула подступивший к горлу комок.

Глава 7

АТАКА

Позже, этим же вечером — или, вернее, ранним утром, — сенатор Морган затворился в кабинете вместе со своим секретарем. Это помещение обладало абсолютной звукоизоляцией и было защищено от прослушивания. Тем не менее оба собеседника старались не повышать голос.

Морган, румяный, с грубоватыми чертами и чуть отвислой нижней губой, выглядел обеспокоенным; его толстые пальцы нервно барабанили по стеклянной

крышке письменного стола. Серые глаза сенатора, весьма проницательные и острые, не отрывались от лица секретаря.

— Странная штука, Геркаймер... очень странная... Операция была спланирована безупречно и до самых последних минут протекала в должном темпе. Стрелок внизу, стрелок на галерее... — оба — мастера своего дела... А потом — бабах! — полный провал. Нижнего пристрелили на месте, верхний ничего не видел за юбками... Приземлился Патруль, вытащил из мышеловки сыр, и накрыл всех колпаком... — сенатор скривил губы. — Как, черт возьми, могло это случиться? Утечка информации?

— Откуда? — Геркаймер швырнул в пепельницу наполовину выкуренную сигарету и тут же зажег новую. — Представьте, что была утечка... Разве в таком случае дело кончилось бы тем парнем, которого ухлопал Костиган! Уверен, нет! Головорез Родди и ищейка Сэммз нагнали бы тьму копов и прикончили бы всех... и вас, и меня. И они не стали бы ждать до последней минуты, уверяю вас, шеф! — перекинув ногу за ногу, Геркаймер задумчиво покачал головой и закончил: — Нет, утечки быть не могло! Скорее всего, кто-то из них заметил, как Байнерд вытаскивает свой пистолет.

— Весьма возможно. Только вот одна деталь... Вы прикинули, сколько прошло времени между выстрелом и появлением танков?

— Простите, шеф, — секретарь виновато опустил глаза, — об этом я не подумал.

— Так вот, мой милый — минута пятьдесят секунд!

— Что?!

Морган невозмутимо молчал.

— Патруль, конечно, действует быстро... — вслух рассуждал Геркаймер. — Однако поднять тяжелые крейсера... перебросить танки и десант с базы... Нет, на это надо пять-шесть минут, никак не меньше!

— Пусть пять. Значит...

— Значит, была-таки утечка — за три минуты до начала операции. Но как? Каким образом?

— Не знаю, и это меня весьма беспокоит. Кто-то разнюхал что-то — перед самым решающим моментом. И потом, они явно опасались серьезного побоища... эти крейсера наверху, тяжелые танки... Не похоже на рядовую полицейскую акцию! Но если они знали о

Мургатройде, почему все закончилось так быстро? Почему они его не атаквали? Не могли найти?

— А почему сам Мургатройд бездействовал? Разве не предполагалось использовать его силы?

— Для прикрытия пары стрелков, прекрасно знающих свое ремесло? Целый флот? Ну, знаете ли, Геркаймер... — сенатор шумно выдохнул. — Впрочем, это не наше дело. Интересней другое — сами ленсмены. Я не спускал с них глаз и готов поклясться, что ни Сэммз, ни Громила Родди не делали ничего, достойного внимания.

— Но младший Киннисон и Нортроп, его приятель, ненадолго отлучились.

— Да. Любой из них мог вызвать Патруль, однако это не объясняет, как они получили информацию. Не так ли?

Геркаймер только шевельнул густой бровью, воздержавшись от ответа. Его шеф снова забарабанил пальцами по столу, погрузившись в глубокие раздумья. Через несколько минут он заявил:

— Я вижу только две возможности. Либо — либо... — он снова замолчал, сосредоточенно хмуря лоб. — Либо их пресловутая Линза, либо ваша девица.

— Девушка? Джил? — Геркаймер поджал губы. — Простите, шеф, но это чепуха. Я следил за всем, что она делала... И вообще я вижу ее насквозь — и еще на три фута в стену за ее спиной!

— Вот как? Вы следили, и я следил... за теми авансами, которые вам расточались. Теплая куколка, верно?

Лицо Геркаймера приняло жесткое выражение.

— Не стоит лезть туда, сенатор, куда... куда не стоит лезть!

Морган ухмыльнулся.

— Что, выиграло мужское самолюбие? Ни одна красotka не может устоять перед непобедимым Геркаймером? Однако вы возитесь с этой крошкой шесть недель вместо обычных шести часов — и с нулевым результатом!

— Я заполучу ее, — заявил Геркаймер, раздувая ноздри, — я заполучу ее — тем или иным способом!

— Готов поставить тысячу кредитов против дырявого никеля, что у вас ничего не выйдет. Даже за шесть месяцев!

— Принимаю, — секретарь ухмыльнулся и вытащил

из кармана монету. — Но почему вы решили, будто она что-то разнюхала? Да, девчонка неплохой психолог, но со мной ей не тягаться — я старше и опытней. Думаете, она повыше меня классом?

— Ничего я не думаю... все это — гадание на кофейной гуще! Но стоит вспомнить, мой дорогой, что она — дочь Вирджила Сэммза.

— Ну и что? Вспомните Джорджа Олмстеда, другого его родственничка... Они с Сэммзом весьма похожи.

— Физически — и только. Олмстед — реалист, и жаждет награды в сем мире, а не на том свете. Потому он и согласился работать на нас. А девчонка напоемывает по характеру папашу... И ей, возможно, нравится играть с вами в жмурки.

— Чушь! Послушайте, шеф, она была все время со мной — каждую минуту. Вы полагаете, что ей удалось прочесть что-то на моем лице? — Геркаймер скривил рот. — Да не родился еще тот человек, который... — он яростно воткнул в пепельницу очередную сигарету. — К тому же, она даже не глядела на меня!

— Если девица раздоила вас, Геркаймер, вы кончите жизнь в шахтах, — вдруг жестко произнес сенатор. — Впрочем, я так не думаю. Значит... значит остаются Линзы, — он хлопнул ладонью по столу. — Весьма фантастическое предположение, но чего не случается в мире... Линзы, Линзы, Линзы... — Морган вопросительно уставился на своего секретаря. — Так что вам удалось узнать по этому поводу?

Геркаймер пожал плечами.

— Не более того, что сообщалось официально. Это комбинация передатчика, языкового транслятора и телепатического усилителя. Ну и, конечно, символ высших чинов Патруля. Но я думаю, что нам известно далеко не все.

— Не сомневаюсь. Припомните, что произошло — четверо ленсменов одновременно выхватили пистолеты и выстрелили. Кроме них, никто ничего не заметил, а ведь в зале было полно других офицеров — все при полном параде и при оружии! Неужели чтение мыслей?

— Ерунда! — безапелляционно заявил Геркаймер. — Моих мыслей не почтет никто!

— Моих — тоже, — умыхльнулся сенатор.

— Если бы они могли читать мысли, то не стали бы ждать до самой развязки... в конце концов. Сэммза все же ранили. Я следил за Байнердом. Он не нервничал,

но был несколько напряженным. Думаю, кто-то из ленсменов это заметил и поднял тревогу — так, на всякий случай.

Морган задумался, насупив брови и покусывая нижнюю губу. Наконец он произнес:

— Ваше объяснение совершенно бездоказательно, но весьма правдоподобно, и я готов его принять. И тогда — тогда все претензии надо адресовать к этому Тауну, к Большому Джиму! Неужели он не мог получше подобрать убийцу?

* * *

Покачиваясь на жестком сиденье своей импровизированной кареты «скорой помощи», Вирджил Сэммз приподнял голову, разыскивая мысль Киннисона.

«Род, я чувствую, вы взволнованы».

«Еще бы! Скажем честно, нас обошли. И, если бы не Джил...»

«Вы полагаете, надо ждать продолжения?»

«Безусловно».

«Тогда лучше не тратить времени на возвращение в астропорт. Я уже в полном порядке — рука перевязана, шок прошел. Могу ходить».

«Что ж, здравая мысль... Клайтон! — Сэммз воспринял вызов, посланный коммандору. — Какая-нибудь активность вверх?»

«Нет, сэр».

«Хорошо. Приказываю: спустить вертолет, взять на борт Сэммза и меня, доставить на «Чикаго». Легким крейсерам и «Бойзу» пребывать в состоянии боевой готовности. Выполните, коммодор».

«Слушаюсь, сэр!»

Теперь Сэммз слышал, как Клайтон начал отдавать команды по своему командирскому радиофону. Вскоре рядом взревел вертолет, без каких-либо происшествий доставивший обоих ленсменов на борт тяжелого крейсера. Включив планетарные двигатели. «Чикаго», в сопровождении «Бойза», направился к Холму.

На середине пути Киннисон вызвал доктора Родебуша.

«Фред? Это Киннисон. Как там у вас?»

«Все в норме, — ответил физик почти сразу же. — А что случилось?»

Комиссар Безопасности в нескольких словах поведал ему о происшествии на балу, добавив:

«Предупреди Кливленда и Бергенхольма — и готовьтесь к обороне. Нам надо подумать, где Сэммз будет в большей безопасности — под Холмом или на борту «Чикаго».

«Вы полагаете, дело так серьезно? — Родебуш с минуту размышлял. — Наверно, лучше доставить мистера Сэммза сюда. Холм есть Холм: самое надежное место в Солнечной системе».

К совещанию присоединились Клив и норвежец. Бергенхольм молча слушал, как ленсмены обсуждают план обороны, пытаясь оценить силы предполагаемого врага. Наконец он сказал, обращаясь к Киннисону:

«Могу ли я сделать одно предложение, сэр?»

«Валяйте, Нильс! Ваши предложения никогда не были пустым сотрясанием эфира».

«Можно объявить учебную тревогу — в обстановке, максимально приближенной к боевой. Если ничего не произойдет, вы раздадите медали и награды; ну, а в противном случае...»

«Прекрасная мысль! — в разговор вклинился Сэммз. — Проведем учения — но не континентального или всепланетного масштаба, а общие маневры сил Патруля».

«Если ничего не случится, будет большой шум, — засомневался Киннисон. — За нами следит целая банда политиков, не забывайте, Вирджил».

«Риск есть всегда. Так что давайте исходить вот из чего: вы ждете нападения?»

«Нууу... пожалуй, да! Я полагаю, что до нас с вами попробуют добраться с фейерверком, раз не вышло по-тихому. Какими силами, вот в чем вопрос...»

«Доктор Бергенхольм, а что считаете вы?»

«Я согласен с комиссаром. И думаю, что атака будет сокрушительной, — норвежец помолчал. — Но я пришел к подобному выводу несколько иным путем, чем мистер Киннисон».

«Другим путем? Что вы имеете ввиду, Нильс?»

«Похоже, никто из вас не рассматривает следующей возможности: эта атака может быть только первой операцией широкомасштабного плана действий. Короче говоря, есть силы, которые считают, что с Патрулем лучше покончить раз и навсегда».

Секунд тридцать царило ошеломленное молчание,

потом ленсмены начали передавать разом, возбужденные и недоумевающие. Внезапно ментальный гул перекрыла мысль Сэммза, четкая и острая, как лезвие кинжала.

«Комиссар Безопасности Трипланетной Лиги Киннисон! — на миг он сделал паузу и переговоры тут же смолкли. — Родерик Киннисон, если вы получите соответствующие полномочия и власть от Галактического Совета, клянетесь ли вы использовать их для блага всех разумных существ, защиты их жизней, их родных миров и цивилизации в целом?»

«Клянусь, Первый Ленсмен!» — разум Киннисона был тверд и ясен.

«Властью, предоставленной мне Советом, назначаю вас, адмирал Киннисон, главнокомандующим всеми вооруженными силами Патруля. Приказываю немедленно вступить в свою должность и объявить всеобщую мобилизацию».

Оба крейсера находились теперь вблизи Холма. Киннисон, однако, уже не обращал внимания на их маневры. «Чикаго» спустился вниз, пассажиры покинули его, затем корабль опять взлетел, присоединившись к «Бойзу», который патрулировал над Холмом. Киннисон прошел в свой кабинет и включил мощный ультраволновый передатчик.

— Всему воинскому контингенту, привлеченному к операциям Галактического Патруля — внимание! — его голос гулко раскатился в просторном помещении, и где-то там, далеко, на бесчисленных базах и космических кораблях, операторы связи замерли, ловя каждое слово.

— Говорит Киннисон, адмирал и командующий силами Патруля. Всем ответственным лицам внести в кадровые списки следующие изменения. Коммодор Клайтон, Северная Америка, Земля...

Клайтон, застывший перед приемником в отсеке управления, запрятанном в бункере нью-йоркской базы, отдал салют; глаза его сверкнули.

— ... назначается адмиралом Первого галактического региона. Коммодор Швайнерт, Европа, Земля...

В Берлине высокий стройный человек с седеющими волосами склонился к приемнику, машинально отдав честь.

— ... назначается вице-адмиралом Первого галактического сектора. Второй сектор: командующий — адмирал...

Киннисон двигался по списку, не пропуская ничего. Адмиралы крупных секторов; их заместители; затем — адмиралы и коммодоры, ответственные за отдельные звездные системы и планеты: Гуиндлос из Редланда, Марс; Сессефсен из Талерона, Венера; Реймонд — спутники Юпитера; Ньюмен — Альфа Центавра; Уолмер — Сириус; ван Митер — Валерия; Адамс — Процион; Робертс — Альтаир; Бартелл — Фомальгаут; Арманд — Вега; Койни — Альдебаран... Эти назначения были подготовлены давно, и каждый из названных людей уже командовал вооруженной группой, отрядом или целой дивизией в своем мире.

— Все, ниже ранга коммодора, свободны, — закончил Киннисон и тут же перешел на мысленную речь: «Поздравляю с назначением и уверен, что каждый из вас честно отработает свои звездочки — в том числе, и я сам».

На миг в эфире поднялся неслышимый шторм. «Спасибо, Родерик!», «С вами, сэр, хоть к дьяволу в пасть!», «Род, мы все готовы!», «Сириус не подведет, адмирал!», «Можете положиться на меня, сэр!»

Подождав, пока смолкнет эта буря, Киннисон объявил о мобилизации и предстоящих учениях. Он не собирался скрывать от этих надежных и проверенных командиров, что маневры в любой момент могут перерасти в настоящее сражение, кровопролитное и упорное, в битву с противником, чьи силы, намерения и тактика совершенно неизвестны.

«Будьте готовы ко всему, парни, — завершил он свой неофициальный обзор ситуации. — Сейчас я отдам приказ — но каждый из вас должен помнить, что скрывается за его строками».

Адмирал и командующий силами Патруля вновь перешел на обычную речь.

— Киннисон — офицерам, возглавляющим флотилии и оперативные группы Галактического Патруля. Объявляется боевая тревога. Условный противник — флот Черных; состав и ударная мощь неизвестны. Задача: оборона Холма и околопланетного пространства Земли. Адмирал Клайтон, действуйте!

С этими словами Киннисон выключил передатчик, вышел в просторную приемную и велел своим секретарям — отныне именовавшимся адъютантами — объявить о срочной эвакуации людей и наиболее ценного оборудования из верхних помещений гигантской цита-

дели. Затем он спустился в лифте глубоко под землю — туда, где располагался главный пункт управления вооруженными силами Патруля. Сэммз, сидя перед огромным следящим экраном, уже ждал его там.

Командующий затратил не больше пяти минут, чтобы добраться до своего боевого поста, но один взгляд, брошенный на мониторы оперативной связи, расположенные под большим экраном, подсказал ему, что Клайтон, Швайнерт и вся огромная организация, силы которой растянулись на десятки световых лет в пространстве, начала действовать. Флот Земли, восстановленный, усиленный и реконструированный после памятной битвы с невианами, уже находился на боевых рубежах. Флоты Венеры, Марса и Юпитера, не столь многочисленные и тяжеловооруженные, дислоцировались вокруг материнской планеты. Отряды и соединения, находившиеся в других звездных системах и состоявшие, в основном, из легких крейсеров и истребителей-разведчиков, не были переброшены в Солнечную систему; эти части кольцом охватывали ее, готовые нанести удар в любом направлении. Словно затаившись в безбрежной тьме и холоде пространства, корабли ждали сигнала; гигантская мощь Патруля впервые готовилась помериться силами с неведомым противником.

— Превосходно, — заметил Киннисон, опускаясь в кресло рядом с Первым Ленсменом. — Клайтон начал отработывать свой новый чин.

— Хмм... — Сэммз чуть иронически покосился на друга. — И долго вы собираетесь держать всю нашу армаду под парами?

— Пока у сопливых младших лейтенантов не отрастут седые усы длиной в ярд. Тогда я дам отбой и отправляюсь помолиться Господу нашему о...

Но Киннисону не удалось осуществить это благочестивое намерение, ибо в этот момент ожил динамик.

— Флагманский корабль «Чикаго» — главнокомандующему. Флот Черных обнаружен. Следуют с направления на северный галактический полюс плюс-минус пять градусов; расстояние — тридцать световых лет. Оценить состав сил с такого расстояния не представляется возможным. Ведем наблюдения, ждите информации.

— Внимание всем, — Киннисон склонился к микрофону, — условный противник стал реальностью. Маневры переходят в боевую фазу.

Он улыбнулся Сэммзу, представив, что творится

сейчас наверху, на поверхности земли. Холм окружен смертоносным фиолетовым сиянием, стволы орудий нацелены в небо, хищные головки торпед выглядывают из пусковых шахт...

— Им не пробиться сквозь нашу защиту, — произнес он несколько неуверенно. — Силовой барьер...

— ... может быть пробит, — закончил Первый Ленсмен. — Род, наступили времена безынерционной тяги, полициклических экранов и деструкционных лучей. Ни в чем нельзя быть уверенным; самое постоянное в мире — это изменения.

Киннисон задумался над этой философской сентенцией. Может ли он в самом деле полагаться на их защиту? План предусматривал три оборонительных рубежа; первый из них, «Акорн», располагался на расстоянии двенадцати световых лет от Солнечной системы. Имелось в виду, что сражение на дальних подступах может ослабить противника настолько, что корабли второй линии, «Адак», уничтожат его окончательно. Но сейчас главнокомандующий подумал, что третий рубеж, «Африк», включавший средства обороны самого Холма, также может оказаться нелишним. У него был ряд преимуществ — сверхтяжелое вооружение, которое трудно поднять в космос, новый защитный барьер, созданный трудами Родебуша, Бергенхольма и Кливленда, определенная скрытность — все системы управления находились глубоко под землей. Все это, однако, не гарантировало стопроцентную защиту от суперскоростных ракет, ведомых роботами; новый экран еще требовалось испытать в бою.

На мониторы выплеснулись зеленые строчки цифр и символов — «Чикаго» начал передавать информацию о составе вражеского флота. Киннисон не ждал тут особых неожиданностей; во всей исследованной части Галактики Трипланетия Лига обладала наивысшей технологией, а центр, сосредоточивший все новинки военного дела, принадлежал Патролю. Вряд ли хозяева приближавшейся к Солнечной системе армады имели ученых того же класса, что Родебуш, Бергенхольм или даже специалист по «особым бомбам» Админгтон.

Флот Черных имел относительно большую пропорцию легких кораблей, крейсеров и истребителей. Было еще три странных судна, огромные сферы без видимых следов вооружения — Киннисон предположил, что это

транспорты. И три тяжелых крейсера класса «Чикаго» — вытянутых, каплевидных, стремительных.

— У нас шесть таких кораблей, — с торжеством заявил он, повернувшись к Сэммзу. — «Гимала», «Йоханнесбург», «Боливар» и «Европа» — по одному от азиатского, африканского, южноамериканского и европейского регионов плюс два судна из Северной Америки. Думаю, нет смысла проводить «Акорн» — только земной флот может остановить эти силы, а соединения Клайтона сосредоточены на средней дистанции. Итак, Вирджил, я дам бой на двух рубежах: «Адак» — в космосе, и «Африк» — в районе Холма.

Сэммз кивнул. Он не пытался командовать или советовать; адмирал Патруля делал свое дело, которое знал лучше, чем он. Не стоит мешать человеку, который жонглирует звездными флотами; все, что ему надо — чуть-чуть дружеской поддержки. И Вирджил Сэммз улыбнулся Родерику Киннисону.

Сейчас оба они, объединенные ментальной связью с Алексом Клайтоном, словно находились в боевой рубке «Чикаго». На расстоянии половины светового года, на рубеже «Адак», земной флот стягивался в гигантский боевой конус, развернутый основанием в сторону врага. Суда противника приближались; уже можно было заметить — по крайней мере, визуально — что породившая их технология близка к земной. В объединенных, спаянных сознаниях Сэммза и Киннисона мелькнула мысль, что флот этот не принадлежит какому-нибудь враждебному миру; нет, скорее всего, он был порожден грязной накипью всех миров — в том числе, и их собственного.

Из разверстой пасти конуса вырвался яростный столб энергии, ударил, разметав передовые корабли пиратской армады; они вспыхивали яркими точками, превращались в клубы светящегося газа и медленно таяли в пустоте. Объединенная мощь тяжелых кораблей Патруля была неотразимой; лучевые эммитерные батареи, страшное оружие, плод многолетних усилий команды Родебуша, вобрали все, что было известно о науке уничтожения обитателям Земли, Невии и дюжины других развитых миров. Этот сокрушительный лучевой поток питали генераторы на активированном железе — практически неистощимый источник энергии. Что противник мог противопоставить этой силе?

Внезапно Черный флот начал перестраиваться, и

Киннисон невольно поймал себя на том, что впервые назвал так вражескую армаду. Да, теперь это не были ни черные, ни красные, ни синие — условный враг в условном сражении; Черное Зло тянулось к Земле, к Патрулю костлявой рукой. И адмирал не удивился бы, если б один из этих черных кораблей нес Роджера, восставшего чудесным образом из праха и тлена.

Он слышал, как чертыхнулся Клайтон — вражеский флот на следящем экране расходился в стороны, избегая ударов энергетического луча. Внезапно грузовые транспорты словно окутались дымом, и Киннисон увидел, что они распадаются на десятки, сотни небольших стремительных кораблей. Озарившись бледным сиянием, они исчезали один за другим — и через миг он понял, куда направляется эта стая.

Вой сирен, разнесшийся по коридорам подземного бункера, наложился на команду Клайтона.

— Прекратить огни! — резко приказал он. — Перейти к автономным действиям! Разведчики и крейсера атакуют суда противника аналогичного класса, дредноуты — тяжелые корабли. «Чикаго» и «Бойз», берите номер первый, «Боливар» и «Гималаи» — второй, «Европа» и «Йоханнесбург» — третий. Выполняйте!

В пространстве полыхнул огонь. Три больших черных корабля выдвинулись вперед, и залп их синхронизированных батарей хлестнул по «Бойзу», ближайшему из мощных судов Патруля. Его защитные экраны почернели, поток излучения опалил корпус, но пилот невероятным усилием сумел вывести его из-под удара. Черным повезло меньше. «Чикаго», оставшись без напарника, объединил усилия с «Боливаром» и «Гималаями». Их противник продержался не дольше секунды, затем крошечное солнце вспыхнуло во мраке и, медленно остывая, расплылось розоватым облаком. Теперь американский крейсер обрушил огонь на последнего врага, щит которого едва выдерживал напор «Европы» и «Йоханнесбурга»; через миг черный корабль вспыхнул, и второе светящееся облако заклубилось в пустоте.

И в это же мгновение первый корабль пиратов исчез; видимо, он обладал таким же безынерционным двигателем, как суда Патруля, и его капитан не собирался сражаться с пятью противниками. Одним скачком он удалился на половину светового года и, судя по всему, жаждал увеличить это расстояние.

— «Боливар», «Гималаи», за ним! — раздалась ко-

манда Клайтона. Потом он наклонился к микрофону и проревел: — Остальным дредноутам — уничтожать самые мощные суда врага! Легкие крейсера — первый, пятый и шестой дивизионы — выйти из боя, окружить противника, перехватывать беглецов!

Теперь он мог на минуту отвлечься и с трепетом бросил взгляд на экран, куда транслировалось изображение Холма. К его изумлению, там не было ни кратера в милю глубиной, ни чудовищного грибовидного облака атомного взрыва. Холм стоял! Его гладкие стальные стены слегка потемнели, почва вокруг была опалена, в небе еще метались десятки черных истребителей, посылая ракету за ракетой в фиолетовое прозрачное море экрана. Но Холм стоял! На глазах командующего Первого сектора несколько вражеских кораблей вдруг стремительно понеслись вниз, захваченные необоримыми тисками силового поля, скользнули по фиолетовой поверхности и словно стекли на землю, превращаясь в тонкие лепешки металла.

«Ну что, Алекс, впечатляет? — раздался голос в его сознании, и Клайтон понял, что Родерик Киннисон — вместе с Сэммзом — не покидал его во время битвы и смотрит сейчас вместе с ним на свою цитадель. — В такое не поверишь, пока не увидишь... Кстати, прикажите вашим соединениям держаться подальше от силового купола — там действует поле повышенной гравитации, сотни тысяч «же». Ни защитные экраны, ни металл такого не выдерживают».

«Как там с последним кораблем? — это был Сэммз. — Есть сообщения от «Боливара» и «Гималаев»? Или пират ушел от них?»

«Похоже на то, сэр, — Клайтон перевел взгляд на следящий экран, потом обменялся парой фраз с капитаном Винфельдом. — Боюсь, мы его упустили».

Сморщившись от досады, он велел крейсерам возвращаться.

* * *

Адмирал Киннисон довольно улыбнулся и покинул свое кресло. Операция была практически завершена. Холм выстоял; экран Родебуша предохранил его от непрерывной бомбардировки, и практически все истребители врага были уничтожены. Где-то на границе Солнечной системы, в холодной космической тьме, корабли

Патруля добивали остатки нападавших, а вспомогательные флотилии перехватывали беглецов.

Родерик Киннисон потянулся и, подхватив Сэммза под здоровую руку, заявил:

— Вирджил, друг мой, победа! Победа! И по такому случаю старый добрый доктор Киннисон рекомендует вам принять успокоительное — бифштекс с кровью и стаканчик бренди! Пошли Вирджил!

Глава 8

ТИОНИТ

Нападение на Вирджила Сэммза, атака на Холм и сокрушительный отпор, который дали новые служители закона, ленсмены, и оперативная группа Первого галактического сектора, стали самой важной новостью для Трипланетной Лиги. Об этом практически каждый час сообщалось по всем телеканалам; и когда, среди торжественных реляций и грома фанфар, воспевающих победу, прозвучало спокойное сообщение о создании Галактического Патруля и о мобилизации, оно было воспринято населением Трех Миров с единодушным одобрением.

— Сейчас, друзья мои, вы станете свидетелями исторического события. Мы расскажем о нем так подробно, как разрешат закон и правила секретности, — взгляд опытного репортера теленовостей и длиннофокусный объектив оператора были направлены с вертолета вниз, на дымящуюся раскаленную поверхность древней цитадели Трипланетия; и миллиарды людей в десятках миров обитаемой Вселенной приникли к миллионам видеоэкранов, следя за репортажем с места событий.

Обратите внимание, перед вами — единственная в своем роде и действительно неприступная крепость, созданная человеком. В свое время один из наших корреспондентов написал, что при взгляде на ленсменов создается впечатление, что у них не две руки, а множество — и мы видим, что он не ошибся! Ленсмены действуют стремительно и эффективно, оставаясь почти незаметными, и преступные элементы уже ощутили

их мощь. Поэтому всем ясно, что попытка убийства Первого Ленсмена Сэммза не случайна, и за нее будет заплачено дорогой ценой.

Как мы уже сообщали несколько минут назад, каждый континент Земли и каждый мир Лиги послал специальное сообщение, в котором отрицает свою причастность к этим ужасным событиям. Так что происшедшее пока остается загадкой, и количество подобных загадок все время возрастает. Никого из Черного Флота не удалось взять живым, и пока не обнаружено ни малейших признаков, по которым можно бы было идентифицировать этих людей.

Ну, а теперь — самая сенсационная новость! Всемирные теленовости получили разрешение на интервью с двумя самыми высокопоставленными ленсменами, которых все вы наверняка знаете — с Вирджилом Сэммзом и Родом Киннисоном — эксклюзивное интервью, только для нашего канала! Сейчас мы спускаемся вниз, прямо в офис Галактического Патруля, в сам Холм. Не отходите от видеозэкранов, друзья!

Через десять минут репортаж был продолжен.

— Вот мы и на месте, в кабинете Первого Ленсмена. Не будете ли вы столь любезны подойти чуть ближе к микрофону, мистер Сэммз? Зрители с огромным интересом ждут ответа на множество поступающих к нам вопросов о Линзе. Все они, в общих чертах, представляют, что это такое, но как она выглядит? Кто ее изобрел? Наконец, каким образом она работает?

Киннисон открыл было рот, но Сэммз мысленно попросил его обождать.

— Перед тем как перейти к этим вопросам, я хочу задать один вопрос вам, — сказал он репортеру с обезоруживающей улыбкой. — Конечно, вы помните, какие последствия имело создание преступниками дубликата золотого метеора — опознавательного знака Трипланетарной Службы?

— О, я понимаю, — репортер, тощий и энергичный парень, был судя по всему, весьма сообразительным. — Эти данные строго засекречены?

— Вы угадали, это так, — подтвердил Сэммз. — И мы собираемся хранить в тайне все, что относится к Линзам, — так долго, как это окажется возможным.

— Ну что ж, по крайней мере откровенно... Сожалею, друзья, но вы должны согласиться, что ленсмены

тут правы. Но в таком случае, мистер Сэммз, как вы считаете, кто пытался убить вас и откуда появился Черный Флот?

— Честно говоря, у меня нет никаких соображений по этому поводу, — задумчиво произнес Сэммз. — Совершенно никаких.

— Вот как? Вы в этом абсолютно уверены? Быть может, вы скрываете какие-то подозрения, пусть даже самые незначительные, по неким дипломатическим причинам?

— Я ничего не скрываю, и мне совсем нетрудно убедить вас в этом при помощи моей Линзы. С ее помощью мысли транслируются прямо из сознания, минуя мышцы, приводящие в действие голосовые связки и язык. Разум же не может лгать — даже при наличии «дипломатических причин».

Ленсмен продемонстрировал это, и репортер подтвердил его слова.

— Да, друзья мои, я вижу, что мистер Сэммз говорит правду! Теперь я испытал на себя действие Линзы, и у меня нет слов, чтобы достойно выразить свои впечатления! Это величайшее искусство! Теперь, мистер Сэммз, еще один вопрос, последний. Для чего на самом деле служат все эти Линзы? Чего вы — ленсмены, Галактический Патруль — на самом деле добиваетесь? И почему кто-то предпринимает столь решительные попытки избавиться от вас? Если это возможно, ответьте мне при помощи вашей Линзы — и одновременно говорите; друзья мои, это будет величайшая сенсация — вы получите секретную информацию, о которой совершенно точно будет известно, что это — правда!

— Ну что ж, я могу ответить именно таким образом, как вы желаете. Наша основная цель — это... — и Сэммз дословно процитировал те положения, которые Ментор так прочно внедрил в его сознание., — Вы знаете, сколь мало счастья и истинного благополучия можно наблюдать в любом из обитаемых миров — мы же стремимся увеличить и то, и другое. Мы ожидаем достигнуть тех же результатов и для нас самих — как чувства удовлетворенности человека, который выполнил сложную работу и имеет все основания ею гордиться. Что касается вопроса о покушении, то я полагаю, что логическое объединение может быть, вероятно, таким: существует одна или несколько групп, органи-

заций или рас, сопротивляющихся тому, за что боремся мы, ленсмены; они намерены уничтожить нас — начиная с меня.

— Благодарю, мистер Сэммз. Я уверен, что все мы получили огромное удовлетворение от разговора с вами. Ну а теперь, друзья, перед вами — Второй Ленсмен, Родерик Киннисон, главнокомандующий силами Патруля... вы все его прекрасно знаете... Поближе, пожалуйста, адмирал... вот так, хорошо! Я не думаю, что у вас имеются какие-то подозрения, во всяком случае, более основательные, чем у...

— Имеются — и еще какие! — рявкнул Киннисон так яростно, что миллионы людей в страхе отпрянули от своих экранов. — В каком виде вы желаете с ними ознакомиться — голосом, через Линзу или обоими путями одновременно? — Затем, уже с помощью Линзы, он продолжил: — Обдумай хорошенько свой ответ, сынок, потому что мои подозрения касаются всех!

— О-о-обоими, п-пожалуйста, мистер Киннисон... — даже ко всему привыкший репортер был потрясен холодным гневом ленсмена, но сумел взять себя в руки, и вряд ли кто-нибудь из зрителей заметил его колебания и нерешительность. — Вы послали через Линзу мысль, мистер Киннисон, что подозреваете всех... Я правильно вас понял?

— Именно так. Всех. Я подозреваю каждое континентальное правительство каждого известного нам мира, включая и Северную Америку на Земле. Я подозреваю все политические партии и организованные меньшинства, подозреваю, капиталистов и подозреваю рабочих. Я подозреваю все преступные организации, а также расы, народы и планеты, о которых никто из нас еще не слышал — даже вы, охотник за новостями со всей Вселенной.

— Правильно ли я понимаю вас, мистер Киннисон, что никаких конкретных подозрений вы не имеете?

— Неужели вы думаете, что если б у меня было хотя бы малейшее конкретное подозрение, я стоял бы здесь и молол перед вами языком?

* * *

Первый Ленсмен Сэммз размышлял, сидя в своем кабинете; ленсмен Дронвир, ригелианин, находился рядом, помогая ему в этом занятии.

Адмирал Киннисон, с присущей ему энергией, начал претворять в жизнь всестороннюю программу создания, объединения и расширения Галактического Патруля, планируя все новые операции и их разработки.

Вирджилия Сэммс вела светский образ жизни, каждый вечер посещая приемы — она танцевала, флиртывала и прислушивалась к светским беседам. О, с каким искусством Джил занималась этим! Ее казалось бы наивные вопросы и весьма бессодержательные комментарии часто, не возбуждая подозрений у собеседников, приносили ценнейшую информацию.

Конвэй Костиган, спрятав Линзу под широкими напульсниками и не привлекая к себе особого внимания, носился по космическим трассам, тщательно изучая каждый след и отправляя подробные доклады в центр под Холмом.

Джек Киннисон вел корабль, рассчитывал трассы и отмечал их на звездных картах.

Мэйсон Нортроп, его друг и напарник, прильнув к локаторам и радарам, всматривался и вслушивался, настраивал и изменял, снова вслушивался — и переделывал, исправлял, модернизировал.

Дал-Налтел и Набос, с десятками умелых помощников, трудились над монументальной картотекой «кто есть кто» в преступном мире.

Квалифицированные техники вводили триллионы битов информации в самые совершенные и мощные компьютеры, составляя тысячи статистических таблиц.

Доктор Бергенхольм, временно отставив исследования в области физики, изучал влияние силовых полей на органическую материю.

Стены квартиры Вирджила Сэммса были покрыты схемами, диаграммами, графиками. Бумаги, магнитные диски и ленты грудami лежали на столе и переполняли ящики на полу.

— Ленсмен Олмстед с Альфа Центавра, сэр, — доложил его секретарь.

— Отлично! Пригласите его.

Вошел высокий мужчина одних лет с Сэммсом. Секунд тридцать кузены разглядывали друг друга, затем, одновременно улыбнувшись, обменялись энергичным рукопожатием. Они были похожи как братья-близнецы, разве что волосы у вновь прибывшего были потемнее, чем у Первого Ленсмена.

— Рад видеть тебя, старина. Бергенхольм уже говорил с тобой?

— Да. Он сказал, что может сделать твои волосы точно такими же — а мой парик уже готов.

— Мы никогда не виделись... — задумчиво произнес Сэммз. — Ты женат? — он пытался учесть все возможные осложнения.

— Вдовец, как и ты. И...

— Минуту, сейчас соберем наших, — Сэммз начал посылать вызов за вызовом. Ленсмены в различных уголках Вселенной выходили на связь с ним и друг с другом.

«Друзья, — начал глава Патруля, — Джордж Олмстед у меня. Я собираюсь действовать».

«Мне это по-прежнему не нравится, — буркнул Киннисон. — Слишком велика опасность. Ваше дело, Вирджил, — координация и руководство, а не личное участие в рискованных операциях».

«Ну, если Бергенхольм уверен, что дублирование достаточно точное и внешнее сходство идеально...»

«Я уверен в этом, — глубокий низкий псевдо-голос Бергенхольма не оставлял ни тени сомнения в данных обстоятельствах. — Подмену никто не обнаружит».

«К тому же, никто не знает, что Джордж получил Линзу!»

«Да, — негромко рассмеялся Олмстед. — И никто, кроме нас и твоего секретаря не знает, что я здесь».

«Хорошо. Я не могу все свое время проводить в кресле, покрываясь плесенью — заявил Сэммз. — Дронвир гораздо лучше, чем я, подходит для анализа поступающих данных; если появится какая-то заслуживающая внимания корреляция, он заметит ее. Мы уже пришли к выводу, что группа Тауна-Моргана, а также весь конгломерат фирм — «Энергия Маккензи», «Уран Инкорпорейд» и «Межзвездные Перевозки» — связаны между собой, и что тионит имеет к ним непосредственное отношение. Однако мы не можем ни на шаг продвинуться дальше. Имеется едва заметная связь между гибелью от тионита и прибытием в Солнечную систему некоторых лайнеров «Перевозок». Известно, что кое-какие чиновники Таможенной Службы зарабатывают бешеные деньги, позволяя космическим кораблям или посадочным модулям приземляться нелегально. Эти суда явно провозят контрабанду, но она может иметь отношение к тиониту, а может и не иметь. Короче,

нам недостает информации; значит, самое время и мне принять участие в получении нужных сведений».

«Против розыска я не возражаю, Вирджил, — никто из Киннисонов никогда не сдавался без боя. — Олмстед — чрезвычайно способный работник, а вы — наш главный координатор. Почему бы не позволить ему заняться контршпионажем — то-есть выполнить работу, которую вы намерены делать сами?»

«Если вы считаете, что я не рассматривал подобный вариант, то глубоко ошибаетесь...»

«Неужели вы не понимаете, адмирал, что Олмстед не может этого сделать? — энергично вмешался один из ленсменов. — Я, Рулариион из Полярной области Юпитера, могу утверждать это с полной уверенностью. Существенную роль здесь играют психологические факторы: способность выделять и оценивать детали, принимать без колебаний единственно верное решение; исполнитель должен быть в достаточной мере восприимчив, чтобы проанализировать и обобщить ситуацию. Что скажет на это Бергенхольм с Земли? Я уже определил, что ваш разум приближается к моему по уровню постижения философии и психологии». — Подобное заявление было, по юпитерианским меркам, большим комплиментом, но Бергенхольм воспринял его как должное.

«Согласен с вами. Олмстеду будет сложно добиться успеха».

«А как насчет Сэммза?»

«Кто знает»? — прозвучал мысленный ответ Бергенхольма, и одновременно с ним заговорил сам Сэммз:

«Сейчас никто не сможет сказать, будет ли удача сопутствовать мне; но я все-таки собираюсь попробовать», и он завершил дискуссию, попросив Бергенхольма и нескольких других ленсменов зайти к нему в кабинет и принять на хранение его Линзу.

«Вот еще одна вещь, которая мне совершенно не нравится, — выдвинул очередное возражение Киннисон. — Без Линзы с вами может случиться все, что угодно!»

«О, не думаю, что я останусь без нее надолго. К тому же, в семействе Сэммзов не одна лишь Вирджилия проявляет способности к телепатии».

Ленсмены покинули кабинет Сэммза, не задержавшись в нем надолго. Через несколько минут двое вы-

соких мужчин поднялись из-за стола и вышли в приемную.

— До свидания, Вирджил, — проговорил вслух человека с каштановыми волосами, — и удачи тебе!

— И тебе того же, Джордж, — сказал, прощаясь, светловолосый.

Норма, секретарша Сэммза, была сообразительной и весьма наблюдательной девушкой — другая бы просто не удержалась на подобном месте. Она проводила взглядом ушедшего ленсмена, затем с головы до ног осмотрела своего шефа.

— Никогда не видела ничего подобного, мистер Сэммз, — заявила она. — Если не принимать во внимание разницу в цвете волос и некоторое отличие... хммм... в осанке, он легко бы сошел за вашего близнеца. Мне кажется, дело не обошлось без общих предков?

— Ну, конечно. Мы кузены — точнее, четвероюродные братья... пожалуй, степень нашего родства можно назвать именно так. Мы знали о существовании друг друга многие годы, но встретились только сейчас.

— Четвероюродные братья? Что это означает?

— Ну, скажем, так — жили-были два человека, которых звали Альберт и Честер...

— Вы уверены в этом, шеф? Может быть, два ирландца Пат и Майк? — поддразнивая улынулась девушка. В рабочее время Норма была ловким, невозмутимым и умелым секретарем, но в короткие минуты передышки позволяли себя немного расслабиться. — Вы говорите как-то необычно.

— Наверное, потому, что сейчас я пытаюсь выступить в непривычном качестве исследователя собственной генеалогии. Однако, если мы продолжим это занятие, то увидим, что Честер и Альберт имели четверых детей каждый — двух мальчиков и двух девочек, по паре однояйцевых близнецов. И когда они выросли...

— Вы хотите попытаться уверить меня в том, что все эти близнецы переженились друг с другом?

— Именно так. А почему бы и нет?

— Потому что это было бы нарушением законов вероятности. Но продолжайте. Кажется, я начинаю понимать, к чему вы клоните.

— Так вот, каждая из этих пар имела одного, и только одного ребенка. Назовем этих детей Джим

Сэммз и Салли Олмстед, Джон Олмстерд и Айрин Сэммз.

Легкомысленный настрой Нормы мгновенно исчез.

— Джеймс Александр Сэммз и Сара Олмстед Сэммз — это же ваши родители! Теперь я понимаю... Значит, этот Джордж Олмстед — ваш...

— Совершенно верно. Я не могу подобрать этому родству точного названия — может, когда-нибудь вы серьезно займетесь генеалогией и разьясните этот вопрос. Так что не удивительно, что мы так похожи. Только нас не двое, а трое — у Джорджа есть еще и брат-близнец.

Светловолосый человек вошел в кабинет, закрыл за собой дверь и с помощью Линзы послал мысль Вирджилу Сэммзу.

«Сработало, Вирджил! Я говорил с ней добрых десять минут, и она ничего не заметила! И если уж мой парик провел вашу глазастую секретаршу, тот, что на вас, одурачит любого!»

«Отлично! Я тоже произвел проверку — на нескольких людях, известных своей наблюдательностью. Подозрений не возникло ни у кого».

Отбросив последние сомнения, Сэммз вошел в массивный, защищенный от радиации и нейтронного излучения подъемник — единственный транспорт, которым можно было попасть в подземелья Холма и выбраться из них. Вертолет доставил его в нью-йоркский аэропорт, где стоял на ремонте «случайно» поврежденный лайнер, которым следовал Олмстед. Аннулировав билет Олмстеда до Лондона, Сэммз отправился в Нью-Йорк, прямо в офис сенатора Моргана. Его проводили в кабинет Геркаймера.

— Джордж Олмстед. Мне назначено.

— Да? — вежливо приподнял брови секретарь.

— Вот, пожалуйста, — ленсмен бросил на стол конверт — так, что тот оказался в дюйме от руки Геркаймера.

— Прошу вас, отпечатки пальцев... здесь и здесь... — Сэммз прикоснулся к стеклянной пластине. Секретарь нажал кнопку и произнес в микрофон: — Сверьте эти отпечатки с картотекой. Сравните перфокарту из конверта с контрольной — с микронной точностью. — Он повернулся к ленсмену, который спокойно стоял перед его столом. — Вы понимаете — формальности, но они совершенно необходимы.

— Разумеется.

Несколько долгих секунд оба этих пронизательных и сильных человека мерили друг друга взглядом, пытаясь проникнуть в мысли собеседника. Затем из микрофона донеслось неразборчивое бормотание, и Геркаймер, выслушав рапорт, сказал:

— Все в порядке, Олмстед. Перейдем к делу. Мы имеем весьма положительные отзывы о вашей работе, но вы, кажется, никогда не были связаны с тионитом?

— Нет. Я даже никогда не видел его.

— И что вы хотите от этого иметь?

— Ничего особенного... все, как обычно — содействие в повышении по службе... деньги, которые помогут мне и моей организации.

— Лично вам, а потом уже организации?

Их глаза встретились: одни — горящие скрытой ненавистью, другие — бесстрастные, с холодными золотыми искорками.

— Стоит ли говорить столь откровенно? — усмехнулся Сэммз. — Кажется, вы хотели перейти к делу?

— Вероятно вы понимаете, что необходима проверка, Олмстед.

— Мне упоминали, что это возможно.

— И вам не любопытно было бы узнать — какая?

— Да нет, не особенно. Ведь вы прошли через нее, не так ли?

— Что вы хотите этим сказать? — Геркаймер резким рывком вскочил на ноги; его глаза горели уже неприкрытой яростью.

— Только то, что сказал — не больше и не меньше. Трактовать эти слова можете по своему усмотрению. — Сэммз был столь же спокоен и холоден, как и его взгляд. — Вы остановили свой выбор на мне, потому что я — это я. Не думали же вы, что странствия среди звезд сделают меня подхалимом?

— Нет. — Геркаймер сел и вытащил из ящика два маленьких, прозрачных, похожих на капсулы тюбика, в каждом из которых можно было разглядеть следы пурпурной пыли. — Вы знаете, что это такое?

— Могу предположить.

— Одной такой пылинки достаточно, чтобы вырубить крепкого мужчину со здоровым сердцем. Сядьте. Здесь одна доза. Снимите крышечку, засуньте капсулу в ноздрю, сожмите и вдохните. Если вы сумеете потом оставить

вторую дозу на столе, вы останетесь в живых и, таким образом, пройдет проверку. Если нет — умрете.

Сэммз сел, затолкнул капсулу в ноздрю и вдохнул.

Его руки безвольно упали на крышку стола, пальцы сжались в кулаки, под кожей обозначились туго натянутые сухожилия. Лицо побелело, веки прикрыли глаза, челюсти сжались; тело напряглось, словно в смертельной агонии. Сердце яростно колотилось, дыхание перехватывало.

Это был «мышечный спазм», так однозначно характеризующий тионит; каменная неподвижность, сопровождавшая мысленное удовлетворение любой фантазии, любого желания.

Галактический Патруль сделался для него реальностью, силой, распространившейся по всем мирам всех галактик, всех вселенных, всего пространственно-временного континуума. Он ощутил, чем была Линза — и что делало ее именно такой. Он осознал пространство и время и понял, что такое абсолютное начало и окончательное завершение.

Он также видел сцены и делал вещи, о которых лучше всего умолчать; каждое его желание — умственное или физическое, открытое или глубоко подавленное, благородное или низкое — каждое желание, которое Вирджил Сэммз когда-либо имел, было полностью удовлетворено. КАЖДОЕ!

Пока Сэммз находился в этой неподвижности, в абсолютном экстазе на грани между жизнью и смертью, открылась дверь, и в комнату вошел сенатор Морган. Геркаймер украдкой взглянул на него, когда тот повернулся — с почти мгновенно подавленным проблеском вины в ясных и чистых карих глазах.

— Приветствую вас, шеф. Рад вас видеть... А вот это зрелище мне радости не доставляет, — он кивнул в сторону Сэммза.

— Неужели? Вы хотите сказать, что разлюбили свои садистские опыты? — сенатор уселся рядом со столом секретаря и стал раздраженно барабанить по крышке стола. — Не думаю, что это было необходимо.

— Но надо же проверить... — начал Геркаймер, но вдруг лицо его исказилось, и он выкрикнул: — До чего же я ненавижу всю эту чертову семейку!

— Вот она, истинная причина, — спокойно произнес Морган; лицо его разгладилось, пальцы перестали барабанить по столу. — Гнев накапливается. Вы не в состоя-

нии обломать эту девчонку и не можете побаловать себя зрелищем, как с нее живьем сдирают кожу — вот у вас и появилась аллергия на всех ее родственников. Вполне понятные чувства, только я хочу предупредить вас кое о чем, — в негромком бесстрастном голосе сенатора явно прозвучала угроза. — Если вы не перестанете смешивать ваши личные амбиции с делом и держать свои садистские наклонности под контролем, вы пожалеете об этом. Никто не допустит, чтобы подобное произошло еще один раз.

— Этого не произойдет, шеф. Простите, я сорвался... С кем не бывает! Он просто взбесил меня!

— Ну разумеется — именно этого он и добивался. Более чем элементарно. Однако, внимание — он приходит в себя.

Мышцы Сэммза расслабились. Он открыл пустые глаза, потом, когда сознание случившегося пронзило его, он снова закрыл их; по телу пробежала медленная дрожь. Каждая клеточка, каждый нерв трепетали, вопили, требовали — еще, еще, еще! Его разум был охвачен всепоглощающим желанием снова и снова испытать то предельное возбуждение, которое подарил ему чудовищный препарат.

На столе прямо перед его глазами лежала еще одна порция зелья, и любой потребитель тионита без малейшего колебания продал бы дьяволу душу, чтобы получить ее. Она может убить! Подумаешь! Что такое, в конце концов, смерть? Разве существует в жизни большее наслаждение, чем то, которое он только что испытал, и повторение которого снова так близко? К тому же, кому в голову пришла столь идиотская мысль, что тионит может убить его, Вирджила Сэммза?! Его, сверхчеловека, — только что он доказал это!

Сэммз с трудом размял затекшие мышцы и потянулся за капсулой — и это движение, столь незначительное и слабое, оказалось спасительным; его было достаточно, чтобы Первый Ленсмен Вирджил Сэммз вновь начал контролировать свои действия. Однако страстная тяга не уменьшилась; скорее, она даже возросла.

Пройдут долгие месяцы, прежде чем Сэммз сможет думать о тионите — и даже просто о предметах с пурпурным оттенком — без того, чтобы у него не перехватывало дыхание и непроизвольно не напрягались мышцы. И годы пройдут, пока он сможет забыть то, что произошло с ним у этого стола, в этой комнате;

годы — пока он не загонит эти воспоминания в самые темные глубины своего разума. Он вдруг понял, что может произойти непоправимое, и это придало ему сил. Пальцы Сэммза уже дотянулись до капсулы, но вместо того, чтобы схватить ее, он резким движением толкнул наркотик по гладкой поверхности стола в сторону Геркаймера.

— Убери-ка отсюда эту гадость, приятели! Еще одна попытка может стать последней в моей жизни, — затем он обернулся в сторону Моргана и произнес: — Вряд ли сам когда-нибудь проходил подобную проверку — я-то уж ему, во всяком случае, не поверю ни на грош.

С заметным усилием секретарю удалось сдерживать язык за зубами, однако Морган на этот раз не промолчал.

— Что-то вы разговорились, Олмстед. Можете встать?

Крепко ухватившись обеими руками за крышку стола, Сэммз с огромным трудом поднялся на ноги. Стены комнаты вращались словно в бешеной карусели, причем каждая вещь и каждый предмет напостижимым образом кружился по своей собственной, совершенно непредсказуемой траектории; голова раскалывалась от невыносимой боли, с каждым мгновением угрожая превратиться в готовую к взрыву бомбу; перед глазами плавали черные и белые пятна, мелькали разноцветные сполохи. Он с усилием оторвал одну руку от стола... потом другую... и рухнул обратно в кресло.

— Еще не совсем, — ответил он, стиснув зубы.

Сенатор Морган, хотя пытался скрыть это, был поражен — не тем, что подопытный упал в кресло, но тем, что он вообще смог приподняться свое тело хотя бы на дюйм. Назвать его «тигром» — значило не сказать ничего: этот Олмстед на семь восьмых был настоящим динозавром!

— Обычно людям требуется несколько минут, чтобы оправиться от шока, — заметил Морган, — одним больше, другим — меньше. Но что привело вас к выводу, что Геркаймер не подвергался такой проверке?

Снова две пары глаз впились друг в друга, но на этот раз безмолвный поединок был гораздо длительнее.

— А что думаете вы? — проговорил, наконец, Сэммз. — Знаете, как мне удалось дожить до своего возраста? Только потому, что я частенько помалкивал.

Перед тем, как ответить, Морган сорвал обертку с венерианской сигары, крепко зажал ее в зубах, зажег и выпустил три клечка дыма.

— Понимаю. У вас аналитический склад ума. Ладно, давайте оставим пока Геркаймера в покое. Не возражаете, если мы перейдем к делу?

— Почему бы и нет? Из того, я слышал, следует, что вы всегда были в верхнем эшелоне. А я всегда предпочитаю говорить напрямую с хозяином.

— Добрая старая лесть, а? — Морган позволил себе изобразить тщательно отмеренную порцию презрения. — Как выжить в этом жестоком мире: совет первый — подмазать начальника.

— Великолепный совет, сенатор, но не должен же я относиться к вам, как к обидчивой барышне, — Сэммз, почти уже вернувшийся в норму, заговорщицки улыбнулся. — Мы оба понимаем, что пришли сюда не из детского сада.

— Возможно, возможно, — процедил Морган; обычно при таком тоне его подчиненные едва не теряли сознание от страха, однако этот Олмстед был, судя по всему, крепким орешком. — Но повторять такие глупости не советую... это может оказаться вредным для здоровья.

— Ну, я готов гарантировать, что сегодня опасность меня не подстерегает. Я еще не нанялся к вам на работу, верно?

— Послушайте, вы что же — воображаете, будто вам удастся покинуть это здание живым без моего разрешения?

— Если говорить откровенно — да. Разумеется, у вас тут полно вооруженных людей, ну и что с того?

— Что с того? — ядовито-вкрадчивым тоном повторил сенатор Морган.

— Вот именно: что с того? — Олмстед продолжал оставаться абсолютно невозмутимым. — Мне, знаете ли, пришлось побывать во многих местах, и я цеплялся за материнскую юбку только в самом нежном возрасте... К сожалению, он миновал черт знает сколько лет назад.

— Понимаю, понимаю... Вы хотите сказать, что не боитесь пустых угроз... И вы проверяете меня — так же, как я проверяю вас. Знаете что, вы начинаете мне нравиться, Джордж! Думаю, что я догадался и о прочих

ваших соображениях... — Сенатор помолчал, и вдруг резко распорядился: — Ну, выкладывайте!

— Любой человек, который собирается стать моим боссом, должен быть покрепче меня. В противном случае я не взялся бы за работу, которую он предлагает.

— Довольно искренне. Боже, вы мне действительно очень нравитесь, Олмстед! — крупное лицо Моргана озарилось улыбкой, он встал, сделал несколько широких шагов и энергично потряс руку гостя. Сэммз, внимательно наблюдавший за ним, так и не смог оценить, насколько этот энтузиазм был показным. — Вы хотите иметь эту работу? Когда вы можете приступить?

— А разве я уже не начал? Два часа назад, сэр?

— Великолепно, — прогудел Морган. Он не показал вида, но, несомненно, заметил и понял перемену в обращении к нему. — Не зная, что это за работа и сколько вы за нее получите?

— В данный момент, сэр, ни то, ни другое не имеет первостепенного значения. — Сэммз, который уже довольно легко смог подняться с кресла, чтобы пожать сенатору руку, остался этим очень доволен. Прекрасно, что он так быстро сумел вернуться к норме! — Что же касается работы, я могу либо сделать ее, либо выяснить, почему она не может быть сделана. А вопрос оплаты... мне кажется, я могу положиться на вашу щедрость.

— Очень хорошо. Я думаю, что вы далеко пойдете. — Морган снова пожал руку ленсмена, и снова Сэммз не смог измерить искренность сенатора. — Итак, во вторник, в полдень. Нью-Йоркский аэропорт, звездолет «Королева Вирджиния». Доложитесь капитану Уиллогби в ангаре номер четырнадцать. А когда будете уходить отсюда, загляните в кассу. Всего хорошего!

Глава 9

ТРЕНКО

Пиратство было весьма распространенным явлением, и без всякого сомнения оно имело большое значение для бизнеса. Мургатройда, крупнейшего из бандитов,

угрожавших безопасности галактических трасс, считали капитаном Киддом космоса, и слухи, что он связан с МКП, не вызывали особого удивления. Что тут удивляться: такие отношения существовали всегда, и с древних времен самые жестокие и свирепые корсары действовали в тесном контакте с наиболее влиятельными из властимущих.

Покидая офис сенатора Моргана, Вирджил Сэммс размышлял о пиратах и пиратстве. Эти мысли не оставляли его и во время последующей беседы с Родериком Киннисоном.

— Но достаточно об этом зелье и моих приключениях, Род. — Первый Ленсмен устало потянулся, стараясь прогнать воспоминания о пурпурном порошке. — Перейдем к операции «Боском». Как обстоят дела?

— Мы получаем все новые и новые данные. Ваши предположения, что потери «Перевозок», которые они списывают на пиратов, — фальшивка, подтвердились. Но к большинству нападений это не относится, и те случаи, когда корабль с частью экипажа и оставшихся в живых пассажиров позднее бывал обнаружен, дали нам реальную информацию. Между прочим, все эти случаи очень похожи друг на друга, и мы весьма преуспели в их изучении.

— Это звучит довольно странно, Род! Но продолжайте.

— Слушайте внимательно. Это завело нас значительно дальше, чем можно было предполагать. Оказалось совсем не сложно добраться до списков пассажиров и имен членов экипажей независимых судов, которые исчезали бесследно; мы без труда обнаружили родственников всех этих людей — в основном нас интересовали, разумеется, жены. Как вы знаете, астронавты — довольно молодые люди; ну, а их жены еще моложе. Так вот, здесь картина была самой обычной: эти женщины получили работу, большинство из них снова вышло замуж — словом, жизнь их наладилась.

— Вы хотите сказать, что в случаях с судами МКП дело обстоит иначе?

— Вот именно. Начнем с того, что даже раздобыть списки их пассажиров было чрезвычайно сложно, списки же членов экипажей практически не существуют. Не буду сейчас останавливаться на деталях того, как мы получили эти данные, но в конце концов это нам удалось. И обозначилась удивительная картина: их жены —

девять из десяти! — исчезли без следа! Мы сумели разыскать только тех, кому и до исчезновения мужей было наплевать, живы они или нет. Но самое большое потрясение связано... вы ведь помните исчезновение судна, на котором совершали круиз студентки женского колледжа?

— Разумеется. Эта история наделала в свое время немало шума.

— Интересно отметить, что за два дня до того, как их корабль стартовал с Земли, колледж был ограблен и подожжен — административное здание сгорело до основания, все архивы пропали. Список исчезнувших, таким образом, пришлось составлять по заявлениям родственников и ближайших друзей.

— Ну да, это я тоже припоминаю. Хотя мне казалось, что космическая компания все же предоставила... — О! — вдруг воскликнул Сэмми значительно более обеспокоенно, — вы хотите сказать, что это были «Космические Перевозки»?

— Конечно. Мы предположили, что примерно в то же самое время исчезло еще несколько судов, на которых находились преимущественно женщины. И еще, помните, судно, на котором путешествовали лучшие студенты из колледжа Остина — ни до, ни после этот колледж не располагал такими способными парнями! Они прямо-таки идеально подходили для того, чтобы исчезнуть!

— Однако, Род! Все это должно означать... Но куда?

— Да, это именно то, о чем вы думаете. И вопрос «куда» являлся первоочередной задачей. В нашей Галактике около двух миллионов солнц, и еще большее число планет населяют обитатели более или менее антропоморфного типа. Вы знаете, как много систем уже исследовано, и как быстро идет их освоение. Так что ваши предположения о том, где могут находиться все эти астронавты и инженеры с их женами и подругами, являются, может быть, столь же неопределенными, как и мои. Я совершенно уверен в четырех моментах, ни один из которых мы пока не можем подтвердить. Во-первых, они вовсе не погибли в космосе. Во-вторых, они высадились на удобной и подготовленной для них планете земного типа. В-третьих, они очутились там для того, чтобы построить космический флот. И, в-четвертых, именно этот флот совершил нападение на Холм!

— Мургатройд, вы полагаете? — несмотря на явное удивление, вызванное странным сообщением Киннисона, обескураженным Сэммз не выглядел.

— Сейчас мы не можем делать каких-либо предположений. У нас нет данных — пока.

— И на этом они не остановятся, — заметил Сэммз. — Теперь будет построен еще один флот, который, возможно, окажется больше, чем все наши силы. И так как политики всегда в курсе того, чем мы занимаемся... или, может быть... хотел бы я знать...

— Вы можете перестать удивляться, — жестко улыбнулся Киннисон.

— Что вы хотите сказать?

— Как раз то, о чем вы подумали. Вы знаете о ближайшей к Земле галактике, где образовался огромный разрыв?

— Да.

— За этой областью, недоступной для наблюдений уже тысячи лет, находится планета, которая может быть сестрой-близнецом Земли. На ней не знакомы ни с атомной энергией, ни с космическими полетами, но там довольно мощная индустрия. Словом, проект «Беннет»! Совершенно секретно — кроме ленсменов, никто о нем не знает. Два приятеля Дронвира — сообразительные спокойные ребята — присматривают за ней. Там предполагается устроить военную базу флота Галактического Патруля.

— Но, Род... — Сэммз начал перечислять бесчисленные проблемы и невероятные трудности программы, которую столь лаконично описал его друг.

— Забудьте об этом, Вирджил, — прервал его Киннисон. — Задача, конечно, не из простых, но мы сможем сделать все, что сделали они, и мы сделаем это лучше. Вы можете совершенно спокойно заниматься вашей собственной миссией, зная: когда нам будет нужно — заметьте, я сказал «когда», а не «если» — мы выпустим из рукава армаду, перед которой флот, что мы имеем сейчас, покажется всего-навсего небольшой оперативной группой, — Киннисон усмехнулся. — Ну, я знаю, что у вас назначено свидание с Джил, так что не стоит сейчас вдаваться в детали проекта. Передайте ей от меня привет — и, как говорят жители Веги, выше хвост, старина!

Сэммз стоял в роскошном вестибюле не менее роскошного отеля, когда заметил Джил в сопровождении двух «боев» в гостиничной униформе.

— Дорогая моя, так ты меня узнала?

— Ну конечно же, дядя Джордж! — девушка чмокнула его в щеку, после чего коридорные удалились. — Я так рада видеть вас — ведь я столько о вас слышала! Вы сказали, Морской зал?

— Да. Я заказал там столик.

В великолепном зале фешенебельного ресторана в одном из самых известных ночных заведений города они слегка выпили, более основательно закусили и успели о многом переговорить.

— Здесь мы в полной безопасности, как ты считаешь? — первой спросила девушка.

— Думаю, что так. В этом шуме даже сверхчувствительные микрофоны не смогут уловить негромкого разговора... и, к тому же, здесь так темно, что за нами могут следить хоть из двенадцатидюймовых инфракрасных биноклей, все равно им ничего не удастся прочитывать по губам.

— Ну и прекрасно. Однако, они неплохо поработали на тобой, отец! Если бы не твоя, гм-м-м... ментальная индивидуальность, даже я не смогла бы заметить подмену.

— Так ты считаешь, что в этом отношении я в безопасности?

— Абсолютно!

— Тогда приступим к делу. Я знаю, что вы — ты, Набос и Дал-Налтел — обладаете проникающими и острыми умами, поэтому все вместе заблуждаться не можете. Отсюда следует вывод, что «Перевозки» действительно связаны с шайкой Тауна-Моргана и с тионитом. Логическим продолжением — Дал, конечно же, думал на эту тему — должно быть... — Сэммз замолк.

— Ты хочешь сказать, что наш отъявленный мерзавец Мургратройд не только один из пиратских главарей, но и принадлежит к банде Тауна-Моргана-Изаксона? Но, отец, что за идея! Неужели все действительно может быть так низко и подло?

— Все может оказаться еще хуже, чем ты предпо-

лагаешь. Теперь следующее. Кто, по вашему мнению, является настоящим боссом?

— Ну, уж конечно не мистер Геркаймер, — усмехнулась Джил. — Мне кажется, максимум того, на что он способен — управляться с бизнесом по продаже горячих сосисок. Такая мелюзга, что его и в микроскоп-то не рассмотреть как следует! И, конечно, не партнеры с Венеры и Марса. Я думаю, они могут заниматься крупными делами — однако в масштабах планеты, не более. Теперь Мургатройд. Я сама никогда не встречалась с ним, но по отзывам у меня сложилось впечатление, что ему далеко до Тауна. А Большой Джим — хоть это весьма меня удивляет — почти наверняка не главный организатор.

— Да, еще вчера это показалось бы поразительным и мне; но после того, что произошло сегодня — я еще расскажу тебе об этом, удивляться не приходится.

— Я рада. Мне почему-то казалось, что ты станешь возражать, и я уже сама начала сомневаться в своих выводах... слишком они не согласуются с общепринятыми представлениями... или, скорее, с тем, что называют общепринятыми представлениями. Что ж, тогда остаются Изаксон и сенатор Морган, — Джил неуверенно нахмурила брови. — Изаксон, конечно, незаурядный человек. Способный. Одаренный. Прекрасно информированный. Исполнитель высокого класса! Именно такой и должен руководить «Перевозками». А что касается Моргана... Я всегда думала, что он — просто болтун и пустобрех... — Джил умолкла, не закончив фразы.

— Так же полагал и я — до сегодняшнего дня, — мрачно заметил Сэммз. — Я тоже думал, что он просто развращенный, невероятно жадный политикан, ловко манипулирующий настроениями толпы. Однако наши оценки этого человека необходимо подвергнуть радикальному пересмотру.

Мозг Первого Ленсмена лихорадочно работал. Двумя абсолютно различными путями они с Джил пришли к одному и тому же выводу. Но если Морган действительно Большой Босс, то почему же он удостоил личной беседой такую мелкую сошку, как Олмстед? Или работа Олмстеда являлась значительно более серьезным делом, чем мог предположить Сэммз?

— У меня есть еще дюжина вопросов, нуждающихся

в твоей проверке, — сказал он наконец. — Но лучше я расскажу сейчас о том, что же произошло сегодня...

* * *

Наступил вторник; приближался час ланча, когда Сэммз вошел в конторку, где за большим, почти голым столом сидел жилистый седоволосый человек.

— Капитан Уиллогби?

— Да.

— Докладывает Джордж Олмстед.

— Четвертый помощник Олмстед, — уточнил капитан; затем он нажал на кнопку, и тяжелая звуконепропускаемая дверь захлопнулась, клацнув замком.

— Четвертый помощник, сэр? Новое звание, не так ли? Каковы же мои обязанности?

— Да, новое и специальное. Вот несколько параграфов из должностной инструкции, прочитайте их и подпишитесь... — Капитан не стал добавлять — «в противном случае»; в этом не было необходимости. Сэммзу стало ясно, что Уиллогби, обычно весьма словоохотливый, намеревался как можно меньше общаться со своим новым подчиненным.

Он пробежал глазами строчки: «...четвертый помощник... должен... никаких обязанностей и ответственности во время рейса... груз...» Затем следовал раздел, который заставил его внутренне похолодеть: «...отдав команду по детальному обследованию корпуса корабля снаружи и почувствовав сопротивление подчиненных, он должен заставить их выполнить приказ под страхом смерти или любого другого наказания, которое он сочтет необходимым...»

Лесмен не показал, какое впечатление произвел на него этот страшный документ — он просто взглядом попросил у капитана ручку и вывел внизу бумаги имя Джорджа Олмстеда — четким быстрым почерком Джорджа Олмстеда.

Затем он вместе с Уиллогби поднялся на борт «Королевы Вирджинии», где капитан указал его каюту.

— Прошу, мистер Олмстед. До знакомства с суперкарго и остальными вашими людьми никаких обязанностей на ближайшие дни у вас не будет. Вы можете свободно передвигаться по судну, но с одним исключением — не появляйтесь в рубке, пока я сам вас не позову. Я выразился понятно?

— Вполне, сэри! — Уиллогби вышел, и Сэммз, закинув на полку свои нехитрые пожитки, занялся осмотром помещения.

Каюта была крохотной, но, невзирая на суровую экономию лишнего веса на кораблях такого типа, была оборудована всем необходимым. Здесь находились полки — или, точнее, высокие стеллажи с книгами и микрофильмами, кварцевые лампы, шкафчик с навигационными картами и даже спортивные тренажеры. На низком столике стоял мощный приемник, способный ловить передачи из практически любой точки пространства. Недостаток у этого помещения был всего один — хотя и весьма существенный — отсутствие ультраволнового видеозэкрана. Однако этот факт нисколько не удивил Сэммза — вряд ли «они» желали, чтобы Джордж Олмстед знал, куда его везут.

Удивился же Сэммз тогда, когда встретился с людьми, находящимися в его непосредственном подчинении. Их было сорок человек — и невооруженным взглядом можно было разглядеть, что все эти парни принадлежат к подонкам и обросам общества. Через некоторое время он понял, что они не являлись обычными космическими крысами и бродягами. Шестеро из них — наиболее сильные физические и весьма недоразвитые в умственном плане — были беглецами из камер смертников, убийцами или того хуже. Он взглянул на самого крупного типа из этой шестерки, сложением напоминавшего шкаф, — рыжеволосого гиганта по имени Творн, с маленькими свиными глазками и огромными кулаками — и спросил:

— Тебе говорили, в чем будет заключаться работа?

— Нет, начальник. Только то, что она будет опасной, но если я стану в точности выполнять все, что мне велят делать, то я не получу ни единой царапины. И еще, что в дело мы пойдем на следующей неделе. Правильно, начальник?

Сэммзу, квалифицированному психологу, все стало ясно, и он, одного за другим, начал прощупывать членов своей пестрой команды. Это его занятие прервал вызов в капитанскую рубку.

На находящемся там навигационном экране нельзя было прочитать ни одного символа; единственный же включенный следящий монитор показывал какую-то планету под неистовым бело-голубым солнцем.

— Я хочу ознакомить вас с первым заданием и

рассказать все, что мне известно об этом шарике — там, внизу, — произнес капитан Уиллогби. — Ее называют Тренко, — даже для Вирджила Сэммза, одного из самых осведомленных людей в Галактике, это название ничего не говорило. — Вы должны взять человек пять из своей команды, высадиться на нее и собрать столько листьев зеленого цвета, сколько удастся. Можно также брать листья с пурпурным оттенком. Самыми ценными являются «широкие листья» — двухфутовой длины и около фута в ширину, но не нужно быть слишком привередливыми — если широких листьев поблизости не окажется, следует хватать то, что можно утащить.

— В чем заключаются сложности? — спокойно спросил Сэммз. — Что делает эту задачу столь трудной для выполнения?

— Да, собственно, ничего — кроме самой планеты. Она находится ближе всех к Аризии, проклятого богом мира. Я никогда не был так близко от нее, так что знаю только то, что мне рассказывали. На этой мерзопакостной планете есть что-то такое, что убивает людей — или сводит их с ума. Обычно мы теряем семь-восемь посадочных ботов и тридцать пять — сорок человек в каждой экспедиции, а самый большой груз, который когда-либо был взят, не превышал двухсот фунтов этих чертовых листьев. А очень часто вообще ничего не удавалось добыть.

— Вы говорите, что люди сходили с ума? — не смотря на умение владеть собой, Сэммз побледнел. Это не может быть похожем на Аризью! — И каковы симптомы этого безумия? Что они рассказывали?

— Разное. Большинству казалось, что они теряют зрение — не слепнут, но не могут ничего разглядеть, или же, наоборот, видят то, чего не существует на самом деле. И еще каждую ночь на планете идут страшные ливни, к утру же все высыхает. Самые мощные грозы с ужасающими молниями во всей Вселенной — я могу показать вам их запись — и еще ветер со скоростью более восьмисот миль в час.

— Да, звучит внушительно. А как у нас со временем? Если вы не возражаете, мне бы хотелось провести кое-какую разведку перед высадкой.

— Мысль вообще-то неплохая... у пары-другой парней до вас она тоже возникала, только это им не помогло — назад они не вернулись. Так что не имеет смысла

зря терять время — выбирайте пятерых, сажайте их в бот и на месте соображайте, что нужно делать.

* * *

Когда бот резко пошел вниз; из динамиков раздался резкий голос капитана Уиллогби:

— Могу предположить, что у вас, парни, возникают кое-какие мысли — как бы увернуться от работы. Так вот, советую забыть о них. Четвертый помощник Олмстед обладает всеми полномочиями и имеет приказ всадить пулю в брюхо любого, который не будет достаточно живо шевелиться — или, наоборот, окажется слишком шустрым — при выполнении его указаний. А я, при первом же намеке на что-нибудь подозрительное, просто разнесу к чертовой матери вашу скорлупу. Хорошей охоты!

За сорок восемь бессонных часов Сэммз исследовал планету Тренко, и чем больше он узнавал, тем более ненормальным казался ему этот мир.

Да уж, более своеобразную планетку трудно было даже представить! Половину ее атмосферы и большую часть гидросферы составляли не воздух и вода, а некая субстанция, имевшая очень низкую температуру парообразования и точку кипения около семидесяти градусов по Фаренгейту. Поэтому днем на Тренко было жарко как в Сахаре, ночи же пронизывали ледяным холодом.

Впоследствии этого каждую ночь шли дожди, по сравнению с которыми самые яростные земные ливни, дающие около дюйма осадков в час, едва ли можно было назвать даже мелким дождичком. Нет, над Тренко бушевали дожди в полном смысле этого слова — сорок семь футов и пять дюймов влаги извергали небеса каждую ночь в течение всего года. И возникающая чудовищная конденсация, разумеется, вызывала ветер. Графики и рисунки Уиллогби оказались весьма точными. Исключая лишь небольшие области на обоих полюсах, на планете не было ни одного места, в котором любой земной тайфун не выглядел бы мертвым штилем — а надо отметить, что ураганы на Тренко не утихали практически ни на минуту; на линии экватора каждый восход и заход солнца сопровождался ветром, дующим с дневной стороны планеты на ночную и наобо-

рот со скоростью, к которой ни один земной циклон даже не приближался.

И еще молнии! Не те слабые и случайные вспышки, которые так разнообразят грозы на Земле, а продолжительные, слепящие, сверкающие подобно солнцу разряды в несколько миллиардов вольт, благодаря которым понятие темноты на этой планете было просто неизвестно; они искажали и искривляли само пространство. В этой фантастически изменчивой и призрачной обстановке зрение становилось практически бесполезным — и это же относилось к ультраволнам.

Посадка на дневной стороне планеты, исключая, возможно, момент точного полдня, была невозможной из-за ветра, который не позволил бы кораблю удержаться на поверхности дольше нескольких секунд; высадка на ночной стороне казалась столь же невозможной из-за ужасающих разрядов, которые, попав в бот, превратили бы его в решето.

Методично, раз за разом, от полюса к полюсу, с ночной стороны на дневную. Сэммз облетал планету, посылая ультралучи к обманчивой поверхности Тренко, и с тем же постоянством получая абсолютно бессмысленные изображения. Планета крутилась, шаталась, вертелась, подрагивала и плясала. Она рассыпалась на куски, каждый из которых начинал свое собственное сумасшедшее кружение, следуя по математически невозможным траекториям.

Наконец в полном отчаянии, он направил луч точно вниз и невероятным напряжением сил удерживал его в таком состоянии с минуту. Снова планета перед его глазами рассыпалась, но на этот раз он, несмотря ни на что, не прекращал наблюдений. Он прекрасно понимал — все приборы показывали именно это, — что висит в стратосфере примерно в двухстах милях над поверхностью планеты; тем не менее, он видел огромный кусок зазубренной, с острыми краями скалы, падающей с удающей скоростью отвесно вниз, прямо на их крошечный посадочный бот.

К сожалению, команда, на которую Сэммзу до сих пор было недосуг обращать внимание, тоже заметила несущий смерть обломок, и один из парней с диким воплем вцепился в штурвал.

Сэммз молниеносно выдернул из кобуры пистолет, развернулся, но успел лишь увидеть, как к безумцу

бросился рыжеволосый детина и ребром ладони саданул его по основанию черепа.

— Спасибо, Творн, ты помог мне.

— ... — ответ был совершенно непечатным.

— Я хочу выйти из этой передрыги живым и вытащить вас, иначе вы утоните в этом аду за четверть часа. Понятно?

— Понятно.

— Поможешь мне? С дубинкой обращаться умеешь?

— В совершенстве, — скромно потупившись, признался детина. — Вы только скажите, какое время вы хотите держать каждого снаружи, а я уж прослежу, чтобы он не потерял ни минуты. А этого ублюдка я бы раздолбал на мелкие кусочки прямо сейчас.

— Нет. Не раньше, чем я разберусь, может он работать или нет. Скажи, ты ведь с Прощона, так?

— Точно. Северный центр.

— И чем ты там занимался?

— Сначала вроде ничем. А потом пришел парня, которого обязательно надо было прикончить, но эта мразь имела хренову уйму денег, так что мне впаяли двадцать пять лет — на всю катушку. Не скажу, чтобы это особенно пришлось мне по вкусу, поэтому я вел себя в тюрьме довольно грубо... ну, а они действовали своими методами — одиночка, колодки, наручники и тому подобные штучки. Мне это уже совсем не понравилось, и я убил шесть или восемь... может, и дюжину охранников — но до конца дела не довел. Они, заразы, пустили какой-то газ... Вот и все, начальник.

— Я повышаю тебя в звании — теперь ты командир группы. Вот тебе оружие, — он передал Творну свою дубинку. — Смотри за ними, я буду слишком занят. Посадка не обещает быть легкой прогулкой.

— Годится, начальник. — Торн опробовал дубину, похлопав себя по ноге. — Ну, парни, сидите тихо. Если эта тросточка доберется до вас, гарантирую пару сломанных ребер.

Наконец Сэммиз пришел к решению. Он определил, где находится условная линия, разделяющая ночную и дневную сторону планеты, и, уравновесив свое крохотное суденышко, «обрубил канат». Он перестал смотреть на солнце, не обращал внимания на экраны, по-прежнему показывавшие самые невероятные картины, и позволил боту свободно падать вниз, наблюдая только за датчиками давления и гироскопами.

Сто миллиметров ртутного столба. Триста. Пятьсот... Он замедлил спуск. Он собирался сесть на тонкий слой жидкости, но если удар будет слишком силен, то можно повредить бот; о том же, какое атмосферное давление существует на поверхности Тренко, он не имел ни малейшего понятия. Шестьсот... Скорее всего, даже поздно ночью оно должно быть больше земного... а может, много меньше? Семьсот...

Все медленнее и медленнее Сэммз двигался вниз, а нагрузка на его собственное тело возрастала определенно быстрее, чем ползли вправо стрелки датчиков. Это была совершенно слепая посадка! Интересно, со сколькими парнями придется иметь дело Творну? Он быстро осмотрелся. Все было спокойно! Теперь уже никого не могли испугать жуткие неправдоподобные изображения на экранах, никто не страдал от неизвестности — теперь он был единственным человеком на борту, который продолжал испытывать боль и тревогу.

Девятьсот... девятьсот сорок. Бот ударился о поверхность планеты с громким чавкающим звуком, взметнув вверх тучу брызг. Его скорость была относительно невелика, а тонкий слой жидкости все же достаточно глубок, так что никаких повреждений судно не получило. Сэммз перевел двигатель на малую тягу и повернул заостренный нос своего «транспорта» в сторону солнца. Маленькое суденышко, неторопливо рассекая жидкость, устремилось вперед. Он старался удерживать бот таким образом, чтобы тот не зарывался носом в жидкость. Неправдоподобно сильный ливень постепенно слабел, но Сэммз прекрасно понимал, что второй критический момент уже близок.

— Пристегнитесь, ребята, пока мы не увидим, что этот ветер собирается с нами сотворить.

Атмосфера Тренко в действительности была не газообразной, а скорее жидкой. Даже учитывая прочность обшивки спасательного бота, невозможно было предположить, что произойдет с ним дальше. Оболочка могла быть разнесена вдребезги, сорвана и скручена в штопор. Пальцы Сэммза впились в рычаги управления; крошечный бот скользил сквозь пласты плотнейшего тумана, заставлявшего его иногда резко вздергивать нос.

Второй спуск был много быстрее и гораздо проще первого. Но на этот раз Сэммз остался на поверхности и не устремился в сторону берега. Зная, что океан

планеты неглубок, он позволил судну опуститься на дно. Более того, он положил его на бок и повел под небольшим углом, почти зарываясь в дно, так что обводы правого борта судна оставляли глубокий след в вязком иле. Снова было томительное ожидание, и на этот раз ветер не сдул судно прочь.

Исключительно из теоретических предпосылок Сэммз сделал вывод, что непонятные фокусы со зрением зависят от расстояния, и то, что он видел, довольно хорошо согласовывалось с этой гипотезой. Теперь он неторопливо и осторожно посылал вперед ультра-волновый луч. Десять футов... двадцать... сорок... все чисто. На пятидесяти видимость значительно ухудшилась, на шестидесяти наблюдение стало невозможным. Он уменьшил глубину поля до сорока футов и принялся за изучение растительности планеты.

Фантастическое зрелище! Трудно было представить себе такую интенсивность роста: листок, прижатый ветром к поверхности земли, тут же пускал корешки и за невероятно короткий отрезок времени поднимался на несколько дюймов. Скорее всего, здесь присутствовал и животный мир, но в данный момент у Сэммза не было ни сил, ни желания интересоваться фауной Тренко.

— Это те плантации, которые нам нужны, начальник? — спросил Творн, взглядываясь в экран через плечо Сэммза. — Пора вылезать наружу и драть эти листья?

— Еще нет. Даже если мы сможем открыть выходной шлюз, шквал в два счета размажет нас по земле. Ветер должен немного стихнуть, мы выйдем наружу незадолго до полудня. До этого у нас будет достаточно времени на подготовку. Пусть ребята приготовят костыли, лебедку, несколько скоб и цепей, мешки и сотню футов самого прочного каната.

— Отлично, — продолжал он, когда приказ был выполнен. — Закрепите трос на лебедке, а также здесь, здесь и здесь — чтобы я мог вытянуть вас против ветра. Когда вы начнете работать, я останусь у лебедки.

Перед тем, как неистовое бело-голубое солнце Тренко достигло полуденного меридиана, шесть человек облачились в космические скафандры. Сэммз осторожно попробовал двери воздушного шлюза. Они действовали! Ветер сейчас был едва ли сильнее среднего земного урагана; под его напором широколистные растения, упрямо тянувшиеся вверх, склонялись к земле под углом

в сорок пять градусов. Похоже, что листья достигли своего максимального размера.

Четыре человека пристегнули свои скафандры к тросу. Трос был вытравлен. Каждый выбрал себе парочку листьев — самых больших, плоских, зеленых или с пурпурным оттенком, до которых мог дотянуться. Сэммз вытащил их обратно и подобрал добычу; еще раз, еще, и еще.

Полдень подарил им несколько минут почти полного штиля. Крепкий человек мог теперь устоять в потоках изменчивого ветра, мог двигаться без опоры, не опасаясь быть немедленно унесенным к горизонту. В течение этих минут все шестеро лихорадочно обрывали листья — однако затишье было очень недолгим. Ветер стабилизировался и начал дуть в обратном направлении со все возрастающей яростью, словно наверстывая упущенное; пришлось снова задействовать лебедку и трос. Прошло еще полчаса; трос начал гудеть на странной, почти музыкальной ноте. Сэммз решил не рисковать.

— Все, парни, — объявил он. — Если нагрузка увеличится, трос не выдержит. Вы сегодня слишком хорошо поработали, чтобы вот так запросто потерять вас. Да и о безопасности судна имеет смысл подумать.

— Не продуть ли кабину, начальник? — осведомился Творн.

— Пожалуй, нет... — всего на мгновение задумался Сэммз. — Мы не знаем состава местного воздуха, и он, возможно, более ядовит, чем цианистый калий. Мы останемся в скафандрах и выпустим воздух уже в космосе.

Шло время. Наступила ночь, а вместе с нею хлынул ливень. Начался потоп. Не дожидаясь, пока дно окончательно размякнет, Сэммз поднял спасательный бот из грязевой лужи и повел его прочь от планеты. Поднявшись на достаточную высоту, он открыл выходные клапаны и оба воздушных шлюза. Загрязненный воздух сменился вакуумом межпланетной пустоты. Затем он послал сигнал на «Королеву Вирджинию», и спасательный бот был принят на борт космического корабля.

— Быстро вы обернулись, Олмстед! — приветствовал его Уиллогби. — Я невероятно удивлен: мало того, что вы вообще вернулись, так еще доставили столько материала и умудрились не потерять ни одного человека! Ну-ка, сколько они принесли?

— Триста сорок восемь фунтов, сэр, — доложил суперкарго.

— Мой бог! И все — настоящие широкие листья! До сих пор никто еще не добивался такого великолепного результата. Как вам это удалось. Олмстед?

— Не знаю, касается вас это или нет, — выражение лица Сэммза ни в коем случае не было дерзким — скорее, задумчивым, — но будь я проклят, если этот мой способ поможет кому-нибудь еще. Я думаю, что сперва надо сообщить в главный офис, а уж они пусть решают. Как вы считаете, это достаточно честно?

— Может, и так, — нехотя согласился шкипер. — И все же — какой груз! И без потери!

— Кстати, я хотел напомнить, — нерешительно начал Сэммз. — Воздух, который находился на спасательном боте... Воздух здесь довольно дорог...

— Воздух! — фыркнул Уиллогби. — Да я за каждый из этих листьев в любое время я дам вам сотню баллонов с кислородом!

Именно это и жаждал узнать Сэммз.

Капитан Уиллогби был достаточно сообразительным человеком. Он прекрасно знал, как можно на пути к успеху выжать подчиненного как лимон, а затем растоптать его; и как необходимо льстить тому начальнику, который слишком силен, чтобы спихнуть его и занять вакантное место. Поэтому он без труда сообразил, что у этого Олмстеда имеется много шансов заделаться боссом, и повел себя соответствующим образом.

— Мне было велено не сообщать вам никакой информации, пока мы не доберемся до планеты, — почти что извиняющимся тоном сказал он — вскоре после того, как «Королева Вирджиния» стартовала из системы Тренко. — Но вот насчет обратного пути никаких указаний не имеется... скорее всего, предполагалось, что вы будете уже покойником. Поэтому сейчас вы с полным основанием — если, конечно, захотите — можете пребывать в любом месте моего корабля, включая рубку.

— Вы очень любезны, капитан, — спокойно проговорил Сэммз, — но я думаю, — он кивнул головой в сторону остальных офицеров, — что не имеет смысла нагнетать лишнее напряжение. Лично мне абсолютно все равно, куда именно мы мотались, и вряд ли вы хотите, чтобы у кого-нибудь появились странные мысли.

— Согласен. Но я хочу сохранить с вами добрые

отношения и надеюсь, что вы об этом не забудете, когда ваши карты станут тузами.

— Спасибо, Уиллогби, не сомневайтесь, я запомню это.

Разумеется, Сэммз не был откровенен с капитаном. По времени, которое потребовалось для этого вояжа, он понял, что Тренко находилась в нескольких парсеках от Солнца. Он не знал направления, так как расстояние было слишком велико, чтобы идентифицировать какое-нибудь созвездие или звезду, но ему был известен курс, на котором находилась сейчас «Королева Вирджиния», так что он был вполне удовлетворен.

Следующие два дня прошли без всяких событий. Однажды Сэммза пригласили в рубку управления, чтобы показать, как корабль приближается к солнечной системе с тремя светилами.

— Мы собираемся там садиться? — спросил Сэммз совершенно равнодушным тоном.

— Нет, приземляться мы не будем, — ответил Уиллогби. — Надеюсь, вы хорошо упаковали ваши листы, так что мы можем сбросить этот груз на парашюте. Смотрите, Олмстед! Вы когда-нибудь раньше видели подобную систему?

— Нет, но я кое-что знаю о кратных звездах. Те два солнца чертовски далеко и имеют размеры значительно большие, чем кажется отсюда. Третье же меньше и находится в торянской точке. Вы считаете, что большие солнца имеют какие-нибудь планеты?

— У одного пять, а у другого — шесть планет, все раскаленные и сухие как сковородки в аду, кроме одной, у второго солнца, ее называют Кавенда. Нас интересует именно она. Сначала мы поищем огромный, в форме бриллианта, континент... собственно, спутать его с каким-нибудь другим сложно — вот он, заметьте, один его край значительно больше другого, это северная оконечность. Поведите линию, которая делит материк пополам, и отмерьте от севера одну треть ее длины — это и будет та самая точка, к которой мы должны выйти. Видите тот кратер?

— Да. — «Королева Вирджиния», все еще на высоте сотни миль, начала замедлять скорость. — Немаленькая дыра, надо сказать!

— Верно, добрых пятьдесят миль в поперечнике. Спускайтесь вниз, пока не будете на сто процентов уверены, что ящик попадет именно в этот кратер, а

затем сбрасывайте его. Парашют и контейнер автоматические. Вам все ясно?

— Да, сэр. Я все понял, — и Сэммз покинул рубку управления.

Надо сказать, что доставка листьев интересовала его значительно меньше, чем звезды. Ему не давало покоя одно созвездие, прямо за солнцем; он был уверен, что сможет его узнать! Разумеется, его форма и размеры были искажены, а мелкие звезды, видимые с Земли, здесь должны были выглядеть значительно более тусклыми или же вообще незаметными; но такие гиганты как Канопус, Ригель, Бетельгейзе или Денеб пожалуй можно узнать и отсюда...

Нет, перед его глазами было явно что-то знакомое! От мысленных усилий его прошибла испарина; он отбрасывал слишком близкие и слишком яркие звезды и внимательно изучал остальные. Бело-голубые и красные были более заметными. Ригель и Бетельгейзе? Может ли это созвездие быть Орионом? Бельт был виден очень слабо, но все же виден. Затем Сириус, он должен быть на этом месте, а Поллукс — там... с этого расстояния они должны иметь примерно одинаковую яркость. Ага, кажется, здесь! Альдебаран! Оранжевый, и на одну градацию ярче, чем Поллукс; а Капелла желтая и еще на половину градации ярче... Вот они! Не так близко, как казалось вначале, но нет никаких сомнений — это Орион! И, следовательно, место перевалки тионитового сырья находилось где-то поблизости — подъем на семнадцать часов и с отключением в плюс десять градусов!

Он вернулся к «Королеве Вирджинии», и судно стартовало. Очень осторожно Сэммз задал Уиллогби множество вопросов, и хотя капитан выдал, на его взгляд, весьма незначительную информацию, тем не менее лэнсмен вынес из этого разговора намного больше, чем мог бы предположить любой из контрабандистов. Равнодушный, молчаливый, безучастный, он, казалось, проводил все свое свободное время в каюте, но его глаза и уши всегда были настороже. А Вирджил Сэммз, как было прекрасно известно многим, был весьма способным и умным человеком.

«Королева Вирджиния» совершила непродолжительный перелет от Кавенды к Веге, прибыв на нее в положенное время; гордый и честный космический корабль был, как жена Цезаря, вне всяких подозрений. Сэммз

занимался разгрузкой, а также погрузкой тех материалов, которые необходимо было доставить на Землю. Это не заняло много времени, как и обратное путешествие, во время которого ничего значительного не произошло. Корабль сел в космопорту Нью-Йорка, и Вирджил Сэммс, совершенно беззаботный с виду, отправился в комнату отдыха, а вышел из нее уже Джордж Олмстед, получивший от брата всю необходимую информацию.

Не теряя ни минуты Сэммс, при помощи Линзы, вызвал Нортропа и Джека Киннисона.

— Мы пытались проследить ваш путь, сэр, послали тысячи сигналов, — сообщил Нортроп, — но только на один из них пришел ответ, причем абсолютно бессмысленный.

— Почему? — резко спросил Сэммс. — Ведь с концентратором любое сообщение, даже самое искаженное, закодированное или неполное, должно поддаваться расшифровке.

— О, мы поняли, что оно гласило, — вмешался Джек, — но вот что оно означало!.. «ГОТОВ — ГОТОВ — ГОТОВ» — и это повторялось снова и снова.

— Что?! — воскликнул Сэммс, и находящиеся с ним на связи парни явственно ощутили, как заработал его мозг. — А не шел ли этот сигнал откуда-то с семнадцати часов с отклонением в плюс десять градусов?

— Да, очень близко. Но как вы узнали об этом?!

— Тогда этот сигнал имеет смысл! — почти что закричал Сэммс и тут же вызвал на связь всех остальных ленсменов.

— Продолжайте вести намеченные операции, — распорядился он. — Моим заместителем в Холме останется Рэй Олмстед, а я отправляюсь на Плутон — а затем, надеюсь, на Полэн VII.

Родерик Киннисон, конечно же, возражал; но, как это бывало всегда на его протест не обратили внимания.

Глава 10

ПОЛЭН

Плутон находится приблизительно в сорок раз дальше

от Солнца, чем Земля, — следовательно, каждый квадратный ярд земной поверхности получает в тысячу шестьсот раз больше тепла, чем голые скалы самой дальней планеты, с которой Солнце было видно лишь как маленькое тусклое пятнышко. Даже в перигелии — а это случается раз в двести сорок восемь земных лет — в полдень на экваторе Плутона царит ужасающий холод. Климатические условия на его поверхности совершенно не подходят теплокровным, дышащим кислородом существам.

Однако, когда Вирджил Сэммс совершил посадку, он не почувствовал особого холода. Убедившись, что обогреватели скафандра неплохо справляются со своей функцией, ленсмен пешком отправился в поселение, неподалеку от которого он вступил на почву этой планеты. Вскоре он — впервые в жизни — лицезрел полэнтианина.

Собственно, точнее говоря он увидел лишь часть этого странного существа, представителя холодно-кровной расы. Жизнь — в нашем понимании — базируется на жидкой воде и газообразном кислороде, но подобная жизнь не могла бы возникнуть и развиваться на планетах, температура которых всего на несколько градусов выше абсолютного нуля. Многие из этих сверххолодных планет обладают атмосферой, некоторые же не имеют ее вовсе; тем не менее, с атмосферой или без оной, при абсолютном отсутствии воды и кислорода, жизнь — высокоразвитая разумная жизнь — возникла в миллионах таких миров. Эта жизнь, однако, не являлась трехмерной; даже в самых своих примитивных формах, она обладала протяженностью в гипер-измерения, и именно эта метафизическая протяженность позволяла ей существовать в столь экстремальных условиях.

Однако это свойство делало невозможным для любого человеческого существа наблюдение какой-либо части тела полэнтиан, кроме текучей, аморфной и постоянно меняющейся субстанции, которая является их трехмерным отображением; это же делало неполноценной любую попытку их зрительного восприятия.

Вирджил Сэммс воззрелся на странное создание и попытался понять, на что же оно походит. Он не мог разобраться, имеет ли оно — существо или субстанция? — глаза или антенны, ноги, руки, лапы или щупальца, зубы или клюв, когти, клешни, кожу, чешую или перья. Оно даже отдаленно не походило на тех тва-

рей, которых Первый Ленсмен когда-либо видел, ощущал или мог вообразить. Наконец он оставил бесплодные попытки и излучил с помощью Линзы приветствие.

«Я — Вирджил Сэммз, землянин, — он передал медленную и разборчивую ментограмму, как только уловил признаки первого контакта с разумом этого создания. — Можете ли вы, сэр или мадам — простите, не знаю точно, — уделить мне несколько минут вашего времени?»

«Разумеется, могу, ленсмен Сэммз, ибо время — весьма незначительная ценность». — Разум существа настроился на одну волну с разумом Сэммза с такой быстротой и точностью, что это вызвало у него невольное уважение. Пройдет еще много лет, пока Первый Ленсмен не узнает много больше о расе полэнтиан, чем он знает сейчас, во время первого контакта; но никогда ни одно человеческое существо, за исключением обладателей Линз, даже в общих чертах не сумеет понять сложнейшие изгибы и парадоксы полэнтианского разума.

«Мадам» было бы правильнее, хотя и этот термин звучит достаточно приблизительно, — дошла до Сэммза следующая на редкость четкая мысль. — Мое имя, если попробовать перевести его в доступные вам образы, Пилиниспи Двенадцатая; по своей подготовке и занимаемому положению я — Главный Декситроболлер. Я чувствую, что вы и в самом деле уроженец этой ужасной Третьей планеты, на которой, как мы полагали долгое время, никакой жизни не может быть вообще. Потом это заблуждение было исправлено, но связь с вашей расой до сих пор оставалась практически невозможной. Эта Линза — какое уникальное, замечательное устройство! Я бы уничтожила вас и завладела ею, если бы не очевидный факт, что только вы способны ее использовать».

«Что?! — волна ужаса и изумления затопила сознание Сэммза. — Вы уже разобрались, что представляет из себя Линза?»

«Нет. Ваша — первая, которую кто-либо из нас познал в своих ощущениях. Впрочем, механика, математика и, если хотите, философские аспекты ее действия, тем не менее абсолютно ясны».

«То-есть вы хотите сказать, — едва не теряя сознание, прошептал Сэммз, — что можете производить подобные Линзы сами?»

«Никоим образом — не больше, чем земляне. Имеют-

ся величины, переменные, факторы и силы, которые не подвластны ни одному из нас».

«Понимаю...» — Сэммз медленно приходил в себя после перенесенного потрясения. Пожалуй, только что он представлял из себя зрелище, явно недостойное звание Первого Ленсмена...

«Вовсе нет, — ощутил он мысль существа. — Принимая во внимание необычность окружающей среды, в которой вы находитесь, ваш разум выказывает неплохую подготовку и силу. Однако сама эта среда затрудняет контакт и может принести вам неприятности. Одна лишь мысль о невероятной жаре на вашей планете была бы... О, не подходите ближе, прошу вас! — существо пропало и вновь появилось на значительном удалении от Сэммза; в мыслях его плескались едва сдерживаемые отвращение и ужас, едва ли не ненависть. — Но продолжим! Я пыталась проанализировать и понять ваши цели — пока что безуспешно. Эта неудача не слишком удивляет меня, так как мой разум слаб, и суммарная мощь моего менталитета крайне невелика. Не были бы вы так любезны еще раз объяснить вашу миссию — так просто, как только сможете?»

Слабый разум?! Не ощутив ни намека на иронию, сарказм или притворство, Сэммз приступил к детальному и доступному объяснению задач Галактического Патруля. Он занимался этим в течение доброй четверти часа, но единственной реакцией непостижимого существа оказалось все то же полное непонимание.

«Я совершенно не ощущаю пользу или же необходимость подобной организации, — последовал решительный ответ. — Этот альтруизм — что хорошего вы видите в проявлении подобного чувства? Немыслимо, чтобы какая-либо другая раса шла на риск и затрачивала большие усилия ради нашей пользы, чем мы делаем это сами. Не обращайтесь ни на что внимания, и вас никто не тронет — вот Основной Принцип нашей философии».

«Но ведь между нашими мирами уже протянулась связь, хотя и крайне хрупкая. Ваш народ не игнорирует полностью наших психологов, да и вы, мадам, все же обратили внимание на мою персону», — заметил Сэммз.

«О, никто из нас в достаточной степени не совершенен, — ответила Пилиниспи, создав некое подобие ауры легкомысленности. — Я имела в виду идеал, к которому можно только приблизиться, но не достигнуть; я, существо глупое и неразумное, настолько же хороша

собой, насколько слаба и нерешительна. Поверьте, я значительно менее совершенна, чем большинство представителей моей расы».

Невероятно пораженный, Сэммз попробовал сменить тактику.

«Не исключено, что мне удалось бы сделать свои доводы значительно более ясными, если бы я лучше представлял обычаи вашего народа. Я уже знаю ваше имя и то, что вы — особа женского пола, — но я абсолютно не могу понять того положения, которое вы занимаете в обществе. Не могли бы вы объяснить поподробнее, что входит в функции Главного Декситроболлера?»

«О, это.... как выразиться точнее... наблюдатель... за занятиями декситроболлей, — ее мысль была очень четкой, но опять не несла никакой информации для Сэммза, и Пилиниспи, безошибочно угадав это, предприняла еще одну попытку: — Декситроболлия — это когда занимаются... питанием? Нет, пожалуй, питательностью».

«Вот оно что! Фермерство, сельское хозяйство? — подумал Сэммз, но эти земные понятия не имели смысла для обитательницы Полэна. — Охота? Рыбная ловля? — Результат тот же. — Тогда, может быть, вам удастся показать мне это?»

Она попыталась, но эта демонстрация оказалась столь же бесполезной, что и слова — движения полэн-тианки были непонятны Сэммзу; неуловимо струящееся, изменяющееся существо беспорядочно металось взад и вперед, приподнимаясь и опадая, исчезало и появлялось вновь, меняя форму, размеры и строение. Оно то становилось колючим, то обретало множество щупалец, то вдруг покрывалось чешуей, а потом чем-то очень мерзким на вид, отдаленно напоминающим перья, из которых сочилась темно-красная слизь. И все эти действия абсолютно ничего не изменили: результат по-прежнему был равен нулю.

«Итак, моя попытка, к сожалению, провалилась, — отчетливо прозвучала в сознании Сэммза мысль Пилиниспи. — Вы все видели, но ничего не осознали; это очень странно... я просто в тупик! Так как ваша Линза значительно улучшает связь, я надеялась, что она столь же успешно может расширить и физическое взаимопонимание. Но, скорее всего, между нами имеются какие-то фундаментальные различия, природа которых в настоящее время неизвестна. Я думаю... вот если бы у меня тоже была линза... но нет...»

«А почему, собственно, нет? — энергично возразил Сэммз. — Вы можете, если захотите, отправиться на Аризию, подвергнуться несложной проверке и получить такую же Линзу. Вы обладаете превосходным мощным разумом — вас уже можно назвать ленсменом во всех аспектах, кроме разве что одного — вы просто не хотите пользоваться Линзой».

«Мне? Отправиться на Аризию? — мысль Пилиниси, если рассматривать ее с точки зрения земных канонов, звенела презрительным смехом. — Невероятная чепуха! Масса неудобств и опасностей; к тому же, два ленсмена могут оказаться ничуть не лучше, чем один, когда речь идет о столь больших различиях между нашими расами... Вполне вероятно, они несоразмерны».

«Тогда, — подумал Сэммз почти с гневом, — не мог бы я связаться еще с кем-то, кто захочет выслушать меня?»

«Здесь, на Плутоне, нет. Я беседовала со всеми предыдущими гостями с Земли — как теперь разговариваю с вами. Все остальные избегают вас».

«Понимаю, — мысленный ответ Сэммза звучал мрачно и подавленно. — А как тогда насчет вашей родной планеты?»

«Нет никаких проблем. Там имеется целая группа требующихся вам личностей. Среди них, разумеется, нет никого столь же безрассудного и слабоумного как вы, но они подойдут вам значительно больше, чем я».

«Кто из этой группы, по вашему мнению, может заинтересоваться моим предложением?»

«Начните с Таллика — он, когда я покинула Полэн, был членом Клуба Новых Мыслей; затем — Крагзекс... если, конечно, они не изменились с того времени. Однако я не верю, что даже Таллик — Таллик с его исключительной неразумностью! — окажется достаточно ненормальным, чтобы присоединиться к вашему Патрулю».

«Тем не менее я хотел бы повидаться с ним. Не противоречит ли вашим желаниям предоставить мне карту маршрута от Плутона до Полэна VII?»

«Не противоречит — и вы ее получите; хоть таким образом я смогу принести какую-то пользу. Кроме того, я считаю, что это самый простой и быстрый способ отделаться», — ответила полэнтианка, и в сознании Сэммза вырисовалась очень подробная карта; Полиниси провела на ней необходимый маршрут.

рут, после чего исчезла, вернувшись, вероятно, к своим непостижимым занятиям декситроболлией.

Сэммз, у которого после всего происшедшего несколько кружилась голова и плыло перед глазами, отправился обратно к своему кораблю и стартовал с Плутона. И, пока за бортом проносились световые годы и парсеки, он все глубже и глубже тонул в неразберихе совершенно непродуктивных размышлений. Кем были в действительности эти полэнтиане? И почему лишь некоторые из них, декситроболлеры — черт знает, что это означает на самом деле! — пытались вступить в контакт с людьми, тогда как все остальные...

Сэммз знал, что Линза преобразует в понятные ему представления любые мысли инопланетян — как бы те не были закодированы или искажены, и каким бы путем они не передавались. Так что в данном случае виновата не Линза — скорее, ущербность его собственных познаний. В недавнем контакте фигурировали понятия, образы, реалии и явления настолько чуждые земному опыту, что никаких точек соприкосновения между ними не существовало. Следовательно, человеческий разум просто не мог охватить подобные вещи.

В свое время они с Родериком Киннисоном обсуждали возможность столкновения с формами разумной жизни, настолько чуждыми земной, что человечество могло даже не обратить на них внимания. Теперь Сэммзу стало ясным, насколько действительность превосходила самые мрачные их предположения.

Систему Полэна и планету Полэн VII в этой системе он обнаружил без особого труда — разумеется, благодаря инструкциям Пилиниспи. Этот мир был почти одинаково темным как на обращенной к солнцу стороне, так и на противоположной — его обитатели не нуждались в свете. Однако Сэммз легко смог обнаружить главный город планеты — или, говоря точнее, поселение, так как настоящих городов на Полэне не было. Нашел он и астропорт — если подобное сооружение можно было назвать астропортом. Он еще раз проверил данные, предоставленные ему Главным Декситроболлером Плутона: «место, где приземляются космические корабли» — такой была ее мысль, когда она показывала эту площадку. — И его — а не ее — разум населил космодром чиновниками и клерками, расставил там ангары, обслуживающую технику, здания,

топливные танки и тому подобное — все, что являлось неизменным атрибутом астропортов, которые видел Сэммз.

Но здесь огромное поле было пустым, как его ладонь. Лишь несколько обожженных и вдавленных в землю кругов ясно показывали, где именно стартовали звездолеты, неистовым пламенем дюз прожигая холодный и твердый камень и металл; во всем же остальном астропорт Полэна ничем не отличался от любой другой абсолютно ровной и плоской поверхности планеты.

Какие-либо сигнальные или посадочные огни полностью отсутствовали — очевидно, предполагалось, что пилот будет рассчитывать только на свои собственные силы. Что ж, придется действовать по обстоятельствам: Сэммз включил свои посадочные прожектора и с их помощью благополучно приземлился. Он натянул скафандр и вошел в шлюз; затем, словно вспомнив что-то, вернулся в грузовой отсек. Сначала он собирался идти пешком, но теперь, учитывая царившее вокруг безлюдье и совершенно неизвестную и плохо различимую в темноте местность, решил взять вездеход-«ползун».

Это транспортное средство не обладало особой скоростью передвижения, но зато могло пройти повсюду. Оно имело заостренный корпус, огромные мягкие шины и гусеницы, воздушный пропеллер и гребной винт, складывающиеся крылья, а также основной, тормозной и маневровый реактивные двигатели; с его помощью можно было пересечь пустыни Марса, океаны и болота Венеры, рассеченные трещинами ледники Земли и покрытую кратерами и толстым слоем мягкой пыли поверхность Луны — если не с одинаковой в различных случаях скоростью, то, по крайней мере, с равной долей безопасности.

Сэммз высвободил вездеход из креплений и повел его в грузовой шлюз, заметив попутно, что стоит выкачать воздух из шлюза до того, как он взломает внутреннюю пломбу. Затем он открыл люк, вывел вездеход наружу, втянул аппарат обратно в шлюз и закрыл его. Итак, он был на Полэне!

Можно ли здесь использовать прожекторы? Сэммз не знал о том, как местные жители относятся к свету и решил на первый раз не рисковать — к сожалению, ему не пришло в голову спросить об этом у Главного Декситроболлера на Плутоне... а ведь этот вопрос был весьма важен. Посадочные огни его корабля уже могли

нанести обитателям Полэна непоправимый вред. Конечно, при необходимости он мог бы вести вездеход, довольствуясь неярким светом звезд... нет, прожектора были просто необходимы — ведь он мог просто не заметить какое-нибудь встретившееся ему живое существо! Впрочем, пока не имелось ни малейшего признака того, что в радиусе мили от корабля находится хотя бы один полэнтианин. Сэммз предчувствовал, что здесь будет темно, но все же он ожидал увидеть хоть какие-то строения, наземный и воздушный транспорт и несколько звездолетов в порту — все, что угодно, только не эту полнейшую пустыню.

Но ведь должна же существовать хотя бы дорога из столицы Полэна в единственный в этом мире астропорт! Он не смог различить ее с борта корабля, не видел и теперь, находясь на поверхности планеты — или же видел, но не узнавал. Поэтому, не мудрствуя лукаво, Сэммз нажал на рычаги и повел вездеход напрямик к городу. Место, по которому он ехал, было не просто неровным — оно, если можно так сказать, топорщилось под гусеницами его вездехода; однако «ползун» был сконструирован так, что кресло водителя все время находилось в одном и том же положении и сидящий в нем человек практически не ощущал тряски. И хотя дорога была несравненно хуже шоссе, ведущего к городу ригелиан, Сэммз нашел, что это его путешествие имело значительно меньше последствий, чем предыдущее.

Приблизившись к поселению, он притушил огни и уменьшил скорость; на окраине выключил прожектора совсем и продолжал осторожно и очень медленно двигаться вперед, пользуясь только слабым светом звезд.

Боже, что это был за город! Вирджила Сэммзу приходилось лицезреть населенные пункты практически на всех планетах Лиги. Он видел города, построенные в форме окружностей, секторов, эллипсов, треугольников, квадратов и параллелепипедов — почти всех возможных геометрических форм. Он видел здания различных форм и размеров — узкие небоскребы, низкие одноэтажные строения, призматические, куполообразные, шаровидные, цилиндрические, в форме перевернутых усеченных конусов и пирамид. Но какие бы очертания не имели эти города, они были понятными. Но этот!

Сэммз, глаза которого уже полностью привыкли к темноте, мог рассмотреть окружающее достаточно ясно; однако чем больше он видел, тем меньше понимал. Здесь не было ни какого-либо плана застройки, ни связи между постройками. Город выглядел так, словно некая гигантская рука разбросала по пустынной равнине три-четыре сотни зданий совершенно неправдоподобных форм и размеров — не говоря уже об архитектурных стилях. Хотя каждое здание как будто бы стояло на своем месте, общее впечатление было таково, что любое из них может рухнуть в любой момент. Повсюду торчали какие-то немыслимые конструкции; между зданиями простирались участки голой почвы — при полном отсутствии улиц или чего-то похожего на них.

Сэммз направил вездеход к одной из таких пропешин и остановился там, заглушив двигатель.

«Не стоит спешить, приятель, — посоветовал он сам себе. — Пока ты не выяснишь, чем все-таки, черт побери, занимаются декситроболлеры, не вмешивайся ни во что».

Ни один ленсмен в те времена не знал, что обитатели ледяных миров лишь частично существуют в трех измерениях; Сэммз, однако, чувствовал, что видит вещи, понять которые не может. Они с Киннисоном обсуждали такие случаи без особых эмоций. И теперь он достаточно хорошо представлял ментальный образ полэнтиан, чтобы уловить их присутствие при помощи Линзы со значительно большего расстояния, чем то, на котором он находился.

«Таллик? Крагзекс? — послал он ментограмму. — Ленсмен Вирджил Сэммз с третьей планеты Солнечной системы вызывает Таллика и Крагзекса с Палайна VII».

«Таллик слышит тебя, Вирджил Сэммз», — почти молниеносно пришел ответ, столь же кристально-ясный, как и мысли Пилиниспи.

«Вы согласны побеседовать со мной?»

«В скором времени. Когда закончу занятия эмфозией».

Проклятье! Сначала декситроболлия, теперь еще это...

«Простите! — Сэммз был почти в отчаянии. — Боюсь, я не совсем понял смысл вашего ответа».

«Я это ощутил. Разумеется, это моя вина — я не сумел полностью настроить свой мозг на вашу волну».

Однако, умоляю, не рассматривайте это как некий серьезный просчет или же недостаток мощности вашего разума».

«Я так не считаю. Скажите, я — первый землянин, которого вы встречаете?»

«Да».

«Некоторое время назад я обменивался мыслями с другим представителем вашей расы, и у меня возникли те же самые трудности. Я не могу ни понять, ни высказать их, словно различия между нами настолько фундаментальны, что в некоторых случаях взаимопонимание представляется абсолютно невозможным».

«Мастерское заключение — и, несомненно, истинное. Эмфозия... если я правильно понял из ваших мыслей, ваша раса обладает только двумя полами?»

«Совершенно верно».

«Мне очень сложно осознать это — у нас нет близких аналогов. Однако, с вашей точки зрения, эмфозия должна быть связана с функцией воспроизводства».

«Понимаю...» — Это было не только чем-то совершенно новым в его знаниях, но и новым взглядом на силу и возможности Линзы.

Она являлась невероятно точным инструментом восприятия мыслей, которые переводились в термины английского языка. Естественно, возникали некоторые отклонения, но не слишком большие. Если же какое-либо понятие не имело эквивалента в английском, Линза присваивала ему определенный символ — символ, который с этого момента становился известным всем другим обладателям Линз, где бы они ни находились. Сэммз решил, что рано или поздно он все-таки сможет понять, чем в действительности занимались декситроболлеры и в чем заключалась эмфозия.

Наконец Таллик освободился, и Сэммз, по возможности ясно и четко, описал свои планы и соображения по поводу Галактического Патруля. Полэнтианин погрузился в раздумья; ленсмен ощущал его колебания и нерешительность.

«Известно, что я не совсем нормален, — заявил он, — возможно потому мне хотелось бы получить Линзу. Однако из ваших мыслей я сделал вывод, что Линза не предоставляется индивидууму для использования в его личных целях?»

«Ваш вывод верен», — подтвердил Сэммз.

«О.... — не только мысли Таллика, но и весь его

ментальный образ принял весьма удрученный оттенок. — У меня есть, чем заняться. А ваши проекты исключительно трудны, а иногда они становятся просто опасными. С другой стороны, Линза может принести мне огромную пользу».

«Каким образом? — спросил Сэммз. — Если ваша работа важна для значительного количества разумных существ, Ментор, несомненно, предоставит вам Линзу».

«Она нужна мне и только мне. Все обитатели Полэна, как вы, вероятно, уже поняли, эгоистичны, трусливы, хитры и скрытны. Того, что вы называете «храбростью», в нас нет и следа. Мы достигаем своих целей тайком, окольными путями, обманом и хитростью, — Линза безжалостно выдавала Сэммзу точные и бескомпромиссные английские эквиваленты раздумий полэнтианина. — Если нам приходится действовать открыто, мы действуем с тем минимумом персонального риска, какой только возможен. Наша психология — я в том не сомневаюсь — является серьезным препятствием для участия в проектах ленсменов. И это касается и лично меня, и любого представителя моей расы».

«Совершенно не обязательно».

Сэммз был потрясен.

— Не обязательно, — повторил он — и мысленно, и вслух, пытаясь перебороть отвращение. Это создание было монстром — бесстыдным и бессердечным чудовищем. Однако этот Таллик не относился к человеческой породе и не стоило судить его в рамках морали своего биологического вида. — «Вы сказали, — продолжал Сэммз, — что ваше мышление ущербно — но как тогда оценить слабость моего разума и разума всего человечества? Я могу постичь всего одну — и только человеческую — грань истины; если же смотреть на вещи более широко, то мотивы ваших действий могут оказаться столь же «благородными», как и наши. Скажите — вы, полэнтиане, работаете в контакте друг с другом, желая добиться какой-либо общей цели?»

«Да — иногда».

«Тогда вы можете представить себя и совместную работу с другими существами, не принадлежащими к вашей расе — такую работу, которая принесет пользу всем. Способны ли вы на это?»

«Если потребуется — да. Но я не вижу ни одной

такой цели. Вы имеете какие-то конкретные предложения?»

«В настоящий момент — нет, — ушел от ответа Сэммз. — Но я, тем не менее, совершенно уверен, что если вы отправитесь на Аризию, вам будет рассказано о нескольких подобных проектах».

Последовало довольно длительное молчание; наконец Таллик передал:

«Я пришел к выводу, что должен отправиться на Аризию. Я поговорю с вашим другом Ментором и, возможно, мы заключим соглашение. Если часть своего времени — думаю, процентов сорок или пятьдесят — я смогу тратить на собственные проблемы, то...»

«Тогда вперед, Таллик! — чисто по-человечески Сэммз постарался скрыть свое истинное отношение к планам этого существа. — Когда вы сможете отправиться на Аризию? Прямо сейчас?»

«Никоим образом. Сначала я должен завершить кое-какие дела здесь, на Полэне. Разве что через год... может — кто знает? — немного раньше...»

Таллик прервал связь, и Сэммз невольно нахмурил брови. Он не знал продолжительности года на Полэне VII, но инстинктивно чувствовал, что это длинный, очень длинный промежуток времени.

Глава 11

РАЗВЕДКА

Небольшой космический корабль-разведчик под управлением пилота Джона Киннисона и мастера-электроника Мэйсона Нортропа двинулся в стороне от оживленных галактических трасс. Его оборудование сильно отличалось от принятого на простых разведчиках; иной была и команда. Рубку этого корабля заполняли стойки с аппаратурой и компьютерами — да так, что между ними едва-едва оставалось место для прохода; что касается экипажа, то вместо обычных двадцати человек он насчитывал лишь семерых — кока, трех инженеров и трех связистов-наблюдателей.

Молодой офицер, что-то внимательно изучавший на дисплее своего компьютера, сравнил изображение на

нем с картой, прикрепленной к стойке прямо перед ним. Затем он повернулся к двум ленсменам с нарочито почтительным видом.

— Господа, кто из Ваших Сиятельств является сейчас командиром и готов выслушать мой доклад, безусловно недостойный вашего царственного внимания?

— Он, — Джек Киннисон небрежно ткнул сигаретой в сторону Нортропа. — Вот этот парень с крысиными хвостиками над верхней губой. Я не собираюсь заниматься служебными обязанностями еще по крайней мере... ну, часов эдак сто пятьдесят... ни одной драгоценной минуты, которую я могу уделить чему-либо действительно стоящему — мечтам о женщинах, например, — он задумчиво выпустил в воздух колечко. — Да, о женщинах, о земных красавицах, таких далеких сейчас — и во времени, и в пространстве!

— Ты подумай — о красавицах! И еще упомянутых во множественном числе! Ну, Джек, когда я в следующий раз увижу ту красотку, портретами которой увешан весь наш корабль, я посвящу ее в твои полигамные намерения! — ухмыльнулся Нортроп. — А жалкое твяканье по поводу моих усов я вообще не расслышал. Недостойная зависть — только! Своих-то ты не можешь отрастить! — и Мэйс Нортроп, демонстративно повернувшись к приятелю спиной, переступил через три или четыре толстенных жгута из разноцветного провода, и посмотрел через плечо офицера-наблюдателя на экран. Затем он взглянул на карту.

— Что это, Арти? Я ничего не понимаю.

— Похоже, карта врет, Мэйс. В общем-то, ничего удивительного — весь этот район совершенно не исследован, и карта составлена астрономами, а не разведчиками. Значит, мы первооткрыватели, а инструкция гласит, что командующий судном офицер — заметьте, именно «офицер», а не «офицеры», — должен наименовать...

— Ну, тогда это ко мне, — объявил Джек, вскочив и подойдя к экрану. Сейчас я дам этой системе имя и войду в историю...

— Полегче на поворотах, парень! — прижав свою огромную ладонь прямо к груди Джека, Нортроп легонько отпихнул его от экрана. — Ты уж войдешь, нет сомнений, только не в историю, а в другое место, если попытаешься снова отнять у меня хоть частичку славы. Забыл, что ли? Твоя очередь была прошлый раз, и ты

назвал ту несчастную звезду Коровье Вымя! Пусть Господь простит тебя за это, Джек Киннисон!

— А ты как бы ее назвал? Вирджилия, разумеется?

— Холодно, холодно, мой мальчик, — вообще-то в голове Нортропа бродила именно сия идея, но теперь он не хотел в этом признаваться. — Система, к которой мы держим курс, будет называться Забриск, ее солнца — А, В, и С-Забриск, в порядке убывания размеров, и находящийся сейчас на посту офицер-наблюдатель Стюард Роулинг занесет это в судовой журнал. Ты можешь классифицировать их с такого расстояния. Джек?

— Я могу сделать некоторые предположения, — объявил Киннисон, взглянув на экран; затем, немного подумав, он добавил: — Два гиганта, бело-голубой и голубовато-желтый, и желтый карлик.

— Карлик в троянской системе?

— Я же говорю, это только мое предположение! Теперь надо разыскать планеты... в том числе и ту, которая нас интересует. Полагаю, это будет Забриск-Два или Три.

Джек заглушил двигатели, но оставил включенным безынерционный привод; корабль завис в пространстве, сканируя его локаторами. Через несколько минут пилот произнес:

— Ну, осталось выяснить, какой из этих двенадцати или пятнадцати миров лежал точно по курсу, когда мы поймали последнее сообщение... Включай свои камеры, Мэйс, и выводи результаты на первый экран, а я проведу расчет.

Работа заняла около часа.

— Кто-то приближается к нам, — внезапно доложил наблюдатель. — Большой корабль — и очень быстрый. Выйти с ним на связь?

— Разумеется...

Однако незнакомец заговорил первым.

— Крейсер «Чикаго», номер NA2AA. У вас проблемы? Назовите себя, пожалуйста.

— Здесь космический разведчик NA774J. Спасибо, у нас все в порядке...

«Нортроп! Джек! — донеслась вдруг до них четкая мысль Вирджила Сэммза. Супердредноут скользнул в сторону, пройдя в нескольких сотнях миль от разведчика, и остановился. — Почему вы висите здесь?»

«Потому что отсюда шел пойманный нами сигнал, сэр».

«О! — мысли заметались в голове Сэммза, хаотичные, отрывистые; какое-то время молодые ленсмены не понимали ничего. — Вижу, вы заняты вычислениями, — наконец сказал он. — Могу я присоединиться к вам?»

«Конечно, сэр».

Сэммз перешел на борт разведчика, и трое ленсменов склонились над картой.

— Кавенда там, — показал Сэммз, — вот — Тренко. Мне почему-то казалось, что сигнал пришел с Кавенды, но система Забриска находится почти на той же самой линии и наполовину ближе к Земле... — Он не стал спрашивать, уверены ли молодые люди в своих расчетах — он знал это. — Интересно, весьма интересно! Или проблема тионита усложняется, или же возникает совершенно новая задача... Что ж, вперед, парни! Посмотрим на вашу находку!

Джек уже определил, что планета, которую они разыскивали, была второй — А-Забриск-2. Он вывел корабль на орбиту вокруг этого небесного тела, сравнительно небольшого и безжизненного, и предложил подождать.

— Эти импульсы регистрировались с периодичностью от четырех до десяти часов, — заметил он. — Когда придет следующий сигнал, мы накроем передатчик с точностью до нескольких футов. Следящие экраны в порядке, Мэйс?

Нортроп кивнул. Сэммз, разглядывая поверхность планеты, произнес:

— Не будем тратить зря время. Пока мы ждем сигнала, стоит приглядеться повнимательный к этому шару.

Они занялись этим. Забриск-2 оказался не слишком многообещающим миром; тут не было ни воздуха, ни воды, ни вершин, ни впадин — вообще ничего, на чем мог бы остановиться взгляд, даже метеоритных кратеров. Каждый квадратный фут поверхности ничем не отличался от миллионов других, точно таких же.

— Вращение отсутствует, — сообщил Джек, подняв глаза от болометра. — Эта груда песка необитаема и никогда обитаемой не будет. Вообще-то мне становится любопытно...

— Мне тоже, — признался Нортроп. — Я все еще

думаю, что сигналы пришли отсюда, но их могли послать и с корабля. Тогда, принимая во внимание, что мы находимся здесь — да еще вместе с «Чикаго» — их больше не будет.

— Совсем не обязательно, — мысль Сэммза в очередной раз вышла за пределы земного опыта и знаний; он еще не подозревал истины, но интуитивно сделал правильный вывод. — Не исключено, что даже на такой скучной планете может оказаться высокоразвитая разумная жизнь.

Они терпеливо ждали, и через несколько часов приемник наконец-то ожил.

«ГОТОВ-ГОТОВ-ГОТОВ-...» — частили слова; сообщение длилось не более минуты, но этого было вполне достаточно.

Нортроп выпалил нескольких цифр, Джек повел маленькое суденышко вперед и вниз, все трое офицеров-наблюдателей прильнули к экранам, посылая следящие лучи по указанному Мэйсоном направлению.

— Прошейте планету насквозь, если надо — передатчик может быть на другой стороне! — подсказал Джек.

— Нет, он здесь, на этой! — внезапно воскликнул Роулингс. — Сейчас я поймаю его в фокус... вот так! Да, это похоже на передаточную станцию!

— Передатчик! — Джек повернулся к Первому Ленсмену. — Я думаю, следует высадиться на поверхность, сэр, и тщательно осмотреть это место.

— Несомненно.

Они совершили посадку и осторожно вышли из корабля. Горизонт, более близкий, чем на Земле, показался им очень удаленным — вокруг не было ничего, за что мог бы зацепиться взгляд. Ни деревце, ни кустик, ни камень, ни овраг не нарушали геометрическое совершенство этой поверхности, гладкой, твердой и блестящей, покрытой горячим белым песком. Сэммз заколебался — температура почвы составляла четыреста семьдесят пять градусов, вид пылающего бело-голубого солнца не внушал спокойствия, и даже в самых диких играх воображения он не мог бы представить столь однообразной пустыни. Однако космические скафандры обладали прекрасной теплоизоляцией, а вместо атмосферы вокруг был почти идеальный вакуум. Некоторое время они могли здесь выдержать.

Ящик, в котором находилась приемно-передающая

станция, был изготовлен из какого-то похожего на железометалла и напоминал куб с ребром около пяти футов. Он был закрыт в песок так, что его верхняя грань приходилась почти вровень с поверхностью; крышка лежала свободно — не приваренная и не прикрученная болтами. Джек приподнял ее, и трое ленсменов начали внимательно рассматривать находящиеся внутри механизмы, однако ничего интересного не обнаружили. Там был сверхчувствительный приемник с магнитоленточным записывающим устройством, узконаправленный передатчик и «вечный» аккумулятор; больше — ничего.

— Что дальше, сэр? — спросил Нортроп. — Через пару дней, возможно, придет ответный сигнал. Нам надо находиться где-то поблизости и выяснить, поступил ли он со стороны Кавенды или из другого места.

— Да, вам с Джеком имеет смысл подождать, — Сэммз на минуту задумался. — Мне почему-то представляется маловероятным, что сигнал придет с Кавенды, и что он вообще приходит дважды с одного и того же места, но мы должны проверить это предположение.

Нортроп бросил взгляд внутрь ящика.

— Полагаю, что эта штука нацелена в какую-то параболическую антенну на одной из планет Солнечной системы, — заметил он. Я в два счета могу расфокусировать наводку, но понятия не имею, к чему это приведет.

— Разумеется, этого делать не стоит. Ведь мы хотим проследить за ними не возбуждая подозрений. Мэйс, — Первый Ленсмен покачал головой. — А не могли бы вы сказать, как часто должен появляться здесь техник для обслуживания аппаратуры — менять ленты, проводить профилактику и тому подобное?

— Только менять ленты — больше ничего не требуется. Не думаю, чтобы они нуждались в частой замене, если судить по размерам этих бобин... Я уже прикинул примерное время — лента будет крутиться еще месяца три.

— Может и больше... Да, не так уж много интересного мы здесь обнаружили! — Сэммз распрямил спину и разочарованно уставился на пылающий песок. Вдруг он вытянул руку, указывая на что-то: — Эй,

парни, посмотрите туда! Что за штука... Да она движется!

— Действительно, движется, — засмеялся Дик. — Похоже на старинный колесный пароход, только крохотный. Шлепает по песку, как по воде, и идет строго по прямой, не отклоняясь ни на волосок. Ну-ка, попробую его задержать!

Киннисон повертел металлическую крышку ящика, которую все еще держал в руках, и воткнул ее в песок наподобие вертикального барьера — прямо на пути движущегося предмета. «Путешественник» не обратил на это ни малейшего внимания и не изменил своей ровной поступи; двигался он со скоростью мили две в час. В длину существо достигало двенадцати дюймов, а его похожие на пароходные колеса конечности имели около двух дюймов в толщину и около трех в диаметре.

— Неужели вы думаете, что это действительно что-то живое, сэр? В таком жутком месте?

«Это» уткнулось в барьер и остановилось, хотя «колеса» продолжали вращаться. Оно либо не понимало, либо не обращало внимания на то, что его конечности лишь бесцельно скользили по гладкому слежавшемуся песку. Оно не могло вскарабкаться по вертикальной поверхности, но и не собиралось отклоняться в сторону.

— Вот это интеллект! — разочарованно протянул Нортроп, приседая на корточки, чтобы рассмотреть странное создание поближе. — Почему он не может развернуться и поехать назад, или обогнуть препятствие? Может быть, он и живой, но уж смысленным назвать его трудно.

Создание, оказавшееся в тени, отбрасываемой массивным скафандром мастера-электроника, резко замедлило движение, покачнулось и замерло.

— Отойди от света! — выкрикнул Джек и оттолкнул друга. Как только яростный солнечный свет вновь коснулся существа, оно мгновенно ожило, и вращение возобновилось в прежнем темпе. — Это малыш функционирует как преобразователь энергии. Поглощает солнечный свет — прямо и непосредственно. И никаких накопителей — в этом мире в них нет необходимости... Возможно, несколько секунд в тени могут убить его, ведь тени здесь нет в принципе. Вряд ли эта штука может представлять для нас опасность.

Он нагнулся и дотронулся до середины вращающейся вхолостую оси. Ничего не произошло. Джек

развернул существо на девяносто градусов, и оно покатилося прочь по прямой линии, точно придерживаясь заданного маршрута. Киннисон снова поймал его и воткнул прямо перед вращающейся осью стержень, которым он пробовал плотность песка. Создание завертелось вокруг стержня, не делая никаких попыток выбраться даже из такой элементарной ловушки; казалось, оно может провести тут весь остаток жизни, вращаясь на одном месте.

— Ты прав, Мэйс, насчет умственных способностей этого субъекта, — воскликнул Джек. — Гигантом мысли его не назовешь.

«Попробуем проверить? — мысль Сэммза была пронизана любопытством. — Сумеет ли мы добраться до разума этого малыша? Вы готовы присоединиться ко мне, парни?»

«Да, сэр»!

Сэммз сосредоточился и приступил к своему эксперименту, проникая все глубже и глубже. Джек с Мэйсом стояли рядом. Существо определенно было живым; оно дрожало и вибрировало, подобно любой живой твари и, кроме того, оно обладало определенной разумностью. Хоть его зачаточное самосознание не могло ни передавать, ни воспринимать мысли, оно понимало, что существует и что должно катиться. Катиться и катиться — бесконечно, вечно, поскольку именно это безостановочное движение гарантировало жизнь.

— Ну, эта штука представляет интерес разве что для научной статьи, — разочарованно протянул Джек, но Сэммз пребывал в полном восторге.

— Эх, найти бы еще одного! Способны ли они к общению друг с другом? Джек, Мэйс, ну-ка, поглядите по сторонам...

— Есть лучший выход, сэр, — отозвался Нортроп. — Арти!

— Да!

— Оглядишься-ка вокруг, хорошо? Найди нам парочку таких «пароходиков», зацепи транспортом лучом и тащи прямо сюда.

— Слушаюсь! — дисциплинированно отозвался Стюарт Роулингс, и через несколько минут проблема была решена.

— Лэнс, сделайте несколько снимков в различных ракурсах, — вызвал Сэммз офицера связи с «Чикаго».

— Слушаюсь, сэр! — не уступая в вежливости своему

коллеге, ответил тот. — Кстати, а что это такое? Животное, растение или неорганическое создание?

— Не знаю. Возможно, ни то, ни другое и ни третье... Мне бы хотелось захватить парочку с собой на Землю, но боюсь, что они погибнут от холода даже под мощнейшим из наших прожекторов...

Джек освободил своего пленника и осторожно поставил на песок в нескольких футах от одного из только что пойманных. На этот раз движение существ отклонилось от прямой; они приблизились друг к другу и пошли рядом, колесо к колесу. Их оси сцепились; теперь оба создания были похожи на некую довольно-таки беспорядочную конструкцию. Вдруг резким рывком она вдвое увеличилась в размерах, затем распалась на четыре части, и четыре новых крошечных «пароходика» разбежались во взаимно-перпендикулярных направлениях.

— Великолепно! — продолжал восхищаться Сэммз. — Вот вам и способ избежать вырождения! На такой совершенно гладкой и ровной поверхности ни одна пара из этой четверти никогда не встретится, а вероятность того, что спарятся отпрыски первого поколения, исчезающе мала... Ну, ладно, парни, боюсь, что я зря теряю время. Доставьте-ка меня обратно на «Чикаго».

* * *

— Мне кажется, что вы не очень-то довольны, сэр, — осмелился заметить Джек, когда NA774J приблизился к огромной сфере крейсера.

— К сожалению, это верно. Сигнал почти наверняка приходит с направления, которое мы не сможем определить... Скорее всего, с космического корабля, запеленговать который очень трудно. Хотя... подождите минуту... «Род»! — Он вызвал с помощью линзы Киннисона-старшего — так неожиданно, что оба молодых ленсмена чуть не подпрыгнули на месте.

«Что случилось, Вирджил?»

Сэммз в общих чертах объяснил ему состояние дел, сказав в заключение:

«Стоило бы окружить разведчиками всю систему Забриска. Они должны находиться на таких расстояниях друг от друга, чтобы каждый мог легко определить положение соседа и перехватить луч чужого

передатчика с любого направления. Я думаю, что нам понадобится не так уж много кораблей?»

«Верно. Но мы не получим ничего нового».

«Почему вы так думаете?»

«Да потому, что мы и так уже знаем — «Перевозки» вовлечены в аферы с тионитом. А на их корабле с передающей станцией может не оказаться никаких следов зелья, вот и все».

«Возможно, вы правы, — если Сэммз и был разочарован тем, что его идею отвергли столь решительно, вида он не показал. Несколько секунд Первый Ленсмен что-то напряженно обдумывал. — Да, похоже, вы действительно правы; лучше заняться следом, тянущимся от Кавенды. Кстати, как дела с операцией «Беннет»?»

«Лучше не придумашь! — с энтузиазмом сообщил Киннисон. — Если вы соберетесь туда, то все увидите сами. Это великолепный мир, Вирджил, и он — наш!»

«Постараюсь выбраться в те края», — Сэммз прервал связь с Киинисоном и вызвал Дронвира.

«Единственный новый факт, — коротко сообщил ригелианин. Корреляция между смертями от тионита и прибытием судов МКП исчезла».

Развивать это простое и ясное заключение не было необходимости; оба ленсмена прекрасно понимали, что оно означает. Противник, предчувствуя облаку, затаился и ограничил поставки наркотика.

Дал-Налтел тоже лишился своего обычного спокойствия и уравновешенности. Он был мрачен и чем-то недоволен — настолько, что его пришлось долго уговаривать, прежде чем он соблаговолил что-либо сообщить.

«Наши лучшие оперативники сидят сейчас на всех межпланетных линиях, — произнес он наконец — на редкость угрюмо, — но мы получаем абсурдную информацию. Можете ли вы сообразить, по какой причине экспорт и импорт тионита между Землей и Марсом, Марсом и Венерой, Венерой и Землей абсолютно равны друг другу?»

«Что»?!

«Именно так. Поэтому мы с Набосом не можем представить вам даже предварительного отчета».

Затем в беседу включилась Джил.

«У меня все еще нет веских доказательств, но я уверена, что главный — Морган. Я проверила все остальные возможности — другие кандидатуры явно не тянут

на босса, даже Изаксон...» — она замолчала, как будто ожидая дальнейших расспросов.

«Готов согласиться с тобой. Будем считать это рабочей гипотезой. Продолжай».

«Похоже, Морган верховодит над всем левым крылом националистов, а теперь добивается поддержки радикалов и так называемых либералов, которые стоят на нашей стороне. Это большая политическая игра, отец, и наш сенатор явно собирает силы, чтобы дать бой на очередных президентских выборах. А потом он обрушится на нас и на Галактический Совет. Ты только послушай, что он несет уже сейчас!»

В своей комнате, на далекой Земле, Джил щелкнула переключателем магнитофона. Экран перед Сэммзом ожил, на нем показалось широкая, вспотевшая, на редкость серьезная физиономия сенатора Моргана.

— ... и, кстати, кто такие эти ленсмены?! — он ревел во весь голос. — Беспардонные фокусники и гипнотизеры, наемные убийцы, негодяи и жулики, орудие безжалостных финансовых магнатов! Они готовы смешать с пылью простого человека! Под личиной демократии они пытаются установить самую ужасную, самую насильственную тиранию, какую когда-либо знала Вселенная...

Джил яростным жестом ударила по выключателю.

«И представь, отец, многие покорно проглатывают эту ахинею! — она чуть не рыдала от досады. — Если бы у людей была хоть капля мозгов... хотя бы таких, как у «пароходиков» с Забриска, о которых мне рассказывал Мэйс! Так нет — они глотают все!»

«Значит, Морган не просто лицедей... — протянул Сэммз. — Это более серьезная фигура...»

«Да! И никакие призывы к здравому смыслу, ни психологические методы нам не помогут. Мы с Дронвиром считаем, что надо организовать кампанию противодействия этой клевете и совершить поездку по основным избирательным округам».

«Быть может, нам придется сделать это, но сейчас хватает более важных занятий».

Сэммз прервал связь и глубоко задумался. Он не пытался отгородить свои мысли от двух молодых ленсменов, но мозг его работал так стремительно, что они почти ничего не уловили. Однако Первый Ленсмен пришел к важному решению, в котором фигурировала

операция «Матис». Похоже, Большая Политика становилась отныне главной проблемой, и Вирджилю Сэммзу предстояло расставить новые приоритеты среди первоочередных задач Патруля.

Глава 12

СХВАТКА В ПРОСТРАНСТВЕ

Когда маленькое разведывательное судно Сэммза приблизилось к Кавенде, ленсмен выключил атомные генераторы и настроил локатор на ультраволнах. Его корабль на этот раз был оборудован вспомогательным реактивным приводом, практически не излучавшим ничего; он не создавал помех для радара и, обнаружить такой двигатель можно было только по слабому свечению нагретых дюз. Подобная возможность оставалась чисто теоретической, ибо для этого наблюдателю потребовалось бы приблизиться к разведчику Сэммза на полмили — совершенно ничтожное расстояние по космическим масштабам.

В данный момент пространство было пустым. Локатор фиксировал следы жестокого излучения на планете — прямо по курсу, которым следовал корабль, но Первого Ленсмена это не удивляло. Контрабандисты, занимавшиеся переработкой наркотиков, несомненно имели на своих заводах ядерные энергетические установки; к тому же, на Кавенде могли находиться и транспортные суда.

Он запустил вспомогательный двигатель, обеспечивающий суденышку довольно большую скорость — конечно, при включенном нейтрализаторе инерции, — и направил корабль, к спутнику планеты. Это было небольшое небесное тело, раза в четыре поменьше Луны, однако под его прикрытием Сэммз мог спокойно вести разведку. Он не сомневался, что окружающее пространство находится под тщательным наблюдением, и хотя вряд ли кто-нибудь сумел бы заметить выхлоп дюз с расстояния в сотни тысяч миль, ленсмен предпочитал действовать наверняка.

Посадка оказалась нелегкой, и когда разведчик коснулся грунта, Сэммз был в совершенном изнеможении и на редкость угрюмом расположении духа.

Его радовало лишь одно — поверхность планетоида выглядела еще более неровной, каменистой, изрытой морщинами и кратерами, чем земная Луна. На фоне такой местности было почти невозможно обнаружить даже движущийся корабль — особенно если он перемещается медленно и без использования атомных генераторов.

Серией коротких осторожных импульсов, корректируя скорость и положение после каждого из них, ленсмен развернул свой корабль так, что огромный диск Кавенды повис прямо над его головой. С облегчением вздохнув, Сэммз заглушил двигатель; энергии в заряженных на полную мощность аккумуляторах хватало для работы локаторов. Теперь он мог видеть все, что было доступно следящему лучу.

Его экраны показывали, что на диске планеты есть только одна точка, в которой наблюдалась активность. Он включил трассеры и постарался по возможности точно определить ее координаты. Затем, сбросив мощность луча до минимума, начал осторожно, ярд за ярдом, приближаться к заинтересовавшему его месту. Стоп! Он был почти уверен, что там находится производственный блок — огромный, почти двухмильного диаметра. Эта точка будет висеть над ним еще около трех часов, пока не скроется за толщей планеты.

Сэммз достал телескоп — гораздо более точный прибор, чем следящие экраны его разведчика. Так как сила тяжести на поверхности сателлита была невелика — едва ли двадцатая часть земной, — он без труда вытащил массивный инструмент из корабля и установил на треноге. Но даже телескоп, к сожалению, не позволял разглядеть детали. Спутник находился весьма близко к Кавенде — по астрономическим понятиям, разумеется, — но оптические приборы высокого класса были слишком громоздким и нетранспортабельными. То, что ему удалось увидеть, походило на заводские здания; напрягая глаза, Сэммз различил в стороне от них похожий на острый клык объект, который при известной фантазии можно было счесть контрабандистким судном. Ни городов, ни поселений на Кавенде не имелось — как и нормально оборудованного астропорта.

Сэммз разобрал свой телескоп, погрузил его обратно на корабль, настроил следящие системы и приготовился к долгому ожиданию. Несколько раз он задре-

мывал, не беспокоясь о том, что пропустит что-нибудь интересное — звуковой сигнал локатора поднял бы его на ноги. И когда транспорт торговцев наркотиками стартовал с Кавенды, Первый Ленсмен покинул ее луну столь же незаметно, как и приблизился к ней.

Стратегия слежки была разработана уже давно. Используя реактивную тягу и нейтрализатор инерции, Сэммз двигался за судном бандитов с максимальной скоростью, которую мог выжать из своего допотопного двигателя. Этого времени хватило, чтобы примерно установить курс преследуемого корабля. Затем ленсмен включил генераторы на активированном железе и приблизился к контрабандистам, стараясь не попасть в радиус обнаружения их локаторов; после этого с прежней неторопливостью пополз вперед. Он мог поддерживать такой режим столь угодно долго, и лишь при крайне несчастливом стечении обстоятельств врагам удалось бы обнаружить его.

Казалось, этот план гарантировал успех. Как было известно, МКП использовали в своих темных делах обыкновенные пассажирские лайнеры или грузовые суда. Разведчик же Сэммза имел скорость намного большую, чем у любого из подобных транспортов. И даже если бы корабль противника оказался быстрее, чем ожидалось, он все равно останется в зоне действия локаторов преследователя — до тех пор, пока не доберется к месту своего назначения.

На первый взгляд, это стратегия выглядела безупречной, но, как выяснилось вскоре, кое в чем Сэммз ошибался.

Корабль, за которым он гнался, был быстрым, очень быстрым. Яркая точка на экранах локаторов постепенно начала тускнеть, и ленсмен понял, что теперь не догонит это судно, даже включив на полную мощность атомные генераторы. Все больше мрачнея, Сэммз наблюдал, как сверкающая отметка бледнела, расплывалась и, наконец, исчезла с его следящих мониторов. Сверхскоростной звездолет канул в темноту.

* * *

Через несколько часов Сэммз вступил на борт «Чикаго», прошел на мостик и вызвал туда Киннисона. Когда адмирал занял место рядом с другом, компьютеры уже рассчитывали предположительный курс пиратского корабля.

— Наиболее вероятное направление — Эридан, — заметил он, сравнивая результаты вычислений с картой. — «Перевозки» владеют этой системой через одну из дочерних компаний — там богатейшие урановые залежи. Проведем разведку?

Сэммз на несколько минут впал в глубокое раздумье.

— Нет... пока еще нет. Мы знаем слишком мало.

— Почему же? Самое время хоть что-нибудь выяснить, — возразил Киннисон. — Мы предполагаем, что сверхскоростное судно, имеющее на борту тионит, совершит посадку на Эридане. Вот самый горячий след, который когда-либо был у нас в руках! Я прикажу окружить планету и не позволю никому ни войти, ни выйти, пока мы не найдем то, что ищем. Кто-нибудь там должен располагать нужной информацией! А уж мы заставим его заговорить.

— Вы торопитесь, Род. Вы же понимаете, что недостаточно выловить несколько мелких рыбешек. Наш удар надо направить гораздо выше.

— Но для этого нужны сведения, — проворчал Киннисон. — А нам так чертовски мало известно, Вирджил!

— Да, мало, — согласился Сэммз. — Из трех главных направлений ясен только политический аспект. По наркотикам мы знаем, откуда берется тионит и где он обрабатывается, а Эридан может быть перевалочной базой. Мы собрали довольно много данных о распространителях этого зелья, кое-что — о среднем звене, и почти ничего — о тех, кто на самом верху. О пиратах мы знаем еще меньше. Легендарный Мурга-тройд может оказаться несуществующим лицом, а кодовым названием — вроде «Звильника» или «Боскома»...

— Так что же вы собираетесь предпринять по поводу Эридана?

— Пока ничего. Однако Набосу и Дал-Налтелу следует поинтересоваться транспортом, принадлежащими МКП, которые перевозят уран с Эридана в Солнечную систему.

— Что ж, пусть проверят их. Теперь ясно, для чего затеяна карусель Земля-Марс-Венера-Земля! Они хотели навести нас на ложный след! Мы могли годами гоняться взад-вперед за одними и теми же грузами наркотиков — пока не сотрутся углы коробок.

— Ну, в конце концов, мы довольно быстро разоб-

рались в этой ситуации, Род. Но с операцией «Боском» дела продвигаются хуже.

— Просто отвратительно, — вынужден был признать Киннисон. — Вы хотите что-нибудь предложить?

— Конечно, у нас мало данных, но я заметил, что определенные виды сырья и материалов особо притягательны для грабителей. Даже надежная охрана не смогла спасти некоторые грузы и ценное оборудование. Они исчезли! Охрана, кстати, тоже... — Сэммз помолчал, потом задумчиво произнес: — Но если опираться на эти факты, мы могли бы кое-что организовать. Вот, скажем, так...

* * *

Торговый корабль с обтекаемым удлиненным корпусом и сферический боевой крейсер мчались сквозь мрак межзвездной пустоты. Транспорт нес в своих трюмах баснословно ценный груз — не слитки золота, не драгоценные камни и не контейнеры с ураном, а гораздо более важные предметы: точные станки, сложнейшие оптические и электронные приборы, прецессионную измерительную технику. Кроме того, на его борту находился Первый Ленсмен Вирджил Сэммз.

Родерик Киннисон, адмирал вооруженных сил Патруля, шел на эскортирующем транспорт крейсере.

На значительном удалении от этой пары неслись шесть огромных кораблей, каплевидной формы — новых супердредноутов, о существовании которых ни правительство Земли, ни руководство колоний даже не подозревали. Это были самые быстрые и самые смертоносные боевые суда, когда либо созданные руками человека — первые плоды операции «Беннет». На их борту тоже находились ленсмены — Костиган, Джек Киннисон, и Нортроп, ригелианин Дронвир, Фред Родебуш и Кливленд. Им не нужны были ни передатчики, ни приемники; ментальная связь прочно и нерасторжимо объединяла их.

«Внимание! — пришла спокойная мысль Сэммза. — Мы проходим в нескольких световых минутах от необитаемой звездной системы. Место подходит для засады. Всем настроиться на Киннисона! Принимайте командование, Род».

Пространство казалось по-прежнему пустынным, но в следующий миг на экранах вспыхнули три свер-

кающие точки; они стремительно двигались наперерез маленькому каравану от одной из внешних планет. Такое развитие событий было несколько неожиданным. Сэммз ожидал, что в акции будут участвовать лишь два корабля-налетчика — в принципе, таких сил вполне хватило бы, чтобы справиться с охраной и завладеть транспортом. Впрочем, появление трех вражеских супердредноутов не слишком влияло на его планы.

В следующее мгновение — каждый ленсмен мог наблюдать то, что видел Родерик Киинисон — еще шесть ярких точек вспыхнули на экранах адмиральского крейсера и торгового корабля, который был использован в качестве приманки для пиратов.

«Джон и Мэйс, займитесь лидером! — мысленно приказал адмирал. — Дронвир и Костиган, вам — правое судно, Родебушу и Кливу — левое. Действуйте, парни»!

Защитные экраны пиратских кораблей вспыхнули, наполнив пространство вокруг густой кашей помех, через которую не смог бы пробиться уже никакой призыв о помощи; два их дредноута атаковали крейсер, один — торговое судно. Первая пара, конечно, ожидала встретить сопротивление — военные суда Патруля были достаточно мощными кораблями, столь же хорошо пригодными для обороны, как и для нападения; и ни у кого во Вселенной не вызывал сомнения тот факт, что на их борту находятся настоящие мужчины. Но капитана пиратов, атаковавшего транспорт, ждал сюрприз. Его первый лучевой залп, направленный прямо по курсу грузового корабля, произвел опустошение среди его защитных полей; почти все носовые отсеки, включая рубку управления, были развеяны в прах, превратившись в расплавленный металл и раскаленный газ. Однако больше ничего не произошло — транспорт оказался не такой легкой добычей, как рассчитывали пираты.

Не обычные экраны защищали этот космический корабль — а также персону Первого Ленсмена Вирджила Сэммза. В общей массе судна генераторы защитных полей почти вдвое превышали вес остального оборудования. Разрушения, произведенные пиратскими лучами, оказались не особо серьезными — они не проникли достаточно глубоко в защитную систему корабля. И хотя нападающие, пораженные этим обстоятельством, все увеличивали и увеличивали мощность своего излуче-

ния, единственным результатом был только яркий блеск защитного барьера земного торгового судна.

А через несколько секунд не меньшее удивление овладело и командирами двух других пиратских кораблей, атаковавших крейсер. Его экраны не уступили даже объединенным усилиям двух дредноутов! Крейсер не выпустил ни одного поражающего луча; он был окутан сплошным защитным полем. Но еще до того, как изумленные бандиты осознали всю серьезность этого факта, они из охотников превратились в дичь: шесть новых могучих кораблей, гораздо более быстрых и мощных, чем нападающие суда, обрушились на них, перекрыв все каналы связи столь же эффективно, как они сами сделали это всего несколько секунд назад.

Стремительно выйдя на дистанцию поражения и не собираясь брать пленных, четыре корабля Патруля устремились к двум пиратам, бесплодно обстреливавшим крейсер. Они расположились вокруг них в вершинах воображаемого тетраэдра и ударили с чудовищной силой, превратив вражеские дредноуды в облака газа. Вряд ли когда-либо происходила космическая битва короче этой, закончившейся в считанные мгновения.

После первого сокрушительного залпа четверка кораблей присоединилась к тем двум судам, которые занимались последним пиратом — тот отчаянно напрягал усилия в попытке избежать плена. Однако бороться с шестью дредноутами, каждый из которых обладал большей мощностью, бандитское судно не могло. Теперь нападающие застыли в вершинах правильного октаэдра, геометрическим центром которого был пиратский корабль; он был полностью окружен — или, если пользоваться разработанной при подготовке этой операции терминологией, «взят в коробочку».

Уничтожить пирата было теперь несложным простым делом, но эскадра Патруля имела совершенно иные намерения — Сэмму требовалась информация. Поэтому вся шестерка залила лучами защитные экраны пирата — так, что те вспыхнули от перенапряжения и погасли. В тот же момент вступили в действие игольчатые деструкционные лучи. Первым было поражено машинное отделение врага — стофутровая щель разодрала корпус, после чего все жизненно важное оборудование корабля вышло из строя. Потом не встречающие сопротивления энергетические ножи отрезали сперва носовую, а затем — хвостовую части, верх и низ, левый

и правый борт; затем начали срезать углы бесформенной глыбы, в которую превратился корабль — до тех пор, пока рубка управления с немногими окружающими помещениями не осталась практически обнаженной.

Теперь бойцы Патруля ринулись на последний штурм — с ригелианином Дронвиром во главе, с Костиганом, Нортропом и младшим Киннисоном, следующими за ним по пятам. В этой завершающей фазе битвы участвовали группа отлично обученных космических рейнджеров.

Сэммз и двое ленсменов-ученых не участвовали в этой схватке и не жалели об этом. Киннисон-старший не участвовал тоже, но он не мог похвастаться таким же спокойствием. Он жестоко страдал от того, что ему, адмиралу, руководителю всей операции, пришлось остаться в стороне — и, тем не менее, он вынужден был пойти на это. А Дронвиру, возглавлявшему нападение, как раз было совсем не по вкусу драться. Даже мимолетная мысль о яростной рукопашной схватке заставляла его передергиваться от отвращения. Однако ригелианин обладал огромными преимуществами в бою — физической силой, удивительным чувством восприятия, для которого любые материальные образования не являлись препятствием, невероятной скоростью реакции и ментальной силой, позволявшей нанести удар по сознанию противника — где бы тот ни находился.

Большая часть пиратов погибла еще во время расчленения их судна; остатки собрались в рубке управления. Нападающие ворвались туда через многочисленные отверстия, пробитые деструкционными лучами, и в течение нескольких минут сплетенные в яростной схватке фигуры металась в невесомости, наполняя пространство вспышками «левистонов», разрывными пулями и облачками газа, вырывавшимися из пробитых скафандров,

Ригелианин Дронвир на миг замер на пороге рубки. Никогда ранее — и нынешний случай не являлся исключением — он не был возбужден или разгневан; подобные эмоции он представлял только теоретически. И он никогда не участвовал в подобных схватках! Поэтому ему потребовалось две-три секунды, дабы проанализировать ситуацию и определить свой собственный, наиболее оптимальный способ действий. Наконец, он освободил два щупальца из четырех от оружия и

вытянул их, обхватив каждым за шею по пирату. Мгновение — и шлемы их треснули, словно раздавленный орех; обе фигуры безжизненно осели на пол. Дронвир потянулся своими руками к двум следующим жертвам; за ними последовали еще двое, еще, и еще... Спокойный и бесстрастный, он не делал ни одного лишнего движения, не тратил ни одной лишней секунды — и уничтожил больше врагов, чем все остальные бойцы Патруля вместе взятые.

«Костиган, Нортроп, Киннисон — внимание! — вдруг мысленно обратился он к людям-ленсменам. — У меня нет больше времени заниматься чепухой — предводитель противника умирает от раны — кажется, он нанес себе ее сам. Я должен приступить к более важному делу. Прошу вас, проследите, чтобы оставшиеся в живых создания не мешали мне».

Дронвир погрузился в разум умирающего главара пиратов и сосредоточился. Даже на пороге смерти капитан пиратского корабля пытался оказать сопротивление, но ригелианин был не одинок в своих усилиях. Настроившись на его разум, делясь с ним силой и знаниями, которых не мог иметь ни один обитатель Ригеля, действовали два самых мощных мозга Земли — Роде-рик Киннисон, со своей невероятной волей и неистовой страстью, и холодный, спокойный, твердый как скала Вирджил Сэммз, Первый Ленсмен.

«ГОВОРИ! — с чудовищной силой требовал утроенный разум, с таким напором, против которого устоять было невозможно. — ГОВОРИ! ОТКУДА ТЫ? СОПРОТИВЛЕНИЕ БЕСПОЛЕЗНО; ТЕ, КОМУ ТЫ СЛУЖИШЬ, ЕГО УЖЕ НЕ ОЦЕНЯТ, ГОВОРИ! ОТКУДА ТЫ? КТО ТВОЙ БОСС? ГОВОРИ! ГОВОРИ!»

Под этим всесокрушающим давлением проявился, очень туманно и смутно, без намека на название или пространственные координаты, образ некой планеты, очень похожей на ту, которую Патруль использовал для операции «Беннет». Потом...

Все еще как бы в тумане, но уже более ясно, возникли лица двух человек и их имена, мелкнувшие в гаснущем сознании умирающего. Один был Мургатройд, глава пиратов, совершенно неизвестный ни Киннисону, ни Сэммзу. Рядом с ним они узнали Большого Джима Тауна.

ПЛАНЫ И ПОХИЩЕНИЯ

— Начнем с Мургатройда, — Киннисон поднял взгляд на Первого Ленсмена Вирджила Сэммза. Они сидели в адмиральском кабинете, под защитой несокрушимых стен Холма. — Как вы считаете, что мы можем сейчас предпринять?

— Мургатройд? Хммм... — Сэммз неторопливо затянулся сигаретой и, выдохнув облачко дыма, лениво наблюдал, как оно рассеивается в воздухе. — Мургатройд... В данный момент, мне кажется, нам следует оставить его в покое.

— Допустим, — ответил Киннисон. Если Сэммз и был удивлен этим совпадением взглядов, то вида не показал. — Но почему? Посмотрим, как вы это обоснуете.

— Потому, что данный вопрос не является первостепенно важным. Даже если мы сможем найти его... кстати, что вы думаете по этому поводу?

— Считаю, что с той же вероятностью наши противники могут выяснить всю подоплеку подмены Олмстеда Сэммзом и расположение Беннета... В общем, исчезающе малая величина, почти ноль.

— Верно. И даже если мы сможем найти его, даже если обнаружим их секретную базу — которая, конечно, спрятана так же хорошо, как и наша, — это не даст нам в настоящий момент ничего существенного. Думаю, самой важной является информация о Тауне — настоящем боссе Мургатройда.

— Я считаю точно так же. Теперь мы способны представить схему всей преступной организации.

— Я бы, пожалуй, не говорил так определенно, — улыбнулся Сэммз. — Осталось еще много дыр... скажем, не вполне понятно место Изаксона. Я уже много раз пытался представить себе эту схему, но информации все еще не хватает... Однако, — Первый Ленсмен повел рукой, — положение нашего друга Джима Тауна теперь стало ясным. Он действительно крупная фигура — и в пиратстве, и в политике. Этот факт, надо признаться, несколько удивил меня, хотя и окончательно прояснил всю картину.

— Для меня тоже. Хорошо хоть, что за ним охотить-

ся не придется. Ведь вы займетесь им прямо сейчас, не так ли?

— Да, но все эти новые связи и отношения проливают свет на большое количество деталей, которые раньше были малопонятными. Они ведут и к подтверждению нашей рабочей гипотезы по поводу Изаксона — именно он является мозговым центром синдиката наркотиков.

— Да, вполне возможно...

— Не остается почти никаких сомнений, что главный на Земле — Морган. Он сейчас хозяйничает в Северной Америке, и я не сомневаюсь, что наш distinguished Президент Унтерспун получает прямые указания от сенатора.

— Несомненно. Националистская партия Моргана — хорошо отлаженный механизм, а Унтерспун полностью зависит от нее.

— Мы знаем, что Джим Таун тоже в голове эшелона — очень может быть, что он — главнокомандующий вражеских вооруженных сил. Изаксон, по-видимому, находится на том же уровне, что и Таун, сразу под Морганом...

— Прекрасная картина, Вирджил, и на редкость симметричная, не правда ли? Его Величество Морган, Секретарь по военным делам Таун и Секретарь по наркотикам Изаксон. И каждый из них подставляет свое крепкое плечо под успех этой банды политиков! Ладно! Операция «Матис» пройдет труднее, ибо в ее рамках придется нанести трехкратный удар.

Сэммз затушил окурок сигареты и закурил следующую.

— Итак, сформулируем нашу главную задачу: как мы убедим суверенные государства Земли — и особенно Северо-Американский континент, — чтобы они дали Галактическому Патрулю огромную силу и власть, которые ему необходимо иметь?

— Неплохая формулировка, Вирджил, но что-то мне в ней не нравится. В конце концов, Патруль должен действовать в межзвездных масштабах... с возможностью работы в межпланетном и, конечно, межконтинентальном... гмм...

— Вот именно!

— Что ж, существовали сходные прецеденты и до нас; достаточно обратиться к древней истории. Давно, еще до эры космических полетов, когда люди впервые

начали пользоваться ядерной энергией, когда единственными видами наркотиков были кокаин, морфий, героин и другие чисто земные продукты, имелось нечто подобное. Я читал об этом совсем недавно.

Киннисон протянул руку, достал с полки древний фолиант и перевернул несколько страниц.

— Вот, послушайте: «Этот протокол, — речь идет о всемирном соглашении по контролю за наркотиками — был подписан пятьюдесятью двумя государствами, включая и СССР, — так называлась тогда Россия, Вирджил, — и его сателлитов. Это было единственное международное соглашение, которое безоговорочно поддерживали все коммунистические страны. Итак, подписавшие протокол государства отказались от национального суверенитета в пяти значительных вопросах, а именно:

Первое: они позволили агентам по борьбе с наркотиками всех других партнеров по соглашению свободно, тайно и без регистрации пересекать свои границы, перемещаться по своей территории и покидать страну по суше или по воде, в зависимости от ситуации.

Второе: они согласились — по определенному запросу, разумеется, — разрешать известным контрабандистам беспрепятственный въезд и выезд с их территории.

Третье: полностью сотрудничать в любой программе по борьбе с наркотиками любого из подписавших соглашение государств.

Четвертое: по определенному запросу соблюдать абсолютную секретность относительно любой проводимой операции по борьбе с наркотиками.

Пятое: полностью и постоянно информировать Международную службу по борьбе с наркотиками обо всех делах, связанных с перечисленным выше».

Киннисон отложил книгу и продолжал:

— Совершенно очевидно, Вирджил, что все это действовало! А если предки смогли это сделать, то что же говорить нам?

— Но данные ситуации несопоставимы, Род. Сейчас речь идет не о незначительных моментах национального суверенитета, а о полном отказе от него. Правительства земных государств должны радикально переменить образ мыслей и смотреть на все не с национальной, а с общегалактической точки зрения. Они должны стать частью Галактического Сообщества —

так же, как графства являются частью штата, а штаты — частью континента. Галактический Патруль не может ограничиться властью в межзвездных делах и не касаться внутрипланетных и внутриконтинентальных вопросов. В конечном итоге, он должен стать — и станет! — единственной властью и силой, исключая, быть может, такие чисто местные организации, как городская полиция.

— Вот это программа! — Киннисон несколько минут напряженно обдумывал слова друга. — Однако я готов спорить, что вы сумеете ее осуществить.

— Мы будем двигаться вперед так быстро, как сможем. У нас есть шанс! Совет Солнечной системы, состоящий полностью из ленсменов, уже существует и функционирует безотказно, а правительство Североамериканского континента не имеет влияния за пределами материка. Таким образом, хотя Морган и обладает огромной властью в самой Северной Америке, он, как глава организации внутрисистемного масштаба, ничего не сможет поделать с тем фактом, что Совет Солнечной системы расширяется до Галактического Совета. В определенном смысле, он даже поддерживает это начинание.

— Я не успеваю за вашими мыслями, Вирджил! Как вам удалось это вычислить?

— Мы создаем Патруль, как координатор деятельности свободных и независимых рас; Морган же рассматривает его как неплохое средство для установления галактического диктата. Схема примерно такова: Северная Америка — самый могущественный континент Земли, и другие континенты последуют за ним; Земля занимает доминирующее положение в Солнечной системе, а та, в свою очередь, утвердит свое лидирующее положение над всеми другими системами, которые открыты и колонизированы в последние годы. Итак, тот, кто контролирует Северную Америку, будет контролировать все пространство.

— Теперь ясно. Изгнать ленсменов, поставить на их место своих прихвостей... Интересно, каким образом он собирается это осуществить? Силой? Вряд ли. Я думаю, он попытается добиться этого на следующих выборах, в ноябре. И если так, это будут самые важные выборы в истории человечества!

— Да — если они на самом деле решают дожидаться выборов. А я в этом совсем не уверен.

— Тогда — сила против силы! — вскричал Киннисон, вскакивая на ноги. — Я бы собрал все силы, включая даже наполовину достроенные корабли с Беннета, и объявил бы военное положение! Потом уничтожил Моргана и его свору! Так что если у него осталась хоть крупинка мозгов, он прекрасно понимает, что может произойти!

— О! — Сэммз, ошеломленный, вздрогнул. — Я не предполагал действовать так резко, но вы, вероятно, правы...

— Никаких «вероятно», — мрачно поправил его Киннисон. — Только «конечно»!

— Да, Морган не пойдет сейчас на конфликт... — продолжал рассуждать Сэммз. — Скорее всего, он постарается выиграть на выборах.

— Определенно. И достаточно понятно, какова будет его стратегия. — Киннисон, совершенно успокоившись, сел и закурил очередную сигарету. — Националистическая партия Моргана сейчас в большой силе, и он станет вопить по всем видеоканалам двадцать четыре часа в сутки!

Киннисон изобразил на лице выражение, с которым этот прожженный демагог появлялся на экранах, и забубнил:

— «Так вот — у них нет мандата доверия от простого народа, чтобы торговать правом первородства за чечевичную похлебку из лап звездных монстров! Люди Земли, проснитесь! Восстаньте! Соберитесь с силами и скиньте это глупое, заставляющее деградировать всю планету ярмо власти! Уничтожьте этот диктаторский, авторитарный, незаконный и чудовищный Совет космократов, состоящий из так называемых ленсменов! Голосуйте за тех, кого выберете вы сами — таких же обычных граждан, как вы или я! Призываю вас, скиньте это дьявольское ярмо... — (Тут у него появляется пена на губах, — прокомментировал Киннисон), — Только правительство, составленное из людей, будет работать для людей!»

— Он использует именно это концовку, такую древнюю... И он проделывал сей фокус так много раз, что все думают, будто это его собственные слова, и они всегда вызывают гром аплодисментов.

— Все верно, Род, и в нынешней ситуации, к сожалению, мало веселого. Космократы, наша партия,

пользуются гораздо меньшей популярностью, чем националисты...

— Бог мой, с каким удовольствием я выкинул бы этих кровососов куда-нибудь в туманность Андромеды!

— Такая мысль не лишена интереса, но в настоящий момент она слишком преждевременна, — Сэммз улыбнулся столь пылкому выражению чувств. — Однако продолжайте. Я, в принципе, с вами согласен, и считаю идею полного обновления совершенно правильной.

— Ну, Морган так загипнотизирует свой «простой народ», что большинство опять поддержит этого бесхребетного дурака Унтерспуна. Он станет президентом Северной Америки еще на один срок — с целым выводком послушных болванов за спиной. Итак, они выиграют выборы. Затем правительство Северо-Американского континента — не банда Моргана, Тауна и Изаксона, а законное, облеченное властью правительство, — начнет вставлять нам палки в колеса... или вообще разорвет Межгалактический договор и назначит свой собственный Совет. И тогда, мой друг, я вызову корабли с Беннета и сделаю то, о чем сказал...

— Думаю, вам этого делать не придется, Род!

— А почему, собственно? — спросил Киннисон уже далеко не таким уверенным голосом.

— Потому что космократы могут сражаться за общественное признание столь же успешно, как и банда Моргана. И победить на выборах!

— Очень интересно! — у Киннисона от неожиданности даже отвисла челюсть. — Вы говорите так, словно это плевое дело! Кого же мы выдвинем своим кандидатом? Кто сумеет обойти этого сладкоголосого Моргана?

— Вы, Род.

— Я?! — Киннисон замолчал, словно получив удар под ложечку. — Я?! Вы шутите, надеюсь?

— Вовсе нет, — не обращая внимания на пытавшегося что-то возражать Киннисона, Сэммз продолжил: — Во-первых, у вас нет проблем с выступлениями перед публикой; вы — превосходный оратор.

— Пожалуй... Правда, я больше привык отдавать приказы, а не произносить речи...

— Во-вторых, у нас имеется огромная и сплоченная команда, без которой на выборах не победить...

— Помилуй бог! Откуда, Вирджил?

Первый Ленсмен усмехнулся и негромко произнес:
— Не забывайте про Патруль, Род. Вы очень популярны среди нашей молодежи.

— Но...

— И, наконец, последнее — ваши личные амбиции.

— Хмм? Они, знаете ли, никогда не простирались так далеко.

— Может, я ослышался? Разве не вы жаждали выкинуть Моргана куда-нибудь в туманность Андромеды? А как насчет того, чтобы для начала вышвырнуть его из Штатов на Северный полюс?

Ноздри Киннисона раздулись. С минуту он пристально глядел на Вирджила Сэммза, потом расхохотался.

— Старый вы хитрец! Да, я это говорил, но вряд ли у меня как следует прогреты двигатели... А вообще-то идея эта нравится! — вдруг заявил он. — С богом, Вирджил! Я согласен!

— Спасибо, Род, — стараясь не показать охвативших его чувств, Сэммз быстро перешел к следующему вопросу. — Теперь, если не возражаете, перейдем к проблеме Эридана.

Доклад Набоса и Дал-Налтела был коротким и точным. Они выяснили, что корабли, принадлежащие «Перевозкам» и переправляющие уран, кроме этого доставляли на своем борту и тионит с Эридана в Солнечную систему. Следящие лучи оказались здесь бесполезными, и они сочли целесообразным исследовать Эридан лично, но решиться на эту акцию не смогли. Эридан держала в руках компания «Уран Инкорпорейт», и его население целиком составляли люди с Земли. Ни Дал-Налтел, ни Набос не смогли бы замаскироваться столь успешно, чтобы провести разведку. Обсудив ситуацию, Сэммз и Киннисон поручили это дело Конвэю Костигану.

— Теперь я хотел бы выяснить, чем занимается моя дочь, — заметил Первый Ленсмен. — Знаете, Род, я немного беспокоюсь о ней. Она иногда переоценивает свои силы, и в недалеком будущем, кажется, намерена откусить кусок больший, чем может проглотить... если уже не сделала этого. Чем больше мы узнаем о Моргане, тем меньше мне нравятся ее игры с этим Геркаймером. Это опасный человек!

— Ну, Вирджил, единственный способ как следует наточить зубки — как можно чаще кусать врага. Вы должны это понимать... Мы отдаем своему делу все

силы — и дети идут по нашим следам... Почему это вас удивляет? А что касается этого Геркаймера... — Киннисон на мгновение задумался, затем продолжил: — его мы проверим.

Сэммз кивнул, однако обеспокоенное выражение не исчезло с его лица. Он послал дочери ментальный запрос и выяснил, что она находится на очередном приеме и, как он и опасался, танцует с первым секретарем сенатора Моргана.

«Привет, папа! — весело приветствовала его Джил, причем ее обращенное к партнеру лицо не претерпело ни малейшего изменения. — Имею честь сообщить, что на всех пультах горит зеленый».

«Похоже, ты не обратила внимания на мою просьбу?»

«Конечно, обратила, — заверила она отца. — Но я собрала кучу данных! Не волнуйся. Я же сто раз говорила тебе: это всего лишь игра, и мы оба строго придерживаемся ее правил».

«Что ж, хорошо. Держись, моя милая», — Сэммз отключился, а его дочь вернулась к своему занятию — абсолютно бессмысленной болтовне с красавчиком-секретарем.

* * *

Вечер тянулся медленно. Вирджилия Сэммз не пропускала ни одного танца, ее кавалерами были разные молодые люди, но чаще всего она танцевала с неотразимым Геркаймером.

— Не хотите ли выпить чего-нибудь? — предложил он в один из перерывов. — Немного сока или коньяка?

— Сок меня, пожалуй, не устроит, а вот коньяк — другое дело, — с энтузиазмом согласилась Джил.

Минут через пять, покончив с коньяком, Геркаймер кивнул в сторону двери.

— Говорят, наш хозяин приобрел великолепную бронзовую статуэтку Нептуна, очень древнюю. Она выставлена в холле перед курительной. Может, взглянем?

— С удовольствием! — сегодня Джил не собиралась ни в чем противоречить своему партнеру — он рассказал довольно много интересного и заслужил награду — пусть даже такую скромную, как прогулка по темному коридору.

Когда они миновали едва освещенный проход, Геркаймер свернул направо.

— Вот она! — воскликнул он. — Действительно, есть на что посмотреть!

Повернув голову, Джил увидела вместо бронзовой статуи молодую женщину — ее собственного роста и комплекции, с таким же оттенком светлых волос, уложенных в идентичную прическу; эта дама было точно так же одета, и сейчас, с бокалом в руке, неторопливо направлялась в танцевальный зал. Джил еще не успела удивиться, как парализующий луч скользнул по ее спине от бедер до шеи, лишив способности к сопротивлению. Она не могла ни крикнуть, ни шевельнуть руками; ноги ослабли, и девушка стала оседать вниз.

В этот момент появилась еще одна женщина, одетая в безукоризненный белый халат, с глухим плащом на сгибе локтя; Геркаймер, на носу которого теперь сидели роговые очки, ухмыльнулся в приклеенную бороду. Женщина ловко набросила плащ на плечи Вирджилии Сэммз, опустила капюшон, и в следующий миг девушка обнаружила, что врач и медицинская сестра, заботливо поддерживая ее с двух сторон, направляются к выходу.

— Я вам еще нужна, доктор Мюррей? — спросила женщина, осторожно усадив пациентку на заднее сиденье машины «скорой помощи».

— Благодарю вас, мисс Уилдс, вы свободны, — с холодным отчаянием Джил поняла, что этот диалог предназначался для ушей швейцара. — Состояние мисс Харман больше не внушает опасений, и я справлюсь сам.

Машина выехала на улицу, и Джил Сэммз, впервые за свою жизнь по-настоящему напуганная, сумела все же подавить охватившую ее волну паники. Надвинутый на глаза капюшон не позволял разглядеть, куда ее везут, и она по-прежнему не могла пошевелить ни единым мускулом; однако Джил сообразила, что машина проехала несколько кварталов — пожалуй, шесть, решила она, — на восток по Болтон-стрит, а потом свернула налево.

Почему никто не вызовет ее? Ни Джек Киннисон, ни Костиган обычно не вторгаются к ней в голову по вечерам, но Мэйс... милый Мэйс, перед отходом ко сну он так любил поболтать с ней... Правда, вчера они чуть не поссорились... и, говоря по правде, виноват был не он... Боже! Он должен, должен ее услышать!

«Мэйс! Мэйс!! Мэйс!!!»

И в конце концов, Мэйс ее услышал.

Родерик Киннисон клялся, что никто не сумеет быстро выбраться из Холма, но Мэйсон Нортроп, Джек Киннисон и Конвэй Костиган очутились в Нью-Йорке через двадцать минут.

«Где ты, Джил»? — то и дело спрашивал Нортроп, в страшном волнении ероша волосы.

«Где-то около Стэнхоуп-Серкл, — вновь оказавшись на связи со своими друзьями, Джил частично восстановила свою былую уравновешенность. — В пределах восьми или десяти кварталов».

«Нам это сильно поможет, — сердито проворчал Джек. — Десять кварталов — дьявольски большая территория, детка!»

«Помолчи, Джек! Джил, говори, рассказывай все, что может нам дать хоть какую-то зацепку!»

«Я считала правые и левые повороты, и уверена, что мы где-то в районе Стэнхоуп-Серкл, но я не смогла определить, куда он двинулся дальше. Может, мы уже за городом... мне кажется, что сейчас мы вообще одни на дороге».

Мысленно переговариваясь с Джил, ленсмены узнали, что Геркаймер замедлил скорость и остановился, припарковав машину. Он вышел и вытащил из нее безвольное тело девушки, сдвинув при этом капюшон, так что она, хоть и одним глазом, все же могла обозреть местность. Она заметила еще один автомобиль, ярко-желтый глайдер, стоявший примерно в сотне ярдов впереди; еще был виден знак парковки. Дом, в который внес ее похититель, имел не менее трех этажей, и номер его... один, четыре... ах, если бы он наклонил ее еще немного, она бы смогла разглядеть и остальные цифры... Ага, вот! — один-четыре-семь-девять!

«Как ты думаешь, Мэйс, это Раштон-сквер?»

«Очень похоже. Номер тысяча четыреста семьдесят девять... Вперед!»

В темном холле два человека с лицами, прикрытыми масками, заперли двери, и лифт понес их вверх. Затем они очутились в комнате с намертво прикрепленным к полу железным креслом. Джил пихнули в него; двое в масках встали за спиной.

— Наденьте-ка на нее наручники, — приказал Гер-

каймер, — только поосторожнее, не сломайте кости... еще рановато, пожалуй.

Джил, охватываемая неистовой яростью, крепко стиснув зубы, стараясь не закричать, когда тяжелый холодный металл охватил ее запястья. Потом ее примотали веревками к спинке кресла — они не давали ей наклониться вперед, и девушка только бешено сверкала глазами, словно разозленная кошка. Теперь она осознала до конца, что дело плохо; этот Геркаймер вовсе не собирался придерживаться каких-то правил игры.

Он сделал шаг вперед, взялся за ворот ее платья и резко рванул — тонкий шелк бального платья треснул, обнажив груди девушки. Геркаймер затаился сигаретой и двумя пальцами поднес ее к коже Джил чуть выше подмышки — послышалось едва заметное шипенье, запахло горелой плотью. Джил дернулась и отчаянно закричала, но ее мучитель лишь холодно улыбнулся.

— Это задаток, крошка; я не собираюсь долго с тобой возиться. Итак, мне необходимо знать две вещи. Во-первых, все, что ты знаешь о Линзах, — откуда они взялись, что из себя представляют; в общем, все, кроме обычных сказок для прессы. Во-вторых, ты расскажешь, что действительно произошло на балу в посольстве, — он снова затаился. — Ну, говори! Чем быстрее расскажешь, тем меньше будешь мучиться.

— Ты ничего не добьешься, Геркаймер, — отчаянным усилием Джил пыталась привести себя в норму. — За мной следят... — она замолчала, затаив дыхание. Если она сейчас скажет, что ленсмены вышли с ней на связь, этот зверь убьет ее. Она попыталась переключиться на другую тему: — Этот двойник на балу никого не обманет, не рассчитывай!

— Большое дело! — ядовито усмехнулся секретарь. — Мне надо было выиграть полчаса, и только! Нет, моя милая, у тебя не больше шансов, чем у пластмассой собачки в адском огне!

«Джил! — пронзил ее мозг отчаянный призыв Джека Киннисона. — Это не Раштан-сквер — дом под тем номером имеет всего два этажа. Подумай, какая еще может быть улица?»

«Не знаю...» — она не могла сосредоточиться, мысли испуганно метались в голове.

«Проклятье! Найти бы того, кто хорошо знает этот проклятый район! Конвэй, бери такси, а я вызову Пар-

кера»... — мысль Джека исчезла, когда он настроился на волну другого ленсмена.

Сердце Джил болезненно сжалось. Сейчас она была почти уверена, что ленсменам не удастся вовремя разыскать ее...

— Подтяни-ка веревки, Эдди. А ты, Боб...

— Остановитесь! О боже, прекратите! — она с ужасом глядела, как теляющий огонек снова приближается к ее обнаженному плечу. — Лучше убей меня!

— Убить, крошка? Расскажи что-нибудь поинтересней, а там посмотрим. Может, я и... — он ухмыльнулся. — Нет, так приятно будет взглянуть, как ты умираешь... Не быстро, разумеется. Сначала пара ласковых прикосновений сигареткой... И ради бога, кричи, сколько хочешь, стены тут звуконепроницаемые. Еще раз, ребятки... теперь немного повыше... так... теперь ниже. На эти игры у нас уйдет полчаса... Потом займемся ноготками, глазками... нет, глазки мы оставим на сладкое, чтобы ты поглядела, как парочка ползунов с Венеры примется обглаживать твои ножки...

Схватив девушку за волосы, Геркаймер вдруг с силой пригнул ей голову и прошипел:

— Все так и будет — если ты не заговоришь!

Беспомощная, неподвижная, охваченная смертной тоской, Джил все еще пыталась вернуть свой потрясенный разум с границы безумия. Она облизала сухие, бескровные губы. Киннисон всегда говорил ей, что человек умирает всего один раз, но ведь он не знал... В схватке — да, возможно... только она уже не единожды умирала от страха, и будет умирать еще много, много раз... пока не заговорит. Но...

«Да говори же, Джил! — мысль Нортропа почти ощутимо шевелилась в голове. Он, ее любимый, был в ярости и тревоге, не в силах облегчить или разделить ее муки. — Говори, расскажи ему, что знаешь! Мы уже засекли тебя — это Хэннон-авеню, и мы будем там через две минуты!»

«Говори, Джил, отвлеки этого подонка! — это был Джек. Странное дело — на этот раз она не испытала неприятных ощущений, на миг слившись с его разумом; ничего от влюбленного, от брата — просто касание дружеской руки. — Скажи этой крысе правду...

«Нет, не могу... нет, нет!» — на ее глазах выступили слезы.

«Я с тобой, девочка моя!» — отец попытался войти в ее разум, но его перебил Родерик Киннисон.

«Я приказываю, Джил Сэммз! Говори! Ты что — хочешь, чтобы дядюшка Род взялся за ремень?»

Она усмехнулась — прямо в волчий оскал Геркаймер — и начала:

— Так вот, о Линзах... Их доставили с Аризии...

* * *

По наружной стене здания спускались три темных фигуры. Нортроп и молодой Киннисон остановились на уровне шестого этажа, Костиган продолжил спуск, чтобы заняться охраной.

«Только пули, никаких лучей, — напомнил он своим молодым товарищам. — Мы должны очистить помещение, не оставляя следов, без разрушений».

Никто ему не ответил — все были слишком заняты. Два бандита, стоявшие за стулом, к которому была привязана Джил, упали первыми, а затем Джек всадил пулю в затылок Геркаймера. Нортропу это показалось недостаточным; вскинув автомат, он прошил тело секретаря длинной очередью.

Три быстрых взмаха ножом — и девушка была свободна.

— Джил!

— Мэйс!

Они так прижались друг к другу, что никто бы не поверил, что это их первый поцелуй. Хотя всем было ясно, что последним он не останется.

Джек ухмыльнулся, подобрал валявшийся на полу плащ и набросил его на застывшую парочку.

— Кончайте, ребята! — проговорил он с укором. — Что за легкомыслие! Если мы не поспешим, от нас останется только мокрое место, — он дернул Нортропа за рукав. — И учти, дружище, старый Сэммз очень строг по части ее туалетов. Если он увидит дочку в таком неглиже... да еще рядом с тобой... Ты что, не понимаешь? Он же сотрет тебя в порошок!

Глава 14

ШАХТА

Кадровая служба любого концерна, с персоналом,

насчитывающим сотни тысяч человек, очень беспокойное место — даже когда все его предприятия находятся на Земле и условия работы на них почти идеальны. Однако если фирма ведет дела в колониях, и труд персонала лишь по названию отличается от самого примитивного рабства, обеспечение людьми — задача первостепенная. Отдел кадров, подобно Алисе в Стране Чудес, должен бежать так быстро, как только сумеет, и одновременно оставаться на месте. В связи с этим объявления, начинавшиеся со слов «Требуется...» и принадлежащие концерну «Уран Инкорпорейт», с лестью и коварством предлагавшие всяческие блага, покрывали всю Землю. По этой же причине — двенадцать часов в день и все семь дней в неделю — отдел кадров этой фирмы был переполнен; в основном, всяческими подонками.

Были, конечно, и исключения; один из таких людей, пройдя сквозь толпу пестро одетых мужчин, бросил какую-то карточку в окошко с надписью «Информация». Это был рослый плотный мужчина, казавшийся чуть ниже своих шести футов из-за широченных плеч и могучей груди, хотя каждый фунт его веса пребывал именно там, где ему и надлежало пребывать. Он выглядел несколько опустившимся, а на его лице застыло угрюмое выражение.

— К Биркенфельду... Мне назначено, — пробурчал он в окошко голосом, оказавшимся довольно приятным.

— Мистер Джордж Джонс, сэр, ему назначено... Благодарю, сэр, — и мистера Джонса проводили в персональный кабинет мистера Биркенфельда.

— Садитесь пожалуйста, мистер... эээ.... Джонс.

— Вы запомнили мое имя?

— Да. Довольно необычный случай, когда человек с вашим уровнем образования, подготовки и возможностей обращается к нам в поисках работы по собственной инициативе; это требует тщательного изучения.

— Тогда для чего я здесь? — свирепо спросил посетитель. — Могли бы отказать мне по почте. Возьмите кого-нибудь другого.

— Вы здесь потому, что в нашей компании не судят о человеке только по его прошлому, если возможно извлечь из него пользу в будущем, — глаза чиновника старались просверлить посетителя.

Конвэю Костигану редко приходилось бывать в центре внимания. Наоборот, скрытность являлась его увле-

чением и высоким искусством. Его Линзу никогда нельзя было увидеть, и никто, кроме ленсменов, Клио и Джилл, не знал об истинном масштабе его деятельности. Сейчас он твердо знал, что этот Биркенфельд с глазами-сверлами являлся рядовым чиновником; но он точно также был уверен, что его расспросы установят точно только одно — то, что позволит он сам и Патруль.

— Ну? — поведение Джонса неуловимо изменилось. — Долго будете тянуть резину? Все, что я хочу — получить шанс. Я готов начать с самого низа, там, где вы скажете.

— Мы объявляем — и это истинная правда — что возможности системы Эридана безграничны, — Биркенфельд говорил медленно, тщательно подбирая слова. — В вашем случае они могут быть либо абсолютно неограничены, либо равны нулю, что полностью зависит от вас самого.

— Понимаю, — глупость не входила в число недостатков мистера Джонса. — Не надо уточнять.

— Вот и хорошо, — чиновник одобрительно кивнул. — Тем не менее, я должен полностью разъяснить нашу позицию. Будете верны — и далеко пойдете вместе с нами. Если попытаетесь предать, то долго не протянете.

— Что ж, достаточно честно.

— Ваше желание начать с самого низа похвально; те, кто поднимается по всем ступеням служебной лестницы, становится самым хорошим руководителем. И с какого же уровня вы хотите начать?

— А что вы предлагаете?

— Чернорабочий, я думаю... Вполне подходит — тут нужна и физическая сила, и старание.

— Чернорабочий?

— Тот, кто возит руду в шахте. Мы можем сделать исключение в вашем случае и назвать эту процедуру транспортировкой.

— Не стоит.

— Отнесите эту карточку мистеру Камкинсу, в комнату 6217. Он проведет с вами инструктаж.

Этим же вечером, в мрачном закутке меблированных комнат, мистер Джордж Вашингтон Джонс потянулся большой и грязной рукой в потайное отделение своего потрепанного чемодана и дотронулся до Линзы.

«Милый, ты»? — любящая жена и мать их прекрас-

ных детей возникла перед его мысленным взором.

«Здравствуй, родная моя... Я отбываю. Скоро. Мы не сможем говорить через Линзу, но ты не беспокойся. Это продлится не очень долго... я надеюсь, что недолго, Клио».

«Не торопись, Мерф, милый, и будь осторожен! — тон ее был спокойным, но она не смогла скрыть следы страха и тревоги. — О, как бы я хотела пойти с тобой!»

«И я тоже хотел бы этого, малышка, — их соединенные вместе разумы вернулись к воспоминаниям о розовых небесах Невии и ее огромных океанских просторах. — Но наши будут на связи со мной, и я просил их держать тебя в курсе. И потом, ты ведь знаешь, как трудно сейчас найти няню для детей».

* * *

Странно, но основные операции по добыче металло-содержащих руд не слишком усовершенствовались за долгие века. Сами минералы образуются в процессе отвердения планетной коры и слегка меняются лишь в геологически значимые периоды времени. Древние шахты не могли, конечно, опускаться очень глубоко — там было слишком много воды и слишком мало воздуха. Помогли паровые машины, которые удаляли воду и накачивали в шахты воздух. Изменялся отбойный инструмент: от простых ломов и лопат к сверлам и молотам; затем — к роторным машинам и к механизированному процессу нынешнего времени. Но какая, в сущности, разница! Люди все еще ползают, подобно змеям, там, где есть металл, и, напрягая мускулы, вытаскивают его оттуда, куда автоматика не может добраться. И люди все еще умирают в ужасных мучениях в шахтах, добывая то, без чего остановится триумфальное шествие цивилизации и прогресса.

Но вернемся к нити нашего повествования и вспомним, что Джордж Вашингтон Джонс отправился в систему Эридана в качестве обыкновенного чернорабочего. Его место находилось рядом с «попрыгунчиком» — шахтным подъемником, трос которого тянулся на глубину около четырех тысяч восьмисот футов. Он водил вагонетку на расстояние примерно в восемь миль — к ярко освещенной пещере, которая называлась Постом Двенадцатого уровня. Он был приписан к койке в общежитии, где мог спать в течение пятнадцати но-

чей: «пятнадцать внизу и три наверху» — это было условием подземного контракта.

Он катил на своей вагонетке по штреку, оглашая его зычным воплем «Вали, что есть!»; шахтеры трудились в забоях, находившихся слева и справа от него, и в некоторых местах их ширина была чуть больше его плеч. Он уже различал минералы — лоснящийся, отливающий металлическим блеском, смолистый черный глянec уранита, желтизну аутинита и картнотита, разнообразные оттенки зелени в тобернитe. Не имеющее ценности шло в отвал — в сделанный из твердого дерева, окованный железом контейнер для пустой породы; очень немногие камни отправлялись наверх с почетом.

Он постепенно привыкал к этой работе, вдыхая сухой безжизненный воздух, отдающий маслом, который нагнетали компрессоры. И когда, после нескольких дней его зычное «Вали, что есть!» вызывало ответное «Ничего, кроме хорошей погоды!», он понял, что принят в это неофициальное, неопределенное и неопиcуемое, но по-настоящему прочное товарищество твердых как камни мужчин. Он уже принадлежал ему.

Он понял, что должен отказаться от своей привычной скрытности, от незаметности; и, после нескольких дней раздумий, решил провести кое-какие мероприятия. В первый же день отдыха «наверху» он присоединился к компани шахтеров, совершавших рейд по самым ободраннyм и шумным кабакам Данаполиса. Как всегда, их встречала толпы хохочущих, визжащих, кричаще одетых и размалеванных женщин — и с этой точки зрения поведение молодого Джонса было весьма странным.

— Купи-ка выпить, приятель? Может потанцуем, а?

— Иди своей дорогой, сестренка, — он слегка отстранил назойливую девицу. — Я достаточно наломался внизу, а ты совсем не то, что мне хотелось бы сейчас получить.

Очевидно не замечая, что девушка обменялась многозначительным взглядом с парой рослых парней со значками «ВЫШИБАЛА», нетипичный чернорабочий решительно направился к длинной, разукрашенной бутылками со спиртным стойке бара.

— Ананасовой сок, — бросил он бармену, — и что-нибудь покурить. Пачку «Солнечного света», пожалуйста.

— Анана?.. — изумленный бармен не закончил слова.

Вышибалы были быстры, но Костиган оказался еще проворнее. Двинув одного из них своим стальным коленом в живот, он въехал второму по челюсти — с такой силой, что едва не сломал бедняге шею. Бармен попробовал вмешаться, но пришел в себя в полете к одному из столиков. Стол и сидевшие вокруг люди очутились на полу — вместе с богатым набором бутылок.

— Я сам выбираю компанию и пью то, что мне нравится, — решительно заявил Джонс. — Я не причинил заведению никакого вреда... — его глаза грозно проšliсь по лицам присутствующих, — но в следующий не буду столь аккуратным. Любой, кто попробует меня тронуть, отправится или в лазарет, или напрямиком в морг. Понятно?

Этого оказалось недостаточно. Кучка местных бузотеров бросилась на этого типа, такого незаметного поначалу. Пока шесть или семь барменов выдували звонкие трели из полицейских свистков, произошла короткая, но яростная схватка. Конвэй Костиган, один из самых «быстроруких» и «быстроногих» людей, которых когда-либо знал Патруль, выстоял в ней — чего нельзя сказать о его противниках.

— Черт побери, что здесь происходит? — раздался хор хриплых голосов, когда дюжина полицейских — «Мистер Закон» появляется в таких местах не менее чем взводом — размахивая дубинками, вытащили Джорджа Вашингтона Джонса из-под кучи бесчувственных тел. На теле его имелось несколько ссадин и синяков, но все кости остались целы и сильных порезов не было.

Так как его версия случившегося оказалась не только непохожей, но и диаметрально противоположной показаниям остальных свидетелей, остаток выходных он провел в тюрьме — чем, кстати, был совершенно удовлетворен.

Работа и время отдыха тянулись своим чередом. Он очень быстро стал старшим чернорабочим, помощником забойщика, забойщиком, бригадиром; потом — огромный скачок по служебной лестнице! — начальником участка.

А затем произошла катастрофа — внезапно и вдруг, парализуя людей ужасом, как и все подобные происшествия. Громкоговорители коротко протрубили: «Взрыв!» «Обвал!» «Пожар!» «Затопление!» «Газ!» «Радиация!»

«Рудничный газ!» — и замолчали. Короткое замыкание прервало связь, и не было уже возможности установить, какое из этих жутких предупреждений соответствовало истине.

Прекратилась подача электроэнергии, погас свет. Свист вырывающегося из клапанов воздуха, звук, который из-за своего постоянного и неизменного присутствия был неслышим, вдруг сделался заметным; потом его громкость и высота изменилась. Секундой позже появился дребезжащий гул, сопровождаемый треском дерева и резким, незабываемым визгом разрываемой стали. И люди — как всегда случается с людьми в таких ситуациях — совершенно сошли с ума; визжа, крича, стеная, они устремились в крошечную тьму только с одной мыслью — как бы выбраться наверх.

Начальнику смены потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя и врубить аварийное освещение; затем — три или четыре секунды и несколько мощных ударов кулаком, ногами и двухфутовым куском резинового шланга, чтобы установить хоть какое-то подобие порядка. Четыре человека были уже мертвы, но это было не так уж много — учитывая обстоятельства.

— Сюда! Под несущие стены! — резко прокричал он. — Они не рухнут, пока стоит вся эта гора. А теперь, кто из вас, парни, имеет при себе аварийные ранцы? Двенадцать из двадцати шести — ну и болваны! Оденьте маски, Без них вы долго не продержитесь, а так хоть на время будете в безопасности — я надеюсь.

Затем, чуть погодя, Джонс произнес:

— Полагаю, что все кончилось. — Он направил вниз луч фонарика. — Массивные стальные балки больше не изгибались, хотя треск дерева был еще слышен. — Мастер! Где мастер?

— Здесь, сэр!

— Я отправлюсь к подъемнику. Если выход свободен, просигналю фонарем. Пусть те, кто в масках, поддерживают остальных. Возьмите хорошую палку, и если кто-то снова начнет паниковать, вышибите ему мозги.

Джонс совсем не был так уверен и смел, как пытался представить; катастрофы в шахтах несли ужас, не сравнимый ни с чем. Тем не менее, он отправился к ведущей наверх шахте и обнаружил, что она завалена. Вернувшись обратно и отдав несколько коротких

распоряжений, он повел шахтеров по темному безмолвному тоннелю к Посту Двенадцатого уровня, поминая непристойными словами начальство, которое разбазарило аварийное оборудование. Отряд обнаружил несколько обвалов, но не настолько серьезных, чтобы сквозь них нельзя было проникнуть.

Центральный пост был темным и безжизненным. Джонс, помахав фонарем над панелью аварийного управления, сорвал крышку, разбил стекло и нажал кнопку. Вспыхнули огни, раздались сигналы тревоги, заверещала сирена, зазвенел звонок. Воздушный насос снова взвыл и начал работать с обычным свистящим шумом. Но водяной насос! Он содрогался, гремел и тяжело вздыхал, что предвещало его выход из строя в любую секунду; Джонс, увы, ничего не мог с этим поделать.

Пост, сильно укрепленный стальными опорами, остался неповрежденным, хотя ничего живого тут не было. Четверо мужчин и женщина-дежурная лежали недвижно на своих местах; по-видимому, взрывная волна и поток газа распространилась так быстро, что они не успели получить предупреждения. Дым, тянувшийся из главного тоннеля, с каждой минутой становился все гуще и гуще. Джонс сильно вдавил еще одну кнопку, и барьер из асбеста, вольфрама и огнеупорного стекла толщиной около фута медленно перекрыл проход. Он на секунду с жалостью подумал о тех, кто оставался за этим щитом, но решил не углубляться в этот вопрос. Если они еще живы, то на другой стороне тоже находились кнопки аварийного управления.

Клубы дыма исчезли, мигающие огни потухли, сирены и звонки замолчали. Старший смены, ставший теперь, по-видимому, начальником всего Двенадцатого уровня, снял маску, нашел переносную рацию и принялся крутить верньер. Он говорил, слушал, снова говорил, — но ни от кого не получил вразумительного ответа.

— Мастер, и вы, пятеро, — он выбрал шахтеров, которые были еще в состоянии соображать, — проверьте все штреки. Группа из девятнадцати человек в шестом, и еще должны быть люди в пятнадцатом и двадцать втором. Приведите всех сюда. Мастер, найдите резак — они нам понадобятся... Возьмете их...

— Ну, дела! — завопил какой-то человек. — Все кончено, парни! Вода...

— Заткнись, болван! — послышался звонкий удар и вопль оборвался. — Воды достаточно — все баки полны.

Кто-то из угрюмых шахтеров повернулся к начальнику и кивнул головой в сторону работающего насоса.

— Похоже, скоро ее будет слишком много, а?

— И знать не хочу — займитесь-ка делом!

Когда его получившие задание посыльные исчезли, Джонс поднял микрофон и сменил настройку рации.

— Кого-нибудь из начальства, — бодро сказал он. — Да побыстрее...

— О, на Двенадцатом есть живые! — ворвался в его ухо женский голос. — Мистер Кланси, мистер Эдвардс!

— К чертовой матери и Кланси, и Эдвардса, — рывкнул Джонс. — Соедини с главным инженером или инспектором!

— Двенадцатый Пост, говорит Кланси, — если управляющий и слышал последнее замечание, то не обратил на него внимания. — Стэнли и Эмерсон будут здесь с минуты на минуту. Кто говорит? Я не узнаю ваш голос, и...

— Джонс. Старший смены. У меня тут на Посту Двенадцатого небольшие проблемы.

— Что? Где Пеноэр? И Рилли? И...

— Мертвы. Все. Похоже на газ.

— Ничего не включено — даже очистители?

— Ничего.

— Где вы?

— На самом Посту. Правый тоннель перекрыт. Собираю людей из штреков левого.

— Слава богу! — Кланси облегченно вздохнул.

— К дьяволу! Что случилось и где?

— Детонация взрывчатки — прямо на Седьмом Посту, возле главной шахты, если вы знаете. — Джонс не знал; ему никогда не приходилось бывать в той части рудника. — Шахта засыпана до Седьмого уровня, и обе аварийных тоже заблокированы. Первая — на Шестом, вторая — на Седьмом; должно быть, разлом или сдвиг породы... Ага, вот и главный инженер Стэнли, — управляющий передал микрофон появившемуся начальнику.

Подошел один из шахтеров, и Джонс, прикрыв микрофон ладонью, спросил:

— Ну что там в штреках?

— Выводим людей. Нашли несколько неповрежденных вибраторов.

— Хорошо. — Затем, прервав инженера, что-то бубнившего по радию, Джонс спросил: — Что с проклятым насосом? Почему он так перегружен?

— Сильный поток. Пять уровней под вами уже затоплены, и вода поднимается...

— Затоплены?! Вы не успеете пробиться к нам?

— Нет. Так что поищите какой-нибудь штрек повыше и молитесь богу...

— Ну и совет! — завопил Джонс. — А что мы, по-вашему, делаем? Ладно, хватит болтать, дайте мне Эмерсона.

— Говорит Эмерсон.

— Карты и схемы при вас?

— Да.

— Мы попробуем пробиться на Одиннадцатый, иначе — каюк. Можете вы указать мне кратчайший путь?

— Могу, — инспектор зашелестел бумагами. — Так... Начинайте в самой верхней точке штрека пятьдесят девять. Повторите.

— Штрек пятьдесят девять, — Джонс сопроводил слова яростным взмахом руки; одетые в защитные костюмы шахтеры развернулись и побежали по тоннелю. Начальник смены последовал за ними, держа переносную радию; по дороге он раздраженно пнул ногой надрывно жужжащий водяной насос.

— Тридцать два градуса от вертикали — где-то между тридцатью и тридцатью пятью.

— Тридцать два градуса от вертикали.

— Направление... у вас есть компас?

— Да.

— Устанавливайте голубой конец стрелки на ноль. Курс — двести семьдесят пять градусов.

— Синюю стрелку на ноль. Курс два-семь-пять.

— Расстояние — шестьдесят девять и две десятых фута. Выйдете прямо в Пост Одиннадцатого уровня. Там огромная пещера, вы не можете промахнуться.

— Расстояние шестьдесят девять и две... Все? Прекрасно. Быть может, мы это сделаем. Если не утонем, конечно. Сколько у нас будет времени, после того, как насос сдохнет?

— Я прикину и свяжусь с вами.

Начальник смены локтями проложил себе путь через

толпу шахтеров, таща за собой рацию и пытаясь увернуться от потоков воды.

— Мастер! — взревел он, и эхо многократно повторило его крик в узком туннеле. — Ты впереди?

— Да! — проревел в ответ мастер.

— Осталось больше народа, чем я думал... Сколько? Половина спаслась?

— Около того.

— Хорошо. Отбери парней посильнее, пусть хватают резак и тащат сюда. Да, еще опоры! И самых опытных крепыльщиков — тоже сюда!

Вокруг Джонса начали собираться люди. Дюжие парни принесли вибрационный резак, способный раздробить самую прочную породу — им можно было орудовать только вдвоем. Начальник участка продолжал распоряжаться:

— Тащите деревянные подпорки. Все, что сможете найти, хватайте и тащите сюда. Возьмите еще несколько двенадцатидюймовых балок... тех, что по шесть футов. Все складывайте здесь. Подготовьте пару вагонеток, вывозить породу. Ну, парни, начинаем! Крепыльщики, работайте быстро, но надежно. Вы понимаете, что случится, если свод прогнется и осядет.

Они понимали. Они знали, что им следует делать, и трудились яростно, изо всех сил, но аккуратно и точно.

— Какой ширины должен быть проем? — спросил бригадир крепыльщиков. — Трех футов будет достаточно?

— Да. Подожди-ка минуту, радио.

Послышался голос главного инженера.

— По моим самым оптимистичным прогнозам, у вас будет минут сорок.

— С какого момента?

— Как откажет насос.

— Это произошло четыре минуты назад... нет, уже пять. И еще пять надо на подготовку... Сорок минус десять будет тридцать. Пройти шестьдесят девять футов за тридцать минут...

— Больше двух футов в минуту...

— Спасибо, я умею считать. Мастер, что скажешь? Можем ли мы рубить проход в таком прочном камне со скоростью два с лишним фута в минуту?

— Хмм, — шахтер потер заросший щетиной подбородок. — Тяжело, начальник. Но деваться-то некуда!

— Это точно. Ну, приступаем!

Резак взвыл и затрясся в сильных руках. Камни хлынули потоком, откатчики кинулись убирать их. Взвилась пыль, щебень фонтаном ударил в стены штрека, и через минуту в нем воцарился ад. Шахтеры вырубали коридор шириною в ярд. Человек мог бы протиснуться и в футовую щель, но никто не сумел бы в одиночку орудовать вибратором, так что проход поневоле получался широким.

Первая пара прошла три фута, и Джонс велел ее сменить. Люди, содрав защитные шлемы, рухнули прямо в воду, плескавшуюся на дне штрека, жадно хватая воздух пересохшими губами; оба были в полном изнеможении.

Вторая пара скрылась в неровном коридоре, вход в который крепильщики уже подпирали толстыми бревнами. Внезапно один из шахтеров взмахнул рукой, подавая сигнал — голос в этом грохоте и вое был неслышим. Клапаны насоса сорвало, и мощная струя хлынула из него; за полминуты вода поднялась на девять дюймов. Теперь за гонкой с наводнением, в которой участвовали двое забойщиков, могли следить все. Проход удлинялся — не так быстро, как хотелось бы; поток мутной холодной жидкости плескался все выше — шахтеры, толпившиеся в главном коридоре, стояли уже по колено в воде.

Третья пара. Вибратор ревел, наполняя воздух таким шумом, скрежетом и грохотом, что если бы рядом стреляли из пушки, никто бы этого не услышал. Из подпертого бревнами входа клубами выплескивалась пыль; иногда из этого темного облака со свистом вылетали обломки камней размером с кулак.

Джонс взглянул на часы. Миновало пять минут, а пройдено только восемь футов! Они проигрывали соревнование, ставкой в котором была жизнь. Мимо него, к вырубаемому проходу и обратно, метались люди: откатчики отбрасывали пустую породу, крепильщики таскали бревна и стальные балки. Народа хватало; но в узком штреке могли поместиться только двое, и в это упирался весь вопрос.

Четвертая пара. Начальник смены заглянул в главный тоннель, который шел от Поста Двенадцатого уровня — вода бурлила там уже на две ладони выше колена. Шахтеры из первой пары — те, что начали проходку —

поднялись на ноги; вид у них был, как у загнанных лошадей.

Пятая пара, шестая, седьмая... Затем снова пошла первая, но на этот раз парни вывалились из облака пыли через минуту; больше выдержать они не могли. По расчетам Джонса, спасительный штрек был пробит наполовину, но вода вокруг стояла уже выше пояса. Борясь с потоком, крепильщики подтаскивали теперь металлические конструкции — бревна вырывало из рук.

Джонс натянул защитный шлем и решительно направился в проход. Перехватив рукоятки агрегата из трясущихся рук очередной пары, он поднес жало вибратора к неровной каменной стене. Раздался резкий визг, брызнули обломки и щебень, каменная крошка ударила в прозрачный щиток. Джонс покрепче уперся ногами в пол и начал рубить скалу; новый проход был вдвое уже прежнего.

Пять дюймов, десять, пятнадцать... Шаг вперед, еще один... Два фута, три, четыре... Чудовщинный стальной зверь ревел, бился в его руках, вгрызаясь в неподатливый камень, сокрушая и пожирая его. Спина Джонса закаменела, руки сжимали резак, содрогаясь вместе с ним; в грохоте и вое начальник смены не слышал ничего, но каким-то шестым чувством ощущал, как люди оттаскивают глыбы, валившиеся ему под ноги, как суетятся сзади крепильщики, как два десятка человек шаркает лопатами, отбрасывая щебень и камни все дальше и дальше по проходу, в главный коридор. Поперек него уже выросла целая насыпь из крупных обломков — мелкие уносил стремительный водный поток.

Проход круто шел вверх. Внизу, посередине штрека номер пятьдесят девять, в руках мастера ожила рация.

— Джонс! Джонс! Черт возьми, Джонс, отзовитесь!

— Да, сэр? — мастер поднес к губам микрофон.

— Джонс, это Кланси. Как...

— Простите, сэр, это не Джонс. Йоргенсен, мастер...

— Какого дьявола?! Где Джонс?

— Наверху, в забое, сэр. Он работает с резаком — один!

— Один? О, господи! Пошлите кого-нибудь на смену!

— Невозможно, сэр. Только он может управиться в одиночку с этой штукой. Проход узок — двоим там не встать.

Рация пискнула и замолчала. Наверху Джонс протер пыльный щиток и снова навалился на вибратор. Великие боги космоса, когда же это кончится! Он держался только неимоверным усилием воли. Он знал, что должен пробиться — ради Клио и своих девочек, ради друзей, ради Патруля... наконец, ради того сброда, что в смертной тоске сгрудился за его спиной. Они тоже были людьми, и он поклялся защищать их... и неважно, что у него в руках — бластер или этот неимоверно тяжелый, выбрирующий и ревущий отбойник.

Каменная стена перед ним внезапно подалась и начала оседать, в лицо Джонсу пахнуло застоявшимся воздухом, где-то вдали блеснул свет. Он сделал три шага вперед, отбросил вибратор и ничком свалился на гладкий пол Одиннадцатого уровня. Очнулся он уже наверху, в госпитале — спасательные отряды, расчистив одну из аварийных шахт, прибыли вовремя.

* * *

Спустя несколько дней Джордж Вашингтон Джонс, еще несколько потрясенный, но уже вполне здоровый и оправившийся от тяжелого испытания, был вызван в контору рудника. Пока он добирался туда, в кабинете управляющего произошел следующий разговор.

— Я хотел бы сделать его своим помощником, — заявил Кланси высокому гостю. — У этого парня голова хорошо варит.

— Думаю, не стоит.

— Но послушайте, мистер Изаксон, как мне справиться с уймой работы? Надо восстанавливать шахту, а вы забираете от нас всех толковых парней... вот и этого тоже...

— Ну, открыли-то его не вы, а Биркенфельд. Он только проходил у вас... ммм... скажем, стажировку. Он будет работать в отделе Q.

Кланси захлопнул рот, проглотив возражения. Больше он не произнес ни слова. Он прекрасно знал, что это такое — отдел Q.

Глава 15

ЭРИДАН

Костиган не очень удивился, когда в конференц-

зале компании «Уран» увидел человека, которого знал как Биркенфельда. А вот с Изаконом он там встретиться не ожидал. Конечно, ему было известно, знал, что «Уран, Инкорпорейт» принадлежит «Перевозкам» — так же, как и планета Эридан, целиком и полностью, но ленсмену в голову не приходило, что им заинтересуется такая крупная шишка. Да, Изаксон летал весьма высоко, и Вирджилу Сэммзу следовало предусмотреть возможность такой встречи...

Однако он этого не сделал, и теперь Костигану предстояло выкручиваться самому. Впрочем, встреча оказалась вполне дружественной и неофициальной и не имела ничего общего с инквизиторским допросом. Джонса похвалили за проявленную распорядительность и поблагодарили — как на словах, так и на деле, передав весьма солидную сумму наградных. Затем за него принял сам Изаксон.

— Знаете, Джонс, одна вещь совершенно ставит меня в тупик, — он улыбнулся и достал сигару. — Вы не пьете и не ищете женского общества... зачем же вы тогда отправились к «Ревущему Джеку»?

— По двум причинам, — ответил Джонс, улыбаясь слегка смущенно. — Второстепенную объяснить довольно просто — видите ли, на Земле у меня просто не было времени на... на подобное. Вы, я полагаю, знаете об этом?

Да, они об этом знали.

— Я вообще до недавнего времени имел весьма смутное представление о... о таких вещах... женщины, выпивка... ну, вы понимаете... Но хорошая драка всегда шла мне на пользу?

— Понятно. Ну, а в чем же заключается главная причина?

— Я понимал, что нахожусь под наблюдением и что меня проверяют. Я должен был либо подняться наверх, причем быстро, либо же остаться навсегда внизу. Человек может быстро продвинуться по служебной лестнице, если его начнут подталкивать люди, с которыми он работает. А лучший способ внушить уважение толпе грубых работяг — это добрая потасовка. Я рискнул применить этот способ — и выиграл.

— Понятно, — снова повторил Изаксон, уже совершенно другим тоном. — Теперь мне все понятно. Ваш прием весьма универсален, но его проведение в жизнь требует здоровых кулаков... — он выпустил клуб дыма и повернулся к остальным членам комиссии. —

Что ж, прекрасная работа! Теперь, я полагаю, все вопросы, интересовавшие вас, выяснены?

Изаксон слегка кивнул головой, и все остальные головы, словно по случайному совпадению, тоже склонились. Встреча подошла к концу. Когда за Биркенфельдом и его коллегами захлопнулась дверь, шеф «Перевозок» подтолкнул к Джонсу пачку сигарет:

— Закуривайте. — Это был сорт, который предпочитал Джонс. — Итак, вы понимали, что вас проверяют. Какими же способами?

— Всеми, — усмехнулся Джонс, — кроме, разве что, взрыва. Такое не подделаешь.

— Да, вы правы, — Изаксон затаился и некоторое время безмятежно следил за дымными кольцами. — Вы наблюдательны, мой мальчик. Несомненно, вы заметили, что в конце нашей беседы произошло голосование?

Джонс, разумеется, это заметил и теперь пытался угадать, что его ждет. Изаксон сунул сигару в пепельницу, подошел к огромному сейфу и открыл его — внутри лежал лишь один небольшой пакет.

— Ваша кандидатура прошла, причем единогласно. Теперь вы узнаете то, что вам необходимо знать. Но учтите — за вами еще долго будут наблюдать, и стоит вам совершить хоть один неверный шаг — вы умрете.

— Это представляется мне справедливым, сэр.

— Меня радует, что вы смотрите на вещи подобным образом — впрочем, иного мы не ожидали. Вы видели рудник и обогатительный завод, Джонс? Процветающее предприятие, не правда ли?

— Да, сэр. Вне всякого сомнения.

— На самом деле, главным бизнесом здесь является не уран, — Изаксон с грохотом захлопнул дверцу сейфа, — а тот небольшой пакет, который вы видели.

— Хмм... Тогда, я думаю, в нем находится какой-нибудь супер-уран, — заметил Джонс, сложив пальцы в форме буквы «Т».

Шеф «Перевозок» одобрительно хмыкнул.

— Ваши осмотрительность и осторожность достойны похвалы, Джонс. Итак, вы еще потрудитесь здесь в качестве помощника управляющего, а затем вас переправят на Землю — в той же должности; у нас большой обогатительный завод в Северном Порту. Однако вашей главной задачей будет работа с отделом Q, исследовательским подразделением, который вы когда-нибудь

возглавите, — Изаксон замолчал, посасывая сигару. Потом он ровным и тихим голосом произнес: — Когда вы отправитесь на Землю, Джонс, в вашем багаже будет пакет, весьма похожий на тот, что я вам показал.

* * *

Вирджил Сэммс требовал точных фактов. И паре друзей, Джеку Киннисону и Мэйсону Нортропу, пришлось начать поиски тионита с той самой точки, на которой остановился Джордж Олмстед.

Кавенда, предмет их интереса, была примитивным миром. Ее местное население, вполне гуманоидное по внешнему виду, достигло уровня культуры индейцев Северной Америки доколумбова периода; в некоторых аспектах кавендийцы напоминали древних норманнов и арабов. Так что двое бродячих туземцев, совершенно неузнаваемых под грязными накидками и таким же толстым слоем жира и сажи, безмятежно следивших за опускавшимся с небес парашютом, не привлекали особого внимания. Сидя верхом на неуклюжих скакунах, они следовали за этим парашютом и подвешенным к нему ящиком, пока груз не оттащили в поселок белого человека. Однако, в отличие от большинства других аборигенов, эта пара не отправилась в поселок, чтобы выклянчить стаканчик горячительного; они только кружили вокруг, следя за всем, что делали странные, одержимые дьяволом белые люди. Один из этих псевдотуземцев начал свои наблюдения за два или три дня до того, как огромная Штука-Которая-Летает-Без-Крыльев оставила землю; другой вскоре присоединился к нему.

Таким образом, старт космического корабля с Кавенды проходил под неусыпным наблюдением — так же, как и его прибытие на Эридан. Инженерам Патруля пришлось немало потрудиться, чтобы изобрести способы и средства слежения за этим кораблем от момента старта до посадки, но их труды увенчались успехом.

И теперь Джек Киннисон, развалившись в кресле главного зала астропорта Данополиса, столицы Эридана, лениво следил за взлетным полем. Кроме того, он очень нервничал — правда, совсем незаметно для постороннего глаза.

Еще утром, проглотив крошечную капсулу, он понял, что находится под непрерывным сканированием следя-

щего луча. Он ничем не выдал себя — карманы брюк и пиджака были заэкранированы, а тончайший, с копачий ус, провод, протянувшийся от Линзы к ноге, просто невозможно было различить; однако если бы его просветили ультраволнами, дело могло кончиться плохо.

«Мэйс! — мысленно позвал он, ни на секунду не меняя на редкость скучающего выражения лица. — Я все еще под наблюдением. Как ты?»

«То же самое! — Нортроп беззвучно фыркнул. — Они окружили меня так плотно, как вода — подводную лодку».

«Оставайся на связи. Сейчас я вызову Конвэй».

«Привет, Джек!» — Конвэй Костиган восседал за столом в своем кабинете, находившемся в административном здании местного уранового комбината; выглядел столь же беззаботно, как и его коллеги, хотя был очень занят.

«Нас облизывают с головы до ног, дружище. Ни Мэйс, ни я не смогли сделать практически ничего. За кем-нибудь еще наблюдают?»

«Нет. Все чисто».

«Хорошо. Передай, что мы пока вне игры».

«О'кей. Наблюдение дистанционное, или кто-то есть рядом?»

«Есть. Роскошный птенчик — классного вида блондинка с большими глазами — они так и зыркают туда-сюда».

«А у тебя, Мэйс? — с неподдельным интересом спросил Костиган. — У тебя тоже есть маленькая подружка?»

«В лучшем виде. Только совсем не маленькая — как раз моих габаритов», — и Нортроп передал изображение высокой стройной брюнетки, дефилирующей неподалеку с грацией профессиональной манекенщицы.

«Хммм... Ее я тоже не знаю, — сообщил Конвэй, — но у обеих при себе четырехдюймовые блоки следящего излучения. Наверно, они опутаны проводами от плеч до пяток, как елки на рождество. Сейчас я передам их изображения — может, кто-нибудь знает этих пташек».

Он транслировал два ментальных образа на Землю, и более сотни наиболее опытных в женском вопросе агентов Патруля напрягли зрение. Высокую брюнетку не узнал никто, но...

«Эту блондиночку я видел, — заявил Паркер из Вашингтона, профессионал двадцати пяти лет от роду. —

«Газель» Дефорж. Поосторожнее с ней — эта девица одинаково ловко управляется и с ножом, и с револьвером».

«Спасибо, Паркер. Я о ней тоже слышал. — Костиган обдумал сложившуюся ситуацию. — Скользящая малышка. Не имеет смысла гадать, на кого она работает сейчас», — это было утверждение, не вопрос.

«Уверен, что на того, у кого денег куры не клюют. Ее услуги весьма дороги. Это все?»

«Все, Паркер. — Затем Конвэй связался с Джеком и Нортропом: — Думаю, что вы полностью засвечены, парни. Лучше смывайтесь-ка отсюда подобру-поздорову, да побыстрее — сделать вам ничего не удастся».

«Я бы так не сказал, — запротестовал Киннисон. — Ведь ты ждешь отвлекающего маневра, верно?»

«Жду, но вы уже...»

«Погоди, мы что-нибудь тут устроим. Кстати, ты в курсе, кто должен на этот раз провезти тионит?»

«Пока еще нет».

«Ну, так гляди в оба. А мы устроим дымовую завесу!»

«Что это вы собираетесь сотворить?» — строго спросил Костиган.

«Вот что, — Джек лаконично ввел его в курс дела. — И даже не пытайся сказать «нет» — мы все прекрасно устроим».

«Ну-у, звучит, действительно, заманчиво. Это здорово поможет — если сумеете добиться успеха. Вперед, парни!»

Застенчивая и прелестная блондинка печально глядела на информационное табло, где каждые тридцать минут появлялось объявление, что корабль с Земли задерживается с прибытием — лайнер опаздывал уже на три часа. Она вытащила из сумочки книгу, с отвлечением взглянула на обложку и спрятала обратно; потом ее рука потянулась к журналу, но снова безвольно упала на колени. Она вздохнула, с трудом подавила нервный зев, откинулась на спинку кресла — в таком положении, как отметил Джек, ее ножки занимали самую выгодную позицию, — и прикрыла глаза. Киннисон-младший опустился в кресло рядом с красавицей.

— Простите, мисс, у меня такое впечатление, что мы где-то встречались. Почему бы двум несчастным и одиноким пассажирам не пострадать вместе в ожида-

нии нашего летающего гроба? Надеюсь, это не покажется вам предосудительным?

Веки девушки приподнялись, однако во взгляде ее по-прежнему сквозили лишь нарочитое равнодушие и скука. Неужели, подумал Киннисон, она до самого конца собирается изображать невинность?

— Да, наши обычаи иногда бывают далеки от совершенства, — наконец проговорила она, сложив красивые губы в некое подобие улыбки. Голос ее, мелодичный и негромкий, вполне соответствовал привлекательной внешности. — Ведь никого не удивляет, когда люди знакомятся на корабле; так почему бы, собственно, не сделать этого в зале ожидания?

— Действительно, почему бы и нет? Вполне подходящее место, — Джек послал красавице в ответ самую обольстительную из своих улыбок. — Мое имя Уильям Борден, друзья называют меня просто Билл. А вы?..

— Беатрис Байли. Если короче — Би. Можете рассказать мне о смысле жизни, о небе, усыпанном звездами, или о чем-нибудь еще, столь же волнующем... — она зевнула.

— О таких материях лучше беседовать за рюмкой, — жизнерадостно заметил Джек. — Сейчас разыщем моего приятеля и отправимся выпить. Здоровый такой парень, с черными усиками. Бьюсь об заклад, у него тоже пересохло в глотке... с ним такое случается каждые полчаса.

— Ваш друг один? — небрежно поинтересовалась блондинка.

— Был один, когда я видел его в последний раз. Но не исключено, что он уже кого-то подцепил. Знаете, девушки без ума от его усов...

— Тогда не стоит ему мешать, — весело рассмеялась блондинка, одарив Джека призывным взглядом.

В их отношениях намечался явный прогресс, и Киннисон не стал разыскивать Нортропа — тем более, что он совершенно точно знал, где и с кем находился сейчас его друг. Поэтому нельзя считать случайным совпадением, что обе парочки столкнулись прямо у стойки бара.

— Моя кузина, Грэйс Джеймс, — нимало не смущаясь, представил свою черноволосую спутницу Нортроп. — Грэйс, познакомься с моим другом Билли Борденом, самым лихим парнем по сию сторону галактического ядра.

Девушки также были представлены друг другу — они обменялись обычными словами приветствия и ничего не значащими улыбками. Были ли действительно незнакомы? Или, как и оба молодых ленсмена, работали на одну организацию? Если так, то действовали они весьма тонко — в их поведении нельзя было заметить и тени притворства.

— Куда теперь, пилот? — Джек прикончил свой стакан и не собирався тратить время зря. — Ты ведь все здесь знаешь — так отведи нас в какое-нибудь приличное местечко.

— Сюда, дамы и господа, — церемонно пригласил Мэйс, и Джек внутренне напрягся. Предложенный Нортропом маршрут вел мимо зала третьего класса, затем вдоль пустынной площадки, на которой обычно располагались только ультраскоростные корабли. Если ничего не случится в ближайшие пятнадцать секунд...

Ничего не случилось. Непринужденно смеясь и болтая, четверо молодых людей одновременно вступили под арку. Дверь распахнулась, и ленсмены приступили к действиям.

Их совсем не привлекала необходимость вступить в схватку с девушками, но вопрос времени сейчас был первостепенным, и драки — если речь идет о сильных, хорошо вооруженных и тренированных профессионалах — было, разумеется, не избежать. С другой стороны, женщину, которая ничего не подозревает, захватить врасплох не так уж трудно. Поэтому Джек резко развернул свою спутницу, зажав под мышкой обе ее руки, потом его пальцы метнулась к шее, безошибочно обнаружили нужную точку и нажали на нее; девушка мгновенно обмякла. Нортроп действовал столь же быстро, и вскоре обе жертвы были втиснуты в шлюз космического корабля, который тут же покинул Эридан.

Заложив данные в автопилот, Киннисон принялся освобождать безжизненное тело от проводов и всевозможных штучек, предназначенных для оборонительных и наступательных действий. Раздевать девицу он не стал, но удостоверился, что из оружия на ней осталось лишь то, чем ее наделила природа. То же самое — и с не меньшей тщательностью — проделал со своей «кузиной» Нортроп. Затем все изъятые у девушек отправилось в оружейный сейф, а дверь каюты была заперта на замок.

— Теперь, «Газель» Дефорж, — спокойно сказал

Киннисон, — можете проснуться. Я думаю, вам ясно, что поле за нами, и матч закончен. Ну, кто у вас стоит в воротах — вы? А эта чернявая — в подающих?

— В подающих! — с невероятным возмущением воскликнула брюнетка, но судьи оставили ее протест без внимания. Блондинка же сразу доказала, кто капитан.

— Воображаете, что сможете удрать? — спросила она. — Ах вы... — и с ярких полных губок сорвался поток из таких эпитетов, что оба ленсмена в ужасе переглянулись. Наконец девица слегка пришла в себя. — И что вы собираетесь делать со мной? — требовательно спросила она.

— Честно говоря, еще не знаю, — ответил Джек. — А что бы вы сделали на нашем месте?

— Я бы спустила с тебя штаны, взяла бы нож и...

— Газель! — резко крикнула брюнетка. — Какого черта! Ты только разозлишь их, и они...

— Заткнись, Джейн! Они не причинят нам вреда больше, чем уже причинили. Правильно я говорю, коп поганый? — Газель зажгла сигарету, глубоко затянулась и выпустила струю дыма прямо в лицо Киннисону.

— Полагаю, что так, — согласился с ней ленсмен. — А как вы относитесь к тому, чтобы всю оставшуюся жизнь любоваться на небо в клеточку?

— Ты-то можешь его вообще не увидеть, — усмехнулась блондинка. — Может, за вами уже гонится дюжина быстроходных кораблей!

— Сомневаюсь. Скоро мы встретимся с оперативной группой Патруля, — Джек тоже закурил, выпуская колючки прямо над головкой прелестной Газели — на манер нимбов. — Однако хватит болтать, детка. Мне интересно, чем вы занимались, и чего хотели от нас. Говорите.

— Неужели? — проворковала блондинка. — Поди сюда, малыш, посади свою детку на коленки, и она расскажет тебе все-все... — внезапно она со злобой взвизгнула: — Да, все, что ты хочешь узнать! Держи карман шире!

Оба ленсмена долго пытались добиться какого-нибудь толка, но все было тщетным. Их пленницы не имели понятия о ментальных методах, но были настроены столь враждебно, что внутренние блокировки в их создании работали как самые совершенные защитные экраны.

— Может, что-нибудь в их сумочках? — совершенно измучившись, спросил Джек.

— Сейчас посмотрю... Не очень-то много, вот разве что это... — Нарочито безразличный голос Нортропа заставил Джека насторожиться.

— Ха! Письмо от приятеля, — пожала плечами Газель. — Ничего интересного, котик, можешь прочитать.

— Разумеется, ничего интересного... но мы исследуем его повнимательнее, да и конверт тоже... — И Джек занялся тщательными анализами. Вскоре он разобрался с кодом — но только с помощью Линзы.

— Послушайте, Газель, — Киннисон помахал листком, теперь изрядно перепачканным. — «Три-шесть-два» — это означает, я полагаю, старшего группы — то есть, вас. «Замеченными ранее мужчинами пусть займется три-девять-восемь» — это, наверное, вы, Джейн. «Познакомьтесь с ними, и если дальнейшие инструкции не поступят в течение суток — ликвидируйте»...

Блондинка была так ошеломлена, что в первый момент потеряла контроль над собой.

— Но как?! Этот код не поддается дешифровке! — воскликнула она.

— Ошибаетесь, моя дорогая; особых проблем у нас не возникло. — Затем он мысленно обратился к Нортропу: — «Что будем делать, Мэйс? Я собирался выкинуть их к чертям, но теперь даже не знаю... Пожалуй, имеет смысл доставить их к шефу, как ты считаешь?»

«Запросим инструкций».

Был вызван Сэммз, и его коротко ознакомили с ситуацией. Ответ пришел очень быстро.

«Отпусти их, Джек, пусть уходят. Сомневаюсь, что они знают что-либо существенное, — Сэммз помолчал. — Ваше дымовое прикрытие было отличным, парни. Первая стадия операции завершена. Товар — на столе у Костигана». — И он отключился.

— Скажет тоже! — ворчал Джек, упаковывая угрюмых пленниц в спасательный бот. — Я уверен, что они знали достаточно, чтобы выпустить из нас кишки!

Он резко дернул рычаг пуска, и маленький кораблик, выскользнув из шлюза, устремился обратно к Эридану.

* * *

Стол Костигана-Джонса был девственно чист. Его

сборы в дорогу были непродолжительными и очень несложными — он просто открыл сейф, достал пакет и сунул его к себе в карман; потом захлопнул дверцу и на принадлежащем компании автомобиле отправился в порт.

Здесь его также не ожидали сложные формальности. На Эридане, конечно, было какое-то подобие таможни, но с того времени, как «Уран Инкорпорейд» приобрела эту планету в полное владение, таможня не обращала практически никакого внимания ни на ее суда, ни на людей, носивших в петлице ее золотые значки. Так что Джонсу не понадобились ни билет, ни паспорт, ни виза; служащие перемещались на судах компании и по ее заводам совершенно беспрепятственно. Итак, воспользовавшись своим нынешним привилегированным положением — и золотым значком номер тридцать восемь — Джордж Вашингтон Джонс проскользнул на один из кораблей компании, где его сразу же проводили в каюту первого класса.

Совершенно естественно, что путешествие от Эридана до Земли прошло без всяких происшествий — ведь это был самый обычный грузопассажирский транспорт, далеко не в первый раз доставляющий уран. Конечно, он вез весьма ценный груз, но для пиратов он, пожалуй, не был особенно привлекательным. И только немногие люди знали, что этот рейс несколько отличается от предыдущего и последующего.

Впрочем, путешествие не было ни скучным, ни утомительным — Джонс был занят буквально по горло. Он с большим старанием изучал материалы, которые передал ему Изаксон, — планы, чертежи и отчеты, относящиеся к обогательному заводу, расположенному в городе Северный Порт, Земля.

После приземления на закрытом космодроме, находившемся прямо на территории этого завода, Джонс без всякого удивления выяснил, что таможенники тут были не менее предупредительными и уступчивыми, чем на Эридане. Они не побеспокоились даже пересчитать контейнеры с урановым сырьем, не говоря уж об их осмотре. Они поставили печати на корабельных документах, не прочитав их и не проверив. Экипаж и каюты они, правда, осмотрели, но весьма поверхностно и небрежно — золотые значки в петлицах и здесь играли роль волшебного талисмана. Без каких-либо вопросов,

почти с благоговением, Джонс и его багаж были доставлены к наземному автомобилю.

— Административное здание! — негромко произнес Джонс-Костиган. Больше ему не надо было добавлять ничего.

Глава 16

ПОДГОТОВКА

Как уже упоминалось, основой саморазвития эддориан была неистовая тяга к власти. Их противоречия, их борьба, их междуусобные интриги являлись неизбежными — как из-за огромной мощи их разума, так и вследствие присущих ему ограничений. В отличие от аризиан, они не могли удовлетвориться научным и философским изучением бесконечного космоса; им хотелось действовать, — или, точнее говоря, переустроить мир так, чтобы он полностью соответствовал их представлениям.

Их первой заботой было создание некой иерархии среди подведомственных планет. Ее высший уровень, естественно, занимали сами эддориане; на втором, находящемся непосредственно под ними, стоял Плуранс. Плур, как сейчас известно, является планетой, вращающейся вокруг столь изменчивого светила, что вся жизнь на нем испытывает радикальные циклические изменения физической формы, необходимые, чтобы выжить в ежегодных чудовищных катаклизмах. Однако физическая форма и климат для эддориан не значили ровным счетом ничего; обитатели Плура были полезны для них, что и определяло ценность данного мира.

На третьем уровне находилось много различных рас, среди которых холоднокровные айхи были, возможно, самыми доверенными помощниками — и самыми безжалостными и грубыми. Наконец, четвертый уровень включал миллиарды и миллиарды существ, представлявших тысячи и тысячи самых разнообразных рас.

Таким образом, в тот исторический период, в котором жили Вирджил Сэммз и Родерик Киннисон, эддориане были заняты сортировкой своей паствы. Гарлейн Эддорский, второй по могуществу и власти среди членов Внутреннего Круга, обращал мало внимания на одиночную планету или расу. Даже такой всеобъемлющий ра-

зум, правящий двадцатью миллионами миров, может делать это только в общих чертах, но не в деталях.

Сообщения, которые поступали к Гарлейну, касались классов и групп звездных систем и целых галактических регионов. Какая-то из планет могла быть отмечена только как представитель своего класса; что же касается индивидуальных существ, стоявших ниже обитателя Плуранса, их не называли и не обсуждали. Гарлейн анализировал эти чудовищные потоки сообщений, сличал, систематизировал, сравнивал и согласовывал, определял направления развития, их тенденции и наиболее вероятные результаты. Гарлейн занимался перестройкой двух галактик в соответствии с Великим Планом.

Правда, иерархическая система эддориан страдала одним недостатком. Мелкие исполнители — как во все времена — были склонны трубить о победах и скрывать собственные ошибки. Таким образом, Гарлейн не знал, что нечто неладное произошло в системе Сола, на той самой вредоносной планете, которая недавно принесла ему столько хлопот.

Пока он не собирался продолжать персональное наблюдение за Землей, считая, что в том нет необходимости. Самоуверенный, высокомерный, Гарлейн знал, что в конце концов он направит Землю туда, куда ему будет нужно; в этом отношении она ничем не отличалась от других планет ее класса. Конечно, у нее были неприятные особенности, однако Гарлейн вряд ли мог предположить, что этот мир привлечет пристальное внимание Старейших Аризии.

Гарлейн не ведал, что новорожденный Галактический Патруль с успехом защитил свой главный штаб от Черного флота. Помощники низшего ранга, знавшие о неудачной атаке, были совершенно уверены в своих силах и не сочли это небольшое происшествие достаточно важным; тем более, что один из них уже предпринял шаги, чтобы исправить ситуацию.

Это существо — почти человек на вид, если не считать синеватого оттенка кожи — обсуждал положение дел с сенатором Морганом на протяжении двух часов.

— Что касается предполагаемого захвата власти, то ваши доклады вполне убедительны, — в завершение сказал посетитель, — но вы не сообщили о Линзах.

— Преднамеренно. Мы исследуем этот вопрос, однако данных для подробного рапорта еще недостаточно.

— Понимаю. Что ж, похвально... Но известия об

этом феномене пошли дальше и выше, чем вы думаете, и я хотел бы ознакомиться с тем, что есть.

— Но я еще не могу...

— Это решу я, а не вы. — Морган покорно замолчал. — Ну, так что вам известно?

— Мы взяли живым одного из ленсменов. Так как Линза имеет телепатические свойства и действует на значительном расстоянии, операция была проведена в кратчайшее время. Линза, которую немедленно сняли с руки пленника, прекратила излучать и тот, кто ее держал, умер; за ним последовали еще четверо. Все они погибли, устранив, таким образом, возможность случайного совпадения. Была сделана попытка проанализировать материал Линзы, но безуспешно. Он оставался совершенно инертным. Мы не достигли ничего — ни электронной бомбардировкой, ни на субатомном уровне, ни температурными воздействиями. Ленсмена, конечно, допросили — с использованием наркотиков и излучения. Его мозг не содержал никаких знаний о природе Линзы — факт, в который я поверил с трудом. Он полагал, что Линза происходит с Аризии! — Морган сделал паузу. — Как я полагаю, высокопоставленные руководители Патруля используют гипноз, чтобы скрыть реальный источник происхождения Линз.

— Так. Что же произошло с Линзой дальше?

— Она исчезла.

— Исчезла? Что вы имеете ввиду? Улетела? Пропала? Была украдена? Распалась? Что именно?

— Нет. Больше всего это походило на испарение или сублимацию — исключая, что она не уменьшалась постепенно в объеме и от нее не осталось никаких следов — ни твердых, ни жидких, ни газообразных. Браслет из платинового сплава остался совершенно целым.

— Вы уверены во всех этих фактах?

— У меня есть подробные записи. Хотите посмотреть их?

— Пришлите их ко мне. На будущее я освобождаю вас от всей ответственности в этом деле с Линзами. Есть ли у вас еще какие-нибудь материалы, имеющие отношение к данному вопросу?

— Нет, — чистосердечно ответил Морган. Он не связывал с ленсменами бесследное исчезновение своего секретаря и двух мало приятных типов из охраны. Он считал, что Линза здесь абсолютно не при чем — разве что совсем случайно. Геркаймер, несмотря на

все советы и приказы, мог поступить с дочерью Сэм-мза несколько грубовато, и ее отец — либо поклонники — расправились с ним. Похоже, он заслужил свое.

Посетитель исчез.

Морган потянулся было к кнопке видеофона, затем отдернул руку. Нет. Он не будет этим заниматься. Он проверял Олмстеда неоднократно и лично, он знал, что это за человек. Дальнейшее — дело Изаксона. Ему же предстоит та работа, которую может выполнить только он один. Националисты должны выиграть на предстоящих выборах — и они их выигрывают.

* * *

Арчибальд Изаксон, президент «Межзвездных Космических Перевозок», поднялся и пожал руку Джорджу Олмстеру.

— Я позвал вас по двум причинам. Во-первых, в ответ на ваше послание о том, что вы готовы к более серьезной работе. Что заставляет вас думать, что вы с ней справитесь?

— Неужели я должен отвечать на этот вопрос?

— Возможно, нет... нет, не надо, — Изаксон улыбнулся. Морган был прав — этот человек был не глуп, совсем не глуп. — Работа для вас есть, вы для нее готовы, и вы уже обучили своего преемника собирать богатые урожаи. Но — и это мое «во-вторых» — почему вы сократили количество сырья, доставляемого за одну поездку? Вот это, Олмстед, действительно серьезно.

— Я уже объяснил главную причину — и она серьезней, чем все остальные. Я знаю, вы не поверили в то, о чем я рассказывал.

— Боюсь, ваши объяснения при передаче мне были сильно искажены. Я хочу услышать их прямо от вас.

— Хорошо. Не стоит жадничать. Мы должны всегда помнить, что в любой момент можем наскочить на Патруль. Поэтому я сократил время и уменьшил сбор — и советую вам держать его не очень высоким. То, что вы получаете сейчас, намного больше добываемого раньше, и чертовски больше, чем совсем ничего. Подумайте об этом.

— Понимаю. И на чем вы основывали свои расчеты?

— Чистые догадки, больше ничего. Я предположил, что примерно трехкратное превышение предыдущего среднего уровня добычи в месяц должно удовлетворить

любого, кто не слишком жаден, и что больший уровень станет заметным и наделает много шума, который нам совсем ни к чему.

— Вы превысили свои полномочия... и нарушили субординацию... но меня не удивило бы, если б вы оказались правы. Однако существует мощное давление, связанное с требованием роста производства.

— Мне это знакомо. Давление, будь оно проклято! Ну, дело ваше... Только не забывайте о моем дорогом кузене Вирджиле и его парнях... например — о Родерике Киннисоне.

— Благодарю за совет. А теперь перейдем к предполагаемому повышению. Вы, конечно, в общих чертах знакомы с нашим предприятием в Северном Порту.

— Я вряд ли могу похвастать знаниями по части очистки урана. И у меня не очень высокая квалификация, чтобы стать хорошим заводским администратором.

— Это не столь уж необходимо; твердый характер важнее. Мы подумываем о том, чтобы сделать вас главой некой новой отрасли, известной сейчас как отдел Q. Но к урану и вообще к производству вы будете иметь косвенное отношение.

— Секретное подразделение? И какие же обязанности будут у меня? Чем реально придется заниматься?

Две пары холодных непроницаемых глаз уставились друг на друга.

— Вы не будете сильно удивлены, если узнаете, что в Северный Порт доставляется иногда кое-что, отличное от урана?

— Нет, не слишком, — сухо ответил Олмстед. — И что мне делать с этой штукой?

— Сейчас мы не будем это обсуждать. Я предлагаю вам пост главы отдела.

— Я его принимаю.

— Отлично. Я отвезу вас в Северный Порт, и по дороге мы продолжим нашу беседу.

* * *

В защищенном от следящих лучей салоне на борту принадлежащего «Перевозкам» стратоплана, разговор возобновился.

— Могу я задать вопрос, мистер Изаксон? Сколько предшественников было у меня на предполагаемом посту,

и что с ними случилось? Попали в лапы Патруля?

— Двое. Оба умерли, но мы не смогли найти доказательств, что сброд Сэммза хоть что-то подозревает. Отдел Q — отличное прикрытие, но и там эти парни явно не справлялись с работой, не могли держать в руках персонал. У одного появились странные идеи, другой не выдержал напряжения... Если у вас странных идей не возникнет, и вы останетесь живы, то сделаете большой — очень большой! — шаг наверх.

— Коли со мной произойдет что-то подобное, я буду сильно удивлен, — на лице Олмстеда заиграла уверенная улыбка.

— Я тоже, — согласился Изаксон. Он понял этот человек был жестким и непреклонным. Ему давалось справиться с Геркаймером, а тот совсем не относился к числу мягкотелых. При мысли о секретаре Моргана, так недавно и так загадочно пропавшем, Изаксон потерял на секунду нить разговора. Что является подоплекой этого дела — Линза или женщина? Или и то, и другое? Если бы он был на месте Моргана... Но он был на своем месте и имел достаточно собственных проблем. Изаксон бросил косой взгляд на непроницаемую физиономию Олмстеда и понял, что не ошибся в своем решении.

— Итак, я предполагаю, что должен стать главным связником в первичной цепи доставки. Каковы же приемы этого дела?

— Вы начнете интересоваться рыбной ловлей. Наверно, привычное занятие?

— Можно сказать и так.

— Вскоре каждый уик-энд вы будете иметь удовольствие совершенствоваться в любимом спорте на каком-нибудь озере... на том или ином — их, слава богу, хватает. Вы возьмете с собой удочки, наживку, крючки... что там еще?.. да, коробку с ленчем. Когда вы перекусите, швырнете ее за борт.

— И это все?

— Это все.

— Коробка будет несколько необычной?

— Возможно. Это не мое дело... в конце концов, я всего лишь администратор... — Изаксон помолчал. — Ну, а насчет прочей работы... если вы будете держать спецов в руках, и они выдадут что-нибудь интересное, считайте, ваш оклад удвоился.

— Заманчиво звучит! Не могу представить, почему бы мне это не удалось!

Разговор продолжался до самого приземления. Затем Изаксон представил новоиспеченного руководителя Исследовательского отдела управляющему заводом Рэнду, который, в свою очередь, представил новое научное начальство нескольким ведущим инженерам и эффектной рыжеволосой красавице-секретарше.

* * *

С самого начала было ясно, что Исследовательским отделом руководить совсем не просто. Главные специалисты вели себя вызывающе, среднее звено — замкнуто, младший персонал был не только замкнут, но и напуган. Все, и мужчины и женщины, ожидали воплощения в жизнь древней пословицы — «новая метла по новому метет», причем в третий раз за последние пару месяцев. Они были весьма удивлены, когда новый начальник ничего не предпринял за две недели работы; он только читал отчеты и знакомился со своим отделом.

— Как тебе новый босс, Мэй? — спросила рыжеволосую красотку другая секретарша во время перерыва на обед.

— Ну... он не очень плох... мне кажется, — тон Мэй был довольно сдержанным. — Но знаешь что, Молли? — рыжеволосая неожиданно хихикнула. — Он получает кучу денег... Хотела бы я знать, что он с ними делает!

— Ты скоро выяснишь, дорогая, не сомневаюсь, — тон Молли придавал этим словам оттенок, слегка отличающийся от их прямого смысла.

— Я собираюсь сделать это, Молли, действительно собираюсь, — замечание Мэй тоже было весьма многозначительным. — Доктор Олмстед такой привлекательный мужчина!

Время шло. Джордж Олмстед изучал отчеты, доклады и пояснительные записки. Прочитав очередную, он вернулся к началу, перечитал и нахмурился. Затем тщательно сравнил отчет с другим, и вскоре послал рыжеволосую Мэй поискать еще один, который он просматривал неделю назад. Взяв все материалы домой на вечер, утром он нажал сразу на три кнопки. Три инженера явились на его вызов.

— Доброе утро, доктор Олмстед.

— Доброе утро, ребята. Я не очень разобрался в теоретических положениях ваших экспериментов, но если вы объедините это, это и это, — он показал на жирно отчеркнутые карандашом разделы трех документов, — то сможете разработать процесс, который в три раза ускорил бы процедуры окончательной сепарации и очистки.

Они колебались; каждый знал только свое дело и не совал нос в тарелку соседа.

— Итак, вот ваша основная задача прямо с этого момента. Объедините свои исследования, и посмотрим, что получится. Затем приходите ко мне снова.

— Слушаемся, сэр! — и уже через несколько дней они вернулись.

— Работает?

— Теоретически — да, сэр, и в лабораторном масштабе это подтверждается... — Все трое были еще более скованными, чем раньше. Не в первый и не в последний раз подтверждалось, что руководитель может понять значение работы, которую сам не в состоянии сделать.

— Отлично. Мисс Рид, соедините меня с Рэндом... Рэнд? Это Олмстед. Трое моих ребят только что дали идею, которая может превратиться для нас в несколько миллионов кредитов в год... Я? Нет, черт возьми, при чем здесь я? Поговорите с ними сами. Я не в состоянии понять и трети... Дайте им первый приоритет на опытном заводе, и приступим к практической проверке... Да, посылаю их к вам, — он повернулся к совершенно ошеломленной троице. — Сообщите вашу информацию Рэнду — немедленно! Покажите ему, что у вас уже есть, затем свяжитесь с опытным производством.

Немного позже Мэй и Молли встретились в туалетной комнате.

— Оказывается, твой новый босс — рыбак! — тихонько засмеялась Молли. — Говорят, что он заплатил две сотни кредитов за катушку для спиннинга! Вот куда идут его денежки... и за что он их только получает! Первый бездельник на заводе...

— Тот, кто так говорит — грязный и подлый лжец! — вспыхнула рыжеволосая, не осознавая, насколько изменилось ее отношение к шефу. — Он приносит больше пользы, спокойно сидя в своем кресле, чем любой другой начальник, который суетится и бегаёт сломя голову — вот так!

Джордж Олмстед действительно получал свою зарплату не зря.

Его положение еще более укрепилось, когда через несколько дней после описываемых событий дрожь возбуждения прошла через весь Исследовательский отдел.

— Выше головы, ребята! Мистер Изаксон — лично! — прибывает сюда. Зачем, спрашиваете? Думаете, что он собирается убрать отсюда Старика?

Изаксон прибыл. И прошелся по всему отделу. Тщательно обследовав все, он понял, что действительно не ошибся.

Олмстед привел босса в свой кабинет и щелкнул клавишей системы безопасности — которая, как считалось, на сто процентов гарантировала защиту от любых видов наблюдения, подслушивания и вторжения. Впрочем, она была бессильной перед тем видом связи, который использовали ленсмены.

— Хорошая работа, Джордж! Чертовски хорошая! Я даже собираюсь снять вас с этого отдела Q и сделать директором нового завода на Вега. Есть ли у вас на примере человек, который мог бы занять ваше место?

— В отделе Q? Нет. — Хотя Олмстед не показал этого, он был разочарован, услышав слово «Вега». Он стремился значительно дальше — на секретную базу, где команда Моргана строила свои корабли. Возможно, у него еще было время, чтобы заработать перевод именно туда.

— Что ж, у меня есть сейчас одна хорошая кандидатура на ваше место... знакомы с Джонсом? Для Веги он слабоват, а здесь вполне справится. Тем более, что вы отлично подтянули отдел.

— В таком случае, я готов отчаливать. Если вы дадите мне две-три недели, чтобы приглядеть за разработкой нового процесса сепарации...

— Три недели, так три недели. Кстати, сегодня у нас пятница. У вас нет желания порыбачить в этот уик-энд?

— С удовольствием. И куда я отправлюсь?

— Озеро Чеснук, дорога двести семьдесят три. Дикая местность, да и гостиница оставляет желать лучшего, но рыбалка превосходная.

— Превосходно! Я предпочитаю ловить рыбу в самых глухих местах.

— Останетесь довольны. Кстати, у Джонса есть для вас кое-что вкусенькое. Загляните к нему мимоходом.

— Непременно.

Через полчаса после того, как босс отбыл, Олмстед вызвал свою секретаршу.

— Мисс Рид, пожалуйста, спуститесь в кафетерий и принесите мне коробку с ленчем, сэндвичи и термос с кофе. Все, что подходит для промокшего и голодного рыбака.

— Слушаюсь, сэр! — в голосе рыжеволосой секретарши слышалась гордость. Ее шеф стал первым человеком на всем заводе!

С коробкой в руке, нагруженный удочками, сачками и другими рыболовными принадлежностями, Олмстед веселой походкой направился в кабинет помощника управляющего Джонса. Он был не очень удивлен, увидев на столе в кабинете точно такую же коробку для ленча, как его собственная. Он поставил свою рядом.

— Привет, Олмстед, — едва заметной вариацией голоса один ленсмен приветствовал другого. — Отчаливаешь сегодня пораньше?

— Да. И до понедельника меня не будет.

— Куда же?

— Озеро Чеснук. Отличное местечко, как говорят. Джонс улыбнулся.

— Желаю удачи. И хорошего улова!

— До встречи! — Олмстед направился к двери, подхватил по дороге со стола чужую коробку.

Он вышел на улицу и забросил коробку на заднее сиденье своего глайдера так небрежно, словно в ней был зубной порошок, а не титанит на несколько миллионов кредитов. Была уже вторая половина дня, и движение на дороге оказалось довольно напряженным. Северный Порт не относился к числу больших городов и не имел скоростных магистралей с многоуровневыми транспортными развязками. Впрочем, Олмстед не спешил. Не торопясь, он вел по улицам свою сверкающую новенькую машину, направляясь к северной границе, где начиналось загородное шоссе. Выбравшись на него, он вывел глайдер на девятиностомильную полосу и слился с потоком автомобилей.

Его охватило странное чувство. Казалось, машины оставались неподвижными, а дорожное полотно стремительно проносилось под ними. На шоссе не было ни перекрестков, ни ответвлений, ни крутых поворотов, и только изредка, на плавных затяжных изгибах, глайдер

немного смещался по полосе, синхронно со своими соседями.

Вечер был безоблачным и светлым, совсем не жарким, но и не слишком холодным. Олмстед наслаждался спокойной ездой и прибыл к нужному ему повороту в предусмотренное им время. Покинув ровное и идеально гладкое шоссе, он резко сбросил скорость — даже его мощная машина не могла двигаться по узкой и тряской дороге, ведущей к озеру Чеснук, достаточно быстро.

Как Олмстед и рассчитывал, в сумерки он добрался до места и расположился в зарезервированном для него номере ветхой старой гостиницы. Припарковав машину, он улегся спать, а на зорьке легко поднялся и отправился на рыбалку — эта часть поездки доставляла ему настоящее удовольствие. Он знал свое дело, а рыба в озере Чеснук действительно водилась.

В час он поел, затем совершенно открыто швырнул «пустую» коробку в воду; Олмстед был не из тех людей, который тащат домой всякий мусор. Весь день он увлеченно рыбачил, не чувствуя утомления, и когда солнце начало клониться к закату, смотал удочки и направился к пристани.

Коробка пока что не подавала никаких признаков жизни и не посылала сигналов, — так проинформировал его Нортроп; но это наверняка произойдет, и они будут готовы. Всю местность уже наводнили агенты Патруля.

Джордж Олмстед, устало и блаженно вздохнув, вылез из лодки и, собрав рыбу — вместе со своим снаряжением, направился к гостинице.

Глава 17

БОРЬБА

В сорока тысячах миль от центра Земли крейсер «Чикаго» неторопливо двигался по дуге со скоростью около десяти тысяч миль в час. Скорость эта совсем не была случайной, так позволяла кораблю оставаться практически неподвижным относительно некой точки земной поверхности. И совсем не случайно на борту находился Первый Ленсмен Вирджил Сэммс вместе с адмиралом Родериком К. Киннисоном. Около дюжины других судов — легкие крейсера и разведчики — бесцель-

но висели неподалеку либо совершали медленные круги около флага. Офицеры-навигаторы, связисты и локационные посты этих кораблей совершенно точно знали местоположение и курс каждого судна, находящегося в пространстве на законных основаниях; и если бы сейчас в ближнем космосе появился непредусмотренный расписанием метеорит, это запустило бы целый ряд тщательно спланированных действий.

Под этим «зонтиком» находилось несколько небольших судов, оборудованных радаром и оптическими инверторами; вся эта техника, позволявшая разглядеть десятицентовую монету с расстояния в тысячу миль, была нацелена вниз, на Землю.

Еще ниже, на границе стратосферы, не очень далеко от линии, соединяющей «Чикаго» и центр Земли, величественно плыла космическая яхта. На этом судне пребывал не один ленсмен, и не два, а сразу восемь, и почти все они не отрывали глаз от обзорных экранов. Они наблюдали за небольшим контейнером в виде коробки для ленча; этот внешне безобидный предмет спокойно лежал на дне озера, тихого и уютного, находившегося точно в тридцати милях под яхтой.

«Пока никаких сигналов? — спросил Родерик Киннисон. — Ни движения, никаких признаков активности?»

«Ничего», — коротко ответил Лиман Кливленд; глаза молодого ленсмана не отрывались от экрана.

Коробка не двигалась, и пока к ней никто не приближался.

«Никаких изменений, мистер Киннисон, — подтвердил доктор Фредерик Родебуш через свою Линзу. — Шестеро наших следят за экранами, сменяясь каждые десять минут.»

Однако вскоре наблюдение дало кое-какие результаты.

«Прошу внимания, — объявил Дал-Налтел, вылив на себя несколько пинт воды. — Вполне естественно — для венерианина, конечно, — находиться на поверхности — или под ней — любого водного пространства, до которого он сумеет добраться. Я сам получил бы огромное удовольствие, погрузившись в это озеро. Так вот, один наш знакомый венерианин, Осмен, часто посещает именно этот водоем и именно в это время.»

«Что?!» — вырвалось разом у девяти ленсменов.

«Совершенно точно. Он и сейчас здесь. В лодке под желтым парусом.»

«Но как он собирается искать посылку? Вы можете разглядеть какие-нибудь поисковые приспособления?» — спросил Сэммз.

«Они ему не нужны, — сообщил Дал-Налтел. — Если закопать коробку в ил, ее не заметит ни один житель Земли. Но венерианин почует запах с другого конца озера.»

«Правильно. Я об этом не подумал! Контейнер невелик; вряд ли в нем есть передатчик или радиомаяк.»

«Возможно. Но наблюдение не прекращать! — приказал Киннисон. Направьте один монитор на Осмена и осмотрите прочие лодки. — Он повернулся к Сэммзу. — У этого типа нет никакого оборудования, Вирджил... чист, как новобрачная! Не пользуется даже следящим лучом!»

С яхты подтвердили это заключение. Вывод был очевиден — в данном случае их противники полагались не на механические и электронные устройства, а на собственные способности.

Лодка с желтым парусом, подгоняемая слабым ветерком, неторопливо двигалась в ярком потоке солнечных лучей. Осмен, не заботясь о том, куда отнесет его суденышко, сидел на корме, свесив за борт ноги с перепончатыми ступнями. Наконец, он нырнул в воду — без всплеска и брызг, так, как это может сделать только житель Венеры или опытный моряк.

«Я думаю, он мог припрятать кое-что, — задумчиво заметил Джек Киннисон, наблюдая на экране за скользившим под водой телом. — Венерианин способен проглотить все, что уступает размерами кухонному комбайну, и в животе у Осмена может располагаться целый аналитический блок. Никто еще не пытался просветить нашего приятеля ультраволнами?»

«Нет, мы его не тревожили», — Родебуш покачал головой.

«И не надо. Лучше следить за ним только визуально, в оптике.»

Ленсмены продолжали ждать, наблюдая за хаотическими перемещениями Осмена. Казалось, он просто наслаждается, попав в родную стихию, однако в конце концов венерианин очутился как раз в том месте, к которому было приковано немало любопытных глаз. Он взглянул на коробку для ленча столь же равнодушно, как и на другой зарывшийся в ил мусор; затем проплыл

над ней — так небрежно, что лишь ультракамеры смогли уловить, что он действительно делал.

«Коробка на месте, — заметил кто-то из наблюдателей, — но пакет в ней уже отсутствует.»

«Так! — воскликнул Киннисон. — Видите, где он?»

«Нет, сэр,» — Родебуш и Кливленд ответили почти одновременно.

«Десять к одному, что мы не заметим ничего, — передал Джек. — Осмен его просто проглотил. — Помолчав, Киннисон-младший добавил: — Удивительно, что он не проглотил всю коробку целиком.»

«Пакета не видно. Наверное, Джек прав — он проглотил его,» — Кливленд осторожно вращал верньеры локатора.

«Лиман, Фред, проверьте это!»

«Сейчас, сэр... Он вернулся в лодку, и теперь мы осматриваем его... Нет, снаружи — ничего!»

«Значит, он не собирается сплавить посылку кому-нибудь в толпе. Что ж, подключим наземные силы. Выследить его не составит труда.»

Суда наблюдения были отозваны, «Чикаго» и остальные военные корабли вернулись на свои базы. Космическая яхта исчезла, канув без следа в непроницаемый космический мрак. С другой стороны, резко возросла активность в леске, окружавшем озера. Туристы сворачивали свои палаточные лагеря, любители пикников на свежем воздухе приканчивали остатки провизии, и многочисленные молодые люди, которые весело резвились на берегу, собрав мячи, ракетки и прочий спортивный инвентарь, направились к ближайшим тропинкам.

Киннисон, однако, ошибался, когда говорил, что остальная часть предприятия не вызовет затруднений. Это работа оказалась не совсем обычной, ибо ее пришлось делать с величайшей осторожностью, не возбуждая даже самых незначительных подозрений. Сэммзу нужны были факты — ясные, надежные, веские факты. Такие очевидные, чтобы любой, кому пришлось бы с ними ознакомиться, не испытывал ни малейших сомнений.

Вот почему Осмен, почтенный коммерсант с Венеры, ни на секунду больше не оставался один. От озера до гостиницы, от гостиницы до автомобиля, вдоль всего пути в Нью-Йорк за ним следили внимательные глаза. Наконец, венерианин достиг цели своего путешествия, которая была превосходно защищена от следящих лучей и ультраволн; это случилось поздним вечером

в воскресенье. Он вошел внутрь здания, ненадолго задержался там, и вышел обратно. Теперь он действительно был чист, как новобрачная; пакет с наркотиком исчез.

Но ненадолго!

В понедельник утром к зданию потянулась тоненькая струйка людей — оптовых торговцев. Никто из ленсменов раньше не видел этих типов, предпочитавших полную неизвестность. Они были весьма опытными агентами, но теперь каждое их движение фиксировалось крохотными, но чрезвычайно мощными камерами, способными разглядеть волос с расстояния пятисот футов.

Итак, оптовые торговцы были прослежены, и все их сделки с представителями розничной распродажи попали на пленку. Эти — мелкая рыбешка — не отличались сообразительностью, а их клиенты — тем более. Ни у кого не было ни экранов, ни детекторов, ни другой аппаратуры, и их дальнейшие действия тоже пополнили досье Патруля. Непосредственных потребителей зелья можно было наблюдать от момента его покупки до использования — тем более, что данный промежуток времени оказался не слишком велик. Выглядело это ужасно. Стремительный рывок в какое-нибудь уединенное место, судороги экстаза, а затем — страшное пробуждение или мучительная смерть.

Все попало на пленку, хотя фиксировать подобные вещи было нелегко — многие наблюдатели не выдерживали психологической нагрузки и их приходилось заменять. Но Вирджилл Сэммс нуждался в реальных, конкретных, очевидных и неопровержимых доказательствах — и он получил их. Любой суд присяжных, после ознакомления с этими жуткими фильмами, вынес бы единодушный вердикт.

* * *

— Ну, как вы полагаете, этого хватит, чтобы покончить дело с тионитом? — спросил Киннисон. — У наших адвокатов еще остается достаточно времени, чтобы привести материалы в порядок и подготовить их для судебного разбирательства.

— И да, и нет, — нахмурился Сэммс. — Доказательства — полнейшие, прослежена вся цепочка — от момента добычи продукта до конечного потребителя... Однако, по самым оптимистическим прогнозам, нужны годы, чтобы посадить истинных виновников на скамью подсудимых.

— Коррупция?

Первый Ленсмен невесело кивнул головой.

— Естественно. Торговля наркотиками только малая часть зла. Мы же собираемся нанести удар по всему сразу — убийства, похищения, взяточничество, злоупотребления властью...

— Я знаю об этом. Так в чем же проблема?

— В практическом осуществлении правосудия. Если президент, более половины членов конгресса, большинство судей и практически все партийные боссы континента одновременно окажутся под следствием, с точки зрения закона это эквивалентно катастрофе. Таких прецедентов еще не было.

— Черт бы побрал все эти прецеденты! Они виновны, и все это знают. Мы изменим законы так, чтобы...

— Мы ничего не изменим! — резко перебил его Сэммз. — Мы должны иметь правительство, подчиняющееся закону, а не людям. У нас и так уже слишком много беззакония! Так что, Род, главное в этом деле — не скорость, а законность.

— О благородный рыцарь Вирджил Сэммз! — Киннисон вскинул вверх руки. — Я сдаюсь! И давайте-ка снова вернемся на грешную землю. На сегодняшний день операция «Звильник» завершена, «Матис» и наша предвыборная кампания развиваются нормально, «Забриск» — тоже... Но «Боском» — «Боском» меня серьезно беспокоит.

Первый Ленсмен не ответил. Проблема военного противостояния была наиболее острой, и они оба это отлично понимали. И если даже Родерик Киннисон займет президентское кресло, ситуация не изменится: Черный Флот по-прежнему будет нависать вечной угрозой над Землей, над Трипланетной Лигой, над Патрулем.

— Возможно, стоит созвать по этому поводу заседание Совета? — в конце концов спросил Киннисон. — Или хотя бы посоветоваться с Бергенхольмом. Вдруг его посетит очередное озарение?

— Я обсуждал проблему с каждым — как сейчас с вами. Никто не смог предложить ничего конструктивного, кроме скорейшей реализации проекта «Беннет», чем вы и так заняты. Общее мнение таково: враг знает о наших военных успехах ровно столько же, сколько мы — о его достижениях. То есть — ничего.

— Кое о чем они могут догадываться, — задумчиво произнес Киннисон. — Они не глупы и понимают, что

после урока, преподанного в схватке над Холмом, мы постараемся создать собственный флот.

— Да. И что меня тревожит больше всего. — они побеспокоились на сей счет раньше нас.

— Дело не во времени, — заявил адмирал. — Мы можем построить больше кораблей и одержать верх.

— Не будьте излишне оптимистичны, Род! Вы ведь не станете отрицать, что умных голов, знаний и ресурсов у них, возможно, не меньше, чем у нас.

— Не собираюсь с этим спорить, — Киннисон упорно не желал сдавать позиции. — Моральное состояние, мой друг — вот что важно! Опытный персонал, а также количество, тоннаж и вооружение судов имеют существенное значение, но все войны в истории выигрывались в первую очередь за счет мужества и силы духа. А в этом отношении им с нами не потягаться.

— Да? — вопрос был коротким, но содержал в себе очень многое.

— Да! Именно это я и имею в виду — да! Из того, что мы знаем об их системе следует, что они просто не могут иметь высокий моральный дух! А посему, все, что они могут сделать, мы сделаем лучше. Вы никогда не были на Беннете, Вирджил, хотя, я много раз просил вас об этом. Выделите время и отправимся туда — прямо сейчас. Поверьте, вы не почувствуете себя там чужим!

Возможно... Что ж, я готов.

* * *

Адмирал и Первый Ленсмен отправились на Беннет, но не на борту «Чикаго» или другого супердредноута, а на двухместном разведывательном судне. Было необходимо соблюдать строжайшую тайну, и путешествие на эту планету пока оставалось односторонним для всех, кроме ленсменов. Только ленсмены могли покидать Беннет — при любых обстоятельствах и по любым причинам. С Беннетом не поддерживалась почтовая связь, сюда не заходили пассажирские и грузовые суда; даже военные корабли Трипланетарного Флота прокладывали свои трассы в стороне от этой системы.

— Мы обнаружили уникальный мир, — заметил Киннисон. — Нечто такое, о чем даже наши великие философы Бергенхольм и Руларион и помыслить не могли. А это, мой друг, совсем немало.

— В чем же вы видите уникальность — если не считать того, что планета практически изолирована от межгалактических трасс?

— Ну, видите ли, никто из местных не подозревал, что они не являются единственной формой разумной жизни во Вселенной. У них даже не существовала концепция границ планеты; в их распоряжении находилось все космическое пространство — так они считали. Затем появились мы. Цивилизация Беннета испытала изрядное потрясение! Но они справились и быстро сообразили, что нам — по пути. Одним словом, они приняли верное решение.

— И какое же?

— Увидите, Вирджил, когда мы совершим посадку.

Но Сэммз был сообразительным человеком, и еще до того, как корабль приземлился, все понял. Он увидел одни и те же многократно повторяющиеся символы — на самолетах, привязанных аэростатах, пароходах, крышах и стенах зданий, на скалах и даже просто на почве.

— Двадцатый день месяца Харрес, — перевел Сэммз и нахмурился. — Случайно ли эта дата совпадает с земным четырнадцатым ноября текущего года?

— Смышленный парень! — Киннисон в полном восторге захлопал в ладоши. — Я знал, что вы догадаетесь! Да — день выборов!

— Вот как... Следовательно, они знают, что происходит?

— Еще бы! Они понимают, что мы можем выиграть — или проиграть. Они называют эту дату Днем Освобождения, и вся планета трудится ради него. Да, Вирджил, они работают по-настоящему, и каждый раз, приезжая сюда, я испытываю огромное напряжение — и радость.

— Кажется, я могу вас понять, — тихо произнес Сэммз.

Беннет являлся полным подобием Земли — по массе, составу атмосферы и климату; его население было человекообразным, особо не отличаясь от землян ни физически, ни умственно. Но Первый Ленсмен, путешествуя по этому миру вместе со своим другом, убедился, что борется, развивается и идет вперед с усердием и верой, неизвестными на Земле со времен крестоносцев. Самые опытные и умелые психологи Патруля проделали здесь великолепную работу, разъяснив обитателям Беннета истинное положение вещей.

Беннет знал, что призван стать арсеналом и военной базой Лиги — и гордился этим. Его заводы работали так, как никогда раньше; каждый житель трудился изо всех сил. Беннет был усеян астропортами; в них стояло огромное количество военных кораблей, и к ним каждый день присоединялись все новые и новые суда. Считалось делом чести участвовать в их строительстве и помогать пришельцам с далекой Земли, которых тут было немало.

Сэммз не спрашивал, как очутились на Беннете все эти молодые люди — он знал это. Они собрались со всех планет Лиги, привлеченные обещанием хорошей работы и высокой оплаты. Таких объявлений, вербующих молодежь в новые миры, было сотни тысяч, миллионы. Их давали крупные фирмы, в том числе — МКП и «Уран Инкорпорейтед»; но большинство принадлежало Патрулю, и самые талантливые парни и девушки попадали именно туда, куда надо — на Беннет.

— Кажется, вы говорили, Род, что пока никто из местных не избран ленсменом? — спросил Сэммз после одной из встреч, проходившей с потрясающим воодушевлением. — Странно. Энтузиазма у них хватит на два Патруля.

— Да, пока никого по-настоящему достойного... Но подрастает молодое поколение, и среди них, я уверен, мы найдем не одного подходящего кандидата.

Ознакомительная поездка завершилась, и оба ленсмена стартовали к Земле.

— Ну, мой дорогой скептик, что вы теперь скажете насчет морального духа? — спросил Киннисон, как только захлопнулся люк их кораблика. — Разве я был неправ?

— Возможно, ваш оптимизм оправдан... Никогда не видел ничего подобного! Они просто рвутся в бой!

— И мы обязаны оправдать их надежды. А посему — не пора ли заняться разработкой плана предвыборной компании? Я думаю, начать надо с того...

* * *

Следующие недели выдались жаркими. Киннисон, проявив незаурядный ораторский талант, произнес два десятка речей, на которые Морган и его команда ответили не меньшим количеством. Галактический Совет и Патруль обвинялись во всех смертных грехах, главный

из которых состоял в посприии устоев демократии и свободы. Клика Моргана пыталась представить ленсменов то злыми колдунами, одержимыми жаждой власти, то гипнотизерами, бесцеремонно проникающими в чужой разум, то бандой предателей, стакнувшихся с инопланетными монстрами, возжелавшими овладеть самым богатым из континентов Земли.

Киннисон отбивался, Сэммз копил факты. И, наконец, грянул день, когда по всем видеоканалам планеты прозвучало выступление Первого Ленсмена; операция «Звильник» пришла к логическому завершению. Глава Патруля обнародовал далеко не все, но то, что он сказал, не нуждалось в комментариях — эти материалы были неопровержимы.

Ошеломленный мир молчал. Молчали и враги, но Вирджил Сэммз знал, что скоро он получит ответ.

Глава 18

БИТВА

Пребывая в звании commodore, Клайтон из Северной Америки и Швайнерт из Европы оставались довольно близко к родной планете. Однако с образованием Галактического Патруля и производством их в адмиралы, со времени, когда они оба получили Линзы, радиус их сферы деятельности многократно увеличился. Одного или другого из них всегда можно было обнаружить в штаб-квартире Большого Флота в астропорте Нью-Йорка, но вместе они там бывали исключительно редко. Первый галактический сектор включал все солнечные системы и все планеты, верные Лиге, и адмиралы могли находиться где угодно.

Чаще всего они посещали Беннет, руководя учениями Большого Флота, проводя занятия по тактике и стратегии и другим общим дисциплинам. Это была трудная работа, и не слишком вдохновляющая, но она давала результат. Они узнавали своих людей, и люди знакомились с ними; так вырабатывалось одно из главных условий успеха — доверие к командирам.

Клайтон и Швайнерт сумели его заслужить. И когда, следуя заранее составленному графику, оба адмирала прибыли на Беннет вместе, их приветствовали с таким

воодушевлением, словно эта встреча стала всепланетным праздником. Наконец, Клайтон отдал приказ, которого весь Беннет ждал так долго и так терпеливо. Жителям планеты было разрешено покидать ее!

Отряд за отрядом, одно подразделение за другим, части Большого Флота Галактического Патруля стартовали с Беннета. Они собирались вместе в космосе. Маневрируя, они образовали плотный строй, затем устремились в сторону Солнца. Когда чудовищная армада приблизилась к Солнечной системе, в нее влились остальные корабли Патруля — те, о которых Морган и его сторонники уже знали; и каждый из них занял свое, давно предназначенное ему место.

Ко дню последнего выступления Сэммза, Большой Флот уже расположился вблизи Земли. Сразу после того, как передача закончилась и миллионы ошеломленных зрителей застыли у своих приемников, Вирджил Сэммз и Родерик Киннисон покинули Холм. Вскоре оба руководителя Патруля были под надежной защитой своих кораблей: Первый Ленсмен — на «Бойзе», адмирал — на борту «Чикаго», своего флагмана.

Хотя ни Сэммз, ни Киннисон не занимались персонально Беннетом, их знали все — и всем было известно, что они находятся здесь, готовые разделить судьбу своих соратников: если Большой Флот одержит победу, они будут жить, если потерпит поражение — умрут; в пространстве или на Земле — уже было не важным. Их присутствие подняло боевой дух людей; вожди оставались с ними, в том же боевом цилиндре огромной армады.

В боевом цилиндре? Да. Новая стратегия Патруля базировалась на том, что неприятель будет атаковать, построившись традиционным конусом. Потребовались месяцы расчетов и многочисленные военные игры, чтобы найти оптимум. Цилиндрическое построение оказалось наиболее эффективным, и сейчас Флот готовился провернуть это в бою.

* * *

Киннисон сидел в рубке «Чикаго», связанный невидимыми ментальными нитями с десятками ленсменов на других кораблях.

«Ну, Вирджил, долго ли нам ждать? Как вы думаете? Будут тянуть время или ударят быстро?»

«Быстро, — без тени сомнения ответил Сэммз. — Так быстро, как только смогут — по двум причинам. Они не знают нашей реальной мощи и, без сомнения, верят, что создали более эффективный и сильный флот. И второе. Наш открытый вызов заставит их действовать, так как для них значительно важнее, чем для нас, сохранить свое лицо. Они ударят стремительно — и изо всех сил.»

Большой Флот начал маневрировать, но уже через сутки раздались сигналы тревоги. Враг был обнаружен; он приближался со стороны северного полюса Галактики. Застучали принтера и телетайпы, выплевывая приказы и короткие строчки цифр; сотни и тысячи кораблей двинулись на предписанные им позиции.

Угрюмо усмехаясь, Киннисон следил за вражеским конусом, выраставшем на следящих экранах. Он был большим и плотным; прежние силы Галактического Патруля в схватке с ним имели бы шансов не больше, чем снежок, брошенный в преисподнюю. Но теперь — теперь на адское пламя надвигались все ледники Земли!

Флот Патруля, выстроенный в двойной цилиндр, в единую конструкцию, такую же прочную, как опоры моста, рванулся вперед на максимальной скорости.

За годы насилия и непрерывных кровавых столкновений мощность наступательного оружия постепенно увеличивалась; средства обороны тоже не отставали. Но одно фундаментальное обстоятельство не изменилось за века, оставаясь бесспорным и сейчас. Три боевые машины всегда победят одну равной с ними мощности; две могут сделать то же самое — несколько медленнее. Тем не менее, стратеги всех времен и народов придумывали средства и тактические приемы, чтобы и при численном превосходстве над противником достичь победы с минимумом потерь.

Гигантская армада Патруля метнулась вперед вдоль оси боевого конуса Черных, прямо в раскрытую пасть, изрыгающую языки пламени, вдоль смертоносной линии — к самой вершине построения врага. Большой Флот не сделал ни выстрела, ибо основания и оболочка цилиндра выполняли чисто оборонительные функции. Составляющие их корабли, расположенные так близко друг к другу, что их барьерные поля почти соприкасались, были просто огромным экраном. Внутренний слой цилиндра состоял из дредноутов; их требовалось

защитить со всех сторон, но зато какой огонь они могли вести!

Передние и задние края образования — вход и выход гигантской трубы — могли не выдержать массивного удара противника, и это обстоятельство доставляло страгегам Патруля немалое беспокойство. Вот почему первые десять и последние шесть колец цилиндра были собраны из особых кораблей. Экраны помех — и ничего больше; автоматы, управляемые дистанционно, на борту которых не имелось ни одной живой души. Если бы потери Флота составили восемь двойных колец за первые три-четыре секунды атаки — теоретические расчеты предсказывали именно такой уровень, — Киннисон был бы вполне удовлетворен.

Защита выстояла. В долю секунды открытый конец цилиндра поглотил, словно засосав в трубу, всю вершину вражеского конуса, и безмолствовавшие до этого момента излучатели дредноутов принялись за работу. Каждый корабль внутреннего слоя имел две эммитерные батареи, одну — направленную внутрь, вторую — под углом к оси цилиндра. Таким образом, с какого направления судно Черных не вошло бы в цилиндр Патруля, оно попало в сокрушительный лучевой шквал. И соотношение мощностей было не два к одному; по энергетическому потенциалу Большой Флот превосходил врага на два порядка.

Под воздействием этих невообразимых потоков энергии защитные экраны поглощенных цилиндром кораблей вспыхнули всеми цветами радуги и тут же поблекли. Через несколько микросекунд бронеовые пластины корпусов, сделанных из самых прочных материалов, известных к тому времени, тоже оказались разрушенными. Теперь деструкционные лучи вгрызлись в ничем не прикрытый металл внутренней обшивки, пронизывая суда насквозь. Детонация атомных боеголовков в корабельных арсеналах увеличила и без того огромную температуру плазменного облака, в котором плавилась, испарялась, распадалась на атомы самые мощные дредноуты Черного Флота.

Цилиндр замер, и Киннисон с Клайтоном смогли оценить свои потери. Глубина поражения переднего основания составляла в среднем полдюжины двойных колец. Кое-где автоматы шестого кольца остались неповрежденными; в других местах, куда ударили сконцентрированные потоки лучей, бреши зияли и в седьмом кольце. Но лишь доля процента боевых судов вышла из строя —

там, где враг сумел прожечь внешний слой атакующего цилиндра.

При первом ударе Патрулю удалось уничтожить всего несколько сотен кораблей противника, но это означало победу. В вершине конуса группировались тяжелые суда, и здесь же находился флагман; скорее всего, командования Черного Флота больше не существовало.

Через несколько секунд стало ясно, что если кто-то из высших офицеров и остался в живых, он уже не мог эффективно управлять сражением. Некоторые вражеские корабли, полуразрушенные и разбитые, вышли из боя; другие пытались перестроиться и совершить отчаянную, бессмысленную атаку монолитного цилиндра Патруля. Нерешительность была очевидной и явно нарастала.

Большой Флот не собирался разворачивать свою чудовищную цилиндрическую машину уничтожения, что потребовало бы нескольких часов; в этом уже и не было необходимости. Теперь корабли Патруля рассыпались по всему пространству, уничтожая остатки армады Черных. К этому времени противник был настолько деморализован, что почти не оказывал сопротивления, и Флот не потерял больше ни одного судна.

* * *

«Не пора ли кончать, Род? — мысленно спросил Сэммз. — Прикажите Клайтону прекратить огонь, чтобы мы могли вступить в переговоры.»

«Переговоры, черт возьми! — в ответной мысли Кинисона явно сквозило раздражение. — Мы должны уничтожить их! Полностью и бесповоротно! К дьяволу переговоры!»

«Не надо превращать бой в бойню. Если вы не согласны со мной, соберем Совет, чтобы решить, кто из нас прав.»

«Не нужно. Вы правы — и это одна из причин, по которой Первым Ленсменом стали вы, а не я,» — и адмирал, все еще гневаясь, отдал необходимые распоряжения.

Суда Большого Флота неподвижно повисли в пространстве, операторы установили связь, и Вирджил Сэммз произнес вслух, используя язык, понятный всем, кто когда-нибудь находился в глубинах космоса:

— Соедините меня со старшим офицером противника.

На его экране появилось волевое, не слишком симпатичное лицо; на нем застыло выражение горькой безнадёжности — этот человек был готов к смерти.

— Вы победили! Так приходите и кончайте с нами!

— Боюсь, вы несколько дезинформированы в части наших целей и этических принципов. Кто из старших командиров остался в живых — кроме вас?

— Десяток вице-адмиралов, но команду флотом я. Они будут подчиняться моим приказам или умрут.

— Тем не менее, я хотел бы видеть их тоже. Выравнивайте скорость с нашей и поднимайтесь на борт моего корабля, все одиннадцать человек. Мы должны обсудить возможность установления прочного мира между нашими мирами.

— Мира?! Ха! К чему эта ложь? — выражение лица командующего Чёрным Флотом не изменилось. — Я знаю, кто вы, и что вы делаете с покорёнными расами. Мы предпочитаем быструю смерть под ударами ваших батарей мучениям в камерах пыток и исследовательских лабораториях. Приготовьтесь — я намерен атаковать вас и погибнуть!

— Повторяю ещё раз — вас дезинформировали, — голос Сэммза оставался холодным и спокойным. — Мы — цивилизованные люди, не варвары и не дикари. Разве тот факт, что мы прекратили огонь, ни о чём вам не говорит?

Впервые лицо незнакомца чуть изменилось, и Сэммз продолжил свое бескровное наступление.

— Думаю, что говорит. Теперь, если вы будете разговаривать со мной «разум к разуму»...

— Нет, никогда! — командир Чёрных поднял сжатый кулак. — Я не хочу иметь ничего общего с вашими проклятыми Линзами! Я знаю, что это такое!

Сэммз был терпелив.

— Хорошо, если вы настаиваете, мы продолжим говорить вслух. Повторяю ещё раз: я приглашаю вас ко мне на корабль вместе со всеми вице-адмиралами. Вас не просят сдаваться. Вы можете оставить личное оружие — если, разумеется, не станете делать попыток воспользоваться им. Придем мы к соглашению или нет — в любом случае, вам будет разрешено вернуться на свои суда.

— Что? Мы можем оставить оружие? И вернуться? Вы обещаете?

— Как Председатель Галактического Совета, в при-

сутствии высших командиров Галактического Патруля, я клянусь в этом.

— Мы придем к вам.

— Отлично. Здесь вместе со мной будет еще десять ленсменов.

«Бойз» остановился; вслед за ним в пространстве неподвижно повисли «Чикаго» и десять огромных дредноутов с Беннета. Адмирал Киннисон и девять других ленсменов присоединились к Сэмму в рубке «Бойза». Плотный строй кораблей Патруля встретил не менее плотный строй кораблей противника по всем правилам космического этикета.

Вскоре от кораблей Черного Флота почти одновременно оторвались одиннадцать быстроходных ботов. Одиннадцать адмиралов ступили на борт «Бойза» и были встречены с почестями, которые обычно оказывают высокопоставленным офицерам дружественных армий. Все они были вооружены чем-то, напоминавшим стандартный бластер Патруля — «левистон», модель семнадцать. Во главе делегации шел высокий седоватый человек, с которым беседовал Сэмм; он по-прежнему сохранял вызывающе-пренебрежительный вид, маскирующий отчаяние.

Прямо за ним шел сравнительно молодой человек, не столь возбужденный и агрессивный. Сэмм ментально коснулся его личности и был поражен. Этот вице-адмирал Черного Флота во всех отношениях казался достойным звания ленсмена!

«Что это? Ведь вы молчите... а, понимаю... Линза!» — мозг незнакомца несколько секунд находился в совершенном смятении; радость, страх и предчувствие чего-то необычного боролись в нем.

В следующую минуту, пока гости занимали свои места за столом переговоров, Вирджил Сэмм и Корандер с Петрина обменялись мыслями, для выражения которых потребовалось бы произнести вслух несколько тысяч слов. Вот некоторые из них:

«Линза! Я всегда мечтал о подобной вещи, без всякой надежды ее получить... Как же нас ввели в заблуждение! Значит, Линзы действительно рождаются в вашем мире, Сэмм с Земли?»

«Не совсем так — и доступны они не всем, — и Сэмм объяснил все, как объяснял это много раз прежде. — Вы можете получить одну из них значительно раньше, чем полагаете — надо только покончить с этой

войной. Практически все уцелевшие, как я вижу, уроженцы вашего мира, Петрина?»

«Мы все оттуда. «Учителя» были в вершине конуса. Многие остались на Петрине и соседних мирах, но из тех, кто пошел с флотом, никто не выжил.»

«Значит, Олансер, который взял на себя командование, тоже оттуда? Он слишком твердолоб, как мне кажется.»

«Олансер руководит нами только с нашего согласия и при данных исключительных обстоятельствах. Со своей флотилией я могу управиться без его помощи... Простите, кажется пора начинать.»

— Занимайте места, джентльмены, — Сэммз вежливо поклонился гостям и сел. — А теперь, вице-адмирал Олансер...

— Откуда вы знаете мое имя?

— Я вообще довольно хорошо информирован. Итак, мы предлагаем закончить эту бессмысленную войну. Поверьте, у нас нет и не было никаких дурных замыслов против вашей планеты, и мы не хотим ссор с вашим народом. Все, что говорили вам пришельцы — те, кого вы называете «Учителями» — ложь. А вот — правда, — Сэммз кивнул в сторону экранов с яркими точками кораблей. — Вы пришли с оружием в нашу звездную систему; мы только оборонялись.

— Теперь я понимаю, что мы действительно не ведали всей истины, — нехотя признал Олансер. — Нам говорили, что вы — чудовища... хищные, жадные, ненасытные, нетерпимы к другим разумным расам...

— Что ж, вы заплатили за правду дорогой ценой, — заметил Сэммз. — Теперь Петрин должен занять достойное место в галактическом содружестве свободных миров, покончивших с тиранией и деспотизмом. И чтобы закрепить наш союз, мы, ленсмены, советуем вам отправиться на Аризию.

— Аризия! — Олансеру эта мысль явно не понравилась.

— Именно туда, — подтвердил Сэммз. — В этом древнем и мудром мире некоторые из вас получают Линзы. Затем вы вернетесь на родную планету и решите, что делать с «учителями».

— Аризия! Линзы! — Олансер недоверчиво покачал головой. — Нам говорили, что Линзы разрушают разум... Нет, я не собираюсь посещать Аризия... мы даже не приблизимся к ней! Это окончательное решение.

— Боюсь, вы действуете опрометчиво, адмирал. А что скажут остальные? Вы, Корандер?

— Я поведу свою флотилию на Аризию, — спокойно заявил тот. — Олансер, с подчиненными ему кораблями, может отправляться куда угодно. Для меня он — не командир.

Лицо адмирала с Петрина налилось кровью. Внезапно он вскочил, выхватил свой бластер, но удар луча «левинстона» выбил оружие у него из рук.

— Вам позволили оставить при себе оружие, но не пользоваться им, — произнес Сэммз. — Мне не хотелось бы еще раз напоминать об этом. Итак, — он окинул взглядом недавних противников, — кто из вас согласен с Корандером, и кто поддерживает Олансера? Решайте.

Все девять вице-адмиралов пожелали отправиться к Аризии.

— Отлично! Олансер, вам остается либо признать командиром Корандера, либо немедленно покинуть нас и увести свою флотилию на Петрин. Что вы предпочитаете?

— Вы хотите сказать, что не убьете меня? И даже не собираетесь арестовать?

— Я имел в виду только то, что сказал. Итак, ваше решение?

— В таком случае... я... я ошибся. Я последую за Корандером.

— Мудрое решение. Корандер, теперь вы знаете правду. Судьба вашего мира — в ваших руках. Все, — Сэммз поднялся. — Объявляю переговоры завершенными.

— И... никаких репрессий? — Корандер, несмотря на все свое доверие к чудесной Линзе, был ошеломлен. — Ни вторжения, ни оккупации? Никаких контрибуций в пользу Патруля? Никакого наказания нам и нашим семьям?

— Ничего подобного.

— Но не соответствует праву победителя!

— Возможно. Но у Патруля свои права и свои правила. Когда вы закончите уборку дома, мы готовы обсудить ваше заявление о представительстве планеты Петрин в Галактическом Совете. А теперь — до свидания.

Таким образом, Первый Ленсмен Вирджил Сэммз ввел в сферу деятельности Галактического Патруля еще

один огромный сектор Галактики, фактически включив
его в Лигу Свободных Миров.

ЭПИЛОГ

Таинственное убийство сенатора Моргана, произошедшее вскоре после поражения партии националистов на выборах, так никогда и не было раскрыто. Если бы оно случилось до того, как Родерик Киннисон стал президентом Штатов Североамериканского континента, подозрение могло пасть на него, хоть твердокаменный Род не имел к нему ни малейшего отношения. Конечно, он не отказался бы свернуть сенатору шею собственными руками, но кто-то избавил его от грязной работы. Морган имел множество могущественных врагов в преступном мире — в том числе, и некоего синекожего Фернальда с планеты Калонейн, — и было невозможно выяснить, чьи руки, лапы или щупальца нажали гашетку бластера.

Спустя несколько дней после этого события президент со своим другом, Первым Ленсменом, следовал по Марпл-стрит, направляясь в крупнейший центр видео-программ. Этим вечером он был намерен записать свою первую речь в новом качестве — обращение к народу, которое должно было выйти в эфир на следующей неделе. Вирджил Сэммз также собирался сказать несколько слов.

Киннисон посмотрел на лохматую рыжеволосую голову своего друга, затем взглянул на часы и неодобрительно покачал головой.

— Боюсь, Вирджил, мы оба выглядим не слишком фотогенично, — заметил он, тяжело вздохнув. — Имидж есть имидж... Как утверждает моя Джой (речь шла о миссис Киннисон, которой, к сожалению, не нашлось места на страницах этой хроники), президент не должен появляться на миллионах экранов небритым и нестриженным.

— У нас еще есть время?

— Вполне достаточно. — Повернувшись к водителю, Киннисон распорядился. — Остановите у первой же приличной парикмахерской, Дик — по вашему выбору.

— Слушаюсь, сэр. В нескольких кварталах отсюда есть одна. Неплохое заведение и совсем новое.

Машина проехала еще несколько кварталов по

Марпл-стрит, свернула на Двенадцатую авеню и остановилась.

— Вот здесь, господин президент.

Внутри было два пустых кресла и два парикмахера — явные итальянцы. Ленсмены миновали строй президентской охраны, высыпавшей из дюжины бронированных автомобилей, вошли, уселись и продолжили разговор о предстоящем выступлении. Парикмахеры, сообразив, кто к ним пожаловал, с трепетом принялись за работу.

— Не хотелось бы ворошить старое, — говорил Киннисон, — все эти предвыборные дразги и перебивание костей националистов уже не к чему. Я полагаю, несколько слов о перспективах, о наших планах и грядущих задачах куда важнее. Как вы думаете, Вирджил?

Сэммз не ответил. Происходило нечто интересное, причем никак не связанное ни со словами Киннисона, ни с предстоящим выступлением. Тот факт, что заведение было новым, а оба парикмахера оказались итальянцами, тревоги еще не вызывал — итальянцы любили это ремесло и никто не запрещал им открывать столько парикмахерских, сколько нестриженных голов имелось в Нью-Йорке. Но кот... Сэммз никогда не видел такого кота — полосатого, словно тигр!

Приветливо мяукнув, кот — скорее даже, котенок — потерялся о его ноги и прыгнул на колени, укрытые нейлоновой простыней. Сэммз не возражал. Котенок замурлыкал, выгибая спинку и задрал хвост трубой. Сразу было видно, что это весьма дружелюбное создание, и Сэммз попробовал изучить его разум — или то, что его заменяло — с помощью Линзы. Возможно, такое вмешательство было несколько беспардонным — испуганный зверек вдруг подпрыгнул на фут в воздух, задев при этом парикмахера за локоть; в следующий миг бритва больно царапнула скулу Сэммза.

Ранка была ерундовой, однако Первый Ленсмен был вынужден прервать свой увлекательный эксперимент на середине. То, что он пробормотал при этом под нос, не предназначалось для широкой публики; но парикмахер услышал и побледнел от страха.

Отшвырнув виновника события в сторону, он рассыпался в извинениях — и за свою неловкость, и за игривого котенка, клянясь, что безобразник Томазино будет изгнан из салона решительно и бесповоротно. Затем парикмахер приложил к ранке на скуле Сэммза антисептический карандаш.

Ленсмен вздрогнул, и тут в голове у него промелькнуло все, что когда-то предсказывал Ментор.

— Извините, мистер Карбонеро, я сам виноват. Вы и ваш кот совершенно не при чем, и ничего нельзя было сделать, чтобы...

— Простите, сэр, вы знаете мое имя? — теперь парикмахер был в полном ужасе. Киннисон, заинтересовавшись происшествием, удивленно поглядывал из соседнего кресла.

— Да. Вас рекомендовал мне... э-э... один мой старинный друг... — Сэммз чувствовал, что ситуация становится все запутаннее. Он решил сказать правду — хотя бы частично и как бы дико она не звучала. — Вы итальянец и, возможно, по древней традиции своего народа верите в прорицателей?

— Конечно, сэр. У нас всегда были прорицатели — настоящие пророки!

— Хорошо. Так вот, это событие было подробно предсказано мне — настолько подробно, что я был потрясен. Даже кот... Вы называете его Томазино...

— Да, сэр...

— В действительности, это кошка. Иди сюда, Томазино! — котенок радостно запрыгнул ему на колени. Сэммз схватил его и сунул в карман. Видимо, тот не имел ничего против, ибо быстро успокоился и снова начал мурлыкать.

— Согласитесь, нельзя не воспользоваться таким счастливым случаем... Мистер Карбонеро, вы согласитесь расстаться с ним... с ней... за... ну, скажем, десять кредитов?

— Десять кредитов?! Сэр, я отдал бы ее даром!

— Тогда десять... Ну, заканчивайте со стрижкой и бритьем, мы уже опаздываем! — и ошеломленные парикмахеры возобновили работу.

«Что случилось, Вирджил? — спросил Киннисон через Линзу. — Раньше вы не были таким любителем кошек. Что это за история? А ну-ка, рассказывайте!»

И Сэммз рассказал, а потом оба ленсмена замолчали. Молчание это длилось довольно долго, и каждый из друзей думал о том, что ни один человек никогда не поймет и не сможет представить, кем или чем был в действительности их мудрый наставник Ментор с Аризии.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (М. Нахмансон)	3
ТРИПЛАНЕТИЕ (Пересказ М. Нахмансона и О. Трофимовой)	7
ЧАСТЬ 1. Древние времена	8
Глава 1. Аризия и Эддор	8
Глава 2. Гибель Атлантиды	18
Глава 3. Падение Рима	38
ЧАСТЬ 2. Мировые войны	51
Глава 4. 1918 год	51
Глава 5. 1941 год	63
Глава 6. Год 19	81
ЧАСТЬ 3. Трипланетие	91
Глава 7. Пираты космоса	91
Глава 8. Планетоид Роджера	110
Глава 9. Флот против планетоида	128
Глава 10. Под розовыми небесами	137
Глава 11. Приключения на Невии	152
Глава 12. Холм	166
Глава 13. Первый старт	174
Глава 14. Экспонаты	183
Глава 15. Полет «Бойза»	186
Глава 16. Конец Роджера	195
Глава 17. Побег	206
Глава 18. Поединок титанов	217
ПЕРВЫЙ ЛЕНСМЕН (Пересказ М. Нахмансона и А. Анто- нульского)	231
Глава 1. Противостояние	232
Глава 2. Решение	238
Глава 3. Линза	250
Глава 4. Межзвездная политика	264
Глава 5. Ригель	275
Глава 6. Посольский бал	286
Глава 7. Атака	287
Глава 8. Тионит	310
Глава 9. Тренко	324
Глава 10. Полэн	342
Глава 11. Разведка	354
Глава 12. Схватка в пространстве	365
Глава 13. Планы и похищения	374
Глава 14. Шахта	386
Глава 15. Эридан	399
Глава 16. Подготовка	410
Глава 17. Борьба	420
Глава 18. Битва	429
Эпилог	439

Подписано в печать 5.11.93. Формат $84 \times 108^{1/32}$.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Заказ № 440. Тираж 50 000 экз.

Отпечатано в типографии им И. Е. Котлякова Министерства
печати и информации РФ. 195273, Санкт-Петербург, ул. Руставели, 13.

fantasy

Э. Э. "Док" СМИТ

